

Ю.В.Рождественский

ЛЕКЦИИ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Допущено Государственным комитетом СССР по народному образованию в
качестве учебного пособия для студентов филологических специальностей
университетов

МОСКВА "Высшая школа" 1990

ББК 81 Р 62

Рецензенты:

кафедра общего и славянского языкознания Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина (зав. Кафедрой проф. А.Е. Супрун);
кафедра общего языкознания Ленинградского государственного университета (зав. кафедрой проф. Л.А. Вербицкая);
проф. Л.И. Баранникова (г. Саратов)

ISBN 5-06-000442-2

Редактор Н.А. Страхова. Младшие редакторы Н.В. Вихорнова, А.Ю. Одоева. Художник В.В. Корнев. Художественный редактор М.Г. Мицкевич. Технический редактор

Рождественский Ю.В.

Р62 Лекции по общему языкознанию: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. — М.: Высш. шк., 1990. — 381 с.

В пособии представлены лекции по основным темам курса общего языкознания: язык как объект языкознания (язык и мысль, язык и общество, происхождение и развитие языка), методы языкознания (язык как «система систем», ярусы и единицы языка, сравнительно-исторический, типологический и сопоставительный методы), языковедческие дисциплины (классификация лингвистических наук, теория динамики языка и теория нормы), прикладное языкознание.

ББК 81 4

4602000000(4309000000)

-164

25

001(01-90

5-90

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Часть 1. ЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	7
Лекция 1. Проблема происхождения языка.....	7
Логосическая теория происхождения языка.....	7
Доктрина "Общественный договор"	9
Ономатопозитическая теория Штейнтала - Потебни.....	13
Трудовая теория происхождения языка.....	17
Рекомендуемая литература	21
Лекция 2. ОБЩЕСТВЕННАЯ СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА	22
Акты общения.....	22
Родные и неродные языки. Номенклатура языков	24
Классы языков как отражение структуры общества	27
Данные языкознания для изучения этнической истории	30
Данные языкознания для изучения истории культуры	31
Данные языкознания для изучения семиотики.....	32
Язык как общественное явление в свете классификаций языков	34
Рекомендуемая литература	35
Лекция 3. ОТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА К МЫСЛИ И МЫСЛИ К ЯЗЫКУ	36
Знаковый характер языка	36
Осмысление высказываний.....	38
Формы мысли в речи	39
Мысль в риторической форме.....	41
Мысль в поэтической форме.....	42
Мысль в логической форме.....	45
Соединение риторической, поэтической и логической форм мысли	50
Отношение мысли к языку (языковое мышление)	51
Рекомендуемая литература	56
Часть 2. ПРЕДМЕТ И МЕТОД ЯЗЫКОЗНАНИЯ.....	57
Лекция 4. ЯЗЫК КАК СИСТЕМА ЗНАКОВ.....	57
Языкознание - гуманитарная наука	57
Предмет филологии.....	60
Предмет языкознания.....	60
Языковые факты в языкознании	62

Отбор языковых фактов	65
Единицы и категории лингвостилистики	70
Язык как система языковых подсистем	72
Язык как система знаков	74
Место системы языка среди других систем.....	78
Рекомендуемая литература	80
Лекция 5. СИНТАГМАТИКО-ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКА.....	81
Выделение единиц языка	81
Понятие ярусов языковой системы.....	85
Языковые явления внутри ярусов. Уровни описания	88
Проблема сочетаемости языковых единиц.....	91
Рекомендуемая литература	93
Лекция 6. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.....	94
Сопоставительное языкознание	94
Типологическое языкознание.....	97
Сравнительно-историческое языкознание.....	102
Методологическое единство сравнительного языкознания и методы смежных наук в языковедческих исследованиях.....	108
Рекомендуемая литература	112
Часть 3. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	113
Лекция 7. КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН.....	113
Фундаментальное, нормативное и прикладное языкознание.....	113
Универсальная грамматика	114
Сравнительно-исторические исследования семей и групп языков.....	116
Исторические исследования одного языка	119
Типологические исследования.....	123
История языкознания и систематизация фундаментальных дисциплин	127
Рекомендуемая литература	129
Лекция 8. ДИНАМИКА ЯЗЫКА	131
Роды динамики языка.....	131
Проблема причинности динамики языка.....	132
Стихийность и сознательность в динамике языка.....	133
Процессы развития языка.....	134
Процессы эволюции языка.....	136
Эволюция и развитие языков	139
Рекомендуемая литература	140
Лекция 9. НОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА.....	141

Речевой обиход в бесписьменных языках и оценка правильности речи	141
Проблема речевого обихода после создания письменности	143
Становление языковой нормы, ее компоненты	144
Исторические типы нормализации	148
Культурно-исторические типы языков	150
Первичная нормализация языков	151
Нормирование национальных литературных языков	152
Нормирование многонациональных и межнациональных языков	153
Рекомендуемая литература	155
Часть 4. ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	156
Лекция 10. ЯЗЫКОВАЯ СЕМИОТИКА	156
Приложения языкознания и прикладное языкознание	156
Языковая семиотика. Фактура устной речи	157
Фактура письменной речи	158
Динамика письма	160
Соотношение устной и письменной речи	162
Рекомендуемая литература	164
Лекция 11. ЯЗЫКОВАЯ ДИДАКТИКА	165
Предмет языковой дидактики	165
Общая языковая дидактика (культура речи)	166
Традиции в общей языковой дидактике и ортология языка	174
Школьная языковая дидактика	175
Профессиональная языковая дидактика	179
Проблемы языка науки, техники и делового общения	180
Рекомендуемая литература	182
Лекция 12. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ	183
Информационное обслуживание как часть прикладной филологии	183
Лингвистическая информатика	185
Заголовки и рефераты	186
Информационные словари	187
Информационный поиск	189
Автоматизированные системы управления	190
Автоматизированный перевод	192
Некоторые языковедческие проблемы, связанные с информационным обслуживанием	193
Рекомендуемая литература	194
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	195

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие "Лекции по общему языкознанию" отражает многолетний опыт чтения курса общего языкознания в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и в МГИИЯ им. М. Тореца. Лекции освещают все основные разделы учебной программы.

Автор стремился сделать свои лекции как можно более **гуманитарными**. С 60-х годов в лингвистике распространился образ языка, заимствованный из математической теории связи, когда языковая система рассматривалась как код, а текст - как сообщение. При этом не обращали внимания на то, что теория связи сама лишь использует определенные свойства актов речи, которые передаются по каналам связи. При этом оказывается несущественным то, что языковая деятельность является историко-культурным объектом, назначение которого фиксировать и хранить достижения культуры, обучать и служить объединению всех форм духовной, материальной и физической культуры. В данном курсе основное внимание обращено на это фундаментальное свойство языка, являющееся смыслом его существования.

Образ теории связи, принятый многими учеными, был направлен на акты речи вне их культурной значимости. Так стали понимать слово "лингвистика". Лингвистика разорвала связи с литературой, письменностью, устной ораторской практикой и стилем. Это привело к дефектам языкового образования и воспитания, сокращению числа языков, на которых ведется преподавание, к безобразной практике использования слов в поэзии и непониманию роли деловой прозы.

Поэтому в наших лекциях говорится о **языкознании**, которое определяется как часть филологии - науки о языковой деятельности. Прикладное языкознание понимается в полном объеме как построение языковых знаков, языковое образование и воспитание и информационное обслуживание. Информационное обслуживание рассматривается как культуруобразующая и культуруохранительная деятельность.

Данная книга предполагает следующее использование ее в учебном процессе. Каждый раздел прочитывается учащимся до того, как он услышит лекцию. После прослушивания лекции студент осмысливает проблематику лекции с помощью рекомендованной к данной лекции литературы. Поэтому в списке литературы включены издания только на русском языке, которые помогают критически осмыслить материал лекции. При ссылках на рекомендуемую литературу в квадратных скобках указывается номер книги в списке (курсивом) и страница.

Автор старался подать материал проблемно, а стиль изложения приблизить к устному повествованию.

Ю. Рождественский

Часть 1. ЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Лекция 1. Проблема происхождения языка

Логосическая теория происхождения языка

Теории происхождения языка, с которыми имеет дело языковед, относятся к двум областям знания - к философии и филологии. Теорий происхождения языка, как философских, так и филологических, много.

В **философии** теории происхождения языка на основе данных разных наук показывают становление человека, общества и общественной мысли. Они направлены на объяснение роли языка в жизни человека и общества и призваны раскрыть сущность языка. Философские теории привлекают всю совокупность имеющихся в распоряжении философа знаний по естественной истории, антропологии, семиотике, технике, социологии и филологии. Каждая из этих наук может иметь собственные гипотезы о происхождении языка.

Филологические теории происхождения языка обычно строятся как гипотезы о становлении языковых фактов и стремятся генетически объяснить строение системы языка, прежде всего происхождение языковых форм и значений слов и предложений. Филологические теории служат для ориентации в языковедческих исследованиях, соединяют знания о том, каков язык, с тем, каким методом филолог может его исследовать.

Теории происхождения языка можно также поделить на донаучные и научные (научно-философские, научно-филологические и созданные вне филологии и философии). Влиятельные, т.е. проникающие в умы основной массы людей, теории происхождения языка как бы сменяют одна другую, следуя за господствующим направлением общественной мысли. Общество не может обходиться без осмысления происхождения языка.

В мифологии любого народа есть мифы о происхождении языка. Эти мифы обычно связывают происхождение языка с происхождением людей.

Логосическая теория происхождения языка возникла на ранних этапах развития цивилизации и существует в нескольких разновидностях: библейской, ведической, конфуцианской. В ряде цивилизаций она освящается авторитетом теологии и становится одним из краеугольных камней религии и богословия. В некоторых цивилизациях, например в Китае, логосическая теория, являясь влиятельной, не имеет богословского характера в силу отказа китайской философии от теистической идеи.

Будучи объективно-идеалистической, в наше время логосическая теория утратила авторитет. Но, поскольку филолог постоянно имеет дело с литературой древности и средневековья, с философией и филологией этого времени, чтение древних, античных и средневековых источников невозможно без знания этой теории происхождения языка, а также этических и психологических принципов создания и понимания речи.

В соответствии с объективным идеализмом логосической теории в основе зарождения мира лежит духовное начало. Дух воздействует на материю, находящуюся в хаотическом состоянии, и творит, упорядочивает ее формы (геологические, биологические и социальные). Конечным актом творения духа, воздействующего на инертную материю, является человек.

Обозначая духовное начало, древние употребляли термины "бог", "логос", "дао", "слово" и др. "Слово" существовало до создания человека и непосредственно управляло инертной материей. В библейской традиции, наиболее древней из дошедших до нас, носителем "слова" является единый бог*. В первой главе "Книги Бытия", открывающей Библию, рассказывается о сотворении мира в семь дней. Каждый день творение совершалось не руками бога, а его словом. Слово (орудие и энергия) творило мир из первичного хаоса. Евангелист

**(См.: Никольский Н.М. Избранные произведения по истории религии. М., 1974.)*

Иоанн в I в. так определил основы логосической теории: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть"*.

*(Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1968. С. 1127.)

Эти энергия и орудие, воплощенные в слове, в основном так же, хотя и в других терминах, толкуются в конфуцианстве и индуизме. Дело в том, что древние, пытаясь объяснить единство и закономерности мира, истолковывали слова как единую меру этих закономерностей.

Помимо божественного происхождения, логосическая теория объясняет слово и как человеческое явление. Одним из актов божественного творчества является сотворение человека (в теистических религиях считается, что человек создан по образу и подобию божию). Человеку передает бог дар слова. В Библии первочеловек Адам дает имена животным, приводимым ему богом, но там же указывается и на то, что язык создан патриархами путем соглашения. Между этими двумя высказываниями с точки зрения логосической теории нет противоречия. Дело в том, что божественное слово, сотворившее человека, потом становится достоянием человека: человек начинает сам создавать слова. При этом творец изобретает имена, а старейшины соглашаются (или не соглашаются) признать изобретенное и способствуют распространению имен между людьми. По библейским понятиям это значит, что слово, созданное человеком по божественному вдохновению, исходит от человека (как передатчика божественного промысла) в виде имени. Благодаря старейшинам имена утверждаются, становятся общим достоянием народа.

Такую схему создания и распространения имен подробно разрабатывает Платон (ок. 427 - ок. 347 до н.э.) в диалоге "Кратил". В соответствии с мыслью Платона создателем имени является ономототэт - творец имени, который передает созданное им имя диалектикам - лицам, обсуждающим достоинства имени, а те, в свою очередь, передают имена мастерам конкретных искусств, использующим имена.

Та часть логосической теории, которая говорит о слове как о человеческой и общественной сущности, фактически отображает социальную структуру имени. Библия облакает это изображение в форму мифа, Платон - в форму философского диалога.

Человек, в соответствии с логосической теорией происхождения языка, есть косная субстанция, которая вполне может ошибиться и, воплощая божественный промысел, исказить его, создав ошибочное имя. Это значит, что теория обращает главное внимание на постижение человеком божественного вдохновения как конечный критерий знания. А также и на борьбу одного человека с другим по поводу того, насколько точно передан им промысел бога в созданном слове. Здесь - источник догматических споров и борьбы религий, толков и сект.

История идеологических движений древности и средневековья наполнена этими спорами. Один основатель религии или толка отвергает всех других на том лишь основании, что он пророчествует "более совершенно", чем другие, "искажившие", по его мнению, божественный промысел. Поскольку к толкованию примешиваются земные интересы, догматические споры становятся формой идеологической борьбы, нередко перерастают в политические движения и религиозные войны.

Естественно, при таком понимании природы слова о разуме человека, о доверии к этому разуму нет речи. Поэтому приходится вводить догматику как учение, сводящее в единую (религиозную) смысловую систему содержание разных высказываний*.

*(Пророческий и догматический взгляды на слово оказали огромное влияние на литературную мысль древности и средневековья. Они пронизывают поэзию и ученые сочинения этого времени, на них основаны право и мораль, на них основана древняя и средневековая филология.)

В логосической теории происхождения языка слово, фактически будучи созданием человека, владычествует над ним. Это господство выражено во всей общественной жизни древности и средневековья. Характерно, что не какая-либо вещь, общественно необходимая, не строй семьи или рода, не государственность или какой-либо иной созданный обществом институт, а именно слово, речь воспринимается как основа господства социальных сил над человеком, его разумом и общественным сознанием*.

*(См.: Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1980.)

Доктрина "Общественный договор"

Логосическую теорию происхождения языка (а в бытовом сознании народов Европы - библейскую теорию языка) в XV-XVII вв. постепенно сменяет новый взгляд на язык, в основе которого лежит философская доктрина "**Общественный договор**" [16]. Доктрина общественного договора была принята в Европе и Америке в XVII-XVIII вв. для истолкования природы общественных отношений. Согласно этой доктрине общественный договор отличает общество от первобытного стада. В стаде господствуют отношения вражды и борьбы каждого с каждым, обусловленные различием интересов. Для того чтобы создать отношения, характерные для общества, необходимо, чтобы между враждующими сторонами были достигнуты соглашения по предмету интересов и отношения вражды сменились отношениями сотрудничества. Возможность перейти к отношениям сотрудничества философами объяснялась различно: идеалистически - божественным происхождением человека, его морали и разума и материалистически - общностью интересов*.

*(Доктрина "Общественный договор" лежит в основе современной государственной идеологии ряда стран. Современное языкознание этих стран, прежде всего США и Великобритании, не может не испытывать влияния этой доктрины.)

Родоначальником доктрины общественного договора принято считать голландского ученого Гречия (1583-1645), который считал, что государство и право возникают из общественной природы человека. Общественная природа человека проявляется в естественном и человеческом праве. Естественное право исходит из стремления человека к общежитию, проявляющегося в даре речи и способности к совместным действиям, основанным на разуме. Человеческое право развивается от естественного права к государственному, частному и гражданскому праву. Язык, таким образом, есть одна из основ естественного права.

Понимание языка, принятое в доктрине общественного договора, характерно для всей европейской филологии XVII-XVIII вв. и во многом для современного языкознания. "Общественный договор" лежит в основе таких областей языкознания, как философская грамматика, первоначальные сопоставительные описания языков, так называемые миссионерские грамматики и нормативные описания новых европейских национальных языков.

Доктрина общественного договора проникнута рациональным стилем философствования. Она фактически противопоставлена догматическому богословию. В этой доктрине были разработаны: 1) идеи развития логики как инструмента познания и в особенности идеи индуктивной логики; 2) идеи конструирования новых языков для научно-познавательных целей; 3) идеи знаковости языка; 4) идеи психологии как науки о познающем мышлении; 5) собственно гипотеза о происхождении языка, основанная на идее знаковости языка, на данных логики, психологии и на опыте конструирования языков.

С точки зрения рационального стиля новой научной философии творящая функция божественного слова-логоса представляется бессмысленной в свете существующих эмпирических знаний о земле и ее физических, химических, биологических и социальных законах. Рациональный стиль новой научной философии, вызванный к жизни развитием конкретных эмпирических наук и позитивных знаний, направлен на утверждение познавательных способностей человека. **Мыслящий человек** и его разум с точки зрения этики и стиля новой философии есть источник научных открытий, искусств и труда, преобразующего мир.

Этот взгляд был подготовлен логикой еще до сложения доктрины общественного договора. Работы Луллия (ок. 1235-1315) и логическая риторика Рамуса (Пьер де ла Раме, 1515 -1572) объясняют логику как инструмент открытия. Мыслится, что путем логических операций над избранным числом понятий можно создать новое знание. Такое знание будет доказуемым и общезначимым в силу своей логической оправданности. Это значит, что не нужно опираться на прозрение и пророчество как на единственный источник истины.

Развивая индуктивную логику, Ф. Бэкон (1561 -1626) предлагает "пытаться природу", т.е. ставить какую-то малую часть природы в особые условия, контролируемые человеком, и наблюдать, как природа (эта ее часть) будет себя вести, а затем по индукции заключать, что и другие подобные части природы в подобных условиях будут вести себя сходным образом [4]. Механизм экспериментального испытания может быть превращен в машину, облегчающую человеку труд и создающую объекты с новыми свойствами. Так, развитие судительных способностей человека в логике позволило нацелить разум человека на создание новых объектов техники и новых принципов устройства общественных институтов.

Развитие научной дедукции и экспериментально-индуктивного мышления приводит и к тому, что изменяется взгляд на природу языка. Начинают считать (Бэкон, Декарт, Лейбниц), что язык можно создать заново, можно построить новые необходимые человеку языки. Само создание языков - предмет искусства, эрудиции и техники. Появляются проекты новых языков.

В создании новых языков намечаются два пути. Один путь - индуктивный - состоит в том, чтобы отобрать необходимые новому языку словарь и грамматические правила из существующих и доказавших свою жизнеспособность языков. На основании подобного отбора можно построить язык более совершенный, чем существующий. Таким путем предлагал идти Ф. Бэкон [5]. Другой путь состоит в том, чтобы строить новый язык из новых же элементов. Г. Лейбниц (1646 -1716) предложил проект нового графического языка - пазиграфии, где отдельными знаками выражались основные идеи, а модификации этих знаков и правила их сочетаний позволяли выразить логически строго любую мысль о мире [10]. Идеи конструирования языков оказались впоследствии многообразными. Было создано немало искусственных международных языков и языков специальных отраслей знания.

Идеи Ф. Бэкона легли в основу межъязыковых сравнений как метода языкознания, оправдывали заимствования при сложении языковой нормы и, наконец, стали основой для создания международных искусственных языков. Идеи Р. Декарта (1596 -1650), разработавшего понятие телесных объектов и их математического представления [9], и Г. Лейбница, разработавшего логику науки, привели к развитию формализованных языков науки. Так логический и экспериментально-эмпирический методы познания содействовали доказательству на практике возможности создания и изменения **языка человеком**, вне божественного откровения.

Логика как инструмент научного познания и язык как средство выражения научной идеи в доктрине общественного договора связываются с утверждением **условно-знакового** характера языка. В идею знаковости языка входили два компонента: 1) указание места языка в классификации объектов мира и знаний о них и 2) определение природы языка как продукта особой, человеческой деятельности с объяснением характера этой деятельности.

В знаковой теории одного из сторонников доктрины общественного договора Т. Гоббса (1588 -1679) человек находится в особом окружении, которое определяет его мыслительную и предметную деятельность. Это окружение состоит из трех частей: природы, семиотики и техники. Природа - это то, что существует до человека. Она составляет основу, материал, из которого творится мир, окружающий человека. Природа дана человеку, и человек воздействует на природу и пользуется ею. Техника - это совокупность разного рода устройств и предметов, позволяющих человеку жить и действовать. Техника создается самим человеком из материалов природы. Семиотика - это совокупность необходимых для умственных операций знаков, служащих опорой для ума, "заместителей" объектов природы и техники. С помощью семиотики реализуются абстрактное мышление, конструктивная деятельность, прогноз и оценка окружения, результатов деятельности и обстановки. На этом фоне развивается мысль человека (и обусловленная мыслью предметная деятельность).

Так были обобщены, сведены в семиотику понятия об искусствах, таких, как мусические, практические, логические, педагогические, прогностические, искусство управления. Было показано место семиотики по отношению к природе, технике, мысли. Слово "семиотика" получило научное определение.

Язык в соответствии с этим взглядом - один из видов знаков. Языковым знакам должны быть свойственны способности "замещать" в процессах мышления объекты природы и техники, символизировать классы таких объектов и их признаки, служить опорой для обмена мыслями, служить основанием абстракции, конструирования и оценки обстановки и обстоятельств за пределами тех ситуаций, когда эта обстановка и обстоятельства даны прямо, в непосредственном наблюдении. Эти свойства языка и противопоставленность явления мысли одновременно явлениям языка, природы и техники подчеркивают самостоятельность мысли. Мысль обращена к природе, семиотике (в том числе к языку) и технике разными своими сторонами. Становление человеческой мысли и ее законы, с одной стороны, определены природой, семиотикой и техникой, а с другой - относительно независимы и имеют свои собственные закономерности. Выделение мысли в самостоятельную область человеческой деятельности, выдвижение мысли в качестве источника прогресса и понимание зависимости мысли от материального окружения, природного и социального, было большим достижением материализма.

В доктрине общественного договора были преобразованы психологические понятия. Психология из догматического учения о духовных способностях человека и способах воздействия на них преобразуется в науку о познающем мышлении. По представлениям Э. Кондильяка (1715 -1780), психическая деятельность человека складывается из воли, чувства, памяти и разума. В воле проявляются те или иные стремления человека, возбуждаемые как физическими, так и нравственными потребностями. Чувства человека есть, прежде всего, связи человека с внешним миром. Благодаря чувствам человек постигает внешний мир, но чувства могут соединяться с волей и разумом и известным образом направляться человеком. Разум же в своем содержании зависит от того "материала", который поставляют человеку его чувства. Однако разум имеет собственные законы. Направляемый волей разум действует, создавая рациональную картину мира*.

*(См.: Кондильяк Э.Б. Трактат об ощущениях // Соч. М. 1982. Т.2; он же. Язык исчисления // Соч. М., 1983. Т.3.)

Классическая психология разработала индуктивную схему формирования основных единиц рационального мышления - понятий, связанных со словом. Первоначальным источником возникновения мысли является чувство. Органы чувств, вступая в контакт с окружающим миром, дают человеку ощущения предметов внешнего мира. Повторное воспроизведение этих предметов в ощущениях возбуждает память, которая может направляться волей. Воспроизведение ощущений по памяти дает образ вещи, или представление о ней. Представление о вещи может быть сопоставлено с другими представлениями, объяснено с помощью разума. Разум, сопоставляя представления, делит их на части, объединяет или разделяет, связывает в понятия. Связь понятий осуществляется посредством слова, так как слово само воздействует на чувства человека, создавая ощущения и представления, сопоставляемые с представлениями о мире вещей. Так слово становится выразителем понятия.

Опыт конструирования языков, отнесение языка к семиотическим системам и указание на психологическое соотношение мысли и слова составляют основу, на которой строится теория происхождения языка в доктрине общественного договора. Логические, конструктивные, знаковые и психологические предпосылки теории оставляют неразъясненным самый важный момент: как язык распространился между людьми, т.е. как он "овладел" людьми. Для объяснения этого были построены гипотезы о происхождении языка.

В этих гипотезах необходимо различать две стороны: 1) проблему создания общего языка, его обязательность для члена общества и степень свободы индивида от общего языка и 2) проблему материала языка, т.е. то, откуда взялись первые общие слова первого языка, так сказать проблему "этимологии языка". Доктриной общественного договора объединяются разные этимологические теории: звукоподражательная теория, междометная теория и теория трудовых команд и трудовых выкриков. В соответствии со **звукоподражательной** теорией первые слова первого языка подражали своими звучаниями крикам животных и звукам природы. Вариантом этой теории было утверждение об изображении с помощью звуков предметов и вещей. **Междометная** теория строилась на том, что первые слова появились из произвольных

выкриков-первых междометий, возникших под влиянием чувства и бывших достаточно общими в силу единства человеческой природы. Теория **трудовых команд и трудовых выкриков** - это своеобразный вариант междометной теории, но в ней предполагается, что междометный выкрик стимулировался не чувствами, а совместными мускульными усилиями.

Все эти теории опираются на два источника. Первым источником является представление о словаре языка. Действительно, наиболее простыми словами с точки зрения содержащейся в них мысли, принципов употребления и звуковой формы являются междометия, команды и простые звукоподражательные слова. Вторым источником гипотез о происхождении языка стали высказывания античных философов об этимологии отдельных слов и языка в целом.

Все три точки зрения на происхождение языка, по сути дела, дополняют друг друга в доктрине общественного договора. Дело в том, что в этих теориях рационалистическая философия языка выделяет один общий принцип: необходимо показать **обязательность одной и той же звуковой формы для всех людей**, входящих в один коллектив, так как звучание слов задано общими для всех внешними по отношению к индивиду причинами.

Оживление античных, в сущности, представлений о происхождении языка в доктрине общественного договора вызвано тем, что, противопоставляя ее логосической теории, необходимо было подчеркнуть **материальный и человеческий** источник речи. Возможность объединить все эти "этимологии языка" в одной теории состояла в том, что гипотеза о происхождении языка в доктрине общественного договора источником языкового единства людей устанавливает **единство человеческой психики, разума и рационального знания**. Психическое единство людей и единство логического инструмента познания являются условием установления общего языка, равно как и условием понятности языков разных народов друг для друга при переводе или обучении языкам. Поэтому не так важно, каковы были первые слова языка какого-либо народа, важно то, что любой народ, благодаря единству психической конституции человека, обладает памятью, волей, чувствами, представлениями и понятиями, может строить силлогизмы и другие логические формы. Именно поэтому между людьми принципиально возможны взаимопонимание и адекватность мыслительных операций со словами, конкретное звучание которых не более чем условность.

Доктрина общественного договора объясняет единство человеческой психики естественными качествами человека. По этой теории человеку врождены не только общие свойства психики, но и основные фигуры рационального познания: понятия, суждения, умозаключения в полных и сокращенных формах. Соответственно врождено и содержание основных чувств и чувственных реакций человека на ситуацию, основные нравственные понятия и представления, основные представления о праве и справедливости и даже основные понятия о вещах (такие, как субъект, объект, действие, признак предмета и сам предмет). В силу этих врожденных качеств и естественных прав человек отличен от животного. Вот почему у людей есть возможность достичь достаточно адекватного понимания слов-имен в процессе общения, несмотря на различие в звуковой форме и этимологии слова.

Человек принимает имя вещи по общественному договору добровольно, с пониманием условности звуков для обозначения вещи. Возможность установить общий язык состоит в том, что между людьми есть общение на основе конструкции и содержания, мысли, а инструментом общения являются языковые знаки - условные обозначения соответствующих мыслей. Установление единства этих знаков и их известной обязательности для членов общества строится на том, что единые предметные ситуации, благодаря единству психики людей, делают возможным единое понимание ситуаций и знаков, передающих мысли людей по поводу этих ситуаций.

Общественный договор, таким образом, строится на понимании **условности и немотивированности языкового знака**. В философских грамматиках XVII-XVIII столетий утвердилось понимание условности и немотивированности языкового знака как принципа построения языка. Но теория происхождения языка по общественному договору, строившаяся на предпосылке о врожденных человеку психических качествах, фактически не занималась детальной реконструкцией истории становления человека и его языка.

В XVII-XVIII вв. наука только начинала исследовать закономерности биологии, этнографические описания существовали лишь в виде фрагментов; антропологии, по сути дела, не было, как не были известны и многие языки мира. Эволюционный метод рассуждения и доказывания также не был известен. Социологические концепции были представлены лишь утопиями. Но свою прогрессивную роль теория происхождения языка доктрины общественного договора сыграла. Она разрушила построения логической теории, выдвинула на первое место в создании языка разум человека.

Благодаря рациональной грамматике, развитой под влиянием доктрины общественного договора, было единообразно описано большинство языков мира, что позволило потом приступить к сравнительным исследованиям.

Ономатопозитическая теория Штейнталя - Поттебни

"Общественный договор" объяснял происхождение языка вообще. Проблему происхождения языка как конкретных слов и форм поставило сравнительно-историческое языкознание.

В XIX в. эволюционная методология проникает в естественные науки, преобразуя науки о Земле и Вселенной, создает новые науки и новые отрасли науки. Эволюционные теории развиваются в биологии, антропологии и этнографии; доказывается происхождение человека из животного царства. Наряду с этим прогрессируют психология, история, искусствоведение. Огромное влияние получают художественная литература и литературная критика. В этих условиях филологи, последователи В. Гумбольдта*, вырабатывают новый взгляд на происхождение языка - ономатопозитическую теорию происхождения языка [15].

*(См.: Гильтебрандт П.А. Штейнталь и Лацарус. Мысли о народной психологии. Воронеж, 1865.)

Ономатопозитическая теория как одно из объяснений происхождения слов была известна давно. Ономатопозитической теорией называют учение о происхождении слов путем звукоподражания. Но в XIX в. содержание, вложенное в термин "ономатопозитическая теория", совершенно изменилось, так как под этим названием появилась новая теория происхождения языка. Вот почему полное название этой теории - "ономатопозитическая теория происхождения языка Штейнталя-Поттебни".

В основе ономатопозитической теорий происхождения языка лежит эволюционный взгляд на язык, внимание к исходным формам устной речи и использование данных психологии для построения картины языкового развития. Отличием теории Штейнталя - Поттебни от предшествующих теорий является то, что в ней реконструируется механизм происхождения языка по данным психологии и языкознания. Ономатопозитическая теория является уже не мировоззренческим учением общего характера или философской доктриной, а чисто **языковедческой** научной гипотезой. Цель этой гипотезы - реконструкция развития отношений звука и значения, лексики и грамматики, членов предложения и частей синтагм и парадигм, синхронии и диахронии. В ономатопозитической теории реконструкция опирается на дедуктивные выводы из заранее сформулированных принципов, которые вместе составляют модель становления системы языка. Таким образом, теория Штейнталя - Поттебни - это теоретическая реконструкция языка как целого, данная в виде дедуктивно развиваемой модели.

Введенный в научный оборот материал языков, представленных во всех частях света, потребовал классификации языков по существенным признакам. В соответствии с идеей эволюции классификационные признаки, для того чтобы быть существенными, должны быть исторически обоснованными. Общая представленность черт языкового строя в ряде родственных языков есть в то же время признак архаики этих черт (если исключить конвергенцию форм, возникающую под влиянием внешних условий).

Письменные языки стали изучаться в основном не как графические системы, а как отражение устной речи. Такой тип исследования служил проникновению в исходные структуры языка.

Содержание языков (слов и текстов) также стало рассматриваться не с точки зрения ясности, точности, краткости выражения мысли, а с точки зрения глубины этимологии, где

представление, образ и понятие еще недостаточно расчленены. На первый план выступили те стороны психологии речи, где сцепление мыслей строится по законам ассоциации.

Внимание к этим сторонам языка как языка первичного, литературно необработанного, культурно неразвитого сделало возможным объяснение наиболее древних структур языка. Это объяснение строилось на межъязыковых сравнениях и созданных на их основе классификациях. А. Шлейхер (1821 - 1868) построил **генеалогическую** (т.е. по происхождению) классификацию индоевропейских языков, расположив их в виде родословного древа [17]. В основание был помещен некий язык, который в настоящее время не представлен. Однако этот язык необходимо постулировать по условиям развития родственных языков от языка-основы (общего предка). Поэтому генеалогическая классификация выводит существующие явления (и языки) из предшествующих.

Предположение о наличии общих предков у современных родственных языков, а следовательно, и разных предков для разных семей и групп языков потребовало предположительного описания черт этих языков-основ. Такое гипотетическое описание вслед за Шлейхером стали называть **реконструкцией**.

Содержанием реконструкции является восстановление существенно необходимых языковых черт, связывающих современные родственные языки. Однако не исключается и определенная фантазия для придания этим общим чертам необходимых дополнений, чтобы реконструкция была не схемой, представляющей итоги сравнения, но оживлялась воображением, необходимым для гипотетического воссоздания реальности. Так поступают все, кто занимается реконструкцией, прежде всего палеонтологи, так поступил и Шлейхер, создав свою знаменитую басню-текст на реконструированном языке. Реконструкция есть особого рода теоретическая модель. В этой модели отражены основные свойства языков или языковых явлений, которые моделируются. Реконструкция, с одной стороны, должна отразить общие и потому существенные стороны сравниваемых языков, а с другой стороны, существенные свойства связать в систему*.

*(Метод реконструкции широко используется науками, исследующими временную изменчивость объектов: археологией, палеонтологией, искусствоведением и др., а также естественноисторическими науками. С помощью реконструкции познается скрытый от непосредственного наблюдения процесс исторического развития.)

В ономатопоэтической теории происхождения языка реконструкции подверглись не общие черты какой-либо семьи или группы языков или отдельного явления в этих языках, а структура языка в ее становлении. Были выработаны основные требования к модели формирования языка: 1) необходимо представить картину становления членораздельной речи отдельного индивида и одновременно общества в целом; 2) речь должна быть рядом звуков, несущих смысл не только в целом, но и в своих частях, т.е. обладать ярусной организацией; 3) сами части звуковых рядов должны передавать разные значения - лексические, грамматические, образные, понятийные, модальные; 4) значения частей звукоряда должны сохраняться в разных высказываниях и вместе с тем несколько изменяться в своем значении, т.е. должны показывать механизм сложения этимологического значения и противопоставленного ему актуального значения (лексического, грамматического и модального), а также механизм изменения звучания речи при сохранении определенных устойчивых качеств языка (т.е. дать, так сказать, этимологию звука и его актуальную представленность).

При этом ономатопоэтическая теория происхождения языка не рассматривала некоторые стороны жизни языка, изучавшиеся другими теориями. К ним относятся проблемы: именованя; социальной структуры имени; мышления как источника становления и развития языка; отношения языка к другим сторонам жизни человека (т.е. взаимодействие языка с природой, семиотикой и техникой через посредство человека); неравенства людей относительно языка; создания специализированных языков; социального установления языковых норм и совершенствования языка как инструмента культуры. Задача ономатопоэтической теории заключалась именно в этих отвлечениях, и ее выводы нужно оценивать в свете этих отвлечений.

Исходя из перечня процессов, которые должны моделироваться, были отобраны три исходных момента: 1) традиция передачи от человека к человеку и от поколения к поколению

сходными звуками сходных же значений; 2) обобщение всех видов значения, представленных в языке; 3) усложнение звукового состава высказываний путем образования в них внутренней структуры.

Традиция использования сходных звуков в сходных значениях рассматривалась как воспроизведение разными индивидами примерно одного и того же высказывания (или части его). Обобщение разных, но родственных значений происходит благодаря сходству звуков. Повторение сходных звуков в сходных значениях происходит в результате действия механизма ассоциаций. Ассоциация позволяет связать сходные звуки со сходными значениями и образовать единицы языка. Ассоциация соединяет предшествующее употребление единицы языка с ее последующим употреблением.

Становление ономастопозитической теории происхождения языка проходило в три этапа: в работах В. Гумбольдта, Г. Штейнталя, А.А. Потебни. Идея фактически была сформулирована В. Гумбольдтом (1767 -1835) в работе "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества". В этой же работе дана общая схема теории происхождения языка. Еще не назвав свою теорию ономастопозитической, Гумбольдт предложил ее основной тезис: язык есть самозарождающееся и самодвижущееся целое - энергия. В этом самодвижении в равной мере участвуют такие компоненты, как "дух народа" - общее идеальное целое во внутренней стороне языка, духовном достоянии некоторого народа; внешняя форма языка - его звуки, оформляющие высказывания, и внутренняя форма языка - способ соотнесения конкретных комплексов звуков с характерными для данного языка значениями. Сцепление всех трех компонентов приводит к становлению языка, является источником самодвижения языка, его энергией.

Развивая идеи Гумбольдта, Г. Штейнталь (1823-1899) рассматривает происхождение языка как момент становления человека общественного. Формирование человека общественного мало затрагивает конституцию человека, явившуюся результатом биологической эволюции, но изменяет условия коллективной жизни людей прежде всего путем создания условий для деятельности разума, возникающих, по Штейнталю, со времени становления языка.

Факт становления языка есть как бы спонтанная мутация в жизни орды антропоидов. Особенностью этой мутации является то, что она происходит как "игра", развлечение или отдых. В момент "игры" один из членов орды воспроизводит сигнал, который орда использовала в совместных действиях; этот сигнал остальные члены орды повторяют. Здесь Штейнталь подчеркивает три момента: 1) язык возникает из сигнала, поданного вне ситуации, когда сигнал употребляется; 2) язык возникает как повтор привычных звуков; 3) язык возникает при потребности у индивида в эмоциональной экспрессии, напоминающей экспрессию художественную.

Когда сигнал повторяется другим членом орды (или группой членов), возникает прообраз внутренней стороны языка, так как сигнал, служивший основанием для организации действий, теперь, благодаря ассоциации по смежности, связывается с ситуацией, когда сигнал подавался. Повторение сигнала (особенно многократное) вне сигнальной ситуации, благодаря механизму ассоциации, закрепляет ассоциативную связь между картиной, рисуемой в представлении индивида, и самим сигналом. Так возникают две стороны знака, внутренняя сторона которого - представления о вещах, а внешняя - представления о звуках сигнала, поданного за пределами сигнальной ситуации. Эта ассоциативная связь отличается автоматизмом в использовании, экспрессивностью и эстетической направленностью.

По схеме образования в психике индивида двустороннего знака ономастопозитическая теория происхождения языка строит механизм образования членораздельной речи. Если вне сигнальной ситуации совместить два и более сигнала в одном выкрике-высказывании, то это даст сочетание представлений в душах говорящего и слушающего. Сочетание представлений образует новое качество мысли - предикацию. Так делается шаг к абстрактному мышлению.

При сочетании представлений в предикации одно представление конкретизирует другое, ведущий признак предмета выделяется из целого комплекса его признаков. На базе основного признака формируется понятие. Так повторение сочетаний представлений ведет к образованию

понятий, закрепленных посредством ассоциации за определенным словом, и слово становится выразителем понятия.

Предлагаемый ономастопозэтической теорией происхождения языка механизм образования понятий позволяет объяснить явления **полисемии и омонимии**. При полисемии языковая единица, за которой ассоциативно закреплено одно представление, входит в привычные сочетания не с одной, а с двумя или несколькими разными языковыми единицами, ассоциативно связанными с разными представлениями. Отсюда в исходном представлении выделяются не один, а два и более ведущих признака. Поэтому одно представление может послужить основой для создания двух и более родственных семантически, но разных понятий (например: ворота, ведущие во двор и ворота на футбольном поле). Если родство понятий по одному общему исходному представлению в ходе пользования языком будет утрачено, то из полисемантической, но единой единицы языка образуются две омонимические единицы (например: рубашка ночная и рубашка котла). С помощью данного механизма развития значений ономастопозэтическая теория объясняет стилистические фигуры, сводя их (для семантических процессов, происходящих в слове) к двум основным - метонимии и метафоре.

Синонимия и омонимия могут, по ономастопозэтической теории происхождения языка, формироваться и другим путем - через различие и тождество звуковых представлений. Сами же звуковые представления по способу создания звуков могут объединиться или, напротив, не совпасть, разъединиться. Соответственно изменятся и смысловые отношения. В случае объединения или совпадения звучаний образуются омонимы вида линь 'канат' и линь 'рыба'. В случае разъединения звучания могут разъединиться и значения (например: тяжелый предмет, но тяжкий труд).

Так различные семантические процессы получают в ономастопозэтической теории происхождения языка единое толкование - историческое изменение одной из сторон ассоциации (либо представления звука, либо представления предмета). На основании этого могут быть объяснены различия грамматического и лексического значений. Грамматические значения формируются в результате двух противоположных процессов. Если какой-то элемент языка начинает употребляться в сочетании с потенциально неограниченным количеством других элементов, то такой элемент переходит в разряд грамматических элементов. Содержащееся в нем изначальное представление сочетается с большим количеством других представлений. Благодаря этому элемент с широкой сочетаемостью может стать грамматическим и по значению.

Другой процесс состоит в том, что в звучании разных слов выделяется один общий элемент, который в сознании говорящих связывается с определенным представлением, также вычленимым как обобщение значений породивших его слов. Так, например, в результате переразложения вожатай - вожатый образуется суффикс *-ат-* в слове вожатый.

Эти и подобные рассуждения очень удачно объясняли механизм исторической изменчивости языка. На основании ономастопозэтической теории происхождения языка хорошо истолковываются все факты, наблюдаемые при сравнительно-исторических исследованиях родственных языков. Аппарат понятий ономастопозэтической теории совпадает с аппаратом понятий сравнительного метода. Так ономастопозэтическая теория закладывала основы сравнительно-исторического языкознания.

А.А. Потебня (1835 -1891) сделал следующий шаг по пути развития ономастопозэтической теории происхождения языка. Основным источником движения в языке Потебня предложил считать поэтическое творчество [15]. Это предположение отвечало характеру развития литературной речи в конце XIX в., когда художественная литература стала самым массовым и влиятельным ее видом.

В своей теории словесности Потебня постулировал творчество в языке только как поэтическое, которое является единственным источником языковых новаций [14]. Новации в языке, возникшие в результате поэтического творчества, далее частично переходят в общепотребительный язык, "прозаизируются", т.е. становятся нетворческими воспроизводимыми элементами речи.

Так понимались отношения между поэзией и прозой; творческий характер прозы и формы творчества прозаиков Потебней отрицались.

Поэтическое творчество Потебни понимал как спонтанное для языкового сознания поэта. Сами формы языка в сочетании с энергией творящего духа поэта давали поэтическое произведение и содержащиеся в нем языковые новации. Эти новации либо одобрялись аудиторией, либо отвергались (нередко вместе с поэтическим произведением). При этом поэт и аудитория лишь частично объединены содержанием текста: замысел поэта понимается аудиторией несколько по-своему и всегда неполно. Вместе с тем восприятие поэтического произведения должно быть творческим; читатель и слушатель обязаны вносить и нечто свое в осознание смысла произведения*.

*(Логически организованные формы речи, требующие адекватного истолкования замысла, не рассматриваются. Приблизительное, ассоциативное языковое мышление не может подменить собой понятийного и образного мышления, в которых хорошо реализуется адекватность понимания речи говорящим и слушающим.)

Мысль Потебни о том, что источник развития языка находится только в поэтическом творчестве, возникла, по-видимому, потому, что исследование ассоциативного механизма в ономастопозетической теории происхождения языка и сравнительно-историческом языкознании было отождествлено с поэтическим творчеством по некоторой близости их черт. Вот почему современники Потебни Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, И.А. Бодуэн де Куртенэ и многие другие филологи - не поддержали этого взгляда. Шахматов предложил иное объяснение психологических механизмов речи, а Бодуэн де Куртенэ отделил моменты языкового мышления от мышления как отражения мира. Г. Г. Шпет (1879 - 1940) показывал, что ассоциативный механизм внутренней формы слова и словесности применим не только к поэтическим структурам речи*. Он доказал, что членение речи по внутренним формам, отвечающим отражению мысли в слове, происходит и в логической речи-мысли и в риторической речи-мысли, и тем самым утвердил творческий характер не только поэзии, но и прозы.

*(См.: Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. Пб., 1922 - 1923.)

В.В. Виноградов (1895 - 1969) квалифицировал теорию словесности Потебни как субъективно-идеалистическую [6]. Однако для своего времени теория Потебни была прогрессивной по своим гражданским устремлениям и во многом определила направленность художественного творчества у символистов, акмеистов и даже у футуристов. Учение Потебни оказало сильное влияние на преподавание языка, что отразилось и на современной структуре филологического образования, когда филология объединяет литературоведение и языкознание.

Связь языка и народа Потебни объяснял в националистическом духе. Он считал, что изначальный тип языкового творчества и созданный им тип языка определяют дальнейшее языковое творчество. Мировоззрение народа объясняется качествами его языка, а значит, формы жизни, тип и навыки мышления предопределены языком.

Определенная научная односторонность теории Потебни состоит в том, что она объясняет строение общества из языка, тогда как язык является лишь частью существования общества.

Трудовая теория происхождения языка

В те же годы, т.е. в последней трети XIX в., была развита еще одна философская теория происхождения языка. Ее иногда называют трудовой теорией, но более правильно называть **социальной теорией происхождения языка**. Основы этой теории были изложены Ф. Энгельсом в "Диалектике природы" (1873-1886). Энгельс был сторонником сравнительно-исторического метода языкознания. Однако он не считал возможным на основе выводов о строе языка, полученных этим методом, строить концепцию общества как целого. Общенаучное приложение сравнительно-исторического метода Энгельс видел прежде всего в раскрытии некоторых сторон истории этносов [3]. Одновременно Энгельс, изучив характер внутренней организации доклассового общества, раскрывает соотношение таких категорий общества, как род и семья [21].

Ф. Энгельс и К. Маркс утверждают материалистический взгляд на историю. Структура общества состоит из экономического базиса, содержащего в себе производительные силы и производственные отношения, и надстройки, в которой воплощаются идеология, право и мораль. В этих категориях происходит воспроизведение и развитие форм общественной жизни. Изменение или смена базиса определяет изменение надстройки общества (т.е. смену идеологий) при сохранении непрерывности исторического развития. Вот почему, говоря о происхождении языка, Энгельс считает язык одной из сторон, или структурных систем, общества, а не фактором, определяющим все развитие общества.

Энгельс рассматривает язык как непосредственную действительность мысли. И формы создания речи и ее содержание ставятся в связь с материальными способами создания речи: "...возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще "Илиада" наряду с печатным станком и тем более с типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания, песни и музыки, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии, с появлением печатного станка?"*. Это значит, что технический прогресс в оформлении и распространении речи предопределяет ее содержание. В этом смысле "на "духе" с самого начала лежит проклятие - быть "отягощенным" материей"**. Вот почему становление письменности Энгельс связывает со становлением цивилизации, а дописьменную устную речь считает принадлежащей дикости и варварству как первоначальному этапу развития культуры. Но звуки языка, в соответствии со взглядами Энгельса, послужили основанием создания форм человеческого мышления и становления общественного сознания.

*(Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 737.)

***(Там же. Т. 3. С. 29.)

Развитие членораздельной речи есть результат образования общества. По Энгельсу, появление членораздельной речи и языка включается в контекст биологического антропогенеза, генезиса общественной организации труда и социализации мышления, приводящей к становлению сознания. Суть трудовой теории происхождения языка состоит в выяснении того, как эти разнородные качества могут образовываться совместно, т.е. как они связаны между собой генетически. Общество Энгельс понимает как единство совместного производительного труда на основе сознательного планирования трудовой деятельности и общественного сознания, составляющее особую целостную структуру, в которой одним из элементов является язык.

Принципом объединения труда, мышления, общественной организации и речи является закон соотношения роста, который открыл в биологии Ч. Дарвин. В соответствии с этим законом формы отдельных частей органического существа всегда связаны с определенным строением других частей, которые внешне ни в какой связи с первыми не находятся [1]. Это значит, что существует некоторая **внутренняя соразмерность целого**. Становление и развитие целого должно совершаться по единству внутренней меры всех его частей. По Энгельсу, биологическое развитие человека в соответствии с этим законом приводит к возможности прямохождения, а прямохождение открывает возможность использовать органы дыхания и пищеварения для создания разнообразных звуков речи, которые при их особом осмыслении могут стать членораздельными.

По этому же закону соотношения роста становление членораздельной и осмысленной речи оказывается реальным при формировании общества, ибо язык, общественное сознание, общественное производство с разделением труда и воспроизводство людей составляют целое, одновременно и согласованно развивающееся по своим формам.

Согласно взглядам Энгельса, иницирующим источником развития общества является целесообразный и разделенный общественный труд. Такой общественный труд состоит в изобретении новых орудий производства и организации труда на основе определенной формы собственности. Следовательно, **изобретение - источник становления общества** (по закону соотношения роста).

Первыми изобретаются орудия производства. Изобретение орудий производства приводит к необходимости наладить совместную деятельность, содержащую зачатки разделения труда, т.е. согласовать план работы, совместные действия, оценку сделанного. Отсюда появляется

необходимость в средстве общения. Становление общественного труда совпадает с возникновением потребности в языке и в общественной мысли, так как материал мысли определен общественно полезным трудом и устройством общественных отношений в интересах производства материальных благ, воспроизводства общественных отношений.

Язык в этом контексте должен придать материалу мысли определенную языковую форму и закрепить мысль как категорию общественного сознания, чтобы на основе языка могло осуществляться управление трудом и социальной организацией, хранением культуры. Это назначение языка, определенное потребностями общества, реализуется в становлении форм речи, где звуки становятся осмысленными и потому членораздельными.

Теория происхождения языка, предложенная Энгельсом, по сути дела, есть теория становления общественной структуры как целого и языка как части этой структуры. Общий смысл теории состоит в том, чтобы построить теоретическую модель соотношения языка и общества. Само общество, согласно этой теории, формируется как целая структура одновременно всеми своими существенными сторонами, которые потом дифференцируются и усложняются в координации друг с другом. Такими существенными сторонами являются: 1) структура общественного производства, основанная на разделении труда; 2) структура воспроизводства этноса как основы производства; 3) языковая структура, в которой происходит становление членораздельной речи из нечленораздельных сигналов; 4) структура общественного сознания, возникающая на базе индивидуального мышления; 5) культура как отбор и передача из поколения в поколение важных для жизнедеятельности общества умений, навыков, материальных предметов и семиотических объектов, содержащих правила и прецеденты деятельности.

Трудовая теория происхождения языка, будучи сформулированной в основных чертах в конце XIX в. как теория философская, обладает большой прогностической силой. Она получила много подтверждений в ходе поступательного развития науки в последние сто лет.

Так, в XX в. в биологии стали разрабатываться области, исследующие поведение животных. Поведение животных изучалось с трех точек зрения. Во-первых, было установлено, что все животные обладают сигнальными системами. С помощью этих систем реализуется сигнальная деятельность, отмечающая границы территории животного (или семьи животных); деятельность, управляющая продолжением рода; деятельность, связанная с установлением совместных действий. Все три рода сигнальной деятельности, несомненно, могут быть предпосылками языка, так как этого рода деятельность представлена и в человеческом языке [1] различие языков; 2) различие мужского, женского и детского произношения и 3) интонационные различия, выражающие удовольствие, угрозу, повеление, ласку и т.п.].

Во-вторых, животные сообщества исследовались как элементарные ячейки, ответственные за воспроизводство рода и механизм эволюции. Было установлено, что каждый тип сообщества свойствен определенному виду животных, т.е. всякий вид животных обладает семьей определенного типа. Организация семьи у животных обеспечивает определенно направленную передачу наследственных признаков, а в случае необходимости - трансформацию их в интересах сохранения и распространения вида. Одновременно животное сообщество организовано, и эта организация содействует передаче через подражание благоприобретенных форм деятельности. Накопление опыта есть предпосылка возникновения общества.

В-третьих, многочисленными исследованиями по психологии животных установлено, что все животные обладают определенным образом организованной психикой. В ее организации выделяют такие формы, как тропизм, таксис, рефлекс, инстинкт, эмоцию и элементы рационального мышления. Каждый вид животных обладает своим набором форм психической деятельности. Животные, стоящие более высоко на лестнице эволюции, обладают большим богатством форм психики. Этим животным свойственны элементы творческого поведения. Все виды психической деятельности свойственны и человеку как биологическому виду.

Одновременно отмечено, что близкие виды, располагая в принципе одними и теми же формами психики, могут иметь разные психические способности. Было доказано также, что животные одного и того же вида также обладают разными психическими способностями.

Например, все виды животных обладают памятью и способностью к обучению. Но память и способность к обучению связаны с продвинутостью вида по пути эволюции. Это значит, что предпосылки психики человека, его сознания могут быть созданы в условиях биологической эволюции.

В-четвертых, животные обладают способностью к разделению обязанностей внутри семьи, связанных с добыванием пищи, воспроизводством рода и охраной семьи и территории. Высокая степень разделения обязанностей объясняется сложностью инстинктов и морфологией индивидов. Низкая степень разделения обязанностей предполагает меньшие морфологические различия животных внутри семьи. Это значит, что первый тип разделения труда должен быть основан на возрастном и половом признаках.

В-пятых, ряд животных умеет пользоваться предметами природы как инструментами для решения своих жизненных задач.

Таким образом, биология XX в. фактически указала основные явления, из которых путем качественной трансформации может сложиться общество. Предвидение Энгельса в этом отношении оправдалось.

Антропология конца XIX в. и XX в. сделала ряд открытий, касающихся морфологического строения человека и установления предков *homo sapiens*, прямых и отдаленных. Были обнаружены останки питекантропа, синантропа и других разновидностей гоминид, включая и останки предков человека. Были обнаружены ближайшие предки современного человека - неандертальцы и кроманьонцы. Эти подтверждения мысли Энгельса о биологических предпосылках развития антропоидов, а также о том, что развитие антропоидов шло медленно и существовал большой отрезок их досоциальной жизни.

Археология, антропология и этнография установили, что развитие *homo sapiens* связано со становлением духовной культуры, археологически проявляющей себя в следах обрядов. Захоронения считаются в археологии признаком наличия культуры и, следовательно, становления в обществе *homo sapiens*, чего нет у *homo habilis*. Если примитивные орудия труда встречаются в местах нахождения останков *homo habilis*, то в этих местах нет следов обряда (т.е. не представлена семиотическая деятельность). В местах захоронения *homo sapiens*, напротив, наряду с орудиями труда встречаются и продукты труда и следы обряда.

Этнография показала, что первоначальное общество есть особая структура, надиндивидуальная и обязательная для членов общества. Эта структура представляет собой единство, в котором есть формы разделения труда, не предназначенные биологическим статусом индивидов, а существующие на основании выбора форм труда и зависимости форм одного труда от форм другого. Значит, труд в примитивных обществах организован и формы его организации зависят от духовного развития общества и его культуры.

Итак, основу организации общества составляет разделение труда. С ним связаны формы семьи и рода. В их основе лежит запрет кровнородственных браков, выводящий человека за пределы биологической эволюции. Это проявляется в том, что заканчивается расообразование и начинается образование расовых групп. С запретом кровнородственных браков рождается социальное разнообразие форм семьи и рода, или брачно-классной организации, которое не предсказано биологическими качествами человека. И следовательно, общество становится подчиненным законам общественной истории.

Первоначальный социальный язык людей был устным. Материальных образцов этого языка не сохранилось, но во множестве обнаружены такие материальные остатки духовной деятельности человека, как рисунок, орнаментика, скульптура, остатки музыкальных инструментов, костюма, культовых предметов и т.п. Эти предметы в человеческом обществе коррелированы с языком в его устной форме.

Этнография выявила также и семиотические системы, не представленные у животных, но обязательные у человека: это гадания, знамения, приметы, язык, мусические и практические искусства, меры, ориентиры, сигналы-команды, обряды и игры.

Сравнительная мифология установила единство структурных форм мифов и их генетическую преемственность. Была определена также и историческая стратификация форм мифов с делением

их на тотемические, космогонические и культурно-героические. Это позволило показать единство форм общественного сознания и идеологии примитивного общества, сложившихся благодаря становлению языка.

Так сформировался круг знаний о биологических предпосылках становления общества и об основных формах общественной жизни и установлены те моменты, когда совершился переход от жизни биологической к жизни социальной. Развитие конкретных исследований полностью подтвердило философскую гипотезу Энгельса о происхождении языка.

Рекомендуемая литература

1. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 20. Разд. "Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека".
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
3. Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. Разд. "Франкский диалект".
4. Бэкон Ф. Новый Органон // Соч. М., 1978. Т. 2.
5. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Соч. М., 1977. Т. 1.
6. Виноградов В.В. Современный русский язык. М., 1938. Вып. 1.
7. Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. М., 1964.
8. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкознанию. М., 1984.
9. Декарт Р. Рассуждения о методе. М., 1953.
10. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Соч. М., 1983. Т. 2.
11. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1980 -1982.
12. Платон. Кратил // Соч. М., 1968. Т.1.
13. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Поэзия и проза, тропы и фигуры. Мышление поэтическое и лирическое. Харьков, 1905.
14. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894.
15. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1913.
16. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 451 "Общественный договор".
17. Шлейхер А. Значение языка для естественной истории человека // Философские записки. 1868. Т. 5. Вып. 3.
18. Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке. Спб., 1864.

Лекция 2. ОБЩЕСТВЕННАЯ СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА

Акты общения

Язык проявляет себя в том, что одно лицо может высказать что-либо другому лицу, которое может понять сказанное ему и ответить на высказывание словом, действием или размышлением. Цельное высказывание называют **актом общения**. В акте общения содержатся, по меньшей мере, три стороны: досоциальная автоматическая, собственно творческая и обусловленная навыками, привитыми воспитанием.

Как показывают разработки биологов, каждый вид животных имеет свой "язык" (или "языки"), с помощью которого осуществляется общение. При таком общении используются звуки, позы, запахи, световые и химические сигналы. Общение определяет поведение животных в группах, сообществах*.

*(См.: Дембовский Я. Психология животных. М., 1959.)

Язык человека также имеет сигнальные свойства, сходные с "языками" животных. Независимо от знания языка мы понимаем по голосу, кто обращается к нам: женщина, мужчина или ребенок; содержится ли в этом обращении просьба, предложение сделать что-либо, угроза или вопрос; мы понимаем также произвольные крики человека, восклицания, возникшие от наслаждения, боли, гнева и т.п. Все это воспринимается достаточно ясно даже тогда, когда сигналы издает человек, говорящий на неизвестном нам языке. Это **досоциальная** сторона языка, оставшаяся в наследство от первобытного состояния человека.

Факты общения людей, не имеющих единого языка, и два рода общения человека с животными - обучение животных и подражание сигналам животных - показывают, что **акт общения не признак социальности языка**.

Иногда признаком социальности языка признается способность человека изучить неродной язык или научиться с детства языку не своего народа так, что этот язык станет родным. Однако этот признак вряд ли можно безоговорочно отнести к социальным.

Биологи установили, что внутри одного вида отдельные группы животных могут иметь совершенно различные или частично отличающиеся системы сигналов ("языков") и что при этом между такими группами животных может возникать "непонимание", т.е. невосприятие сигналов*. Это свойство объясняют тем, что не все сигналы (а нередко их меньшая часть) являются врожденными. Многим сигналам животные научаются от взрослых животных по мере роста и психического развития. Разные условия обитания, разные групповые организации животных объясняют то, что внутри одного вида обособляются разные по системам сигналов группы животных (имеющие как бы свои "языки"). Внутри этих групп возможно обучение особей, преимущественно молодых, сигналам не своей группы. Вместе с тем при одомашнивании и дрессировке животные научаются сигналам человека. Поэтому **обучаемость языку не является типично социальной чертой языка**.

*(См.: Фриш К. Из жизни пчел. М., 1966.)

Социальность акта общения проявляется не в факте языкового общения, а в его особых качествах. Среди этих качеств важнейших - три: 1) историческая связь актов общения друг с другом, с общественным производством, основанным на разделении труда и обмене; 2) способность быть выразителем общественного сознания; 3) способность формировать и использовать культуру.

Историческая связь с общественным производством, способность выражать общественное сознание и быть носителем культуры составляют социальные качества языка, которые проявляются только в членораздельной речи. Членораздельность речи есть прежде всего способность высказывания разделяться для нашего восприятия и сознания на части, мельчайшими из которых являются сознаваемые отдельно в восприятии и произношении звуки речи.

Членораздельность речи является социальной чертой акта общения, так как позволяет строить новые высказывания из материала прежних и тем удовлетворять потребность роста культуры, изменения общественного сознания и организации производства. Членораздельность речи, таким образом, - это свойство **актов социального общения**.

Членораздельность речи на уровне звуков есть результат деления высказывания на все более дробные единицы. Это деление возникает в результате сопоставления и противопоставления высказываний и их частей.

Если рассмотреть отношения между разными актами общения, то окажется, что высказывания соотнесены между собой по форме и содержанию. Эта соотнесенность многообразна, но видна в правильном свете лишь в том случае, если подойти к ней исторически и расположить высказывания во времени, т.е. в порядке их появления. Приведем несколько примеров такой связи. В диалоге вопрос предшествует ответу, рассказ может вызвать вопрос, повеление и т.д. Реплики в диалоге становятся осмысленными лишь тогда, когда они расположены во временной последовательности; если же перепутать порядок реплик, то диалог потеряет смысл.

В развитии литературы видно, как произведения зависят друг от друга: более ранние сочинения являются основой для последующих. Так, "Энеида" Вергилия недостаточно понятна без знания "Илиады" Гомера. В научной литературе преемственность видна в правилах создания и применения терминов, в правилах цитирования и оформления научных текстов.

Всякий акт общения осмысливается в своей членораздельности потому, что он включен в историческую последовательность высказываний. Люди понимают высказывания потому, что в них заключена историческая преемственность, формирующая особую, исторически обусловленную структуру.

Акты общения (и их части) составлены как из известных и сходных единиц, так и из новых, т.е. в высказывании всегда есть что-то известное и что-то новое. Все множество актов общения группируется по сходству и различию единиц, их составляющих. Большие группы актов общения, связанные исторической культурной преемственностью, в быту называют **языками***.

*(В бытовом сознании, а также во многих науках за пределами языкознания слово "язык" понимается как определенная совокупность актов общения. Ср.: язык до Киева доведет; язык мой - враг мой и т.п.)

Языки как исторически цельные и связанные культурной преемственностью группы актов общения подразделяются на отдельные акты общения со своей организацией (стихи, поэмы, повести, романы, речи, беседы, документы и т.д.) и части этих актов, части композиций, абзацев-периодов, строф и строк, слов, их частей и, наконец, звуки и буквы.

Единицы, составляющие акты общения и представляющие делимость их на слова, части слов и отдельные звуки, получают объяснение своих качеств, формальных и смысловых, лишь при рассмотрении их в историческом контексте и следовании. Так, звуки русского языка с точки зрения их качеств могут быть объяснены в результате изучения звуков древнерусского, старославянского, общеиндоевропейского языков, т.е. в исторической последовательности.

Историзм - необходимая черта социальности языка, потому что акты общения не создаются без внешней для них причины. Такой причиной являются общественные отношения людей, которые устанавливаются и развиваются с помощью языка. Разделение труда и обмен невозможны без предварительной обусловленности и подготовки. Для этих целей общество использует акты общения, т.е. язык (в бытовом понимании).

Поскольку разделение труда и обмен постоянно расширяются и дифференцируются, в актах общения должны называться все новые предметы и действия с ними, по поводу которых происходит общение. Так общение необходимо становится общением с помощью имен - слов, называющих предметы. Таким образом, **язык - это членораздельные акты общения с помощью имен***.

*(То, что язык существует на основе имен, породило особую область языкознания - теорию именования.)

Приобретенное языком свойство именовать вещи делает возможным использование имени как орудия мысли. Имя вещи не только позволяет договориться о том, как поступить с вещью, но и использовать имя, в частности, как знак этой вещи в ее отсутствие. Это значит, что становится возможно абстрактное оперирование мыслью о вещи, когда имя вещи как знак "замещает" вещь. Абстрактное оперирование позволяет создавать образы вещей, реальных или воображаемых, выводить понятия о вещах, отражающих существенные их свойства, строить суждения.

Поэтому с помощью актов речи можно прогнозировать, исследовать свойства объектов, фантазировать о них, условливаться о коллективных действиях с вещами и, наконец, устанавливая общность мыслей и направлять чувства. Так акты речи становятся выразителями индивидуальной мысли, а в случае их общезначимости - общественного сознания.

В большей части актов общения происходит нарастание принципиально новой для общества информации, а во многих информация бывает новой для участников общения. Так, заявка на патент содержит новую для общества информацию, ее содержат и научное открытие, и произведения художественной речи. В бытовом диалоге новизна может существовать только для участников диалога. В учебной речи общественно необходимое знание сообщается учащимся: оно не ново для науки и для учителя, но ново для учеников. Таким образом, новизна информации в языке определяется применительно к знаниям участников актов общения.

Однако и принципиальная новизна сообщаемого, т.е. новизна для общества в целом, также бывает разной. Сообщения о новых фактах и новых событиях могут быть весьма ценными в данный момент. Но по мере того как факты и события уходят в прошлое, актуальность таких сообщений исчезает. Они забываются и не воспроизводятся более.

В других актах общения сообщается новое знание о законах природы, общества или человеческого духа или содержится эстетическая ценность непреходящего характера. Такие акты общения должны храниться обществом или постоянно воспроизводиться. Они составляют **часть культуры**.

Отделение культурно значимого в сообщениях от нового, но имеющего временную актуальность - основная задача филологии, частью которой является языкознание. Поэтому главным методом филологического анализа является разделение по форме и содержанию воспроизводимого и производимого заново и разбор нового с точки зрения его культурной значимости.

Родные и неродные языки. Номенклатура языков

Вся совокупность актов речи, или речь, содержит не один язык (как совокупность единиц, из которых важнейшие суть имена), а много разных языков. С самого начала речь разбивается по ее принадлежности к большим культурно-историческим группам актов общения - языкам. Восприняв акт речи, т.е. языкового общения, установив его общее значение (просьба, вопрос, приказание, повествование) и тем поняв его содержание, человек может установить, создан ли данный акт речи на известном ему языке. Если язык неизвестен, то приходится отыскивать людей, которые могут распознать язык и понять смысл акта речи. Люди, знающие язык, на котором выражена совокупность актов речи, определяют границу языка.

Другим признаком языка является признание большой группой людей этого языка **родным языком**, т.е. таким, который был освоен ими с того момента, когда они начали учиться говорить. Чаще всего это обучение происходит в семье, от окружающих или в специальных воспитательных учреждениях.

Совокупность семей и иных групп, научивших детей первому их языку, называют племенем, народностью. Науки об обществе определяют племя, народность, нацию как особые коллективы людей, которые характеризует относительная общность языка, существующая благодаря условиям жизни. Поскольку первоначальное обучение языку происходит главным образом в семье, принято делить языки по группам семей на языки племенные, народностей и наций. Это деление обычно производится путем опроса: спрашивают, какой язык люди считают своим

родным. Такие показания можно проверить, установив, какой язык был в семье и как ему учились.

Сейчас различают национальное происхождение и родной язык. Так, человек может происходить из семьи, принадлежащей к одному народу, а родным языком может стать язык другого народа, если в семье или в ином окружении был принят другой язык. У детей в семьях со смешанным по национальному происхождению составом может быть два и более родных языка*. Из-за субъективности критерия (показания говорящих) отделение одного языка от другого составляет нередко непростую проблему. Эта сложность проявляется и в единицах языка, и в актах речи, в критериях классификации индивидуальных и коллективных мнений.

*(Таким образом опровергаются понятия о врожденной социальности языка и о зависимости творческих способностей людей от характера языков.)

Диалектология, изучающая местные явления речи, речь родовых и племенных коллективов, сталкивается с двумя полярными явлениями. В одном случае границы между языками и местными диалектами определяются четко. Так, кумыкский язык хорошо выделяется в кругу смежных с ним языков Дагестана. В другом случае по составу языковых единиц трудно установить границы языка относительно коллективов людей и мест их обитания. Различные единицы языка могут быть распространены как бы диффузно, без определения границ, устанавливающих классы единиц. Такое явление, характерное, например, для языков народностей и племен Новой Гвинеи, принято называть **лингвистической непрерывностью**.

При составлении диалектологических карт граница между диалектами на местности обычно определяется по лингвистическим явлениям приблизительно, иногда включая довольно значительные территории, характеризующиеся переходными явлениями. Эти переходные явления объясняются историей заселения местности, интенсивностью языковых связей, вызванных культурным и экономическим обменом, социальным устройством и другими факторами.

Еще более сложное явление - "смешанные языки" городского населения, сошедшего в город из разных местностей. При **смешении** диалектов сел, тяготеющих к данному городу, эти диалекты взаимопонятны, хотя могут различаться существенными чертами в произношении, фразеологии и иногда в грамматике. Другой вид смешения характерен для языка городских жителей, составляющих в данном городе национальное меньшинство. В этом случае язык национального меньшинства приобретает черты родного языка большинства жителей города (прежде всего в лексике и фразеологии, реже - в синтаксисе и еще более редко - в фонетике). Такие явления многие ученые отмечают, например, в языке татар - жителей Москвы. Но бывает, что некоторые черты языка городского меньшинства влияют на язык большинства населения. Такие факты, возникшие под воздействием языка влиятельного греческого меньшинства, отмечал А.Л. Шахматов (1864 -1920) в речи русского населения Таганрога [4].

Возможны случаи, когда национальные меньшинства, живущие в селе и городе одновременно, оказываются в условиях окружения большинства, говорящего на другом языке. Здесь также возможно своеобразное смешение языков: создание креольских языков или койне, т.е. общего языка разных по происхождению групп населения. Креольские языки могут сложиться у представителей одной народности, относительно обособленно живущих среди иноязычного населения и находящихся под сильным языковым влиянием этого населения. Креолизация может способствовать созданию особых языков, имеющих потом самостоятельную судьбу. Таков, например, язык крио в Африке*.

*(См.: Дьячков М.В. Язык крио. М., 1981. Гл. 2.)

Иногда язык меньшинства может распространиться среди большинства и стать общим языком и меньшинства и большинства. Например, индонезийский язык возник из малайского языка на территории современной Индонезии (малайский язык использовался как язык торгового и политического общения между народностями Индонезии); сейчас он стал государственным языком Индонезии.

Анализ языковых явлений показывает, что смешению языков противопоставлено их **разделение**. Разделение языков, четкое установление их границ характерно для языков развитых,

нормируемых, изучаемых в школе. В этом случае осознание единства системы языковых явлений дает четкое представление о том, что в речи относится к одному языку, а что - к другому, что в языке является "своим", присущим этому языку, а что - "чужим", взятым из другого языка.

Так рассматривается состав языковых фактов. Здесь, с одной стороны, слова, выражения и целые высказывания одного языка вставляются в речь на другом языке как цитаты. С другой стороны, слова, по происхождению не относящиеся к данному языку, входят в него и воспринимаются как слова этого языка. Таковы, например, названия мастей лошадей (каурая, буланая, чалая, игренева и др.) или названия предметов одежды (штаны, шапка, кафтан и др.) в русском языке. Все эти слова - тюркского происхождения.

В то же время широко представлена в русском языке, например, латинская терминология в биологической систематике и медицине, французская терминология - в балете и т.п. Эти слова в тексте могут писаться с помощью русской или латинской графики (и соответственно произносятся) и вместе с тем не быть цитатой из чужого языка.

Языковой дивергенции противостоит образование **языковых союзов** под влиянием общности территории, занимаемой разными языками. Таков, например, балканский языковой союз.

Существенную роль в разделении языков играет образование и распространение письменных литературных языков. При этом литературный язык, являющийся языком образования и культуры, отделяет себя от диалектов, бесписьменных местных языков и этим в ряде случаев способствует созданию новых литературных языков на местной почве. Такова, например, роль классических языков - греческого и латинского по отношению к новым литературным языкам Европы, Ближнего Востока и Кавказа, или роль классического арабского языка по отношению к ряду тюркских литературных языков, или роль санскрита по отношению к кави, классическому тибетскому языку, классическому тамильскому языку и другим литературным языкам, возникшим под влиянием санскрита.

Объединение и разделение языков идет постоянно. Общая теория, определяющая отдельность языков, еще не разработана наукой так, чтобы охватить все случаи объединения и разделения языков и установить типы общественно-исторических факторов, влияющих на эти процессы. Можно сказать, что языкознание ограничивается пока накоплением, наблюдением и изучением прецедентов в этой области.

Условным критерием отдельности языка является достаточно полная понятность речи при коммуникации, с одной стороны, и оценка, даваемая говорящим своим и чужим языковым знаниям и навыкам, с другой. В обоих случаях в основе признания отдельности языка лежит субъективная оценка распознаваемости и понятности актов общения.

Однако мера осведомленности о языках у разных людей очень различна. Минимальным признаком осведомленности является отнесение слушающим речи к известному или неизвестному ему языку. Итак, в сознании человека возникает возможность группировать людей и тексты по языкам и языки по людям и текстам. Благодаря этому можно создать примерную **номенклатуру языков**. Языкознание ведет учет языков и народов, на них говорящих. Особая область языкознания - **географическая лингвистика** - изучает языки населения, живущего на определенной территории.

В результате той или иной степени овладения неродным языком возникает **билингвизм**, т.е. знание и владение более чем одним языком. Билингвизм существовал всегда, а в современном мире представлен широко. Билингвизм может быть классифицирован по следующим признакам: какие языки знает человек, как изучены системы разных языков, каков характер навыков в каждом языке.

Например, многие жители Самарканда знают три языка: узбекский, таджикский и русский. Чаще всего они знают узбекский и таджикский языки в сфере бытовой речи. Они обучаются им в семье, в детских играх с соседями. Русский язык изучают, как правило, в школе. Бытовую русскую речь знают довольно слабо, зато хорошо владеют литературным языком. В школе же приобретают навыки письма и чтения по-узбекски и по-таджикски. Или другой пример:

студенты классических отделений филологических факультетов греческий и латинский языки знают, в основном, в пределах чтения и понимания определенного круга текстов.

В процессе изучения разных языков языки влияют друг на друга и в области языковых знаний и в области языковых навыков. Наблюдения показывают, что при билингвизме одни языки влияют на другие в разных областях содержания речи по-разному. Навыки в некоторых чертах грамматического строя языков, ранее усвоенных, способствуют усвоению новых, тогда как другие черты грамматического строя, напротив, препятствуют овладению строем нового языка. Сходным образом обстоит дело с лексикой.

Изучение неродных языков вызвано потребностью овладеть определенными текстами (по большей части для знакомства с иностранными научными текстами по своей специальности) и отсюда - определенной тематической областью лексики. Поэтому различие тематических областей лексики на разных языках содействует билингвизму, а однородность тематических сфер, напротив, препятствует его распространению. Билингвизм филологов-переводчиков, в отличие от билингвизма нефилологов, напротив, стремится к семантической идентификации тематических областей лексики, так как сама задача перевода состоит именно в этом. Поэтому в овладении языками представлены разные профессионально-психологические установки.

Поскольку отношение людей к языкам сложно и неоднозначно, в создании номенклатуры языков языкознание сотрудничает с этнологией и этнографией (язык является одним из важнейших признаков этноса). Несмотря на сложность отношений языков и этносов (как совокупности людей, определяемой общностью происхождения, занятий, территории и культуры), язык является центральным признаком самооценки и самосознания этноса.

Классы языков как отражение структуры общества

Современная номенклатура языков включает их несколько тысяч. Она обобщается в классификациях языков, которые основаны на отношении языка к различным сторонам общества. Каждая классификация проводится по определенному критерию.

Существует четыре основных способа классифицировать языки и соответственно четыре вида классификаций: генеалогическая, функциональная, культурно-историческая и типологическая.

Язык связан прежде всего с делением общества на **этносы**. По совокупности этнических признаков общество распадается на ряд народностей, наций и межнациональных объединений, которые наряду с прочими социальными отношениями связаны определенными языковыми отношениями. Поэтому в языкознании прежде всего выделяется **этнологический** принцип классификации языков. Этот принцип реализуется в **генеалогической** классификации языков.

Языки классифицируются также по тому, в какой **сфере общения** они функционируют и какую часть общества и как обслуживают. Это реализуется в **функциональной** классификации языков, которая основана на изучении актов речи и типов языковой коммуникации. По функциональному признаку - быть средством общения - языки делятся на естественные и искусственные.

К **естественным** языкам относят языки устного общения и письменные языки, воспроизводящие формы устных языков; к **искусственным** - графические языки, не воспроизводящие форм естественных языков, но происходящие от них (например, логические и математические символы, языки программирования, научные символы и т.п.). Искусственные языки, в свою очередь, делят по областям применения: логические языки, языки программирования, информационные языки.

В языке, помимо этнического и функционального моментов, отражается также история базиса общества, история техники и культуры. Языки, рассматриваемые с точки зрения их отношения к **истории культуры**, объединяются **культурно-исторической** классификацией. При таком обобщении языков исследуют материалы и орудия речи и те разновидности текстов, которые созданы благодаря техническим изобретениям и открытиям. Соответственно этому изучается роль языка в развитии науки, техники, искусства и культуры.

Типологическая классификация языков рассматривает внутренние закономерности языка, абстрагируясь от истории этносов и общественных функций языка и истории культуры. Ее задачей является объяснение необходимых черт языковой формы, которые позволяют языку быть носителем смысла и передатчиком информации.

Язык является одной из **семиотических** (знаковых) систем. Всякую знаковую систему определяет материал, из которого она построена. Вот почему типологическая классификация изучает **закономерности построения материала речи**, используемого в знаковой функции.

Генеалогическая, функциональная, культурно-историческая и типологическая классификации языков обнаруживают, что язык есть проявление истории этноса, характера и возможностей языковой коммуникации, истории культуры и знаковой системы общества. Разумеется, это не значит, что роль языка в обществе ограничивается этими сторонами. Можно думать, что в будущем будут раскрыты связи языка с другими сторонами общества, как исторически представленными, так и новыми.

Кроме того, необходимо помнить, что языком занимается не только филология, но и науки об обществе (этнография, история, право, педагогика), науки о человеке (психология, медицина), искусства речи (логика, поэтика, риторика, стилистика). Каждая наука оценивает и классифицирует языки со своей стороны:

1. **Этнография** разделяет языки на племенные, языки народностей, национальные, языки межнационального общения.

2. С точки зрения **истории** языки делят на общие и специальные, т.е. языки, играющие в обществе какую-то особую роль, употребляемые в специальном общении. Сюда относят языки официальные (государственные языки, языки дипломатии, языки ООН и т.п.), искусственные и тайные.

3. С точки зрения **педагогике** языки делят на живые и мертвые, родные и иностранные. К мертвым языкам относят языки, имеющие только значение инструмента образования и предмета научного исследования: 1) классические языки - языки, сохранившиеся лишь в письменных памятниках и дошедшие до нас как предмет обучения; 2) дешифруемые языки - языки, сохранившиеся в письменных памятниках, тексты которых были забыты, как и сами языки; 3) реконструируемые языки не сохранившиеся дописьменные устные языки, восстанавливаемые в основных частях лингвистической наукой.

К **живым** языкам относят языки **родные**, т.е. освоенные в семье до школы и принятые у данного этноса как характеристика его современного состояния, и **иностраные**, т.е. языки, изучаемые в дошкольном учреждении и в школе и принятые как родные у другого этноса в его современном состоянии.

Сюда же, наверное, можно отнести и сравнительно новое понятие второго родного языка, какими являются, например, современные языки межнационального общения для больших групп населения, не принадлежащего к тому этносу, для которого этот язык исторически является родным.

4. Науки о речи опираются на функциональную классификацию языков, но вырабатывают свои критерии деления языков: язык поэтический и общий, язык писателя, язык логического исчисления и др.

Языкознание, этнология, история, педагогика и теория речи, создавая классификации языков, основываются на разных признаках. Поэтому одни и те же языки (как номенклатурные единицы) включаются в разные классификации под разными названиями.

Этническими могут считаться такие языки, как нанайский, табасаранский, кубачинский, чукотский, эвенкийский и др.

К **специальным** относят языки официальные, искусственные и тайные. Среди **официальных** языков, т.е. языков, на которых ведется деловая переписка всех уровней и на которых существует деловая устная речь, могут быть выделены языки государственные, языки ООН, языки дипломатии и т.д. Все официальные языки созданы на базе какого-либо живого языка, существуют в устной и письменной формах. Однако иногда владение живым языком не означает владения официальным. Так, француз, родным языком которого является французский,

не изучавший языка дипломатии, не может составлять дипломатических бумаг. Для лиц, поступающих во Франции на дипломатическую службу, устраивается специальный экзамен; на службу принимаются лишь лица, владеющие дипломатическим французским языком, независимо от национальной принадлежности.

Искусственные языки развиваются в сфере науки и техники (языки программирования, информационные языки и т.п.). Эти языки основаны на этнических языках только в области семантики и синтаксиса.

Все **тайные** языки представляют собой видоизменение естественных живых языков в их устной или письменной форме с целью сделать их недоступными непосвященным. Эти языки бывают только устными, только письменными или устно-письменными. Изучают эти языки и владеют ими люди, связанные с какой-либо секретной деятельностью. Так, воры в России использовали так называемую "блатную музыку"; особыми шифрами пользуются секретные службы.

Таким образом, различные классификации языков отображают разные социальные признаки языка. Эти признаки разнородны, поэтому классификации не сводимы строго в одно целое. Проследим развитие общественных функций языка*:

*(Естественными называем в этой классификации языки, имеющие устную форму общения, а искусственными - письменную форму. Мертвыми называем языки, не изучаемые в семье как родные; живыми языки, изучаемые в семье как родные; специальными - языки, изучаемые только в целях овладения особым видом деятельности.

Мертвые, живые и специальные языки делятся на группы по степени проявления ведущего признака: массовости изучения (мертвые языки), широты говорящего коллектива (живые языки), характера взаимодействия устной и письменной форм (специальные языки).)

1. Естественные языки			
		2. Искусственные языки	
1.0.1. Мертвые		1.2.2. Живые	1.2.3. Специальные
1.0.1.1. Реконструируемые		1.2.2.1. Племенные	1.2.3.1. Тайные
1.0.1.2. Дешифруемые		1.2.2.2. Народностей	1.2.3.2. Официальные
1.0.1.3. Классические		1.2.2.3. Национальные	1.2.3.3. Искусственные
		1.2.2.4. Международные	

Естественные языки

Так, официальные языки соотносимы уже с языком народности, искусственные языки рождаются вместе с изобретением письменности и достигают особого развития во время распространения языков международного общения. Тайные языки существуют, по-видимому, всегда, их появление возможно уже на фоне родовых языков. Реконструируемые языки соотносятся с родовыми и племенными языками, дешифруемые и классические - с языками народностей.

Данные языкознания для изучения этнической истории

Исследование языков в связи с историей этносов создало генеалогическое изучение языков. В **генеалогической** классификации изучаются **живые и мертвые** языки; искусственные языки не изучаются. Все живые и мертвые языки делятся на языковые семьи, затем каждая семья языков делится на группы и подгруппы и далее до отдельных языков. Генеалогическая классификация языков не строится по этнографическому принципу, не основывается на территориальной или расовой принадлежности народов. Существует много фактов, когда одна или несколько народностей, не говоря уже об отдельных племенах, родах и семьях, принимали язык другой народности в качестве родного языка. Генеалогическая классификация языков строится на материале самих языков, и ее результаты могут быть использованы этнографией, археологией, историей.

В основе генеалогической классификации языков лежит такое сходство слов и их частей, которое не может возникнуть иначе, как путем их последовательной передачи из поколения в поколение. Значит, язык поддерживает историю этноса в целом. Это возможно потому, что изменения в языке происходят так, что в едином этносе они оказываются общими, а в разных этносах - различными.

Поэтому анализ закономерных и систематических фактов языков, принадлежащих к одной языковой семье, показывает меру отдаленности этих языков друг от друга, что может служить мерой исторической близости общественной жизни разных этносов. Разные, но общие по языковому происхождению этносы могут, благодаря развитию культурных, экономических и территориальных контактов, сближаться между собой. Это отразится в их языках появлением заимствований. Объем и характер заимствований указывают на характер и интенсивность контактов.

Время контактов и время расхождения родственных по языку этносов может быть уточнено с помощью языковых данных, так как языковые изменения имеют определенную последовательность, которая составляет собственно хронологию языка. Движение этноса по территории может быть частично прослежено по данным названий местностей - топонимики.

По языковым данным могут быть рассмотрены и контакты не родственных по языку этносов.

Изучение связей между языками с помощью данных языковой генеалогии помогает разработать этническую историю. Для этого данные сравнительно-исторического исследования соотносятся с данными археологии, гражданской истории и истории культуры и используются в ряду других источников для изучения истории народов, в особенности в ее дописьменный период*. Работы А.А. Шахматова могут служить образцом того, как результаты исторических исследований доказательно ставятся в связь с лингвистическими данными, полученными сравнительным методом. Так, история славянских языков, особенно восточнославянских, дала существенные данные в изучении славянского этноса**.

**(См.: Нерознак В.П. Палеобалканские языки. Ареальные генетические отношения. М., 1974.)*

***(См.: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.)*

Нужно, однако, помнить, что данные по этнической истории, извлекаемые из исследования языков, ограничены возможностями сравнительно-исторического метода.

Для установления языкового единства и родства этносов полезно было бы установить и обосновать состав языковых семей и построить доказательные генеалогические классификации языков каждой семьи, чего пока еще не сделано. Иначе выводы об этническом единстве и родстве по языковым данным останутся недоказанными.

Строгость лингвистических выводов необходима и там, где исходное этническое единство довольно очевидно. Например, западнокавказские, картвельские и дагестанские языки принадлежат этнически близким народам, обладающим достаточно ярко выраженной общностью истории культуры, территории обитания и гражданской истории. Однако фонетические законы, связывающие языки в единое историческое целое, пока не установлены, невзирая на очевидное

типологическое сходство и на то, что это сходство выделяет кавказские языки среди всех языковых семей.

Реконструированный живой и естественный язык ставится в связь с литературным языком. С помощью этой связи можно проверить точность реконструкции устного языка. Но полученные данные служат одним из доказательств при изучении не этнической истории народов, а истории цивилизации и гражданской истории.

В этом случае изучается языковая дифференциация населения, которое может состоять и из одного этноса и из разных этносов, сочетающихся в тех или иных пропорциях. Дело в том, что литературный язык изучается в школе и им в равной мере могут успешно овладеть представители разных этносов. Примером этого служит распространение классических международных языков: средневековой латыни, древнегреческого языка, классического арабского и др.

По распространению литературных языков, сопутствующих каждому литературному языку просторечия, социальных диалектов, а также влиянию просторечия и литературных языков на социальные диалекты трудно объяснить историю этнических единств. Но можно говорить о формах языковой дифференциации общества, иногда даже видоизменяющей осознание своей этнической принадлежности большими группами населения.

Поэтому генеалогические исследования не касаются взаимоотношений устно-письменных языков и считают письменные и письменно-литературные языки искусственными.

Данные языкознания для изучения истории культуры

Связь языка с историей культуры обосновал Н.И. Конрад (1891 - 1970)*. Культура подразделяется на физическую, материальную и духовную. Физическая культура представляет собой подготовку тела человека к деятельности, включая развитие основных навыков и умений в области нервной и мышечной деятельности. Материальная культура представляет собой среду обитания, сложившуюся вследствие деятельности человека, включая такие компоненты, как культура почв, породы домашних животных, пути и средства сообщения, здания и сооружения, технологии ремесленного и промышленного производства, инструменты, приспособления, оборудование, средства связи и др. Духовная культура - это, с одной стороны, совокупность общественно значимых идей и прецедентов деятельности, хранимых в виде знаковых произведений духовной культуры, а с другой - осведомленность людей в духовной культуре, ее использование.

*(См.: Конрад Н.И. О смысле истории // Избр. труды. История. М., 1974.)

По отношению к человеку культура делится на культуру общества и культуру личности. Общество обладает материальной и духовной культурой, личность - физической и духовной культурой. Все виды культуры служат поступательному развитию общества, историческому накоплению старого качества общества для создания в нем нового качества.

Язык связан со всеми тремя родами культуры. Для пользования языком необходимо обладание навыками нервно-мышечной деятельности, связанной с воспроизведением и восприятием звуков, навыками письма и чтения, а также навыками использования разного рода технических устройств. Для овладения этими навыками обязательна соответствующая степень физического развития (в частности, необходимо формирование навыков человеческой пластики тела: прямохождения, разнообразия и универсальности движений как главной предпосылки развития навыков устной речи). В дальнейшем к физической культуре относится разработка навыков речевой пластики (в отличие от пантомимы, танца, производственных и спортивных движений). Все это позволяет по уровню языкового развития личности судить о ее физической культуре. Разные языки по-разному представляют национальные типы физической культуры, ее виды и школы.

Материальная культура в области языка проявляется в том, что осуществляется изобретение и распространение средств создания и фиксации речи, таких, как материалы и орудия письма,

разные виды печати, телеграф, телефон, радио, телевидение, ЭВМ и многие другие средства, служащие для преобразования одного вида речи в другой.

Для функционирования всего этого необходимо разделение труда. Разделение труда дифференцируется по мере внедрения изобретений и требует создания специальных общественных институтов для передачи, распределения, хранения, воспроизведения и прочтения текстов - актов речи. Это почта, канцелярия, архив, библиотека, музей, школа, органы массовой информации и информатики, реклама. Эти институты служат передаче и особенно хранению и распространению текстов, поэтому, они безразличны к содержанию текста и обращаются с текстами как с явлениями материальной культуры. Материальная культура речи является показателем уровня развития общества.

По признакам материальной культуры выделяются следующие классы языков: бесписьменные языки, письменные языки, литературные языки, национальные литературные языки, языки межнационального общения.

Бесписьменные языки имеют только устную речь. Письменные языки, помимо устной речи, имеют письмо. Литературные языки представляют собой продвинутую степень письменных языков: на них существует литература.

Письменные и литературные языки образуют цивилизации. В зависимости от типов таких языков формируются ареалы цивилизации. По литературным языкам создается типология цивилизаций, так как языки - ключ к цивилизациям. Изучением типологии цивилизаций по языковым данным занимается востоковедение.

Национальные литературные языки получили свое название в связи с тем, что их становление совпадает со становлением наций. С точки зрения материальной культуры эти языки образуются с появлением книгопечатания, особенно с изобретением подвижного шрифта и типографского сплава. Со становлением национальных литературных языков связано появление наук о речи сравнительного языкознания, литературоведения, научной стилистики и др.

Становление межнациональных языков связано с развитием новых технических устройств устного и письменного общения: телефона, телеграфа, радио, массовой печати, телевидения, ЭВМ, средств оргтехники. Новая техника способствует появлению новых видов словесности: массовой информации, информатики, средств массовой агитации и рекламы, имеющих межнациональный характер.

Особенностью культурно-исторической классификации языков является то, что она делит языки на классы в связи с развитием физической, материальной и духовной культуры общества. Поэтому эта классификация передает историческую последовательность развития культуры и служит критерием для культурологии.

Данные языкознания для изучения семиотики

Языкознание всегда считало язык знаковым (семиотическим) явлением. После "Курса общей лингвистики" Ф. де Соссюра (1916) стало принято считать язык образцом знаковости, а остальные знаковые явления измерять по образцу языка. Это правильно. Язык - уникальная по своей универсальности знаковая система.

Язык как знаковая система вступает в прямые и опосредованные контакты со всеми другими знаковыми системами. Эти контакты бывают двух родов - по содержанию и по материалу*. Контакты по содержанию осуществляются в пределах актов речи. В актах речи назначаются, объясняются и раскрываются знаки других семиотических систем (например, значение нот в музыке, значение различных сигналов на транспорте, значение примет и т.п.).

*(Каждая семиотическая система характеризуется не только своим содержанием, но и своим материалом. С одной стороны, материал системы определяет возможности использования знаков. С другой стороны, в связи с выполнением знаковой функции материал организуется в зависимости от характера содержания, присущего данным знакам. Так, живопись создает знаки, отчужденные от человека, фиксирующие содержание на

потенциально бесконечное время, в то время как музыка или танец исчезает в момент своего появления. Поэтому живопись фиксирует состояние, а музыка или танец передает движение.)

Контакты по материалу касаются языка как знаковой системы. Так, в пении язык соединяется с музыкой, в плясовых песнях музыка и язык соединяются с танцем. Речь публичная и частная сопровождается пластикой тела и может быть иллюстрирована указанием на знаки изобразительных и прикладных искусств и некоторые другие знаки (например, в обряде). Письменная речь связывается с орнаментикой, графикой и живописью, а эпиграфика-с архитектурой, прикладными искусствами, знаками стоимости, геральдики и другими знаками. В подобных случаях возникает контакт по материалу семиотических систем.

Образно-понятийное содержание языка, наличие в нем имен особым образом организуют материал речи. Эта организация имеет столько конкретных разновидностей, сколько существует языков. Однако наблюдение над строем языков, воплощающих конкретные разновидности организации материала речи в знаковых целях, показывает определенную взаимосвязь черт языкового строя. Эта взаимосвязь фиксируется языкознанием как особые характеристики языкового строя, связанные с языковой функцией. Взаимная и односторонняя зависимость одних явлений языкового строя от других раскрывается в результате их типологических исследований.

Типологические сравнения языков не связаны ни с историей этносов, ни с их родством, ни с их культурой. Типологически сопоставляются языки разных семей, языки одной семьи и даже один и тот же язык в разное время его существования. Смысл сопоставления в типологии состоит в том, чтобы выяснить, какими способами материал звуков может быть организован для того, чтобы нести знаковое содержание.

Ч. Хоккет определил универсальные свойства языка в сравнении с сигнальными системами животных и вывел такие общие качества языка, как голосо-звуковые каналы коммуникации, свободное распространение сигналов и направленный прием, быстрое восприятие, обмен сообщениями, полная обратная связь, важность чисто информационного эффекта, денотативность, арбитранность (наличие или отсутствие чего-либо) и независимость от физического и геометрического сходства языка с вещью, дискретность, возможность называть вещи, которых нет в момент коммуникации, открытость системы, традиционность, свобода от логической истины и лжи, возможность говорить о языке на языке, или рефлексивная изучаемость языка [3]. Далее Хоккет соотносит язык с другими семиотическими системами, уточняет часть универсалий языка, выведенных выше, а затем выводит новую серию универсалий, таких, как: 1) каждый имеет запас элементов, которые изменяют обозначения вещей в зависимости от основных признаков ситуации речи; 2) среди дейктических элементов каждого человеческого языка есть такие, которые (специально) обозначают говорящего, и такие, которые (специально) обозначают адресата речи; 3) каждый человеческий язык имеет некоторое количество элементов, которые (сами) ничего не обозначают, но различают обозначение при построении сложных форм, когда эти элементы употребляются; 4) каждый человеческий язык имеет имена собственные; 5) каждый язык имеет грамматические элементы и т.д. [3].

Таким образом, универсалии языка есть констатация общих свойств формы и содержания языковых знаков в отличие от знаков других семиотических систем. Признаки языка, определенные Хоккетом, показывают, чем отличается язык от других знаковых систем, и позволяют искать специфические признаки других знаковых систем, а также видеть роль языка как средства описания знаковых систем.

Типологические классификации языков всегда тесно связаны с генеалогическими классификациями. Эта связь проявляется в том, что типологические свойства языков могут служить указанием на языковую общность, однородную в генеалогическом отношении. Языковая семья как целое складывается прежде всего по типологическим признакам, а затем границы и состав семьи уточняются с помощью сравнительно-исторического метода. Кроме того, историческое изменение языка есть вместе с тем и его типологическое изменение. Исторические изменения языка могут происходить лишь в пределах, допускаемых его типологическими возможностями, а типологическая эволюция языка обязательно связана с его историческими изменениями.

Язык как общественное явление в свете классификаций языков

Признаки языка, отобранные языкознанием для построения классификаций, показывают: язык всегда изучается как явление, которое характеризует общество. Функциональная, генеалогическая, культурно-историческая и типологическая классификации языков построены в соотношении с разными сторонами общественной структуры. Они отражают такие признаки общества, как этнос, разделение труда, культура и ее история и социальный семиозис.

Сказанное означает, что языкознание всегда изучало язык не в самом себе и для себя, а обязательно в отношении к одной из сторон общества [2]. Поэтому внутренняя структура языка рассматривается как структура, значимая для одной из сторон сложного целого, каким является общество. Следовательно, деление лингвистики на "внешнюю" и "внутреннюю" бессмысленно [2]. Всякий вид лингвистического исследования обнаруживает одну из сторон структуры языка по отношению к одной из сторон структуры общества. Эти две структуры зависят друг от друга так же, как целое и его часть.

Языкознание - не единственная наука, описывающая язык. Есть специальные искусства речи - риторика, поэтика, логика, - вместе с языкознанием составляющие филологический цикл наук о речи; каждая из наук имеет свой взгляд на язык и свое отношение к неязыковым сторонам общества. Кроме того, само общество в его истории - сложнейшее развивающееся явление, которое содержит много еще не исследованных сторон.

Связь языка с общественными институтами проявляется также в том, что общество управляет языковой деятельностью не только с помощью наук о речи и искусств речи, но и с помощью так называемых внешних правил словесности, т.е. с помощью институтов, занятых созданием, передачей, распределением и хранением текстов.

В устной речи эти правила и законы сведены к обычаю. Обычай управляет речевыми отношениями людей. В обычае есть и особые правила, поддерживающие авторитет рода, племени, родового и племенного старшинства, и правила, поддерживающие взаимоотношения полов и поколений. Все это утверждается как норма этикета речи в доклассовом обществе.

Письменная речь вводит соответствующее законодательство о речи. Во все своды законов, такие, как "Юстинианов кодекс" или "Русская правда", входят особые законы о речи. В законодательстве об институтах речи присутствует особый кодекс внешних правил словесности.

Книгопечатание рождает особые области права. К ним относятся авторское право-право собственности на литературное произведение, издательское право и правила книжной торговли, а также юридически нормируемый тип государственного контроля за печатной продукцией.

Языковое правоведение, войдя в цикл филологических наук, не отменяет классических областей филологии, в том числе языкознания. Языкознание рассматривает язык в этнологическом, культурно-историческом, семиотическом и функционально-коммуникативном аспектах и изучает только эти стороны языка. Помимо языкознания, в цикле филологических наук и искусств содержатся логика, риторика и поэтика. Изучая прозаические и поэтические акты речи, риторика и поэтика дают интерпретацию актов речи и через текстологию соединяются с языкознанием.

Отграничивая себя от материально-культурных сторон языка, правового регулирования и теории речи, языкознание занимается: 1) языковой семиотической деятельностью общества; 2) культурной языковой деятельностью общества; 3) образовательно-научной языковой деятельностью общества; 4) этносами.

Без семиотической деятельности невозможно накопление коллективного опыта, а значит, невозможна социальная информация, на основе которой в каждый данный момент реализуются производственные, правовые и идеологические отношения людей. Без семиотической деятельности нельзя воспитать личность, владеющую культурой общества, т.е. невозможна образовательная деятельность. Без образования же невозможен труд того качества, которого требует данный базис. Наконец, этнос составляет субстрат общественной структуры, так как без людей, способных вести социальную жизнь, общество не может образоваться. Для того, чтобы

сделать людей не просто собранием представителей биологического вида, а индивидами, способными к социальной жизни, необходимо наделить их социальной информацией.

Таким образом, знаковая деятельность со стороны организации жизни общества, создания культуры пользования ею, процессов обучения и процессов этногенеза обеспечивает связь базиса и надстройки, позволяет сложиться экономической структуре и всем надстроечным категориям [2]. Сказанное выше показывает, что язык является такой компонентой общества, в которой отражаются многие, если не все неязыковые стороны общественного организма.

Рекомендуемая литература

1. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
3. Хоккет Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5.
4. Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. Ч. 1.

Лекция 3. ОТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА К МЫСЛИ И МЫСЛИ К ЯЗЫКУ

Знаковый характер языка

Взаимоотношения языка и мысли - область совместного исследования философии, психологии, социологии, семиотики, филологии, логики, риторики, искусствоведения, педагогики, языкознания и многих других наук. Отношение языка к мысли давно исследуется этими науками, оно начато еще античной философией, но сложность предмета, скрытость предмета от непосредственного наблюдения, практическая невозможность эксперимента оставляют это отношение, по сути дела, невыясненным. Вместе с тем интерес к данному предмету исследования всегда был велик. Положительное решение этой задачи могло бы иметь самые благотворные последствия.

Проблема отношения мысли к языку в языкознании рассматривается в трех аспектах: 1) проблема мысли и мышления с точки зрения языкознания; 2) проблема языковой формы мысли; 3) проблема отражения действительности мыслью, организованной языковой формой.

Всякая мысль, содержащаяся в высказывании, формируется по законам того знакового материала, в котором она воплощена в данном высказывании. Так, в живописи, танце, музыке, чертежах мысль принимает соответствующую форму. Поэтому принято говорить о мышлении **в языковой форме**, в форме искусства или техники. Особенности языковой формы мысли познаются в сравнении с формами мысли, представленными в неязыковых знаках.

Знаки подразделяются по материалу и назначению. Основных знаковых систем, без которых не может возникнуть общество и сложиться культура, сравнительно немного, но на их основе развиваются новые знаки и знаковые системы.

По данным фольклористики и этнографии, знаковых систем, необходимых для становления и первоначальной жизни общества, шестнадцать: народные приметы, народные гадания, предзнаменования, пластика тела и танец, музыка, изобразительные искусства, орнамент, народная архитектура, прикладные искусства, костюм и татуировка, меры, ориентиры, команды и сигналы, обряды, игры, язык. Ни одно самое примитивное общество не может обойтись без этого комплекса знаковых систем*.

*(Эти данные нашли полное подтверждение при анализе словарей. Словарь любого языка показывает, что если выделить семантическое поле "семиотика", то основная система классов семиотических явлений сводится к названным шестнадцати.)

На этом фоне становится понятной особая роль языка. Различия языка и неязыковых систем следующие. Язык представлен **в звуках речи**; это значит, что в отличие от других знаковых систем он может употребляться в любой момент. Язык **естествен** по материалу. В силу этого, помимо самостоятельной задачи по воплощению особых значений, язык связывает между собой все знаковые системы. С помощью языка **назначается** и объясняется содержание знаков всех других систем.

Звуковая форма, всеобщность пользования и способность назначать и объяснять все другие виды знаков требуют от языка особых способов формирования мысли. Устный язык обычно зависит в своем содержании от всех других знаковых систем (непосредственно отражающих мир и организующих деятельность людей). В этом смысле содержание языковых знаков как бы вторично. Язык является не только "познающей" системой, но и объясняющей результаты познания, не только организующей совместные действия, но и создающей условия для их организации, не столько прогностической, сколько обеспечивающей прогноз и распространяющей результаты прогноза, сделанного с помощью другой знаковой системы.

Язык является средством связи между другими знаковыми системами. Так, с помощью языка происходит назначение народных примет, объяснение предзнаменований, установление объектов гадания и объяснение результатов гадания, обучение искусствам и практическим занятиям, введение мер, установление значения ориентиров и объяснение содержания команд и

сигналов. Все это значит, что язык должен обладать способностью: 1) объяснить действительность; 2) научить другим знакам; 3) подать команду, дать ориентир и служить мерой - и все это в условиях, когда каждый член общества является и создателем словесного знака и его аудиторией.

Древние делили знаковые системы фактически по тем же категориям, что этнография и лексикография, но называли это искусствами. Различались мусические искусства: музыка, танец (и пантомима), изображение и орнамент; практические искусства: ремесло, включая строительство; прикладные искусства: костюм, меры, ориентиры, сигналы по характеру ремесла; искусство прорицания: приметы, знамения, гадания; искусство воспитания (педагогика) и логические искусства: риторика, грамматика, аналитика (логика), стилистика, т.е. филология как комплекс знаний. Логические (т.е. языковые) искусства выделяются благодаря их особой роли. Если нелогическим искусствам должен быть обучен профессионал, то логическим искусствам должен быть обучен каждый гражданин.

Развитие знаков и появление новых семиотических систем связано с развитием языка. История показывает, что только изобретения в области материала языковых знаков приводят к образованию новых знаковых комплексов и систем. Поэтому языковые знаки содержат в себе как образы других знаков, так и образы действий с этими знаками, а отсюда и образы мира, объясняемого знаками. Став общим достоянием и понимаясь единообразно, язык должен передавать все специализированные по разным знаковым системам значения. Поэтому язык допускает абстрактные, отделенные от действительности операции со смыслом - рассуждения. Для этой цели языку необходимы знаки с общим характерным значением. Это - **понятийное** значение.

Абстрактный характер языковых знаков объясняется тем, что необходимость служить посредником между знаковыми системами требует от языка интерпретации как "вечных" (с точки зрения сроков жизни человека) знаков (например, изображения), так и знаков, "умирающих" в момент создания и восприятия (например, музыка), а также знаков, возобновляемых при каждом применении (например, меры). Поэтому содержание языковых знаков не должно зависеть от эфемерности звукового материала, но должно годиться к постоянному использованию, а значит, быть свободным от привязанности к месту и времени.

Но одна абстрактность значения сделала бы язык негодным к употреблению, если бы нельзя было увязать эти абстрактные значения с **местом и временем**. Соотнесение значений с местом и временем совершается в высказываниях путем применения специальных слов и форм со значением места и времени, например наречий, предлогов, временных и видо-временных форм глаголов и наречных существительных.

Абстрактные значения места и времени не могут быть конкретизированы в высказывании, если в нем нет указания на отношение речи к действительности, т.е. значения **модальности**, выражаемого в формах речи, вопросах, побуждениях, повествованиях, отрицаниях и утверждениях, указаниях желательности-нежелательности, возможности-невозможности, условности-безусловности и других значениях (передаваемых в последнем случае специализированными формами и интонацией). Необходимость в модальных формах вызывается еще и тем, что мусические, практические и прогностические знаки, объединяемые языком, имеют разную направленность на действительность.

Отнесение к месту и времени и к действительности содержания речевого акта требует конкретизации значений лиц, так как субъективность акта речи позволяет слушающим оценить его достоверность. Отсюда в акте речи обязательно выражена категория **лица** через формы глагола, местоимения и местоименные существительные.

Таким образом, характерные черты языковых знаков, отличающие их от всех других, следующие: 1) абстрактность значения отдельных языковых элементов и конкретизация их значений в высказывании; 2) специальная выраженность особыми элементами значений: времени, места, модальности, лица; 3) возможность благодаря этому дифференцированно высказывать суждения о прошлом и будущем в отрыве от прямых событий и ситуаций и от знаковых явлений.

С другой стороны, предметно-тематическое содержание знаков объединяет язык со значениями других знаковых систем. Соответственно предметно-тематической ориентации общие значения речи противопоставляются в двух направлениях - поэзии и прозе. **Проза** обращена к значениям **практических искусств, а поэзия** - к значениям **мусических искусств**. Значения языковых знаков бывают близкими к поэзии (художественно-образными) и близкими к прозе (предметно-образными). В содержании каждого знака, даже в значении грамматических форм, присутствуют обе стороны - и поэтическая и прозаическая. Так, значение рода существительных в образном смысле указывает на пол, а в понятийном - на класс существительных. Эта двойная ориентированность справедлива для значений знаменательных слов. Два типа образности связаны с тем, что язык, будучи ориентированным на практическую семиотику, на такие системы, как чертежи, меры, сигналы, создает предметные образы, а будучи ориентированным на музыку, пластику тела, живопись, - художественные образы. Для создания образности значений язык прибегает к средствам звукоподражания, звуковой символике, этимологии внутренних форм, идиоматике, фразеологии, образным композиционно-стилистическим формам речи. И поэзия и проза оперируют не только образами, но и понятиями. Для их создания язык прибегает к различным типам определения значений слов (путем толкования, через синоним, перечислением по аналогии и др.) вплоть до прямого соотнесения слова с объектом, который это слово называет.

Полисемия, синонимия и омонимия в равной мере служат для создания образных и понятийных значений, по-разному при этом применяясь в прозаических и поэтических текстах. Образно-понятийная структура предметно-тематических значений позволяет языку развить свои собственные средства знаковой выразительности, которые, с одной стороны, составляют основу произведений мусических искусств, а с другой - являются основой построения языков логики, математики и программирования.

При необходимости описывать ситуации абстрактные и конкретные выделяются языковые значения, направленные на сам язык, или грамматические значения, и лексические значения, направленные на объекты действительности, знаки и действия с объектами действительности и знаками. Таковы языковые формы мысли, присущие языку исключительно благодаря его месту среди знаковых систем и материальному строению. В этих формах мысли проявляется знаковая природа языка.

Осмысление высказываний

Любое высказывание как передача смысла в акте общения рассматривается с трех основных точек зрения: говорящего, слушающего, говорящего и слушающего одновременно. Это деление условно.

Осмысление речи принято делить на распознавание речи и понимание речи. **Распознаванием** называют узнавание материальной формы речи (т.е. какими предложениями, словами, буквами, звуками данная речь представлена). **Пониманием** речи называют тот или иной тип осознания смысла сказанного и того, каким образом он выражен.

С точки зрения **говорящего**, высказывание употребляется с целью **передать содержание** и, следовательно, привлечь внимание слушающего к содержанию сообщения и к своей личности. Это использование человеком **экспрессивной** функции речи. Для этой цели употребляются как обращения к слушающему, так и формы речи, которые индивидуализируют самого говорящего.

С точки зрения **слушающего**, речь должна быть не только воспринята, понята, но и оценена по достоинству, так как содержание речи и ее оформление может вольно или невольно нанести ущерб слушающему и третьим лицам. Поэтому при осмыслении речи необходимо не только понять замысел говорящего, оценить этот замысел с точки зрения его содержания и авторского мнения и намерения, но и оценить направленность этого замысла, его полезность. Это использование **человеком оценочной** функции речи.

Но для того, чтобы могли реализоваться обе эти функции по поводу мыслительного содержания речи, необходимо, чтобы **оба участника** речевого общения достаточно хорошо

владели единым, общим, не зависящим от данного акта коммуникации значением знаков - коммуникативным значением. Например: *Что это* (русск.). Одинаковые по содержанию высказывания, однако одно из них понятно в китайской языковой среде, а другое - в русской. Экспрессивное и оценочное значения выражений могут быть одинаковы и не зависеть от языка, а коммуникативное - всегда зависит от языка.

Использование говорящим слов и выражений, понятных слушающему, и адекватное распознавание языковой формы этого высказывания слушающим называют реализацией **коммуникативной функции** речи. Например, преподаватель, войдя в класс, видит запачканную классную доску и произносит с возмущением: "**Дежурный, что это?**" Дежурный отвечает: "*А что это?*" - как бы недоумевая, о чем вопрос. Экспрессивная функция высказываний различна: преподаватель возмущен тем, что доска не вытерта; дежурный успокаивает: "У нас все в порядке, стоит ли волноваться?" Оценочная функция высказываний также различна. Дежурный: "Вот пристал, что особенного, забыли стереть!.."; преподаватель: "Хулиган, еще передразнивает!"

Увеличение значения коммуникативной функции по сравнению со значениями экспрессивной и оценочной функций пропорционально длине, абстрактности и сложности высказывания. Сравните: *Эй!* и *В равнобедренном треугольнике углы при основании равны*. Окрик *Эй!*, например при опасности на улице, может быть почти адекватно понят даже человеком, не знающим русского языка, но для понимания второго предложения необходимо достаточно хорошо знать русский язык.

В силу ориентированности коммуникативной функции на общезначимое в разных видах речи и ориентированности оценочной и экспрессивной функций на конкретную речь нередко коммуникативную функцию считают специфической для языка, а экспрессивную и оценочную функции - речевыми, производными от коммуникативной. Однако в реальном сообщении мысль всегда оформляется речью по трем функциям одновременно. Характерно, что по правилам создания высказываний и оформления мысли как говорящий, так и слушающий обязательно мысленно ставят себя на место партнера. Таким образом, в мысли говорящий и слушающий всегда рассматривают экспрессивную, оценочную и коммуникативную функции и творчески комбинируют их, создавая языковую форму выражения данной мысли.

Специфика языкового выражения мысли наглядно проявляет себя не только в каждом акте речи, где у знаков языка много общего с неязыковыми знаками, но и в типах актов речи, где мысль приобретает особую содержательную направленность, связанную с особыми формами речи*.

*(Кроме экспрессивной, оценочной и коммуникативной функций, языковеды выделяют еще много других функций языка: апеллятивную (привлечь внимание получателя речи к самой речи), фатическую (поддерживать речевой контакт), эстетическую (добиваться совершенствования выражений), а также обучающую, моделирующую, прогностическую, кумулятивную и т.д. Это зависит от того, как рассматривается речевая деятельность человека. Наиболее простой способ рассмотреть речевую деятельность - это представить акт речи в таком виде: говорящий - речь - слушающий, когда крайние члены этой формулы представляют соответственно экспрессивную и оценочную функции, средний - коммуникативную.)

Формы мысли в речи

В результате экспрессивного, оценочного и коммуникативного осмысления высказываний материал речи членится, приобретает форму, соответствующую мысли, передаваемой высказыванием. Мысль для передачи другим лицам также формируется по законам языка. В основе ее формирования лежат два фактора: 1) кто кому говорит, т.е. каковы отношения говорящего и слушающего в акте речи; 2) что говорится, т.е. модальное и предметно-тематическое содержание высказывания.

Модальное и предметно-тематическое содержание высказываний зависит от того, кто кому говорит, так как речь говорящего ведется в соответствии с интересами слушающего. Различия модального и предметно-тематического содержания высказываний в зависимости от интересов

участников акта общения могут быть суммированы и сведены к основным типичным случаям в соответствии с поводом, или причиной, или целью речи.

В зависимости от повода, причины, цели речи складываются формы речи-мысли, так как когда кто-то сообщает кому-то о чем-то, то говорящий старается высказать мысль самым доходчивым образом и формирует свою речь соответственно этому. Таким образом, между участниками акта речи и предметом речи в качестве посредника выступает форма речи.

Существуют три основных повода, или причины, или цели речи: убеждение, развлечение, установление истины и обучение. В случае **убеждения** говорящий непосредственно навязывает слушающему эмоции, мнения, мысли и волю, **вынуждая** принять образ мысли говорящего и действовать соответственно этому. В случае **развлечения** говорящий не имеет цели вызвать действия слушающего, поэтому не навязывает ему своей воли, а только **сообщает** что-то с целью возбудить в слушающем интерес к предмету, эмоции и мысли по поводу сказанного. В случае **установления истины** или **обучения** говорящий **доказывает** слушающему характер природы вещей, т.е. аргументирует в пользу истинного знания.

В античности эти три формы речи-мысли соответствовали трем сферам публичной речи: суд, собрание граждан и праздник (навязывать свое мнение); театр, публичное исполнение эпоса, домашнее занятие искусством (сообщать); обучение и философский ученый диспут (устанавливать истину).

Формы речи определяются также отношением данной речи к содержанию предшествовавшей речи, к мобилизации в речи понятийной и образной сторон речевого мышления, к переходу от мысли к эмоции, воле и действию, т.е. к реализации замысла конкретной деятельности, и к использованию способности человека к абстракции, и наконец, к характеру аудитории. Так возникает определенная направленность содержания речи в каждом типе речи.

В соответствии с направленностью содержания речи по поводам и целям мысль, выраженная в формах речи, бывает трех родов: **риторическая, поэтическая и логическая**, т.е. мысль, выраженная в риторической форме, мысль, выраженная в поэтической форме, и мысль, выраженная в логической форме. Логическая, риторическая и поэтическая мысли различаются по тому, как речь соотносится с действиями человека и какую форму она принимает в акте речи. Логическая и поэтическая мысли предполагают лишь постижение действительности, но не требуют от человека действий; риторическая мысль, напротив, построена так, что связана с действиями людей. Логическая и риторическая мысли связаны с доказыванием абстрактных положений. Поэтическая мысль, напротив, показывает реальное или воображенное положение вещей. Риторическая и поэтическая мысли возбуждают чувства. Логическая мысль, как бы ни была она увлекательна сама по себе, не обращается к чувству.

Наглядно различия трех основных родов мысли можно представить в таблице:

Признаки речи-мысли	Формы речи-мысли		
	риторическая	поэтическая	логическая
Постигание действительности без перехода к действиям	-	+	+
Доказывание положений	+	-	+
Возбуждение чувств	+	+	-

Мысль в риторической форме

Риторическая мысль является основной, исходной формой речевого выражения мысли. Мысль, выраженная в риторической форме, имеет три основные разновидности, которые **по их отношению ко времени и к лицам речи** (т.е. говорящему и слушающему) можно условно назвать так: предположение, утверждение, научение.

Предположение - это мысль о том, каким может стать тот или иной предмет речи. Это может быть мнение, интуитивное угадывание, научный прогноз, вывод о свойствах объекта, план и, наконец, указание или даже приказ о действиях. Во всех случаях мысль обращена к будущим событиям.

Утверждение - это мысль о событиях, имевших место в прошлом, результаты которых прямо или косвенно связаны с настоящим. Утверждение всегда содержит истолкование существа или отдельных сторон вещей или событий. Предметы мысли как бы узнаются с новой стороны. Сюда входят разного рода объяснения вещей, ситуаций и положений. Поскольку утверждение почти всегда касается предметов, уже объяснявшихся ранее, в него нередко включаются доказательства истинного и опровержения ложного. В описании различается данное ранее и новое. При утверждении прибегают к полемическому характеру выражения.

Научение состоит в том, что слушающему сообщают знание, прививают навыки и добиваются усвоения знаний и навыков. При научении диалог почти обязателен. В диалоге происходит передача знания, опрос, ответ и извещение учащегося о результатах усвоения знания и навыков. Содержание речи в обучении имеет систематический характер. Высказывания относятся к действительности как бы вне времени, т.е. в них передаются объективные законы и правила, действующие всегда.

Формальное отличие предположения, утверждения, научения друг от друга состоит в том, что утверждение и научение как виды речи всегда предполагают прямой или опосредованный переход к конкретным действиям, а предположение необязательно должно завершиться таким переходом. Предположение и утверждение обязательно соотносены с конкретным моментом времени, а научение - не обязательно. Предположение и научение не обязательно требуют перестройки отношения к действительности в действиях людей, тогда как утверждение есть, по сути дела, переописание уже описанного, оно обязательно требует изменения отношения к действительности.

Признаки речи-мысли	Формы риторической речи-мысли		
	предполагание	утверждение	научение
Обязательность перехода к конкретным действиям	-	+	+
Обязательная отнесенность речи к конкретному моменту времени	+	+	-
Необязательность перестройки отношения к действительности в действиях людей	+	-	+

Предположение, утверждение, научение как риторические формы речи-мысли были известны со времен античности. Аристотель (384 - 322 до н.э.) в "Риторике" поделил риторическую речь на три вида: совещательную, судебную и показательную. Терминология Аристотеля была связана с формами публичной речи в греческом полисе. С развитием родов, видов и разновидностей речи в

риторической или предметно-практической устной и письменной речи принципиальное деление риторической речи на три части сохранилось. Сохранились и основные признаки такого деления, изменялись только их названия в связи с развитием форм прозаической речи.

Мысль в поэтической форме

Поэтическая форма речи-мысли отличается от риторической и логической двумя важнейшими формальными и смысловыми признаками: это речь обязательно украшенная и содержащая мимесис ('подражание').

Под **украшенностью** речи понимается прежде всего сопровождение речи искусствами - музыкой, изображением, а также архитектурой, костюмом, аксессуарами. Образцом полной украшенности речи является театр, где в целях раскрытия содержания речи используются все искусства одновременно. Совместное действие всех искусств создает единое содержание. Это **содержание в основном образное, так как соединение искусств в одно смысловое целое может произойти только в образе** [2].

Всякий образ для того, чтобы быть понятным, должен быть подражанием чему-то известному. Однако образ не является полным воспроизведением вещи, которой он подражает (в этом случае это уже дубликат вещи, нередко подделка). Образ подражает некоторым сторонам действительности, взятым так, что совокупность сторон действительности, изображаемых определенным способом, ограничена по условию создания этого образа. В образе заключено условное изображение действительности, рассматривая которое слушатель (и зритель) раскрывает для себя сущность изображаемого объекта. Верно построенный образ подражает именно тем сторонам предмета действительности, которые раскрывают его сущность [11]. Свойство образа - формировать органическую связь некоторых сторон объекта и тем раскрывать его сущность, невидимую из-за бесконечной многосторонности объекта, - делает образ мощным средством познания [11]. Аристотель в "Поэтике" не без иронии замечает, что зритель в театре испытывает удовлетворение от того, что познает, но не долго помнит познанное. Это замечание подтверждает то, что поэтическая форма речи-мысли необязательна для слушателя (и зрителя). Слушатель (и зритель) не дает поэту или кому-либо отчета в том, как понят и изучен им образ. Вот почему образ понимается с разной степенью глубины и с разной направленностью мысли. Привлечением слушателя (и зрителя) к поэтическому произведению является особое удовлетворение, которое он испытывает после восприятия поэтической речи. Это удовлетворение было названо **катарсисом** ('очищение'). Эмоциональная, психическая природа этого удовлетворения не вполне ясна. Тем не менее катарсис как результат восприятия поэтической речи - неотъемлемое свойство культурного человека [2].

Поэтическая речь отличается от прозаической особым отношением слова к смыслу. В соответствии с теорией литературы "в художественных произведениях всегда изображаются какие-то индивидуальности, или, шире, нечто индивидуальное. Но изображенные индивидуальности интересуют и самих художников, и воспринимающую их произведения общественность прежде всего потому, что в них воплощены какие-то общие ("всеобщие") существенные ("субстанциальные") особенности ("силы") жизни. И только в той мере, в какой изображенная индивидуальность **отчетливо** проявляет в себе свою жизненную существенность, она выступает и осознается как характер, или, точнее, как нечто "характерное" [72, 44].

Поэтическое изображение индивидуального надо отличать от прозаического: "В тексте таких [не художественных] сочинений даются изображения отдельных явлений - словесные и фотографические. Они имеют значение конкретных примеров, с помощью которых поясняются, иллюстрируются те общие положения и выводы, которые развиваются предварительно в отвлеченных понятиях. Это - **иллюстративные** образы. Они должны быть **достоверными и объективными** иллюстрациями познавательных обобщений автора-ученого, философа, публициста. Поэтому такие образы всегда бывают воспроизведением наиболее **характерных** явлений, существующих в самой действительности. В них никак не может проявляться ни

творческое воображение автора, ни его эмоциональное отношение к предмету. В этом они противоположны образам искусства.

Есть еще один вид образов, часто встречающийся в информационной прессе - в газетах и журналах. Это образы словесные или фотографические, которые создаются для познания неповторимых, **индивидуальных** свойств явлений жизни, отдельных ее фактов, вызывающих общественный интерес. Это - образы **фактографические**. Они должны быть достоверным воспроизведением индивидуального, и в их создании также не может иметь никакого места ни творческое воображение, ни эмоции создающих их людей; и они, в этом отношении, противоположны художественным образам" [12, 51].

Это значит, что в прозаическом изображении слово может быть сопоставлено с фотографией, а в поэтическом - не может, так как прозаическое изображение индивидуального есть изображение конкретного случая, действительно имевшего место в жизни. Этот факт должен служить либо иллюстрацией правила (как в науке), либо быть объектом исследования (как в массовой информации).

Поэтическое изображение индивидуального в речи можно сопоставить с рисунком (например, художественной иллюстрацией романа). Там образ создается воображением художника на основании обобщения разных сторон жизни и многих фактов, и при этом так, что несущественные для замысла художника стороны отбрасываются, а сохраняются и усиливаются существенные. "Проявляя активный интерес к тем их [общественно-исторических характеров] **сторонам**, которые представляются ему [писателю] наиболее существенными, писатель **выделяет, усиливает, развивает** именно эти стороны в новом, **вымышленном** индивидуальном воплощении характеров" [72, 49-50].

Так как художественная индивидуализация основана на обобщении, она есть абстракция, но абстракция образная, а не понятийная. Образ должен быть узнан как образ. Поэтому в нем воображением должны быть соединены разные, нередко не совместимые в логическом рассуждении детали. Писатель выражает эмоциональную оценку "через подробности изображения... через детали... образов" [72, 50]. "Художественное произведение - это **экспрессивное единство образных деталей**", которые вместе рисуют образ по общим законам эстетики [72, 50]. "Произведения словесного искусства, как и искусства вообще, **по-своему** прекрасны тогда, когда их специфическое художественное содержание с высоким совершенством выражено в экспрессивно-образной художественной форме" [72, 53].

При формировании художественного образа благодаря индивидуальности его конструкции автор не может обойтись без выражения оценки этого образа. Такая оценка формирует как бы условия понимания образа читателем. Эта оценка выражает эмоциональное отношение, которое автор формулирует по отношению к созданному им образу. Эмоциональная оценка является существенной стороной замысла художника, соединяющей отдельные детали образа и разные образы произведения в одно целое. Если произведение сложное и содержит много образов, то общая эмоциональная оценка также становится сложной, детализированной, нередко неожиданной для читателя, что составляет одну из основ привлекательности произведения.

Сложность структуры смысла художественного текста позволяет дать классификацию основных типов художественных текстов - родов литературы - по характеру их образности. Современная теория литературы разделяет художественную речь по характеру аудитории и исполнения на **драму**, с одной стороны, и **эпос** и **лирику** - с другой. Драма представляет собой синтетическое искусство, где речь украшена другими видами искусств. Драмы для чтения - исключения из этого правила. Читатель таких драм как бы дорисовывает в своем воображении "украшения" такой драмы, т.е. творит вместо постановщика, актеров, художника, музыкантов.

Эпос и лирика могут сопровождаться музыкой, но их главное назначение - быть собственно речью. Поэтому драма различается по характеру пафоса на жанры комедии, трагедии и собственно драмы, а эпос и лирика имеют жанровые различия по предмету изображения (например, пейзажная лирика, любовная лирика и т.д.).

Между эпосом и лирикой существуют как бы переходные, лиро-эпические произведения.

По структуре изображения эпос отражает действительность в аспекте **человеческого бытия**. Поэтому в эпосе персонажи действуют словом и поступком. Лирика же формирует образ в аспекте **общественно-исторического сознания**. "Лирика отличается от эпоса прежде всего по существующему в ней **соотношению** субъекта и объекта познания жизни".

"Когда писатель выражает свои идейные интересы и эмоциональное отношение к жизни лирически, в аспекте общественного сознания [а не общественного бытия. - Ю. А], он может исходить при этом прежде всего из осмысления характерности своего собственного внутреннего мира, своих мыслей, чувств, стремлений. Так обычно и бывает - в подавляющем большинстве лирических произведений основным предметом познания является внутренний мир самого писателя (поэта), его общественное сознание" [12, 105 -106]. Драма же похожа на эпос в том отношении, что в ней представлено именно **общественное бытие**. "Соотношение бытия и сознания персонажей в эпосе и драматургии одинаковое. Поэтому-то и возможна бывает перестройка эпических произведений в драматургические" [12, 115].

Еще одной характерной чертой художественной речи является то, что автор должен обозначить условность текста, вымышленность персонажей и событий. Это обозначение зависит от того, в каком роде литературы создается произведение. В драме само сценическое пластическое воплощение персонажей предполагает условность и вымысел. В лирике сам предмет - описание мировоззрения и мироощущения автора, осознание им общественного бытия - предполагает, что автор исследует и описывает свое сознание, т.е. описывает не реалии, а их отображение в сознании. В эпосе, где описываются люди и их действия, поэтический текст может быть соединен с прозаическим (например, с текстами историческими, мемуарными, информационными жанрами и даже деловой письменностью). Поэтому эпический текст должен содержать такие части, которые указали бы на вымысел и условность. В английской практике иногда это обращается в издательское требование добавить слово "фикция" (англ. fiction) на титульный лист издания. Но в большей части сочинений этого рода условность и вымысел даны как то или иное словесно выраженное отношение автора к тексту. Например, как изложение рассказа кого-либо (сказовая форма эпоса), как создание образа автора путем имитации определенного речевого типа и путем соотнесения времени описываемых событий со временем рассказа, когда время событий и время рассказа не совпадают, что указывает на вымышленность повествования.

Развитие поэтической речи обогатило ее жанрами и их местными и историческими вариантами. В истории литературы известны многие жанровые разновидности поэтической речи, каждая из которых имеет свое значение.

Особенность поэтической речи состоит в характере внушаемой ею эмоции. Если в прозаической речи эмоция внушается прямо (риторика говорит, что можно хвалить слушателя, высказывать любовь к нему, иронизировать над ним и даже угрожать ему), то в поэтической речи эмоциональное внушение совершается косвенно. Например, по ходу развития сюжета характеры эмоционально воздействуют друг на друга (по принципу прозы), а слушатель или зритель лишь сострадает характерам или испытывает страх за них, наблюдая развитие действия (по принципу поэзии). Поэтому поэтическая эмоция возникает на основе сопереживания, которое испытывает аудитория. Оценка изображаемой эмоции вместе с рассмотрением зрителем (слушателем или читателем) образа, данного в произведении, и средств языка, которыми этот образ создан, формирует особую, свойственную только поэтической речи эмоционально-оценочную функцию. Эмоциональная оценка художественной речи составляет как бы чувственный фундамент ее эстетического восприятия.

В связи с этим родом восприятия поэтическая речь приспособляется к эмоциональной оценке слушателя и рождает жанровые разновидности речи, а также стиховую и нестиховые формы речи. К формам речи, демонстрирующим искусство владения словом, относится метрическая и неметрическая (периодическая) речь, речь рифмованная и нерифмованная, речь периодическая и строфическая. Используются различные сочетания созвучий (а затем и графических форм), создающих особое эстетическое впечатление.

Вместе с организацией звуковой стороны поэтической речи происходит организация ее смысла. Смысловая сторона поэтической речи организуется, как уже сказано, на основе подражания. Прежде всего это подражание прозаической речи с ее формами диалога и монолога, а также родам риторической речи с их видами и разновидностями.

При построении поэтического образа средствами речи важным критерием является наглядность образа, что отражается в синтаксисе речи. Синтаксис поэтической речи по условиям мимесиса также сильно отклоняется от литературного прозаического синтаксиса, особенно в речи персонажей, когда присутствует подражание определенным типам речи, являющееся одним из изобразительных средств художественной речи [5].

Мысль в логической форме

Логическая форма мысли характерна как для поэзии, так и для прозы. Законы логики действуют так, что, являясь отображением наиболее общих законов природы и общества, они служат анализу рационального познания, выраженного в словах*.

*(См.: Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.)

Если законы, управляющие образным строем художественной речи, подчиняются законам эстетики, художественного творчества вообще, то законы логики, касаясь слова, подчиняются общим законам рационального мышления. Для реализации законов логики в речи, построенной по этим законам, формируются определенные типы высказываний: определение, суждение и умозаключение.

Определение представляет собой высказывание о смысле слова или выражения. Аристотель требовал, чтобы определение было соразмерным, т.е. не узким и не широким, но действительно охватывающим смысл слова, ясным, т.е. выраженным недвусмысленно, и не отрицательным [7]. Со стороны содержания определение должно назвать род и указать видовое отличие.

Таким образом, определение есть такое объяснение имени, которое отражает наиболее существенные свойства предмета, названного именем. Определение, по мнению Аристотеля, "должно вскрыть не только, что есть, как это делается в большинстве определений, но определение должно заключать в себе и обнаруживать причину" [1, 38].

Добиться этого трудно, особенно если предмет не познан с достаточной полнотой. Поэтому при выработке определения прибегают к дополнительным формам высказывания: указанию, объяснению, описанию, характеристике, сравнению, различению. Эти формы высказываний изучаются как логикой, так и риторикой. Цель этих высказываний состоит в том, чтобы отразить в определении существенные стороны характеризуемого предмета мысли. С точки зрения материалистической диалектики правильное определение - это определение, вытекающее из развития самого предмета*.

*(См.: Кондаков Н.И. Логический словарь. С. 355-356.)

Определения создаются рядом познавательных-языковых приемов. Так, различаются:

1) родо-видовые определения: **Телефон - одно из средств связи (телефон - определяемое, одно из средств связи - род);**

2) генетические определения, которые строятся на объяснении происхождения предмета, указании на способ, которым создан определяемый предмет: **Окружность - кривая линия, образованная движением точки, сохраняющей равное расстояние от центра** (окружность образована движением циркуля, когда одна из его ножек находится в центре, а другая образует замкнутую кривую линию);

3) реальные определения, которые указывают на отличительные признаки предмета, названного словом: **Очки - оптический прибор для коррекции зрения;**

4) номинальные определения, которые служат истолкованию значения слова: **Словом "оптика" называют раздел физики, изучающий свойства света;**

5) остенсивные определения, которые указывают на предмет, который тут же называют словом: **Это - очки;**

6) операционные определения, в которых свойства объекта, называемого словом, определяются по операциям с этим объектом: **Стекла очков для дальнорезких увеличивают изображение объекта;**

7) синтаксические определения, в которых описывается мыслительное действие над значением слова: **Термин "морфема" означает, что комплекс звуков, передающий значение морфемы, не может по правилам различения уровней языка обозначать предмет и выражать понятие;**

8) семантические определения, в которых значение слова определяется через предмет: **Морфема - часть слова, имеющая ассоциативное значение*.**

*(См.: Кондаков Н.И. Логический словарь. С. 355 - 356.)

Существуют и другие виды определений: 1) через отношение (например: **Синтаксис описывает отношение слова и предложения в языке и речи**) и его частный случай - через противоположность; 2) через перечисление, когда представление, выражаемое словом, определяется указанием на все предметы, соотносимые с этим представлением (например: **Все конкретные слова, входящие в словарь, представляют слово как объект лексикологии**) и др.

Суждение есть высказывание, когда, пользуясь установленными определениями смысла слов и выражений, утверждают или отрицают что-либо относительно предметов и явлений, их свойств и качеств, связей и отношений. Суждение бывает либо истинным, либо ложным.

Умозаключением в логике называют высказывание, возникающее в результате умственной операции или логического действия, состоящего из нескольких связанных суждений (произнесенных или осмысленных без произнесения). В результате формируется суждение, содержащее новое знание. Это знание выводится из косвенного опыта только на основании доверия к истине, высказанной в суждениях, подвергшихся логическим действиям, и законов логики. "Поскольку в процессе данного логического действия [вывода, умозаключения. - Ю.Р.] мы не прибегаем к проверке заключения, или вывода... опытным путем, постольку умозаключение можно назвать формой опосредованного познания действительности"*.

*(Там же. С. 551.)

Для того, чтобы умозаключение было правильным, нужно, чтобы связь суждений была построена правильно. "Суждения связываются в умозаключении потому, что в объективной действительности связаны предметы и явления, которые отображаются в суждениях", т.е. логическая связь суждений отображает общие закономерности мира в движении смысла речи*.

*(Кондаков Н.И. Логический словарь. С. 551.)

Истинность умозаключения зависит от истинности суждений, т.е. от соответствия их содержания действительности и правильности логического действия. Существуют умозаключения по индукции, умозаключения по дедукции, умозаключения по аналогии, умозаключения по традукции (когда вывод идет от единичного к единичному, или от частного к частному, или от общего к общему: *ван брат Петра, Петр брат Степана*, следовательно, *Иван брат Степана*), непосредственные умозаключения (когда знание выводится только из одной посылки: *Доблестные воины не покидают строя*, следовательно, *Покинувший строй воин лишен доблести*), умозаключения равенства (*Иван доблестью равен Петру. Степан доблестью равен Петру*, следовательно, *Иван доблестью равен Степану*), умозаключения степени (*Иван явил доблесть раньше Петра. Петр явил доблесть раньше Степана*, следовательно, *Иван явил доблесть раньше Степана*), а также умозаключения вероятности, достоверности, модальности, от подчиненного к подчиняющему, от подчиняющего к подчиненному, от противоположности, смешанное и др.

Для умозаключения важна словесная форма выражения. Умозаключения могут быть неправильными по словесному выражению. Это бывает в тех случаях, когда смысл слов в суждениях, использованных для вывода, определен недостаточно или неверно. На этом построены многие софизмы. Например: *рогатый - 'то, что ты не потерял, ты имеешь; ты не потерял рогов, следовательно, ты имеешь рога'*; слово *потеря* имеет два значения: 1) 'лишиться

того, что есть', 2) 'не обладать чем-либо'. В точности смысла слов и выражений проявляется зависимость умозаключений от определений.

Логика, помимо правильности умозаключений, оценивает неправильные умозаключения. Если неправильное умозаключение создано с целью ввести слушателя в заблуждение, то оно называется софизмом. Если же неправильное умозаключение возникло вследствие заблуждения говорящего, то это **паралогизм**. Таким образом, логика вводит этическую оценку умозаключений.

Логика разрабатывает законы правильной мысли, выраженной в слове, поэтому постоянно возрастает количество видов определений, суждений и умозаключений. Язык оценивает и вводит в оборот все новые виды соответствия форм выражения мысли действительности. Этот процесс бесконечен, так как мысль и речь развиваются вместе с познавательными способностями людей, с их технической вооруженностью, с развитием культуры.

Определение, суждение и умозаключение есть важнейшие формы рече мыслительных отношений, когда мысль словесно выражена на уровне предложения. Исследование правильного движения мысли в речи на уровне связи предложений представлено как бы опосредованно - через суждения, выраженные в предложениях. Эта связь мыслей в периоде, в логически организованной речи получает в логике свое деление и свои термины: силлогизм, энтимема, пример.

Силлогизмом называют сочетание мыслей, приводящее к умозаключению. "Силлогизм - это умозаключение, в силу которого, признав истинность посылок силлогизма, нельзя не согласиться с истинностью заключения, вытекающего из посылок"*. Силлогизмы имеют разные формы, или **фигуры**, которые, в свою очередь, разделяются на **модусы**. "В силлогизме отобразились самые обычные отношения вещей. Человек много раз наблюдал связь рода и вида, общего и единичного в материальном мире, которая выражается в следующем: то, что характерно для рода, характерно и для вида, то, что присуще общему, присуще и единичному"**.

*(Кондаков Н.И. Логический словарь. С. 460.)

***(Там же. С. 461.)

Благодаря существованию фигур и модусов, отображающих наиболее общие отношения вещей, становится возможным применить формальную символическую запись, характеризующую смысловые отношения между суждениями и их частями в силлогизмах. Так мышление получает опору не только в словесном, но и в формальном языке, когда буквы и другие символы заменяют слова в определенной смысловой функции. Так развивается формальная, а затем и математическая логика.

Энтимема - сокращенный силлогизм, в котором опущена и подразумевается одна из частей. В обыденной и художественной речи и во многих случаях деловой и научной прозы полные силлогизмы употребляются редко. Силлогизм сокращается до энтимемы тогда, когда не нужно повторять всем известные положения (или общие места). Не все фигуры и модусы допускают перевод их в энтимемы.

Из-за скрытого силлогизма энтимемы могут быть кажущимися, что обнаруживается при перестройке энтимемы в силлогизм. Например, "если кто-нибудь говорит, что Дионисий - вор на том основании, что он дурной человек, это не есть [правильный] силлогизм, ибо не всякий дурной человек - вор, но всякий вор - дурной человек" [4, 121]. Аристотель выделяет **элемент и топ энтимемы**. "Есть два вида энтимем: одни показательные [показывающие], что что-нибудь существует или не существует, другие - обличительные. Они различаются между собой так же, как в диалектике доказательство (eleghos) и силлогизм. Показательная энтимема есть силлогизм, построенный на основании посылок, признаваемых [противником], а энтимема обличительная есть силлогизм с посылками, не признаваемыми [противником]". Конкретный характер топов служит для дальнейшего разделения энтимем; например, "для показательных энтимем один топ заключается в понятии противоположном: нужно смотреть, есть ли для противоположного противоположное, уничтожая [доказательство], если противоположное есть" [4, 111]. Еще пример (из Еврипида): "...если возможно пред людьми говорить ложь правдоподобным образом, // то следует тебе предполагать и противоположное - // что много истинного в глазах людей

является неправдоподобным". Другой топ - изобличительный - заключается "в рассмотрении противоречий, если какое-нибудь противоречие очевидно... например... этот человек никогда ничего не ссужал, а я освободил [от рабства] многих из вас".

Самым сокращенным видом логической формы является **пример**. Пример - одна из форм доказательства. "Пример - факт, конкретный случай, который приводится с целью пояснения, освещения или в качестве довода (аргумента) в ходе доказательства истинности какого-либо тезиса (положения). Факты, говорится в английской пословице, упрямая вещь. "Факты, - добавляет В.И. Ленин, - если взять их в их **целом**, в их связи, не только "упрямая", но и безусловно доказательная вещь"*. Пример приводится в виде иллюстрации высказанного положения, для подкрепления его по неполной индукции. Пример - это описание факта для экспериментального и логического исследования этого факта. Примеры могут приводиться для показа разных сторон явления действительности и служить первоначальной моделью для логического исследования. Тогда примеры выстраиваются в описание явления.

*(Кондаков Н.И. Логический словарь. С. 416.)

В отличие от образа художественной речи, передающего разные стороны объекта, пример показывает только один его признак. Поэтому художественный образ не может перейти в пример. Пример обычно представляет собой "зародыш" понятия, развиваемого в суждении. Он является основанием логической индукции. Вот почему логическая форма речи состоит обычно из двух частей: суждений, описывающих понятие, его признаки и объем, и примеров, показывающих наглядно признаки вещей, составляющих объем понятия. Так, например, построены многие грамматики, составленные из правил-суждений и относящихся к ним примеров.

Перечисление примеров одного рода, т.е. объединяемых общим признаком, содержит переход к индуктивному умозаключению. Такие умозаключения передают связи классов предметов и общих этим классам предметов признаков; далее они могут быть соединены друг с другом через силлогизмы и энтимемы.

Особое место в логическом познании занимают сочиненные примеры. Такие примеры играют роль гипотез или теорем, которые затем логически доказываются. Возьмем теорему: В равнобедренном треугольнике углы при основании равны - это предположение, основанное на построении чертежей треугольников; существует несколько способов доказать эту теорему силлогистически. Сочиненные примеры удобны для логического познания потому, что, проверяясь доказательствами разного характера, они могут быть не только доказаны, но и опровергнуты. Тогда суждение, составляющее теорему, признается ложным. Доказательства ложности теоремы весьма существенны для развития знания.

Сложным видом сочиненного примера является так называемый мыслительный эксперимент. В этом случае в качестве примера выдвигается предположение о природе изучаемого объекта, дается гипотетическое описание этого объекта. Затем это описание рассматривается силлогистически, а нередко и математически. Следствия, вытекающие из этого рассмотрения, есть предполагаемые свойства объекта. Если следствия совпали (или оказались близкими) со свойствами объекта, то "мыслительный эксперимент" с известной степенью точности определил природу изучаемого объекта, если же совпадения нет, то природа объекта должна быть иной, чем она была предположена.

Сочиненные примеры как логическая форма речи-мысли употребляются и при энтимематических доказательствах. Такими примерами могут быть, в частности, притчи и басни. "...Лошадь одна владела пастбищем; когда же пришел олень и начал портить пастбище, то лошадь, желая отомстить оленю, спросила какого-то человека, не может ли он посодействовать ей в этом; он отвечал, что может, если возьмет узду и сам сядет на нее, с копьём в руках. Когда лошадь согласилась на это и он сел на нее, то вместо того, чтобы отомстить оленю, лошадь сама попала в рабство". Этой притчей отговаривали жителей города Гимеры от того, чтобы избранному жителями полководцу с неограниченной властью дать еще и телохранителей. К этому примеру была добавлена энтимема: "Берегитесь, как бы, желая отомстить врагам, не попасть в такое же положение, в какое попала лошадь" [4, 105].

Силлогизмы, энтимемы и примеры формируют умозаключения. Общее содержание умозаключения без его членения на термины составляет понятие. Понятие представляет собой итог мыслительной деятельности, окончательный или промежуточный. В понятия благодаря познавательной деятельности переходят представления. Понятие отличается от представления тем, что оно безобразно, является итогом абстракции. "...Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни"* . Поскольку понятия формулируются в речи на базе представлений, в основном благодаря логической познавательной деятельности, они "должны быть... обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир"**.

*(Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 226-227.)

** (Там же. С. 131.)

Представление единично, но оно связано с другими представлениями по ассоциации. С точки зрения такой формы мысли, как представление, мир предстает как набор картин, либо сосуществующих, либо сменяющихся в нашем сознании усилием воли, чувства или фантазии. Понятия более гибки и стремительны, чем представления, так как в понятиях мысль связывает стороны вещей и явлений, их принципиально важные качества.

Слово сварка, например, вызывает в душе представление о ярком огне, о сварщике, вооруженном электродом, но понятие сварка как 'прочное соединение вещей путем нагрева соединяемых поверхностей' объединяет потенциально бесконечно большую картину жизни: это сварка в кузнице (например, ударами молота наваривают лапу якоря на веретено якоря), газовая сварка, электросварка, лазерная сварка, сварка различными аппаратами под флюсом и без флюса, контактная и неконтактная и т.д.

В понятии объединяются разнородные представления, с одной стороны, и заключается глубокая абстрактная мысль, схватывающая суть явления, которая не дана в представлении, - с другой. Поэтому "логические понятия субъективны, пока остаются "абстрактными", в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи в себе [т.е. скрытую природу вещей. - Ю.Р.]. Природа и конкретна и абстрактна, и явление и суть, и мгновение и отношение. Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике"* . Реальность, общественно засвидетельствованная развитием речи-мысли, показывает, что без словесного выражения понятие не может быть сформировано, изменено, не может вступить в контакт с другими понятиями.

*(Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 190.)

При формировании научного знания понятия образуют систему. Эта система строится в каждый данный момент существования научного знания так, что понятия вступают в отношения совместимости-несовместимости, тождества, подчинения, противоположности, разделенности и др. Но научное знание, имеющее форму системы понятий, развивается и каждое понятие имеет историю. Синхронная система понятий в науке и развитие всех понятий отражены в научной терминологии и фразеологии и не могут существовать без словесного выражения.

Научное знание пользуется понятийной формой мысли по преимуществу. Однако знания бывают практическими, техническими, эстетическими и др. Эти виды знания не обязательно имеют столь же развернутые системы понятий. Нередко они существуют как конгломераты небольших систем (например, приметы погоды, знания ремесел и др.). Естественно, что в этих формах знания понятия менее абстрактны и не столь глубоко схватывают суть явлений. Но от того они не перестают быть понятиями.

Чем меньше одно понятие связано с другими в определениях, суждениях, умозаключениях через силлогизмы, энтимемы и примеры, тем менее оно разработано, менее ясно, тем ближе к словесному образу вещи. И наоборот, понятие развивается, уточняется в рече-мыслительном процессе, каждая часть которого так или иначе соотносена с действительностью. Поэтому каждое понятие своим развитием способствует постоянному становлению знания.

Соединение риторической, поэтической и логической форм мысли

Речь как целое представляет собой единство: риторический аспект умственного труда высвечивает отношение содержания речи к действительности в пространстве и времени и относительно общающихся людей; художественно-эстетический аспект представляет собой перевод первоначальных представлений о вещах, отраженных в значениях слов, в образное понимание существенных сторон жизни людей и их духовного мира; логический аспект развертывает понятийное мышление, направленное на выработку понятий как диалектического отражения природы и общества, противостоящего объективно отражающему их разуму. Все эти мыслительные движения совершаются в речи одновременно и осложняются выражением чувств и воли. Таким образом, мыслительная и всякая психическая деятельность находит в речи сложное выражение. Язык не сравним ни с каким видом искусства или другими средствами семиозиса по степени сложности и подвижности выражения содержания мысли.

Риторические, **поэтические** и логические формы речи-мысли в более или менее чистом виде определяются только для некоторых текстов и ситуаций общения. Уже в античности существовало понимание того, что многие виды словесности не подчиняются строго этому различению, так как совмещают в себе риторические и поэтические, риторические и логические формы речи-мысли. В фольклоре, т.е. в мифах, баснях и т.п., известных из древности, нередко совмещались риторические и поэтические формы речи-мысли. В исторических или других прозаических сочинениях совмещались риторические, поэтические и логические формы речи-мысли. В деловых речах (совещательных, судебных и т.п.) нередко совмещались фрагменты, содержавшие риторические, поэтические и логические формы речи-мысли.

С развитием словесности усложнялись соотношения между разными формами речи-мысли. **Логическая** форма речи-мысли развивалась так, что выделился формальный язык логики и были созданы логические исчисления. Наряду с этим не утратили своего значения и развились классические формы речи-мысли, содержащие в себе силлогизмы, энтимемы и примеры, состоящие из обычных слов. Это повело к разработке синтаксиса научного изложения.

Развились и поэтические формы речи-мысли. Помимо классических поэтических жанров, возникли жанры художественной прозы, свободного стиха и стиха в прозе, в рамках поэзии стали воссоздаваться фольклорные жанры. Это привело к развитию многих новых приемов построения образов и новых типов образности. Определилось соотношение между стихами и нестиховой речью. Получили глубокое поэтическое осознание такие явления, как образный строй слова, образное использование грамматической формы.

Риторические формы речи-мысли преобладали в проповеднической речи, давшей гомилеттику, т.е. серию собеседований. Ученая риторика выразилась в трактатах, письмах, речах, а публицистика - сначала в библиографических жанрах, а затем в газетно-журнальных, особенно в массовой информации. Риторические формы речи-мысли создали новые структуры периодической (т.е. нестиховой) речи, новые комплексные характеристики эмоционального убеждения, примеры и энтимемы.

Вместе с дифференциацией разных форм речи-мысли шло и развитие таких видов слова, которые требовали совмещения риторических, поэтических и логических приемов выражения. Образцы такого совмещения дали, например, различные формы литературного диалога.

Оказалось, что с развитием форм речи совершенствуются формы речи-мысли. Г.Г. Шпет считал, что разные формы речи-мысли могут совмещаться в одном и том же пространстве текста. В своей теории внутренних форм Шпет показывает, что такие явления, как внутренние формы слова, формы утверждения и отрицания и деления высказывания на простые и сложные лексические единицы, выражающие понятия, разные формы модальности, способы вызывания эмоций и методы доказывания, совмещаются в одном и том же тексте. Поэтому исследование форм речи-мысли должно вестись путем изучения конкретных текстов и конкретных случаев воплощения мысли в слове*.

*(См.: Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. Пг., 1922-1923.)

Отношение мысли к языку (языковое мышление)

Отношение мысли к языку проявляется в том, что человек изобретает и создает те или иные формы и виды речи, формы и способы языкового выражения. Мысль, обращенную на речь и язык, т.е. мысль о речи и о языке, называют языковым мышлением.

Мысль воплощается в слове не стихийно, а осознанно. Вместе с выражением мысли в слове совершенствуется и само слово. Это означает, что в слове наша мысль различает и делает значащими все более тонкие структуры. Вместе с развитием форм речи-мысли развиваются и мысль о самой речи и искусство речи. Это значит, что человек творит язык не только создавая новые слова и выражения, но и по-новому оценивая элементы языковой системы, делая их значащими и активно участвующими в процессе создания речи-мысли. Осмысление, осознание, ощущение своей речи человеком как процесса языкового мышления развивается, затрагивая все новые детали строя языка.

Фольклористика и диалектология отмечают две стороны пользования бесписьменным языком, характерные для языкового мышления. С одной стороны, бесписьменное осознание языка четко проводит различие между "своим" и "чужим" в языке и местном диалекте. "Свое" - это характерные черты языка в произношении, словаре, фразеологии, которые отличают речь жителей общины, села, деревни, группы деревень, района, имеющего как бы свою "норму", от тех черт произношения, лексики и фразеологии, которые не свойственны употреблению, принятому в данном месте, но представлены в смежных диалектах или других языках. "Чужое" подвергается осмеянию, является предметом пародии и служит средством узнавания "чужого", установления принадлежности человека к определенной языковой группе, в том случае, конечно, если эта группа известна, и в тех пределах, в каких она известна.

Внутри тех языковых черт, которые считаются "своими", допускается большая свобода в использовании форм языка и словотворчестве. Диалектологи отмечают, что бесписьменное общение предполагает вариантное произношение слов, создание окказиональных слов, звукоподражательных и звуко-символических кличек и названий.

Создание письма и письменности углубляет языковое мышление. Сопоставление звукового и графического материала речи позволяет осознать звук и букву как элементы выражения. Эти элементы рядопологаются и противопологаются элементам природы. Возникают буквенный символизм и буквенная символика.

Соответственно этому состав слов и высказываний понимается как состоящий из букв-звуков, композиция которых дает слово-высказывание. Так рождаются правила "народной этимологии". Эти правила имеют две стороны. Звуки и или графические элементы сочетаются по следующим правилам: 1) отдельный звук или графический элемент может изображать стихию - элемент мира - или указывать на нее; 2) сочетание звуков может изображать комплекс элементов, образующих вещь; 3) сочетание звуков (или отдельный звук), прежде изображавшее вещь или указывавшее на нее, теперь употребляется для называния новой вещи, сходной с прежней в некотором отношении; 4) два и более сочетания звуков, употребленные прямо или переносно, изображают вещь, устроенную сложно, или обозначают особое качество; 5) сочетания звуков употребляются и видоизменяются для того, чтобы обозначить вещь, отличную от той, которую называет исходное сочетание звуков; 6) сочетание звуков, называющее вещь, может расширяться или сокращаться; путем сокращения сложное название превращается в простое имя. Эти и подобные правила дают первоначальное осознание устройства имен в языке. Сообразно с этим осознается структура слова и толкуется его история [8].

Так, данные показывают, что бесписьменный язык - диалект осознается как некоторая определенная совокупность фонетических, лексических и фразеологических черт, в которой можно видеть признаки системности. Однако эта общность языковых средств сознается скорее как совокупность прецедентов использования языка, чем как закономерно построенная система. Но поскольку творческие акты происходят в пределах "своего" языка, то это значит, что, по крайней мере, некоторые системные признаки этого языка все же используются. Имеют место факты владения системой, сложившейся как навыки и потому не осознаваемой.

С точки зрения ассоциативной обработки речи для выражения новых образов создаются определенные приемы: звукоподражание (*кукушка*) -, звуковая символизация (*крик - кричать*); сочетание представлений, данных частями слова (*пароход*); словообразование, когда формант выражает общее значение, а корень - специальное (*основа - основной*); переосмысление за счет контекста (*охрана дома - охрана здоровья*); видоизменение части звуков (*лепет - лепетать и лопотать*). Все эти действия со звуком ради создания новых образов разделяют слова на части, имеющие ассоциативное значение, на потенциальные "заготовки" новых слов и форм: морфемы и фонемы. Тем создается членораздельность языка [8].

А.А. Потебня показывает правила народного словотворчества на примерах из фольклора и детской речи [13]. В этих правилах соединяются название, представление и разработка самого способа называния в мысли. Например, слово *верста* первоначально значило 'поворот', затем 'поворот плуга при пахоте', затем 'плужный гон', затем 'мера длины'. Одни и те же звуки используются для называния новых представлений и формируют новые образы. Ассоциации по сходству и смежности являются механизмом сообщения новых представлений известным уже звукам.

Детальной разработке подвергается и система речи. Значительная часть произведений фольклора касается проблемы построения высказываний. В частности, примерно треть пословиц и поговорок посвящена правилам использования языка: это общие правила этикета речи, правила подготовки и построения высказываний говорящим (включая и правила устной речи), правила оценки и критики высказываний слушателем, правила отношения слова и дела и правила оценки личности по слову и делу и т.п.

Это значит, что с точки зрения коммуникативной функции дописьменная культура языка ограничена по преимуществу речевыми навыками, в то время как детальному осознанию подвергаются экспрессивная и оценочная функции акта речи. Через эти функции осуществляется опосредованное влияние на коммуникативную функцию, которая, по сути дела, рассматривается как серия стандартизовавшихся общеупотребительных прецедентов актов речи. А это значит, что язык в коммуникативной функции предстает языковому мышлению коллектива как совокупность нерасчленимых высказываний, где высказывание, предложение и слово рассматриваются на одном уровне как факты выражения (экспрессии) и восприятия (оценки). Это подтверждается и значениями слов язык, речь и слово в фольклорных текстах.

С созданием памятников письменности и литературы на канонических языках складываются особые типы языкового мышления, обусловленные местом человека по отношению к памятникам письменности.

В.В. Виноградов указывает, что по отношению к письменно-литературному языку устанавливаются три основных типа осознания языка. Исходный и основной Характерен для осознания литературного языка основной массой владеющих письменностью и литературно образованных людей. Это обобщенное осознание языка контролирует норму современного письменного языка. Оно похоже на обобщенное осознание диалектной речи в том, что отмечает явления, не свойственные норме в данный момент, отделяет норму от новаций в ней, от диалектов, просторечия и жаргонов, отмечает устарелые выражения и характеризует стилистические качества высказываний. Этому обобщающему осознанию языка противостоит осознание индивидуально-авторское. Для него характерен индивидуальный взгляд на язык. Индивидуально-авторское осознание языка состоит, в частности, в стремлении отойти от норм, построить "свой язык". Так возникает индивидуально-языковое сознание [7].

Индивидуально-языковое сознание наиболее отчетливо проявляется в языке художественной литературы. Каждый писатель вырабатывает свое отношение к языку и, как показал Виноградов, свой язык, объективированный в произведениях художественной литературы. В этом языке, помимо авторских неологизмов, могут широко использоваться жаргонизмы, диалектизмы, просторечные слова и выражения. Но все это существует и воспринимается на фоне общих норм литературного языка и благодаря этим нормам. Индивидуально-языковое осознание языка является основой новаций литературного языка и источником его стилей.

Помимо коллективно-языкового и индивидуально-языкового осознания литературного языка, существует еще третий тип осознания языка, третий тип языкового мышления. Это осознание языка специалистами, изучающими и преподающими язык. Филолог исследует язык путем разного рода сопоставлений языковых форм и значений, представленных в речевых произведениях. Эти сопоставления бывают разных родов: внутриязыковые (межсловные, между предложениями, между текстами и т.д.), межъязыковые (пословные, позвуковые, поморфемные и т.д.). Соответственно этим сопоставлениям возникает картина членения языка. Это членение языка дано в разных системных описаниях и представляется в суммарном виде в истории языкознания.

Научное осознание языка сильно отличается от фольклорного, народного осознания языка, с одной стороны, и от осознания литературного языка разными языковыми субъектами - с другой. Научное осознание языка позволяет сформировать учебные предметы, благодаря которым население обучается языкам - родному и иностранным. Так научное осознание языка, прежде всего литературного, разными частями и с разной степенью глубины проникает в языковое сознание коллективного и индивидуального языковых субъектов, делая их грамотными и литературно образованными.

Лингвистическое осознание языка формирует и проблематику исследования языкового мышления. В. Гумбольдт, построивший типологическую классификацию языков, показал различия строя языков мира. Эти различия Гумбольдт соединил с идеей различий в "духе народа". "Дух народа" является творцом языка. Идея "духа народа" есть, по сути, трактовка логоса как народного сознания, понимаемого идеалистически.

По Гумбольдту, "дух народа" творит язык. Это творчество понимается как одновременное выражение мысли в слове и языковое творчество. В идее творчества языка соединены, таким образом, два разнородных явления: выражение мысли в слове, с одной стороны, и языковое мышление, осознание языка как такового народом, говорящим и пишущим на этом языке, - с другой.

Соединение в языковом творчестве процесса выражения мысли в слове и процесса осознания языка надолго завладела умами лингвистов XIX в. Казалось заманчивым исследовать языковое творчество как единое явление и вывести из него сразу и процессы речи-мысли и процессы осознания языка, т.е. языковое мышление.

Однако тезис Гумбольдта о единстве языкового творчества никогда никем не был доказан. Он воспринимался как постулат, вопреки фактам работы любого лингвиста, которая заключается в описании языкового мышления и не связана с процессами выражения мысли в слове. Не был затронут вопрос о фактическом разделении труда как в актах речи-мысли, так и в актах языкового мышления, хотя оно было отмечено еще древними в теории именования.

Сыграла свою роль и неопределенность значения слова "язык": в быту - 'языковая деятельность', в лингвистике - 'система знаков', в логике - 'средство выражения форм мысли', в риторике - 'средство убеждения', в поэзии - 'эстетическое средство'. Обобщив с идеалистических позиций все основные значения слова "язык", Гумбольдт охарактеризовал разделение труда по созданию языка отвлеченными терминами языковых антиномий.

Согласно гипотезе Гумбольдта о единстве языкотворческого акта, языковое мышление могло быть представлено (и представлялось некоторыми учеными) как источник развития мышления вообще. Поскольку между разными народами существовало большое различие в уровнях культуры, появилась возможность объяснить низкий или высокий уровень культуры характером языкового мышления народа, "духом народа".

Каждому типу языка отвечал тип осознания его форм и соответственно тип языкового мышления. Согласно этому, языковое мышление должно было определять тип речевого поведения, поступков и культуры людей. Следовательно, мера культурной развитости народов зависит от языкового мышления и структуры языка.

Г. Штейнталь отрицал единство логики человека и говорил о том, что каждый язык обладает своей психологической конституцией, своей системой построения суждений. Отсюда формы мышления одного народа не похожи на формы мышления другого. Этот взгляд особенно четко

выражен в так называемом неогумбольдтианстве и в теории лингвистической относительности. Иначе говоря, характер категорий склонения и спряжения или лексическое значение слов объясняют степень культурного развития народа.

Это мнение фактически не считается с историей мировой культуры. Факты истории культуры таковы, что цивилизации возникали в разных частях света. Литература этих цивилизаций пользовалась языками разных типов и языковых семей. Так, шумерская и египетская цивилизации создали письменность и литературу на типологически различных языках. На типологически различных языках возникли греческая, латинская, индийская, китайская цивилизации. Культурная преемственность может распространяться на разные в типологическом отношении языки: таковы отношения древнееврейского и греческого языков, санскрита и кави, тамильского и тибетского языков, китайского, корейского и японского языков. Это значит, что языки разных типов в состоянии "вмещать" достижения цивилизаций, основы которых созданы на других языках. Наконец, народы, говорящие на разных по типу и происхождению языках, могут жить в одних районах и иметь примерно одинаковое культурное развитие; таково соседство языков в Дагестане, на Балканах и в иных местах, где благодаря известной общности культуры складывались языковые союзы. Эти основные факты истории культуры показывают, что тип языка не может объяснить степень культурной развитости народов.

Кроме того, гипотеза о влиянии языкового мышления на процессы речи-мысли рассматривается вне исследования категорий языкового мышления, так как эти категории выводятся из типологического сопоставления языков, а не из языкового мышления, категории которого зависят от культурно-исторических причин.

Вместе с тем сравнительно-историческое языкознание продемонстрировало и другой подход к исследованию языкового мышления. Создателем термина "языковое мышление" был ИА. Бодуэн де Куртенэ (1845 -1929). Он рассматривал языковое мышление не только как *сознательное* языковое мышление, но и как бессознательное *автоматическое* использование элементов языковой структуры.

Рассмотрев отношения между словами, морфемами и фонемами родственных языков, Бодуэн де Куртенэ отмечает, что стихийное изменение системы языка, открытое сравнительно-историческим методом, должно иметь свой коррелят в психике людей. Этот коррелят складывается на основе психических законов восприятия и представления звуков речи и морфем. Звуки речи воспринимаются слухом, производятся органами артикуляции. В каждом из этих процессов, помимо физиологии восприятия и мышечной деятельности, представлена и психическая сторона, основывающаяся на иннервации органов артикуляции и слуха и проведении нервных импульсов в отделы центральной нервной системы.

Так, различаются процессы аудиции (слушания) и артикуляции (произношения), нейропсихическая сторона которых была названа Бодуэном де Куртенэ акусма-ми и кинемами. Акусмы и кинемы возникают как вследствие особых представлений, складывающихся благодаря аудиции и артикуляции звуков, так и вследствие сопоставления образов аудиции и артикуляции друг с другом. Сопоставление этих разнородных по характеру нейропсихических образов и их взаимное членение происходит в центральной нервной системе. Процесс сопоставления и взаимного членения был назван церебрацией. В результате церебрации возникают трехсторонние психические единицы - **фонемы** - представления о звуках речи, или звукопредставления [5, 265-347].

Роль фонем в языковом мышлении состоит в том, что они различают и идентифицируют воспринимаемые звучания, настраивают артикуляционный аппарат на определенный тип артикуляции и создание членораздельных звуков, экономят усилия по восприятию и произнесению звуков и ограничивают число звуков необходимым и достаточным их количеством. Функционирование фонем не осознается, происходит автоматически, благодаря навыку, как следствие устоявшихся нервных связей. В результате этого в зависимости от разных произносительных условий в составе слов возможны незаметные для говорящих смещения артикуляций, приводящие к объединению, разъединению и замене фонем, известных из истории языка.

Другой единицей, также не входящей полностью в языковое сознание, но составляющей часть языкового мышления, является **морфема**. Под морфемой понимается одна или несколько соседствующих фонем, которые ведут себя как комплекс фонем. Морфемы - относительно устойчивые комплексы фонем, представляющие собой части слов. Каждая такая часть связана с определенной группой слов и указывает на их значение. Благодаря этому морфемы обладают своим значением, но только чисто ассоциативным. Морфемы не называют предметы, не выражают понятия, но вызывают ассоциации, когда достаточно однородный комплекс звуков ассоциативно связан с группой названий вещей и соответствующих этим названиям образов и понятий.

Благодаря морфемам появляется возможность объединить единицы речи-мысли - понятия, образы, суждения - со звуками языка. Комбинируя морфемы, можно построить слова и предложения, которые, будучи для слушающего новыми комплексами звуков, отнесены частями этих комплексов к известным словам и выражениям и тем самым понятны слушающим, хотя бы в пределах ассоциативного смысла. С этой точки зрения морфемы, с одной стороны, ведут себя как фонемы, т.е. помогают распознавать речь, правильно артикулировать, но, с другой стороны, позволяют и экономить усилия при назывании вещей и выражении понятий, делают понятной новую для говорящего и слушающего речь при ограниченном количестве единиц языка. Морфем значительно меньше, чем слов; объединяя морфемы в слова, удается свести приблизительное ассоциативное содержание к ясному предметному или понятийному содержанию.

Историческое изменение звуков, по мысли Бодуэна де Куртенэ, происходит в морфемах. За счет изменения звуков меняется состав морфем как комплексов фонем, в то же время за счет появления, изменения и забвения слов меняется ассоциативное значение морфем. Эти перемены не контролируются языковым сознанием и проявляются в речи автоматически.

Взгляды Бодуэна де Куртенэ на языковое мышление, по сути дела, воспроизводят схему античной этимологии: соотношение первичных имен - звуков и вторичных имен - уже этимологизированных ранее комплексов. Однако то, что в античной этимологии представлялось как факт языкового сознания, у Бодуэна де Куртенэ объяснено как психологический автоматизм языкового мышления. В отличие от античной этимологии все положения Бодуэна де Куртенэ выведены из сравнительно-исторических исследований языков и объясняют историческую изменчивость языка. Взгляды Бодуэна де Куртенэ до сих пор не получили полного подтверждения со стороны психологии и нейродинамики в связи со сложностью экспериментальной проверки.

Расширив понятие языкового мышления, отделив сферу неосознанного, автоматического от сферы языкового сознания, Бодуэн де Куртенэ фактически поставил вопрос об усовершенствовании языковой личности. Он не только определил сферу действия звукового языка на человека, указав на его нейродинамический и психологический субстрат, но и поставил на научную основу вопрос о развитии языковой личности.

Это развитие мыслилось Бодуэном де Куртенэ в трех планах. На первом плане стоит филогенетическое развитие автоматизма звукового языка человека. Бодуэн де Куртенэ провел первые наблюдения над развитием, нормой и патологией развития речевого автоматизма человека.

На втором плане находится проблема развития человека в связи с овладением им не только устной речью, но и письменной. Бодуэн де Куртенэ указывал, что развитие письменных навыков речи включает в языковую личность не только органы артикуляции и слуха, но и моторно-двигательные навыки письма и зрительные навыки чтения. Органы речи как бы объединяют все основные рецепторы (ухо и глаз) и все основные двигательные навыки. Тем самым грамотный человек по сравнению с неграмотным имеет более продвинутую языковую личность, существенно более сложное нейродинамическое развитие и психологические навыки.

На третьем плане находится доказательство психологических и нейродинамических механизмов языковой изменчивости. Показ этой изменчивости представляет собой доказательство тезиса о том, что языковое мышление производно от актов речи-мысли. Акты речи-мысли могут повлиять на языковое мышление, но не наоборот, так как изменчивость языка

подстраивает языковое мышление под акты речи-мысли. Это опровергает положение Гумбольдта о фатальной предопределенности мысли формами языка.

Бодуэн де Куртенэ адресовал свое учение прежде всего школе. Свою теорию он считал учебным предметом, который через уяснение механизмов языкового мышления поможет учащимся осознать, "раскрыть" язык в самих себе, усвоить его формы не только автоматически, но и сознательно. Осознание автоматизма языкового мышления помогает более быстро и эффективно овладеть языком - родным или иностранным.

Для того, чтобы сопоставить языковое мышление с мышлением в языковой форме, надо суммировать черты языкового мышления:

- 1) языковое мышление распадается на языковое сознание и языковые навыки;
- 2) языковое сознание - знание языка - разделяет норму и отклонения от нормы, различает языковые стили;
- 3) языковое сознание разбирает историю слов и выражений, этимологизирует их;
- 4) языковое сознание, особенно на уровне литературного языка, неоднородно; оно выделяет три основных класса языковых субъектов: коллективно-нормативный, индивидуально-творческий и теоретико-филологический;
- 5) языковое сознание в своем развитии в конечном счете зависит от рече-мыслительных актов; рече-мыслительные акты развивают значения слов и форм, дают новые сочетания слов в высказываниях и тем помогают осознанию человеком своего языка;
- 6) соотношение языкового сознания и языковых навыков исторически подвижно: зависит от науки о языковом мышлении, раскрывающей механизмы языкового мышления, от школы, преподающей результаты науки, и от опытности человека в создании содержательных актов речи.

Связь мышления в языковой форме с языковым мышлением и индивидуальна и социальна. *Индивидуальность* связи зависит от того, насколько данный человек искусен в речи того или иного вида, сколько он знает языков, каких и в какой степени ими владеет, насколько осведомлен в науке о языке, какая степень осознанности речевых действий - своих и чужих - ему доступна. *Социальность* связи исторически изменчива. Она зависит от степени культурной развитости языка в целом, т.е. от того, сколько и каких речевых произведений на нем представлено, насколько специализирована речевая деятельность, т.е. сколько и каких речетворцев (устноговорящих, составляющих документы, поэтов, ученых-филологов) работает, используя данный язык, насколько развито обучение этому языку, т.е. как глубоко он изучается и насколько широко преподается.

Рекомендуемая литература

1. Аристотель. Аналитики первая и вторая. Л., 1952.
2. Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957.
3. Аристотель. О душе. М., 1937.
4. Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978.
5. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.
6. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
7. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л., 1930.
8. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). 3-е изд. М., 1986. Введение.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
10. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Соч. М.; Л., 1952. Т. 7.
11. Платон. Ион; Кратил // Соч. М., 1968. Т. 1.
12. Пospelов Г.Н. Теория литературы. М., 1978.
13. Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1913.
14. Рождественский Ю.В. О работах академика В.В. Виноградова по истории русского языкознания // Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.

Часть 2. ПРЕДМЕТ И МЕТОД ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Лекция 4. ЯЗЫК КАК СИСТЕМА ЗНАКОВ

Языкознание - гуманитарная наука

Языковую деятельность как общественное явление и понятие языка как средства формирования и передачи мысли и инструмента культуры нельзя смешивать с понятием языка как предмета языкознания.

Языковая деятельность как общественное явление, средство передачи мысли и инструмент культуры изучается филологией, обществоведением, логикой, психологией, историей и другими науками. Каждая наука по-своему представляет себе язык, т.е. формирует свой предмет исследования.

У языкознания как части филологии свой аспект исследования и свое понятие языка. Название "язык" передает только предмет языкознания как науки, т.е. только одну из сторон языковой деятельности.

Всякое исследование в науке, помимо своего метода, т.е. особого взгляда на действительность, зависит еще от философского метода познавательной деятельности. В настоящее время в языковедческих работах представлены, главным образом, два различных философских метода - позитивизм и диалектический материализм.

Позитивизм в языкознании настаивает на экономности, непротиворечивости и простоте как на критериях истинности в описании языка*. Экономность, непротиворечивость, простота и системность были сформулированы как требования к характеру изложения материала в учебных курсах**. Однако это всего лишь требования к изложению материала, но не к установлению истины. Истина добывается за пределами учебных курсов. Совокупность научных истин может быть систематически, экономно и непротиворечиво изложена в учебных курсах лишь после того, как истина получена. Позитивизм фактически снимает различие между процессом получения истины и характером ее изложения.

*(См.: Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.)

** (См.: Кошинский Н.Ф. Частная риторика. Спб., 1837. С.137-141.)

Диалектический материализм как метод познания главное внимание обращает на процесс достижения истинного знания о предмете. Он отделяет процесс достижения истинного знания от письменного выражения результатов познания. Критерий достижения истинного знания диалектический материализм видит в соответствии содержания знания природе познаваемого объекта. Это соответствие может быть проверено логически, путем рассуждения и в процессе использования знаний на практике, в частности в школьном преподавании.

Материалистический метод устанавливает, что знание есть постижение существенных сторон познаваемых явлений. Этим материализм противопоставлен позитивизму, который отрицает принцип обязательного соответствия теории изображаемому в ней объекту*. Позитивизм допускает, что теория, не отображая существенных сторон изучаемого явления, может быть пригодной хотя бы частично. С этой точки зрения несущественно, как теория изображает объект, так как если при построении теории соблюдены формально-логические правила, то теория уже не может существовать на правах гипотезы, которая верифицируется практикой**. Внимание позитивизма, таким образом, устремлено на логические формы изложения. Внимание диалектического материализма устремлено на отображение **существенных** сторон объекта, логические формы мысли играют поэтому гносеологическую роль в построении теории, служат одновременно целям формальной проверки истинности теории.

*(См.: Диалектический материализм / Под ред. А.П. Шентулина. М., 1974. С. 167-174.)

** (См.: Шкуринов Я.С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980. С. 9-41.)

Различно толкуется философами и критерий практики. С точки зрения позитивизма теория может быть пригодной или непригодной*. С точки зрения диалектического материализма теория может быть истинной или ложной. Истинная теория верно отражает существенные стороны изучаемого объекта. Ложная теория искажает истинную картину объекта, даже если она непротиворечива с формально-логической стороны, ибо или не отражает его существенных свойств, или отражает их искаженно.

*(См.: Витгенштейн Г.А. Логико-философский трактат. М., 1958.)

Пригодность или непригодность теории позитивизм связывает с ее применимостью*. Критерий применимости теории как будто бы похож на критерий практики, однако это чисто внешнее сходство. Критерий практики диалектический материализм понимает широко - как общее соответствие всей исторической практике человечества (а не просто как возможность использования). Диалектический материализм ценит правильную теорию и в том случае, когда она и не нашла себе пока практического применения, и считает гипотезой научные объяснения природы объекта, не нашедшие пока практического подтверждения с точки зрения истории знания. Практическое подтверждение может быть, например, получено косвенным путем в том случае, если другая теория, связанная с предложенной гипотезой, практически подтверждена.

*(См.: Кант И. Курс положительной философии. Спб., 1900. Т. 1.)

Из сказанного ясно, что позитивизм интересуется не установление истины, не верное отображение изучаемого объекта, а лишь понятийная конструкция, имеющая целью утилитарное применение*. Целью диалектического материализма является познание природы изучаемого объекта, которое позволяет использовать эти знания в общественной практике, технике или в другой научной теории. Диалектический материализм утверждает, что никакая модель не может быть успешно создана без познания объективных закономерностей объекта.

*(См.: Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18.)

Познание объективных закономерностей является предпосылкой для практических решений.

С точки зрения диалектического материализма наука должна за внешними сторонами объекта открывать основные зависимости, управляющие его жизнью. Раскрыв эти зависимости, научная абстракция формулирует их как законы*.

*(См.: Дзюбанов Л.А. Место закона в материалистической диалектике. М., 1981.)

К. Маркс показал, что не только явления природы управляются законами. Законами, имеющими силу универсальных зависимостей, определяющих сущность объекта, управляются и общественные явления. Общественные явления чувственно и наглядно даны нам как деятельность людей, т.е. как совокупность действий, управляемых чувствами, мыслями, волей людей. Общественные науки за этими внешними проявлениями открывают законы общества, которые существуют независимо от чувств, мыслей и воли людей и управляют их поступками, продиктованными чувствами, мыслями и волей. Таков, например, закон стоимости в политической экономии*.

*(См.: Глезерман Н.Е. Законы общественного развития, их характер и использование. М., 1979.)

Для открытия законов природы и общества с помощью научной абстракции необходим определенный способ наблюдения явлений. Средствами научного наблюдения являются эксперимент и историческое сравнение. В эксперименте объекты особым образом изолируются от тех связей, которые обычно свойственны им в природе, а затем подвергаются контролируемому экспериментатором воздействию. В результате этого можно наблюдать основные свойства объекта. Воздействуя на какие-либо стороны объекта, можно добиться изменений в объекте и по характеру этих изменений судить о существенных сторонах объекта.

Однако не все объекты науки поддаются эксперименту. Одни из них недоступны экспериментальной технике, над другими же нельзя экспериментировать. Например, нельзя экспериментировать над человеком и обществом. В этом случае наблюдение изменений остается принципиально тем же, но изменения объекта наблюдаются в его истории. Рассматривая

историю объекта, изменение его внешних и внутренних связей, устанавливают зависимости в структуре объекта и формулируют на этом основании законы объекта. В обоих случаях нельзя обойтись без факторов времени и места жизни наблюдаемого объекта, без учета истории его жизни. Исторический подход к объекту является неперенным принципом для установления законов общественных явлений.

Языковая деятельность относится к общественным явлениям, которые изучаются гуманитарными науками. Для установления методологических принципов языкознания необходимо отделить общественные науки от естественных, а затем выделить из гуманитарных наук филологию и затем - языкознание как часть филологии.

Естественные науки изучают природу, общественные - общество. Законы природы отличаются от законов общества тем, что природа существовала до человека и может существовать без человека, тогда как человек - продукт природы и реализует себя в деятельности, которая преобразует природу и одновременно изменяет природу самого человека. Научное познание есть род человеческой деятельности. Отделяя себя от природы, человек научно познает природу безотносительно к деятельности.

Поэтому предмет природоведения отличается следующими основными чертами: 1) мир однороден; 2) всякая вещь в мире разложима на составляющие ее элементы в научном и практическом анализе; если элементы соединить в одно целое так же, как и до анализа, то в результате вещь будет полностью воспроизведена, т.е. анализ и синтез - вещи обратимые; 3) каждая вещь может занимать только одну определенную точку в континууме пространства и времени; 4) всякие изменения, происходящие в вещах и с вещами, рассмотренные как явления, связаны с изменением энергии и выражаются через изменение энергии. Эти положения характерны для предметов естествознания, так как эти науки рассматривают природу, абстрагируясь от деятельности человека. Если же рассматривать деятельность человека, то, признавая полностью предмет естествознания, необходимо добавить сюда и анализ общественной деятельности.

Анализируя деятельность человека, надо признать ряд положений:

1. В деятельности человек противопоставлен природе как активное начало - пассивному.

2. Вещи, образованные человеком в результате его деятельности, живут по своим законам, но созданная человеком вещь хранит в себе его усилия. Поскольку эти усилия реализованы в определенном месте и времени, вещь, созданная этими усилиями, уникальна. Анализ вещи, проведенный методами естествознания, не может дать представления о времени и месте деятельности, в результате которой образовалась вещь. Поэтому в гуманитарных науках вещь понимается как факт культуры, который уникален, целостен и неделим.

3. В результате однородных действий возникают однородные вещи. Сравнивая вещи между собой и выделяя в них общее, получаем общее отношение людей к вещам. Эти отношения понимаются как обобщение ситуаций, каждая из которых имеет свою природную локализацию во времени и пространстве. Когда время и пространство объединяются, возникает понятие об историческом времени и пространстве. Историческое время, как и историческое пространство, характеризуется через сравнение однородных по времени создания вещей.

4. Рассматривая отношения людей к вещам, можно перейти к рассмотрению отношений людей друг к другу через вещи. Рассматривая отношения людей через отношения вещей в историческом изменении, можно установить законы этих отношений. Это общественные законы. Общественные законы не выражаются через энергию, так как в основании их абстракции лежит сравнение уже созданных человеком вещей. Эти законы есть законы истории, так как вещи сравниваются по основанию исторического пространства и времени.

Соотношение предметов естествознания и обществоведения удобно иллюстрировать античным парадоксом "корабль Тезея". Если из корабля Тезея, который стал истлевать, по очереди вынимать доски и заменять каждую доску новой, будет ли это новый корабль или тот же корабль Тезея? На этот вопрос возможны два ответа: 1) новый корабль - корабль Тезея; 2) новый корабль - не корабль Тезея. Первый ответ - естественнонаучный: так как мир однороден, и старые и новые доски - однородные куски дерева. Разборка и сборка корабля - это обращение

анализа в синтез, не меняющее сущности вещи. Доски занимают одно и то же пространство и существуют в едином времени. Потребовалось приложение энергии, чтобы поддерживать корабль в неизменном состоянии. Второй ответ - обществоведческий: так как оба корабля строили разные люди в разное время, то новый корабль уже не связан с Тезеем и не хранит в себе трудов Тезея. Он не факт культуры, связанный с Тезеем, а подделка. Подлинный корабль Тезея соотнесен в историческом пространстве и времени с другими вещами, принадлежащими Тезею. Но замена досок в корабле может объяснить законы кораблестроения (а не законы материала корабля). Новый корабль может рассматриваться как реконструкция умений времен Тезея, но не умений самого Тезея.

Предмет филологии

Языковая деятельность состоит из высказываний. Отдельное высказывание в филологии называется **произведением словесности**, а вся совокупность произведений словесности - **словесностью**. Словесность, или языковые тексты, - **предмет филологии**. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих культурное значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо сначала обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений.

Прежде всего филология рассматривает материал произведений словесности, способ их создания, отношения к другим подобным явлениям - знакам, создаваемым людьми ради передачи мысли друг другу. С точки зрения филологии тексты делятся по материалу и способам физического создания, по отношению к другим видам и разновидностям знаков, по отношению текстов к самим себе, т.е. по способам воспроизведения (или копирования) текстов.

По материалу и способам создания вся совокупность текстов, или словесность, делится на роды словесности (словесность устная, письменная, печатная и массовая коммуникация), а роды - на виды и разновидности (до-письменная устная речь: фольклор, молва и др.; литературно-письменная речь: ораторика, гомилетика; письменность; палеография, неография и др.; литература и т.д.).

С точки зрения способов воплощения мысли в слове филология делит тексты и их части, имеющие относительно самостоятельное значение, на формы словесности: поэзию, прозу и прозо-поэзию. Деление на формы словесности соотносится с делением на роды, виды и разновидности словесности. Так, к прозе относят молву, диалог, ораторику, гомилетику, документы, научную литературу, информатику; к поэзии относят театральное исполнение, или драму, художественную литературу, кино, телевидение и т.п.

Соотношение форм словесности с родами, видами и разновидностями словесности определяет жанры (договор, акт, басня, лирические стихи и т.п.). Жанровое разнообразие объясняется тем, что каждая разновидность словесности, помимо способов воспроизведения, отличается особым видом отношения между создателем и получателем текста, что отражается на характере соотнесения текста с действительностью, т.е. каждая разновидность текста характеризуется своей модальностью. Каждая модальность имеет варианты. Каждый вариант модальности связан с определенным жанром.

Предмет языкознания

После разбора и классификации произведений словесности их необходимо прочитать и оценить. Для правильного прочтения текстов филология выделяет языкознание и науки о речи. Различие этих двух классов наук и их предметов удобно вывести из анализа акта речи.

Акт речи в самом обобщенном виде изображается как отношение **говорящий-речь-слушающий**. Если в произведении словесности (или его части) считать данными, т.е. известными, внутренними признаками, характеризующие два первых члена формулы ("говорящий" - "речь"), а последний член ("слушающий") считать неизвестным, то тогда все оставшиеся для наблюдения и изучения внутренние признаки надо соотнести с **оценочной** функцией языка.

Таковыми признаками будут все те, которые могут показать, как данная речь (или ее части) должна быть оценена слушающим. Сюда относятся оценка замысла, предмета речи, намерения говорящего и т.п.

Если же считать неизвестными и нуждающимися в наблюдении и изучении внутренние признаки речи, соотносимые с первым членом формулы ("говорящий"), а неизвестными - признаки, соотносимые с последними двумя членами формулы, то это значит, что исследуется **экспрессивная** функция языка. Таковыми признаками будут все те признаки речи, которые предназначены для установления контакта со слушающим, т.е. выбор слов, характер исполнения речи, композиция и т.п.

Если же считать известными внутренние признаки, соотносимые с крайними членами формулы ("говорящий" - "слушатель"), а неизвестными и подлежащими изучению - признаки, характеризующие средний член формулы ("речь"), то тогда исследуется *коммуникативная* функция языка.

Слова "если считать известными" означают условное допущение, которое является принципом отбора признаков при их наблюдении. Например, в акте речи всегда присутствует неравенство знания, в том числе и знания языковых форм и значений. Смысл акта речи, причина его появления состоит в том, чтобы это неравенство в знаниях говорящего и слушающего было уничтожено. Если говорящий станет сообщать то, что слушающему уже известно, то речь станет тривиальной и потому ненужной. После акта речи происходит как бы уравнивание (точнее, частичное уравнивание) обоих участников акта коммуникации в знании предмета, содержащегося в данном акте речи. Число актов речи множится потому, что равенство всех людей во всех знаниях недостижимо в силу, во-первых, множественности языковых связей разных людей и, во-вторых, потому, что каждый человек совершает свою мыслительную работу, накапливает свой опыт, и все это индивидуально. Поэтому проявление апеллятивной и оценочной функций языка представляет собой как бы отражение *причин возникновения* актов речи.

Что касается коммуникативной функции языка, которая предполагает равенство обоих участников коммуникации, то она не может объяснить, ради каких целей и как осуществляется акт коммуникации. Это допущение указывает на то, что акт коммуникации либо осуществился и оба участника теперь обладают общим знанием, либо мог осуществиться, так как оба участника настолько знают язык, что один может высказать, а другой - понять языковые формы, примененные в данном акте речи [72]. Экспрессивная и оценочная функции языка есть такой способ рассмотрения акта речи, при котором оцениваются причины и следствия возникновения и осуществления акта речи.

Коммуникативная функция языка есть такой способ рассмотрения акта речи, при котором исследуются основные социальные условия осуществления речевого акта. Поскольку при этом изучаются внутренние признаки произведений словесности, эти условия сводятся к установлению общего для обоих участников акта коммуникации знания языковых форм и значений.

Это условное разделение внутренних признаков произведений словесности лежит в основании деления филологических дисциплин. Одни из них относятся к теории речи - поэтике и риторике, литературоведению, документоведению и т.д., другие - к теории языка - языкознанию. Неверно говорить, что речевая деятельность распадается на речь и язык [12], так как признаки, которыми занимаются теория речи и теория языка, присутствуют в материи одного и того же акта общения. Эти признаки разделяются лишь в абстракции по определенным допущениям. Например, высказывание *в море бросился он, в бурное...* содержит риторическую фигуру - анаколупф - и члены предложения: подлежащее, сказуемое, обстоятельство места. Члены предложения вмещены в риторическую фигуру, и наоборот, риторическая фигура вмещает члены предложения. Это значит, что акт речи всегда вмещает в себя внутренние признаки теории речи и теории языка. Вот почему необходимо различать два значения слова: 1) **язык** как общественный институт, или языковая деятельность, язык как совокупность произведений словесности и 2) **язык** как предмет языкознания - условие коммуникации. Язык как предмет

языкознания охватывает только определенный, довольно узкий ряд внутренних признаков словесности, которые обеспечивают условия осуществления актов речи. Эти признаки составляют предмет языкознания как науки.

Осознание значений слов и характера формы материала речи, используемого для общения, составляет практическую основу предмета языкознания. Оно обеспечивает то, что называется овладением языком, т.е. возможность говорить и понимать, читать и писать. Такое знание языка представляет собой практическое познание. Суть его состоит в том, что человек, овладевший этим видом знания языка, воспринимает его как совокупность прецедентов, как отдельные случаи применения звуков и букв для передачи смысла. Однако при таком знании языка невозможно еще говорить о законах предмета языкознания. Научное знание языка, в противоположность практическому, стремится не к познанию прецедентов, а к открытию законов, лежащих в основе применения языка.

Научное языкознание основывается на том, что внутренние признаки словесности, изучаемые теорией языка, сопоставляются друг с другом во многих актах общения. Это сопоставление производится по определенным правилам, называемым **лингвистическими методами**. Лингвистические методы обеспечивают определенную процедуру анализа сопоставляемых признаков.

Благодаря применению лингвистических методов устанавливаются категории языка. **Категории языка** (законы языкознания) представляют собой сущности, охватывающие большие ряды языковых явлений. Эти сущности составляют основу явлений, которые обеспечивают условия существования бесконечно большого числа актов общения. Категории языка определяют основные типы зависимостей между признаками оформления материала речи и признаками содержания речи. Законы языкознания позволяют объяснить причины успешного (и неуспешного) общения людей и практически способствовать совершенствованию общения.

Языковые факты в языкознании

Задача языкознания состоит в том, чтобы путем истолкования явлений речи в коммуникативной функции сделать язык **общепонятным** и благодаря этому создать основания и удобства для языкового общения. Иначе языкознание легко может превратиться, как выразился Ж. Вандриес, в "игру, по существу, праздных умов". Поэтому языкознание возникает как "знание того, что написано у прозаиков и поэтов" [У, 105]. Надобность в языкознании состоит прежде всего в том, чтобы раскрыть смысл непонятных текстов, "темных мест" в текстах. А таких случаев много не только в иностранных и мертвых языках, но и в родном языке.

Так, в русском языке не вполне ясны выражения: *подпашии мост, перекалья меж озер всего один переклик, в скликанчики называют*. Нужна эрудиция в языке, чтобы знать, что *пахать* значит 'мести', *мост* - 'пол', *перекалья* - 'перемычка', а *переклик* - 'расстояние голосовой связи'; выражение *в скликанчики позывают* значит 'бьют в мелкие колокола' (во время колокольного звона) и т.д. Не все знают, что такие заимствованные слова, как *сопор, марго, йох, бустяр*, означают соответственно 'слегка', 'поля документа', 'земельная мера', 'вспомогательная машина'. Немало известных всем русских слов выглядят загадочно, и мы обычно не можем указать точно их значения; например, нуждаются в пояснении значения слов *пендюх, паут, лячить* ('брюхо', 'жалящее насекомое', 'тянуть'). В ряду слов *плехать, плица, пличка, плича, плечо, подплека*, невзирая на близость звучания, одни связаны с идеей шлепанья по воде и черпанья воды, а другие - с названием части тела.

Иногда слово так изменяется, что нет уверенности в правильности его понимания: *Кружево немецкое кованое в каймах шелк зелен с пелепелы* - здесь *пелепелы* с трудом отождествляется с названием птицы перепел. Растолковать языковые факты значит тем самым определить критерии верного использования языка*.

* ("*Забавные вывески*" украшали торговые и прочие заведения Петербурга и некоторых других городов в конце прошлого - начале нынешнего века:

*Решик пастухов режит отлично пакости и падереву;
Инструментальное заведение;
Драпировщик Фомичев. Под-эзт из перяулка;
Мужественный портной, он же для медом;
Мертвое дело С. Рупина. Гробы, кресты, а также другие смертельные вещи;
Стричка, бричка, мойка волосей.*

В данном случае все выражения понятны, хотя и неправильны. Неверное употребление языка характерно не только для прошлого. Журнал "Крокодил" регулярно печатает в рубрике "Нарочно не придумаешь" объявления, фразы из документов, писем тех, кто не в ладах с языком. Пародисты нередко иронизируют над неточностями языка писателей.)

Объяснение "темных мест" и критика языковых неправильностей приводят к тому, что трудности языка преодолеваются с помощью понятных и правильных слов и выражений. Но сами понятные, на первый взгляд, слова (как *топор, стол, перо* и др.) нуждаются при этом в толковании для более точного их применения. Каждое слово, употребляется ли оно редко или многие тысячи раз, обрастает новыми значениями у **разных** людей. Поэтому восстановить, определить каждое слово со стороны его смысла, звуков, графической формы и употребления - сложная задача. Для этой цели нет иных средств, кроме систематических сравнений языковых явлений между собой.

Для исследования и определения правильности языковых фактов необходима их систематизация. Ясно, что пока факты не перечислены полностью, переходить к их систематизации преждевременно. Вот почему состав анализируемых фактов представляет собой один из пунктов критики правильности лингвистических исследований.

При составлении суммы фактов языка учитываются два критерия: тема исследования и оригинальность факта. Тема исследования ограничивает круг фактов с качественной стороны. Например, если необходимо изучить систему видов русского глагола, то надо составить полный перечень всех качественно различных с лексической и грамматической точек зрения случаев употребления видов глагола в русском языке. Если необходимо анализировать английские дифтонги, то нужно подобрать все слова английского языка в разных контекстах произнесения, где проявляются разные качества дифтонгов.

Оригинальность лингвистического факта, его подлинность и научная значимость должны быть удостоверены. Лингвистический факт должен быть введен в оборот науки и удостоверен научной традицией, т.е. лингвист не отыскивает данный факт в явлениях речи, а опирается на определенную традицию. Факты такого типа не нуждаются в критике со стороны явлений стиля. Так обстоит дело, например, при формировании словника словаря, когда значительная часть словника представляет словарную традицию.

Систематизация уже обработанных фактов ведется главным образом в сравнительном языкознании. Здесь исследование, как правило, основано на уже удостоверенных фактах. В работах по сравнительно-историческому и типологическому языкознанию, где сравниваются десятки, а иногда и сотни разных языков, необходимо опираться именно на удостоверенные компетентными словарями и грамматиками факты.

Практика типологических исследований уже разработала типы удостоверения фактов путем отсылок к соответствующим описаниям и принципы критики фактов. В сравнительно-историческом языкознании проблема достоверности фактов разработана слабо. Классическая компаративистика XIX в. об этом заботилась мало, выдвигая на первое место эрудицию исследователя в сравниваемых языках. Однако традиция грамматик и словарей показывает, сколь ненадежен этот критерий. Поэтому и в сравнительно-историческом языкознании полезно было бы разработать систему верификации фактов, особенно с точки зрения полноты и неслучайности фактического материала, что доказывается историей публикаций.

Тем не менее в сравнительном языкознании, как и в описательном, исследователь привлекает почти всегда некоторое количество новых фактов. Эти факты могут быть двух родов: примеры, подтверждающие уже имеющееся правило, т.е. варьирование уже отмеченного факта, и

примеры, нарушающие правило, т.е. показывающие новые качественные грани. Если первый род фактов не влияет на систематизацию, то второй, напротив, влияет на нее.

Например, в словаре "Новые слова и значения" (под ред. Н.Э. Котеловой и Ю.С. Сорокиной, 1973) приводятся слова *безусадочный* и *безъядерный*. По правилам составления словаря эти прилагательные даны в категориях мужского рода и именительного падежа. Вместе с тем данные прилагательные употребляются как будто только с определенными существительными женского рода (*ткань* и *зона*). Это значит, что в словарь вносится факт, не регистрируемый в текстах. Форма мужского рода этих прилагательных, а равно и среднего предполагается как потенция в использовании языка: в словаре дан факт, ориентированный на общее правило - изменение русских прилагательных по родам.

В другом примере прилагательное *аэромобильный* (*американская аэромобильная дивизия*) дано рядом со словами *аэрационный*, *аэрировать*, *аэробус*, *аэровизуальный*, *аэрозоль*, *аэрозольный*, *аэроклубовский*, *аэромагнитный*, *аэропортовский*, *аэросалон*, *аэросани*, *аэротанк*, *аэроузел*, *аэроход*. Как видно из сопоставления с примерами новых сложных слов с элементом *аэро-*, слово *аэромобильный* в смысле 'аэродесантный' представляет собой кальку с английского языка. Но будучи помещенным в ряд сложных слов с *аэро-*, слово может восприниматься как пример нового типа словосложения, так как одна группа слов с *аэро-* сочетается с основой существительных, а другая, сочетающаяся с основой прилагательных (*аэровизуальный*, *аэромагнитный*), - называет приемы исследований, ведущихся с воздуха с помощью самолетов. Слово *мобильный* 'способный к скорому движению и действию' в русском языке соотносится со словом *мобилизация* 'привести к готовности к действию'. По внутренней форме слово *аэромобильный* должно было бы означать 'приводящий воздух в готовность действовать', однако такое значение у данного слова отсутствует, так как это калька английского сложного слова типа *aerforces* 'авиационное командование'. Английское слово *mobil* означает 'подвижность, перемещаемость, изменчивость, непостоянность'. Это значит, что и русской основе *-мобиль-* придается значение 'передвижной' (вроде *передвижная выставка*, *передвижной ангар* и т.п.). Английское слово *aeromobil* означает 'перемещаемый по воздуху'. Внесение в русский словарь слова *аэромобильный* на основании отмеченного употребления ставит вопрос о новых моделях словосложения.

Приведенные примеры ставят три вопроса, которые должны решаться составителями словаря: 1) относится ли весь обсуждаемый материал к фактам русского языка, а не только речи; если относится, то в какой степени? с какой степенью полноты? 2) в какой мере приведенные факты могут удовлетворить исследователя языка и стиля, пользующегося словарем как материалом авторизованных фактов? 3) с какой степенью полноты данный словарь может обеспечить фактами исследователя новаций в фонологической, грамматической и лексической системах языка, равно как и историка языка или исследователя синхронного состояния языковой системы?

Все ли вопросы должны решаться творчески? Необходимость творческого решения обусловлена тем, что отношения языка и стиля в части объема фактов, их членения и качественных особенностей постоянно изменяются: под влиянием стиля из языка уходят одни элементы, появляются новые и "оживают" ушедшие. Вот почему всегда необходимо иметь представление о границах, в которых существует язык в течение его истории по отношению к фактам речи и фактам стиля. С изменением этих границ связаны принципы отбора языковых фактов.

А.Л. Шахматов впервые в истории языкознания поставил проблему исторической неоднородности языковых фактов (до него проблема границ языка и объема языковых фактов решалась просто искусством лингвиста). Шахматов показал, что в истории языка границы языка изменяются и эти изменения связаны со внутренней расчлененностью объемов языковых фактов. По мысли Шахматова, величина объемов языковых фактов и темпы их изменения зависят от того, является ли материал речи только устным или устно-письменным. Например, на ранних этапах существования восточнославянской народности, до принятия христианства и появления

письменности, племена восточных славян говорили примерно одинаковым языком. Состав этого языка полностью неизвестен, но основные черты его могут быть реконструированы.

С принятием христианства в X в. и с распространением письменно-литературного старославянского (церковнославянского) языка формируются три сферы речи и письма. Старославянский язык, основанный на устном древнеболгарском, вносится в виде письменной и устной речи на территорию восточных славян. Он противопоставляется местному устному языку. Возникает просторечие, зависящее как от письменного литературного языка, так и от местного бесписьменного языка.

В дальнейшем, начиная с XIV в., из-за замкнутости жизни восточных славян диалекты обособляются и единый прежде бесписьменный язык восточного славянства подразделяется на группы и подгруппы диалектов. Вместе с тем литературное просторечие начинает встречаться в актах письменности. Это просторечие, а иногда и диалекты влияют на литературу на старославянском языке.

К XVII в., благодаря централизации государственной и общественной жизни великорусов, группы диалектов объединяются в три основных: украинская, белорусская и великорусская, что находит отражение в письменности и составляет основу оформления письменных языков. Это значит, что намечается тенденция развития устно-письменной речи. Эта тенденция особенно ярко проявляется в северо-восточной Руси, где на базе московского говора складывается устно-разговорный русский язык и оформляется как язык письменности. Но существует и устно-письменный церковнославянский язык, который благодаря развитию местной литературы и местных стилевых особенностей становится особым изводом литературного языка. Также складываются предпосылки для образования русского литературного языка.

Отбор языковых фактов

Отбору фактов, значимых для языкознания, помогает стилистика. Она отличает то, что относится к языкознанию, от того, что относится к наукам о речи. *Стиль* есть сочетание языковых явлений, собранных в акте речи для выполнения речевой задачи. Это значит, что для установления состава лингвистических единиц нужно найти их отношение к речевому использованию, т.е. к стилю. Под влиянием стиля происходит изменение использования слов и форм, видоизменение расположения слов в предложении, изменение характера звучания устной речи и многое другое. Соотношение стиля и языка существенно влияет на определение состава лингвистических единиц.

Например, "Частотный словарь русского языка" (под ред. Л.Н. Засориной, 1977) дает такую картину употребления частей речи современного русского языка в разных видах словесности:

Грамматические категории	Частота				
	О бщая	по жанрам			
		газ.- журн.	д рам.	н.- публ.	ху д. пр.
Существительное	26 ,65	32,77	2 0,4	31, 03	23, 44
Глагол	17 ,12	14,5	2 0,88	13, 50	18, 96

Прилагательное	9, 37	11,97	6 ,24	12, 46	7,3 7
Наречие	8, 096	6,95	9 ,01	7,2 6	8,9 8
Числительное	1, 17	1,55	1 ,13	1,0 26	0,9 969
Местоимение	13 ,29	10,01	1 6,18	11, 55	14, 94
Союз	7, 39	6,57	6 ,81	7,6 1	8,5 6
Предлог	11 ,1	11,47	1 1,18	11, 23	10, 54
Частица	1, 002	0,57	1 ,60	0,6 7	1,0 78
Причастие	0, 979	1,05	0 ,523	1,3 6	1,0 5
Субстантив. причастие	0, 053	0,08	0 ,06	0,0 32	0,4 4
Субстантивн. прилагат.	0, 4457	0,55	0 ,42	0,5 18	0,3 01
Омонимы	0, 035	0,023	0 ,029	0,0 80	0,0 489
Остальные	3, 295	1,92	5 ,53	1,7 1	3,6 9

Данные таблицы показывают огромное влияние стиля на язык. Части речи составляют принадлежность каждого предложения, и тем не менее употребительность каждой части речи оказалась существенно различной в разных жанрах. Иногда жанры различаются между собой почти двойным преобладанием какой-либо части речи. Например, прилагательные в драматических произведениях заняли 6,24 процента всех словоупотреблений, а в научных и публицистических - 12,46 процента.

Это значит, что даже представленность центральной категории грамматики - частей речи - сильно зависит от стиля, следовательно, и осмысление этой категории языка в текстах тем более зависит от стиля. Вот почему первой задачей отбора фактов является критика языковых явлений с точки зрения стилистики. Учение о стиле, соотнесенное с языкознанием, называют **лингвостилистикой**. Лингвистика сделала возможным создание соотносительных определений

языка и стиля. Язык - общее, объединяющее любые произведения словесности. Стил - особенное в использовании языковых явлений, различающее произведения словесности и их классы. Всякое произведение словесности - индивидуальное объединение общего и особенного в использовании языковых явлений. Так в произведении разделяются признаки языка и стиля.

При историческом взгляде на язык можно заметить, что признаки стиля как бы наслаиваются на элементы языка. Элементы языка в этом случае получают стилевую характеристику. Например, по употреблению в разных по степени торжественности или сниженности настроения контекстах используются слова "высокого", "низкого" и "среднего" стилей. Это хорошо видно на синонимах: *кушать* (вежливое), *жрать* (невежливое, прост.), *есть* (среднее). По отношению к разным сферам Общения слова могут делиться на относящиеся к одной определенной сфере, к нескольким или всем сферам: *шамать* (жарг.), *снедать* (ст. прост.), *питаться* (науч.-литер.).

Слова различаются и по связи с историей вхождения их в тексты литературного языка (славянизмы, русизмы, латинизмы, эллинизмы, галлицизмы и др.): *ворог* (ст.-слав.), *враг* (совр.); *гимнаст* (греч.), *спортсмен* (англ.). Здесь стилистическое значение имеет только то, как источник слова осознается в литературном языке. Слова *шапка*, *штаны*, *кафтан* и др. происходят из тюркских языков, но в современный русский литературный язык пришли из разговорного русского и потому осознаются как исконные русские слова. Их происхождение стилистического значения не имеет.

По характеру стилистических качеств слова сильно различаются между собой. Некоторые языки, такие, как литературный тибетский или классический малайский, строго разграничивают слова "высокого" и "низкого" стилей, присоединяя сюда еще и стилевую характеристику по сферам общения. В других языках, напротив, четко различаются слова по их литературной истории. В английском языке деление слов по происхождению имеет особенно большое значение. Латинизмы, романизмы, эллинизмы, германизмы и экзотизмы (т.е. слова заимствованные) имеют в английском языке определенную тематическую ориентацию и тесно связаны с делением на "высокий", "средний" и "низкий" стили. Помимо стилистической, можно отметить фонетическую и грамматическую стилистики. Каждый язык, как видно из примеров, имеет свою стилистическую структуру.

Совокупность стилистических признаков языковых единиц, возникших вследствие употребления их в разных произведениях словесности, называют *стилем языка*. Термин "стиль языка" (на первый взгляд, содержащий в себе противоречие: язык - общее, а стиль - особенное) оправдан, так как в нем отражено включение с течением времени, т.е. в истории языка, особенного в общее. В истории языка у слов, их произношения и грамматических форм, выявляются особенности употребления и осуществляется переход от особенного к общему.

Термину "стиль языка" противостоит термин "стили речи". Под **стилями речи** понимается деление по определенным правилам всей массы произведений словесности, каждое из которых обладает своим стилем, на классы, подклассы и подподклассы, вплоть до индивидуального произведения словесности. Дело в том, что между общим для всех произведений словесности и индивидуальными особенностями отдельных произведений существуют совокупности черт словесных произведений. Поэтому для того, чтобы отделить язык произведения словесности от его стиля, необходимо сравнение групп произведений словесности, позволяющее точно определить стилевые черты произведений, с одной стороны, и их язык-с другой. Таких сравнений существует несколько, и они отражены в основных терминах стилистики речи: исторические стили, функциональные стили, стили жанров, личные стили, индивидуальные стили, или стиль данного произведения.

Под **историческим** стилем понимается совокупность черт многих произведений словесности, относимых к одному историческому времени, характеризующему относительной устойчивостью стиля жизни, т.е. побудительными мотивами и формой и разновидностью поступков, проявляющих себя в особенности в области культуры. Так, например, различают в Европе в новое время стили барокко, классицизм, романтизм, модерн и др. Эти стили познаются при сравнении произведений словесности с произведениями несловесных искусств, отнесенных

у одному и тому же времени, и при сравнении произведений, относимых к одному и тому же роду и жанру, но к разным историческим временам*.

*(В.В. Виноградов в книге "Сюжет и стиль" (1963) показал различие исторических стилей разных художественных произведений, имеющих один и тот же сюжет - о любовнике, посаженном в сундук.)

Стиль времени, или исторический стиль, дает локализацию произведения словесности в историческом времени и пространстве. Стиль, рожденный определенным историческим временем, неповторим. Частичное подражание прежним стилям называют **стилизацией**, а стремление во всем уподобить произведение прежнему стилю - **имитацией**, иногда служащей целям обмана.

С историческими стилями соотнесены **функциональные** стили. Функциональные стили появляются в разное время и эволюционируют. Под функциональным стилем понимаются черты произведений словесности, характерные для определенной сферы общения внутри одного исторического стиля (иногда используют неудачный термин "подъязык"). К современным функциональным стилям можно отнести: 1) диалектную речь; 2) устный литературный язык; 3) деловую и эпистолярную письменность, стили эпиграфики, сфрагистики и нумизматики; 4) каноническую литературу и ее изводы; 5) научную литературу; 6) художественную литературу; 7) публицистику; 8) массовую информацию; 9) информатику; 10) стиль рекламы и наглядной агитации.

Источники функциональных стилей познаются по тем требованиям к языку и стилю произведений, которые общество формулирует для каждого функционального стиля. Создание функциональных стилей зависит от того, как произведение словесности участвует в общении. Так, стиль деловой письменности характеризуется определенной независимостью от территории, т.е. понятностью для лиц, живущих в разных местностях, и предполагает действительность текста во время жизни разных поколений. Вот почему этот функциональный стиль должен воплощать норму письменной речи.

Стиль классической рукописной, особенно канонической, литературы, как правило, возникает из слияния двух источников: устного наддиалектного эпического стиля и стиля письменности. Рукописная литература распространяется потенциально на неограниченной территории и создается на неограниченное время. Вот почему стиль классической литературы есть в то же время основа классического литературного языка.

Формирование функциональных стилей печатной научной, художественной и журнальной литературы связано с характером читателя. Читатель, владеющий нормами общелитературного языка, относится к этим стилям по-разному, во-первых, из-за своеобразия тематики, отделенной от непосредственных житейских интересов (хотя и полезной этим интересам в конечном счете), во-вторых, потому, что это произведения словесности, живущие долгое, но ограниченное время. Вот почему эти стили характеризует достаточно быстрая эволюция и склонность к делению на группы по предметам и способам изложения, т.е. по литературным направлениям. Эти функциональные стили соотнесены с национальным литературным языком, но никогда не совпадают с ним, поскольку язык, помимо данных стилей, включает в себя и все ранее возникшие стили. Поэтому национальный литературный язык всегда представлен, помимо нормы, той или иной совокупностью функциональных стилей.

Стили массовой информации, информатики, средств рекламы, пропаганды и т.п. составляют следующий этап развития функциональных стилей национального литературного языка на этапе становления межнациональных языков. Это стиль массовой прессы, радио, телевидения и кино, стиль информатики, рекламы и массовой агитации.

Все функциональные стили различаются типами и сферами общения, требованиями к тексту, степенью и характером лингвистической нормы, предметами речи, модальностью, соотнесенностью с культурно-историческим типом языка. По этим признакам функциональные стили противопоставляются историческим стилям и **стилям жанров**. Функциональные стили соотносятся с историческими по двум линиям: 1) по линии изменения состава функциональных стилей по отношению к эволюции исторических стилей; 2) по отношению к изменению

количества и состава жанров внутри функциональных стилей. Исторические же стили соотносятся со стилями жанров по линии эволюции стилей жанров внутри функциональных стилей, в которых воплощается эволюция исторических стилей.

Эти связи раскрываются следующим образом. Каждый функциональный стиль располагает определенным составом жанров. Например, стиль научной литературы включает следующие жанры и поджанры: 1) книжные (печатные) - статья, монография, курс; 2) рукописные - диссертация; 3) журнальные - статья, рецензия, аннотация, обзор, библиография. Стили этих жанров эволюционируют под воздействием исторических стилей. В XVII-XIX вв. эволюция каждого жанра наглядно видна, например, в уменьшении количества личных местоимений, обращений к собственному опыту, описаний наблюдений, проведенных лично и зафиксированных свидетелями, и в усилении логической и математической аргументации критики эксперимента, расширении библиографического аппарата и т.д.

Историческая эволюция научного стиля сопряжена не только с внутренними причинами его развития под влиянием совершенствования знания, накопления научных материалов, усиления влияния науки на практику, развития философских идей, но и с соотношением с общим развитием исторического стиля, с одной стороны, и с появлением новых функциональных стилей массовой информации и информатики - с другой.

Некоторые стили художественных жанров, таких, как, например, притча, басня, роман, в ходе исторической эволюции последовательно включаются в состав разных функциональных стилей. Притча как жанр рождается в диалектной речи как часть фольклора, затем переходит в состав жанров классической канонической литературы и, наконец, становится жанром художественной литературы. Стиль этого жанра, его состав, тип персонажей и сюжет сохраняют относительную стабильность. Но под влиянием исторических стилей меняются языковые средства жанра, а сам он может включаться в произведения, принадлежащие иным жанрам (например, часть ораторической или гомилетической речи как часть канонического сочинения, часть обрамленной повести, рассказа или романа). Басня становится поэтическим жанром и т.д.

Таким образом, стили жанров внутри функциональных стилей претерпевают следующие трансформации: 1) дифференцируются, уточняются и изменяются внутри функционального стиля; 2) переходят из одного функционального стиля в другой; 3) изменяются в своем языковом и стилистическом оформлении под влиянием исторических стилей и развития смежных функциональных стилей, не включающих данный жанр.

Между функциональными стилями и стилями жанров существуют отношения распределения: некоторые стили жанров целиком включены в один функциональный стиль, другие же входят в несколько стилей. Все это эволюционирует вместе с развитием исторических и функциональных стилей.

Создание и эволюция стилей жанров связана с конкретными произведениями, их системностью. Между индивидуальным своеобразием произведения словесности и чертами стиля жанра в определенный момент стоят еще две категории стиля - личный стиль и индивидуальный стиль.

Под **личным** стилем понимаются стилевые особенности произведений словесности, принадлежащих одному лицу - автору. Автор может создавать произведения словесности в разных функциональных стилях и в разных жанрах. Так, каждый художник слова пишет письма и составляет документы, создает иные высказывания, не принадлежащие к художественной литературе. Черты личного стиля открываются благодаря сравнению разных произведений словесности, принадлежащих одному автору, между собой и с такими же совокупностями, принадлежащими другим авторам. Подобные сравнения производятся на фоне особенностей исторических стилей, функциональных стилей и стилей жанров. Личные стили существуют не только в художественной литературе, где они представлены столь ярко, что можно говорить о языке писателя, но и в устной речи (ораторский стиль) и даже в высококонформированном языке документов. Так, внимательное сопоставление документов, вышедших из одной канцелярии, как правило, позволяет по стилю определить составлявшее их лицо, скрытое подписью другого лица, авторизовавшего документ.

От личных стилей отличаются **индивидуальные** стили. В этом случае могут различаться стиль данного текста и личный стиль. Отдельный текст может создаваться как одним автором, так и многими лицами, поделившими между собой обязанности (например, нередко создателем текста является группа лиц, коллектив авторов, коллектив кафедры, органа массовой информации и т.п.). Кроме того, в фольклоре и эпосе личный стиль создателя исчезает в процессе воспроизведения текста.

Изучаются также способы создания произведений словесности, связанные с тем или иным типом разделения труда. Для этого сравниваются между собой произведения, имеющие сходные или различные виды индивидуального или коллективного авторства. Так, сравнивая между собой фольклорные, лично авторские и газетные произведения, принадлежащие к одному и тому же жанру, можно получить представление о том влиянии, которое накладывает на произведение словесности способ его создания. Так, запись сказки на магнитофон, произведенная фольклористом, будет всегда отличаться определенными стилистическими чертами от рукописной записи, а тем более от публикации. Эти различия достаточно систематичны, чтобы говорить об индивидуальном стиле.

Анализ совокупности явлений стиля, разделенной по категориям стилей речи, позволяет подойти к описанию конкретных стилистических черт, свойственных данному произведению словесности, и определить характер стиля, только ему присущий.

Единицы и категории лингвостилистики

Неиспользование стилистического анализа текста для выявления языковых фактов, случайный выбор текстов и примеров из них - типичная ошибка начинающих лингвистов. Тексты пронизаны индивидуальным употреблением звучаний слогов, слов и предложений, индивидуальными значениями, словами-окказионализмами. Все это не относится к языку как предмету языкознания.

Языковед должен быть знаком с **основными** единицами и категориями стиля. Незнание их рождает не критическое отношение к явлениям текста. Новейшие руководства по стилистике дают обобщенные перечни таких единиц стилистики. К ним относят: единицы фоностилистики (аллитерация, рифма, стопа, метр, строфа, периодичность-непериодичность речи);

2) единицы стилистической семантики (метонимия, метафора, синекдоха, гипербола, литота, ирония и др.);

3) единицы морфемного синтаксиса (так называемые "претерпевания": метатеза, протеза, эпентеза и др.); 4) единицы синтаксиса словосочетания (сравнения, уподобления и др.); 5) единицы синтаксиса предложения (эллипсис, инверсия, анаколупф и др.).

Кроме того, в стилистике изучаются: 1) композиционные формы речи, различающиеся составом участников и характером общения: диалог и монолог в прямой и превращенных формах (повествовательных формах); 2) композиционные формы речи, связанные с модальностью текста: описание, доказательство, повествование; 3) композиционные формы речи, рассмотренные с эмоционально-экспрессивной и логико-экспрессивной сторон: образ, доказательство, риторический вопрос, риторическое восклицание; 4) композиционные формы речи, различающиеся по протяженности и смысловой организации произведения словесности: жанрово-композиционные формы речи, например приступ, изложение, доказательство, заключение в судебной речи, формы повести, романа, формы композиции научной речи и т.п.; 5) композиционные формы речи, образующиеся по типу авторства в разных видах словесности (например, образ автора в художественной литературе, коллективное авторство в документе и т.п.) [3].

Единицы стилистики, таким образом, делятся на соотносимые с единицами ярусов языка, изучаемыми в лингвистике, и несоотносимые с ними. К несоотносимым причисляются все композиционные формы речи и соответствующие им единицы, которые характеризуют текст как целое и его первоначальное деление. Эти категории стилистики противопоставляются категориям лингвостилистики, таким, как исторический стиль, функциональный стиль и т.п.

Единицы стилистики, соотносимые с ярусами языка, могут быть сопоставлены с соответствующими лингвистическими единицами.

Единицы фоностилистики соотносят с такими единицами фонетики и фонологии, как звук, фонема, слог, такт, интонация и просодия словосочетания и предложения, интонация сочетания предложений, ритм речи.

Единицы стилистической семантики соотносятся с ярусами слов и словосочетаний и сопоставлены с такими классами этих единиц, как синонимы, антонимы, фразеологизмы, термины, архаизмы, историзмы, неологизмы и др.

Единицы морфемного синтаксиса сопоставлены с лингвистическими единицами формо- и словообразования.

Стилистические единицы синтаксиса словосочетаний сопоставлены со словосочетаниями, выступающими как члены предложения.

Такие единицы стилистики, как эллипсис, инверсия, анаколупф, сопоставлены с составом предложения, характером и порядком слов.

Все единицы риторической стилистики, соотносимые с ярусами языка, и все лингвистические единицы этих же ярусов дополняют друг друга, так как вмещаются в одну и ту же реальность речи, один и тот же объем звучания или графического выражения, но рассматривают его с разных сторон. Так, эллипсис, инверсия, анаколупф противопоставлены нормальному и полному порядку слов. Единицы стиля вмещаются в объем предложения и познаются как отступления от нормального и полного порядка слов, как поэтические и риторические вольности.

Сравнения и уподобления чаще всего вводятся в предложение такими словами, как *словно*, *как будто*, *подобно* и т.п., и составляют особые **обороты речи** (термин, показывающий их выделимость и противопоставленность обычным членам словосочетания и предложения).

Единицы стилистической семантики располагаются внутри лексических единиц, но выделяются противопоставленностью обычной номинации.

Единицы фоностилистики по большей части принадлежат стиховой речи и не относятся ни к прозаической речи, ни к переходным видам речи между стихом и прозой (белому стиху, верлибру, стиху в прозе), хотя отчасти присутствуют в некоторых видах прозы, например в мерной или ритмизованной прозе.

Наконец, "претерпевания" (диереза, протеза, эпентеза, метатеза и др.) могут быть представлены в фоно-морфологическом строе слова, а могут быть и не представлены в нем.

Это значит, что **единицы языка по ярусам всегда представлены** в любом акте речи и каждая занимает там свое место. **Единицы стилистики могут быть представлены** в высказывании. Они как бы наслаиваются по мере надобности на единицы языка и изменяют их вид.

Различие между единицами языка и стиля проявляет себя в следующих признаках:

1. Единицы языка всегда имеют определенную материальную форму, одну и ту же, хотя и изменяющуюся в определенных пределах; единицы стиля, напротив, представляют собой только способ использования единиц языка.

2. Единицы языка, даже такие абстрактные, как грамматические и фонологические, имеют каждая свое значение (так, значением фонемы является звук или комплекс звуков в определенном типе произношения); на основании этого значения с помощью единиц стиля формируется смысл в речи. Так, фонема *t* различает значения слов и морфем в системе языка. Но у Пушкина: *веселым треском трещит затопленная печь*, где *t* в сочетании с *p* в словах *треск*, *трещит* создает одну из фигур фоностилистики - звукоподражание. Каждая единица языка имеет собственное значение, а риторические единицы стиля осмысливают это значение, переводя его в акте речи из абстрактного в предметное представление.

3. Единицы языка в высказывании должны представить весь состав ярусов и заполнить этот набор хотя бы значимым своим отсутствием (так, лат. *i* 'иди' соединяет в себе фонему, морфему, слово, предложение). Единицы стиля композиционного характера обязательно представлены в высказывании (в данном случае соблюдена максимальная краткость речи). Но единицы стиля,

соотносимые с ярусами языка, не обязательно представлены в высказываниях (как в данном случае). Могут быть высказывания, не содержащие таких единиц; не зря их называют украшениями речи [2].

Вот почему единицы стиля, сопоставимые с единицами языка, противоположны им. Вряд ли можно думать, что такие единицы стиля всегда служат основанием для создания произведений словесности. Скорее наоборот, единицы языка служат основой для появления стиля.

В отличие от единиц стилистики категории стилистики связывают противопоставленные науками о речи и языкознанием категории языка и стиля. Категории стилистики устанавливают историческую связь абстрактных и вневременных категорий стилистики и лингвистики. Стилистика языка возникает из истории языка, определяет место и отношение конкретных единиц стиля к конкретным единицам языка в произведениях словесности.

Стилистика языка "скрывает" в себе развитие языка как развитие сфер общения. Модели сфер общения систематизируют язык под углом зрения влияния стиля на язык и дифференцируют стилеобразующие действия личности, с одной стороны, и результаты этих действий в материал языка-с другой.

Язык как система языковых подсистем

В.В. Виноградов, рассматривая историю русского языка, отмечал продолжающиеся в нем процессы дифференциации и интеграции. Диалектная речь как речь бесписьменная постепенно утрачивает свои различия, так как вместе с развитием грамотности и литературной образованности население переходит ко всеобщему использованию русского литературного языка. Диалектные различия сохраняются лишь в среде малограмотного, преимущественно сельского населения. Старославянский язык обособляется как язык канонической литературы и литургии.

В русском литературном языке, напротив, увеличивается дифференциация. Эта дифференциация позволяет выделить специальные терминологические языки в литературе и письменности и отвечающей ей устной речи в сфере науки и техники. Выделяется и язык художественной литературы, который отличается от терминологического языка иным отношением к авторству, позволяющим говорить об индивидуализации авторских языков в пределах языка художественной литературы. В городском просторечии выделяются и дифференцируются бесписьменные арго, составляющие так называемые социальные диалекты города и противопоставляемые в этом качестве сельским диалектам.

Наряду с этой дифференциацией периферийных языковых областей укрепляется основа литературного языка, присутствующая в речи и письме литературно образованных людей, особенно в сфере образования. Графически это можно представить так:

Картина языка

Эта картина языка отражает, по мысли Виноградова, две реальности: социальную и психологическую. Социальная реальность состоит в том, что язык в своих периферийных областях распадается на отдельные сферы общения, связанные с разделением в областях быта, дифференциацией занятий и литературно-письменной практики. Психологическая реальность состоит в том, что изменения языка отражаются в языковом сознании его носителей, т.е. происходит изменение оценок фактов языка говорящими и пишущими на этом языке. Так, литературно образованный человек оценивает и отличает факты языка, относящиеся к общелитературному языку, от фактов авторского литературно-художественного языка, а факты этих двух родов - от научно-технических терминологий (жаргонов), диалектов и просторечия.

Социальная дифференциация языка отражается в языковом сознании, разумеется, неодинаково. Тот или иной языковой факт может быть оценен разно образованными и по-разному чувствующими людьми по-своему. Единство языкового сознания состоит не в одинаковости оценки фактов речи разными людьми, а в одинаковости принципиальных критериев оценки, присущих языковому сознанию говорящих и пишущих на данном языке, особенно людей литературно образованных [13].

Особенность картины языка, изображенной Виноградовым, состоит в том, что вся полнота языковых фактов рассматривается как движущаяся и находящаяся в трехмерном пространстве. Вот почему ее можно назвать планетарной моделью языка. Движение происходит как бы в трех проекциях: в проекции постоянного обмена между ядром литературного языка и его периферийными областями; в проекции стилистических новаций, замещений, устареваний и вырождений элементов языка в каждой из пяти сфер общения; в проекции дифференциации и интеграции, происходящей в разных сферах общения. Диалекты местные и социальные имеют тенденцию к интеграции, тогда как терминологические языки и язык художественной литературы имеют тенденцию к дифференциации. Кроме этого, происходит расширение сфер общения, находящихся вокруг ядра (таких, как язык массовой информации и информатики).

Планетарная модель языка была предназначена для опознания суммы фактов, характеризующих законченность, целостность языковой системы. История языка в изображении Шахматова и современное состояние языка в изображении Виноградова позволяют говорить о том, что язык является "системой систем". Это значит, что сама систематизация языка ведется по двум критериям. С одной стороны, язык как сумма фактов, различаемых в речи, распадается на

относительно самостоятельные области, с другой стороны, в каждой области, состоящей из своей суммы фактов, может быть продолжена одна и та же лингвистическая систематизация. Одновременно все целое обладает некоторой суммой общих единиц с их связями, соединяющих большую систему - "систему систем" - в одно целое.

Анализ единства и разделенности "системы систем" будет зависеть от того, в каком аспекте происходит наблюдение этого расчлененного единства. Так, несомненно, что количество общих морфем в разных сферах общения преобладает над количеством необщих морфем, характерных не для всех сфер общения, тогда как число общих слов, соединяющих все сферы общения, значительно меньше числа слов, представленных в одной или нескольких сферах общения.

Систематизация сфер общения, построение картины языка как "системы систем" зависит от истории языка. Так, в хинди "система систем" будет иной в сравнении с английским, в английском - не такой, как в испанском, в китайском - иной, чем во всех названных языках, и т.д.

История языка как особая дисциплина построена только для некоторых языков, имеющих большую литературную и культурную традицию (например, для всех основных национальных языков Европы, греческого и латинского языков, для китайского, египетского и некоторых других языков). Эта дисциплина выделилась в языкознании в начале XX в. Построение ее зависит от целого ряда других научных дисциплин. Необходимо, во-первых, уяснение истории языка средствами сравнительного метода и диалектологических исследований, необходима, далее, разработка истории письменного и литературного языков, а равно и истории филологии этих языков. Совокупность этих данных позволяет на основе истории языка создать картину языка как "системы систем".

Следовательно, картина языка как "системы систем" строится обычно с помощью литературно удостоверенных смежных с историей языка лингвистических дисциплин. Разумеется, при этом нельзя не привлекать оригинальных фактов из текстов. Оригинальные факты обычно относятся к областям, характеризующим подсистемы внутри системы. Это расхождение одних и тех же единиц по значению, различающее синонимические средства выражения. Оба эти вида различий устанавливаются на фоне других единиц, идентичных по значению и форме, объединяющих подсистемы в "систему систем". Для доказательства необходимо привлекать следующие данные, характеризующие осознание делимости языка на подсистемы в народном сознании. Поскольку народное сознание прошлого ненаблюдаемо, приходится опираться на косвенные свидетельства. К ним относятся факты, регистрируемые филологией в исследуемом языке, особенно в нормативных и школьных учениях о языке и текстах, распространяющие неверное, с точки зрения авторов учений, применение языковых средств, а также оценки языка, даваемые писателями и другими деятелями культуры прошлого.

Все эти данные представляют собой набор диагностических фактов. Сплошное обследование фактов языка для построения общей картины, указывающей место каждой единицы языка в большой системе, пока недостижимо. Известные надежды в этом отношении внушают успехи в статистическом обследовании текстов. Но эти исследования тормозятся неразвитостью методов языковой статистики и трудностями автоматизации работ, заключающимися прежде всего в высокой трудоемкости подготовки машинных данных. В настоящее время построение картины языка как "системы систем" стимулируется необходимостью разработки "языков" науки и техники и нуждами кибернетики. Вот почему можно ожидать расширения исследований в этом направлении.

Язык как система знаков

"*Всякий знак односторонен в смысле противопоставленности* тому, что обозначается этим знаком. То, что обозначается знаком, находится вне его и имеет сложное строение. *Обозначаемое* состоит из мыслительного содержания, приписываемого знаку, и может состоять также из класса реальных предметов, которые знаком обозначаются... Сопоставление знака и слова, таким образом, показывает, что слово в целом не есть знак. Но слово как целое, как единство звучания

и значения есть единица языка... Никакой предмет сам не указывает на другой предмет. Это делает человек, соотнося эти два предмета" [11, 113-115].

Это значит, что человек, соотнося разные речевые произведения и их общие и необщие элементы, выделяет их, устанавливает роль этих элементов, указывает на ту речь, в которой эти элементы употребляются.

Возьмем всем известный пример: ребенок не выговаривает правильно звук *p*. Родители учат: "Скажи *p-p-p...* скажи *рыба, p-рука, p-рама... комар-p...* нет, не *лама, а p-рама, не камал, а комар-p...* *Рама* - это то, что в окне, а *лама* - это животное, *Камал* - так зовут мальчика, а *комар* - маленький, летает, кусается..." и т.д.

Здесь происходит обучение звукам речи, звуки отвлекаются учеником и учителем от акта речи, предстают как знаки, значение которых состоит в том, чтобы отличаться от других знаков.

Если ребенок наконец скажет *p-p-p...*, он создаст речь, высказывание, акт речи, т.е. знак. Но это знак, обозначающий элемент речи, указывающий на ту речь, где применяется звук *p*. Содержание этого знака может быть описано так: "Я научился говорить звук *p* и теперь не спутаю *раму* и *ламу, Камала* и *комара*". Но когда ребенок далее употребляет звук *p* в словах *растение, утро, срам* и т.п., то здесь *p* уже только часть его речи, не являющаяся самостоятельным высказыванием. Эта часть объединяет и различает разные высказывания; когда ребенок об этом задумается, он сделает данный звук в разных словах объектом наблюдения.

Так же и слова. Если слово будет отдельным высказыванием, тогда оно есть знак. Будучи частью разных высказываний, слово может стать предметом наблюдения и обобщения разных случаев его применения как знака знака. Наиболее простой случай суммировать эти наблюдения - это рассмотреть применение слова в высказываниях с разным смыслом. Разберем пример: посмотрим, как раскрывается языковедческое явление слова.

У В.И. Даля: "*Поза* ж. франц. о живом: положение, постановка, поставка, постав, постань. *Поза картинная, благородная, величественная*".

У С.И. Ожегова: "*Поза*, -ы. ж. 1. Положение тела. *Величественная поза. Принять неудобную позу.* 2. перен. Притворство, неискреннее поведение, рисовка. *Он не терпит позы. Его человеколюбие - только поза*".

В "Орфографическом словаре русского языка": "поза, -ы".

В орфографическом словаре фиксируются норма записи, норма произношения (ударение) и грамматическая норма - указание на форму множественного числа слова. Слово, - как и часть многих высказываний, здесь двусторонняя сущность. В словаре Ожегова даны две дефиниции значения слова с примерами: слово раскрыто в отношении к двум типам смысла. В словаре Даля значение слова раскрыто через пять родственных по смыслу синонимов. Слово как отдельное высказывание (знак в речи) соотносено с другими знаками речи. Так раскрываются разные значения слова как языкового знака: синонимическое, логически-дефинитивное, орфографически-орфоэпическое. В любом случае словесный знак соотносён с одним или несколькими другими высказываниями - знаками и указана роль слова как части высказываний, в том числе и по отношению к их содержанию.

Анализ и обобщение содержания высказываний, в которых данное слово употребляется, дает значение этого слова. Это обобщение чаще всего формируется как дефиниция. Следовательно, представляется как понятие, суммирующее разные образы-представления. Но это понятие выведено на основании наблюдений за словом как частью высказываний, что и составляет его языковое значение.

Языковое значение выводится филологом как лексическое понятие [5]. Но это понятие соотносено с языковой деятельностью и называется языковым значением слова. Однако понятие, связанное со словом, может быть сформировано и на основании бытовой или профессиональной деятельности. Тогда говорят о бытовых или профессиональных понятиях, которые связываются со словом в процессе его использования в контекстах этой деятельности. Поэтому языковое значение (понятие) совпадает с бытовым или профессиональным понятием частично. Термином "значение" называют поэтому итог анализа и обобщения, единиц языка, наблюдаемых в актах речи. Соответственно этому значение может быть фонетическим, морфологическим,

синтаксическим, синтагматическим, орфографическим, каллиграфическим и т.д., в том числе и смысловым.

Смысловое значение слова также не едино и зависит от того, в каком отношении к содержанию высказываний находится слово. Бывает значение предметное, понятийное, образное, этимологическое, синтаксическое, коннотативное и т.п. Разные роды смысловых значений слова иногда соединяют в одном термине "лексическое понятие", т.е. понятие о смысловом значении слова как единстве всех его значений, составляющих особую систему.

Н.Г. Комлев показывает части лексического понятия [5]. Так, рассмотрим одни и те же слова, когда они выражают в составе высказывания не лексическое понятие, а бытовое, научное или техническое. Между лексическими понятиями и понятиями бытовыми, научными, техническими, эстетическими и соответствующими им по содержанию образами существует определенное соотношение. Лексическое понятие отвлекается от актов речи-мысли и представляет собой их обобщение по отношению к слову. Прочие виды понятий сообщаются слову в контексте деятельности, объединяющей языковую и неязыковую деятельность.

В.З. Панфилов показывает, как лексические понятия обобщенно отображают такие важнейшие категории материи и мысли о ней, как понятия качества и количества [6].

Лексическое понятие обобщает содержание бытовых и специальных, профессиональных понятий, стягивает их в единый смысловой комплекс. Речевой образ, наоборот, находит себе только одно-единственное выражение в материале речи, что связано с многообразием сторон содержания образа. При формировании образа содержание лексических понятий используется частично, при этом нередко создается новое содержание.

Это показывает, что между понятиями и образами в речи и лексическими понятиями устанавливаются сложные и многоаспектные связи. В этих связях, несомненно, участвуют как другие семиотические системы, так и предметный мир, отражаемый сознанием. Связи составляют суть отношений между процессом мышления в языковой форме и языковым мышлением, когда возникает осмысление языкового выражения. Этот процесс достаточно сложен и во многих случаях индивидуален.

Наиболее ярко этот процесс сознается художниками слова и специалистами (например, юристами), ищущими языковые средства для выражения своего замысла. Но и в обычной жизни люди, пользующиеся языком для выражения своей мысли в целях сообщения ее другим, также сознают этот процесс.

А.А. Потебня выводил семиотические свойства языка из сопоставления его с музыкой, танцем, архитектурой и другими искусствами [8]. Но кроме систем искусств, существуют системы прогностики, семиотические системы науки и техники, сфера личных знаков, а также системы мер, средств ориентирования, распорядительные системы и т.п. Сопоставляя эти системы с языком, убеждаемся в том, что у языка особая роль - он является посредником между всеми семиотическими системами и он же является системой общего использования [4].

Свойство быть посредником значит, что с помощью языка назначаются целые семиотические системы или части их, с помощью языка происходит обучение семиотическим системам, с помощью языка происходит соединение семиотических систем в ансамбли (как в театре) или в агрегаты (как в объединении на одном пульте приборов управления), с помощью языка происходит создание отдельных знаков и их отмена, с помощью языка осуществляется введение в действие какой-либо семиотической системы и прекращение ее действия.

Если язык - семиотическая система общего использования, то это значит, что каждый знающий данный язык может быть и творцом и получателем знаков, тогда как в других семиотических системах этого нет. Так, шофер не имеет права отменить или перенести знаки регулирования уличного движения и т.д.

То, что язык является посредником между семиотическими системами и подлежит использованию всеми, предполагает особые качества языка:

1) язык должен обладать **способностью к самоописанию**, так как нет другой семиотической системы, его описывающей;

2) язык должен быть **доступен для овладения** каждому, его материал должен быть просто организован и всегда готов к использованию;

3) содержание языковых знаков должно быть таким, чтобы оно было **единообразно и однородно понимаемым**, т.е. важно как можно более снять характерное для искусств различие между пониманием знака в замысле его создателя и толкованием этого замысла аудиторией;

4) каждый автор языкового знака должен создавать знак так, чтобы его аудитория могла возможно более точно **восстановить способ и процесс создания** знака;

5) количество знаков языка в силу его посреднической роли и всеобщности **не должно быть ограничено**.

Эти качества языка диктуют выбор материала знаков и способ его обработки для знаковых нужд.

Источником и началом языка являются звуки, издаваемые с помощью органов артикуляции; такие звуки удовлетворяют перечисленным требованиям. Число звуков и их модуляций практически безгранично, но восстановить способ создания звуков может каждый путем подражания. В силу этого возникает возможность единообразного понимания звуков, которое обеспечивается **самоописанием и легкостью обучения**.

Язык - семиотическая система, с которой начинается социализация ребенка. Подражание звукам, слышимым от взрослых, самокоррекция (уточнение произношения звуков), предпринимаемая ребенком после проб своего аппарата артикуляции, требует повторения одних и тех же звуков и комплексов звуков. Повтор же есть в то же время и начальное обучение. Осложненные формы повтора развиваются в средства описания и научения, приобретая при этом новые качества. В.К. Поржезинский отмечал, что звук, издаваемый с помощью органов артикуляции, самый удобный материал общения [7].

Сравнение звуков языка с музыкой, которое разбирал еще Потебня, обнаруживает различие в их организации. Музыкальные звуки отличаются тем, что, видоизменяя самую необходимую из сред обитания человека - воздух, возбуждают в человеке физиологическую и чувственную реакции, тем самым формируя в нем отношение к миру (действенное, созерцательное, героическое и т.д.), и вместе с тем раскрывают мир вне человека и внутри его или вносят, напротив, хаос в эту картину. Раскрывая мир, звуки музыки могут становиться картинными, изобразительными (как песня), погружая человека в покой, или, напротив, вовлекать человека в движение (как танец или марш), в том числе в движение и покой внутренние, физиологические. Музыка, сливая отношение человека к миру с изображением мира и человека, побуждая к действию или покою, делает это нерасчлененно. Ее образы благодаря этому синкретичны.

Прямо противоположное этому использование звука происходит в языке. Каждый звук языка или созвучие имеет силу музыкального образа по своей природе, но человек, создавая язык, использовал другие свойства звука: его протяженность во времени и делимость по качественным признакам, а также разнообразие тембров, шумов и самых элементарных мелодических ходов. Такое использование колебаний воздушной среды приводит к тому, что каждый звук языка есть как бы отдельная маленькая музыкальная пьеска, в сотни раз меньшая, чем обычная самая маленькая музыкальная пьеса (звучание такой пьесы исчисляется минутами, тогда как длина звука языка исчисляется долями секунды). Такая отдельная пьеса или группа пьес - маленькая программа - составляет знак языка.

Исполнению подобной пьесы легко научиться, как и сочетанию пьес в программе. Главную роль при этом будут играть именно программы, так как их составление есть творческий акт. Отдельная пьеса - звук языка - есть для взрослого говорящего лишь воспроизведение заученного (не для ребенка, научающегося говорить!). Как правило, она лишена творческого смысла.

Разумеется, совершенное ораторское или сценическое произнесение звуков сохраняет эстетический смысл отдельного звука и используется человеком в этом качестве, но это уже относится к эстетике произношения, которой одарены и владеют не все. Язык же оперирует сочетаниями звуков по принципу однородности и воспроизводимости микропьес - звуков, для которых эстетический смысл является вторичным. Первичным же является смысл композиции

программы, которая представляет собой комбинирование отдельных звукоуцнностей, объединенных другими звукоуцнностями: ритмом, динамикой, интонацией и т.п.

В этом случае главным становится установление тождества и различия звуков: отождествляется новый звук с уже известными, выученными или нет? чем этот звук отличается от других звуков, на него не похожих? Из звуков, которые теперь разграничиваются навыками речи и слуха, составляются сочетания звуков.

Но каждая программа сочетания звуков по замыслу говорящего имеет начало и конец, которые отмечаются **паузами** разной длительности в зависимости от смыслового членения речи. Паузы вводятся для того, чтобы дать возможность слушающему распознать и осмыслить комплексы звуков - программы. Паузы различаются по длительности в зависимости от того, хочет ли говорящий показать полную или только относительную законченность мысли.

Вместе с паузами средством организации сочетания звуков являются усиление или ослабление громкости колебаний (динамика) и движение мелодии (частота колебаний). Эти средства органически присущи каждой программе. Поскольку динамика и мелодика формируют цельность последовательного исполнения звуков между паузами, они влияют на исполнение отдельных звуков, делая одни произносимыми и воспринимаемыми менее разборчиво (редукция), а другие - более разборчиво (отсутствие редукции).

Осмыслению звуков речи способствуют сначала ритм и метр (динамика и паузы составляют выразительные средства звучания речи), затем тембр и мелодика, затем различие программ последовательности звуков, которые воспроизводятся разными говорящими достаточно регулярно. Ритм и метр формируют смысл высказывания как целого, а воспроизведение сочетаний звуков связывается со смыслом слов, составляющих высказывание. Тембр и мелодика отображают эмоциональные состояния говорящего и выражают аппелятивные значения.

Место системы языка среди других систем

Для того, чтобы систематизировать факты языка и описать язык как систему, необходимо сначала гипотетически представить, какого рода должна быть эта система. В.М. Солнцев четко определяет место языковой системы среди прочих систем, окружающих человека [11] (см. рис. на с. 148).

Солнцев дает классификацию систем по их происхождению, генезису. Вначале существуют **первичные материальные** системы, те системы, которые характерны для природы до человека и вне человека. Это системы, представленные в жидкостях, газах, твердых телах, органической жизни. Качества систем определяются тем, каковы качества элементов и структур, их составляющих.

Деятельностью человека создаются три новых класса систем: идеальные, искусственные и вторичные, или семиотические. "**Идеальные** системы - это такие системы, элементы (элементарные объекты) которых суть идеальные объекты - понятия или идеи, связанные определенными взаимоотношениями. Идеальной системой, например, является система идей того или иного произведения, система понятий той или иной науки и т.д." [11, 18].

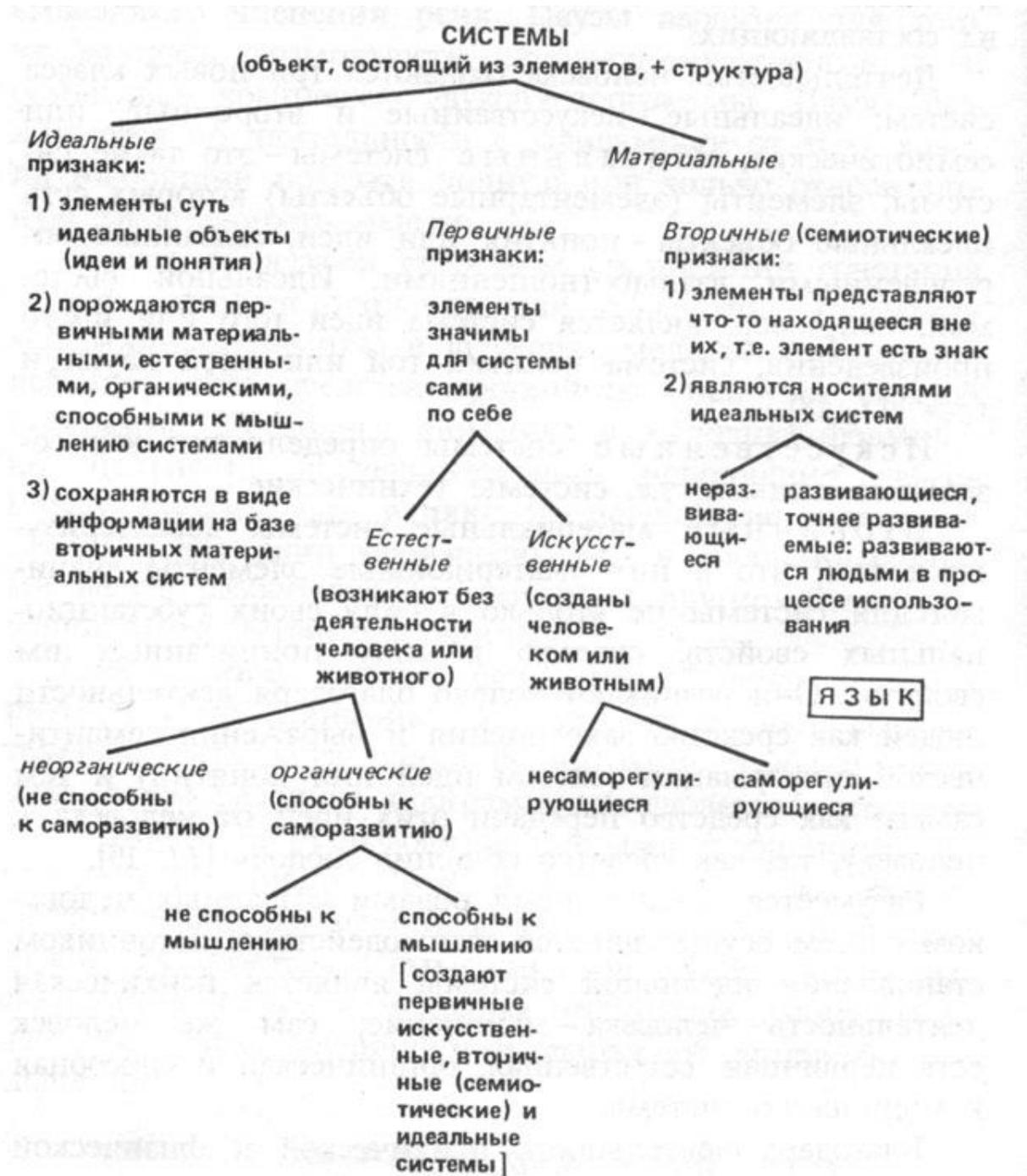
Искусственные системы определяются как созданные людьми, т.е. системы технические.

Вторичные материальные системы характеризуются тем, что в них "материальные элементы значимы для системы не столько в силу своих субстанциональных свойств, сколько в силу приписанных им свойств... Они возникают только благодаря деятельности людей как средство закрепления и выражения семантической информации (систем идей или понятий) и тем самым как средство передачи этих идей от человека к человеку, т.е. как средство общения людей" [11, 19].

Разумеется, между тремя родами созданных человеком систем осуществляется взаимодействие: источником становления идеальной системы является психическая деятельность человека - мышление; сам же человек есть первичная, естественная, органическая и способная к мышлению система.

Благодаря деятельности психической и физической создаются системы как искусственные, так и семиотические. Различие между ними состоит в том, что первые состоят из элементов, значащих сами по себе, но созданных человеком, а вторые состоят из материальных элементов - знаков, семионов, представляющих что-то находящееся вне их и являющихся носителями идеальных систем, которые, в свою очередь, порождены материальными системами всех видов.

Эта классификация систем объясняет основные свойства языка как знаковой системы. Язык как знаковая система соотносится с системами природы тем, что помогает раскрыть их строение, благодаря деятельности мышления, выстраивающего идеальные системы, опорой для которых являются семиотические системы.

Семиотические системы

Однако язык - только одна из семиотических систем. Фиксировать идеальные системы мышления, помогать созданию проектов искусственных систем, управлять их реализацией,

отражать общественные отношения - все это свойственно языку так же, как и другим семиотическим системам. Для того, чтобы увидеть свойства языка, отличающие его от других семиотических систем, необходимо сопоставить язык с другими системами.

Рекомендуемая литература

1. Античные теории языка и стиля / Под ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л., 1936.
2. Аристотель. Соч. М., 1984. Т. 4. С. 645-681.
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
4. Волков А.А. Русский ареал письменности в системе//Предмет семиотики. М., 1975.
5. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
6. Панфилов В.З. Взаимоотношения языка и мышления. М., 1971.
7. Поржезинский В.К. Введение в языковедение. М., 1916.
8. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894.
9. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
10. Рождественский Ю.В. О работах академика В.В. Виноградова по истории русского языкознания // Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
11. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
12. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31 - 273.
13. Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи // Избр. труды. М., 1970. Т. 1.

Лекция 5. СИНТАГМАТИКО-ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКА

Выделение единиц языка

Ф. де Соссюр (1857 - 1913) говорил, что в языке (как предмете языкознания) "нет ничего, кроме различий". Это значит, что материал речи не может быть основой отвлечения признаков. Язык бывает письменным и устным. Материал письменной и устной речи (звуки речи и знаки на бумаге) различен. Тем не менее это один язык. Это значит, что связь устной и письменной речи, существующая как общественное установление, и есть материя языка. Такая материя, составленная из правил устно-письменных корреспонденции, есть **форма**. Субстанция этой формы - **различия в звуках и графических знаках**, благодаря которым мы распознаем их корреспонденции и многообразии [18].

Единицы языка выделяются путем отождествления сходных по звучанию и значению единиц текста. При этом одновременно происходит распределение единиц по парадигмам и парадигматическим классам, т.е. систематизация единиц. Все это возможно благодаря синтагматико-парадигматической модели языка.

Единицы **выделяются**, т.е. очищаются от сопутствующих признаков. Так, звуки речи влияют друг на друга, подчиняются влиянию ритма и метра, связаны в одно целое с тембром и интонацией. Такими звуки речи представляются непосредственному наблюдению. В этих органически спаянных физических свойствах конгломератах надо выделить свойства, составляющие языковую сущность данной единицы. Это значит найти у единицы признаки, позволяющие ей быть отдельной сущностью, передавать смысл, сохраняя независимое физическое качество. Это значит найти у звуков (или других единиц) признаки, не зависящие от их комбинирования с другими единицами. Такие признаки называют **существенными**, т.е. выражающими сущность, самостоятельность, потенциальную отдельность единицы.

Признаки, вызванные вхождением в комбинации, являются сопутствующими, **несущественными**. Выделение единицы есть нахождение ее существенных признаков и сведение по этим признакам случаев разного употребления этой единицы в один класс. Класс употребления одной единицы с неизменными признаками называют **инвариантом**, а отдельное употребление - **вариантом**.

В логике построение классификации основано на том, что совокупность фактов распределяется по классам, затем по подклассам т.д. вплоть до отдельных явлений. Само деление явлений на классы зависит от существенных свойств этих явлений. Языкознание имеет дело с фактами языка (различными). Это ставит перед лингвистической классификацией следующие задачи: 1) разделить факты языка на классы; 2) уточнить место каждого факта внутри класса; 3) найти связь классов между собой, являющуюся их существенными признаками, и построить общую систему.

Общая система в языкознании строится на объединении вариантов, т.е. отдельных явлений, единиц речи, в инварианты, т.е. единицы языка, выделенные по существенным признакам. Этому служит синтагматико-парадигматический принцип выделения единиц языка.

Синтагматико-парадигматический принцип применяется с начала создания описаний языка и систематизации языковых фактов, т.е. со времен античности. Представляя эту модель образно-наглядным способом, де Соссюр сравнивал язык с шахматной доской: есть вертикальные столбцы клеток и горизонтальные строки из тех же клеток. Иначе говоря, выделение единиц языка производится с использованием матричного представления.

Де Соссюру принадлежит расширение двух основных понятий, используемых для различения любых единиц языка в логической матрице. Это понятия **синтагмы и парадигмы**. Раньше термин "синтагма" применялся для обозначения только сочетания слов, а термин

"парадигма" - совокупности грамматических изменений одного и того же слова. Де Соссюр распространил применение этих терминов на любую единицу языка, от отдельного звука до разных форм сочетаний предложений. Это помогло уяснить логическую природу выделения любой единицы и объяснить исходные правила лингвистических обобщений речевых явлений. Языковое высказывание после отвлечения от него единиц стиля предстает как линейная последовательность единиц. После этого высказывание сопоставляется с другими высказываниями, содержащими общие и необщие части.

Покажем это на примерах значимых сочетаний букв (условно возьмем прописные буквы): НАС (*любят нас*), НАГ (*он наг*), БАС (*бас, а не баритон*). По соотношению общих и необщих частей сравниваемые высказывания делятся на последовательности единиц: Н - А - С, Н- А-Г, Б- А-С. При этом делении происходит эмпирически наблюдаемое объединение сходных между собой частей высказываний и разделение несходных. Эмпирическое наблюдение, объединение и разделение на основании физического сходства написания и произнесения букв, т.е. значения и форм букв, составляет индуктивное основание для отвлечения языковых свойств букв. Например, Я выражает носовой звук, Б - губной звук, оба звонкие, Н и Б - оба согласные, А - гласный звук. Одновременно различаем сходство и различия в начертании: Н и Б содержат вертикальные и горизонтальные линии и различаются числом вертикальных прямых, а А - наклонные и горизонтальную. Полученные таким образом объединения частей высказываний представляют собой **индуктивно** определяемые графические единицы языка.

В индуктивном сопоставлении и разделении намечаются основы анализа по синтагмам и парадигмам, так как разделяемые на части высказывания представляют собой последовательности предполагаемых единиц (каждая занимает определенное место от начала последовательности):

1 - 2 - 3
Н - А - С

Каждое место по отношению к другому месту составляет **абстрактную синтагму**, а каждая часть высказывания по отношению к другой последующей части - **конкретную синтагму**.

Все те части других высказываний, которые занимают одно и то же место в абстрактной синтагме и входят в две и более конкретные синтагмы, составляют **парадигму**. Так реализуется образ шахматной доски (матрицы), где горизонтальные линии - синтагмы, а вертикальные линии - парадигмы.

парад игмы	1 -	абстрак	синт агмы
	2 - 3	тная	
	Н - А - С	конкре тная	
	Б - А - С		

Эмпирически наблюдаемое сходство и различия единиц языка дают отправные, но приблизительные данные, так как индуктивно-эмпирическое объединение и разделение признаков единиц основывается на признаках, обнаруживающих разную степень физического и смыслового сходства и различия единиц.

Сравни звучания:

Н-А-С   Н-Ё-С   С-А-М-А

Орфография в примерах скрывает различия в произношении разных Я (твердого и мягкого), а также показывает функциональные различия О и А (*сама - сома*), скрытые единством произношения.

Вот почему необходима формальная проверка эмпирических наблюдений сходства и различий в материале и значениях высказываний и их частей. Для этого индуктивный анализ дополняется **дедуктивным**. Дедуктивный анализ осуществляет формальную проверку индуктивных наблюдений и доказывает или опровергает правильность индукции.

Дедуктивная формальная проверка основана на анализе употребления индуктивно выделенных языковых единиц. Для того, чтобы каждая единица языка была отделена от другой правильно, необходимо, чтобы она употреблялась как отдельная, свободно комбинируемая единица. Если употребление единицы покажет ее отдельность, то индукция была верна, если же не покажет, то необходимы новые наблюдения и новые индуктивные выводы.

Отдельность употребления устанавливается тогда, когда показано, что единица имеет свою совокупность мест в разных высказываниях. Если единица имеет только ей одной присущую совокупность мест, то она отделяется от других подобных единиц не только по признакам материала и значения, но и по признакам употребления:

1 - 2 - 3
 Н - А - С (нас нет)
 С - Н - А (сна нет)

Из сравнения видно, что Я встречается на 1-м и 2-м местах, А - на 2-м и 3-м, С-на 3-м и 1-м. Так подтверждается самостоятельность, индивидуальность употребления Н, А и С и тем доказывається, что они не только не схожи между собой по звуку (и графической форме) и по различаемым с их помощью значениям (в нашем случае - значениям букв и слов), но и по употреблению. Так дедукция проверяет индукцию.

Этот принцип разграничения единиц по сходству и различию материала речи, значений и употребления применяется к разграничению **всех языковых единиц**. Правило разграничения называется **дистрибутивным различием** и формулируется так: если две наблюдаемые единицы употребляются в общих и необщих парадигмах, то это разные единицы; если две единицы имеют только общие или только необщие парадигмы, то это неразличаемые по употреблению единицы, а следовательно, нельзя утверждать, что это разные единицы. Сравним:

1 - 2 - 3   1 - 2 - 3
 Н - А - С   Н - А - С
 С - Н - А   Б - А - С

(Н-1, 2; А-2, 3; С-1, 3; Б, Н-1; А-2; С-3). Во втором случае (НАС/БАС) различие Я и Б по употреблению не устанавливается.

Это правило служит для отбора фактов языка. Для того, чтобы разграничить единицы языка, достаточно подобрать одну или несколько различных по субстанциональным признакам единиц языка, которые обнаружат различие единиц и по употреблению.

Выделение единиц по материалу, значению и употреблению представляет собой логическую фигуру, использовавшуюся с древности для различения, "разведения" понятий. В логике для построения родо-видовых классификаций необходимо сначала отделить объекты классификации друг от друга, затем дать им дефиниции на основании выделенных признаков (так как общий признак ряда объектов есть основание дефиниции) и, наконец, на общем логическом основании свести предметы в классы по признакам, различающим их на фоне общего признака. Этот принцип выдерживается и в языкознании.

Различение единиц языка производится до установления классов и построения дефиниций с помощью логической фигуры "разведения" понятий. Эта фигура предшествует установлению родо-видовых отношений между понятиями, так как прежде чем дать дефиницию, необходимо сначала представить объем понятия, которое затем будет определено и поставлено в родовидовые отношения к другому понятию. Логическая фигура "разведения" понятий относится к установлению объектов разных видов, равно принадлежащих к одному и тому же роду. Так, *стул, кресло, вольтеровское кресло* и т.д. - предметы мебели, предназначенные для сидения - должны быть отграничены друг от друга, так как их общий признак 'мебель, служащая для сидения' не устанавливает границ между разными видами этого класса мебели.

Особенность логической фигуры "разведения" понятий состоит в том, что она избегает так называемого логического круга. Например: *стул* - мебель, *стол* - тоже мебель; *стол* и *стул* - мебель. Различия между *столом* и *стулом* не могут быть определены словом *мебель*. Отделить *стол* от *стула* можно, сказав, что *стул* - это *стул*, а *стол* - это *стол*; один из них обладает признаком "стульности", а другой - "стельности", но это тавтология. Поэтому приходится прибегать к функциональным определениям: *стул* - 'мебель для сидения', *стол* - 'мебель не для сидения'.

Для решения этого вопроса при различении единиц языка по употреблению прибегают, как было сказано выше, к понятиям синтагм и парадигм. При этом синтагма составлена из парадигм, располагающихся на каждом месте абстрактной синтагмы, но и сама парадигма определяется как совокупность единиц языка, употребляющихся на одном и том же месте в синтагме. Отсюда синтагмы определяются через парадигмы, а парадигмы - через синтагмы (как будто бы логический круг!). Выход из логического круга состоит в том, что синтагмы соотносятся с парадигмами через единицы языка, а единицы языка позволяют отличить синтагмы от парадигм по употреблению в них единиц языка. Пример НАС/СНА показывает это наглядно:

	I	II	III
Н	+	+	-
А	-	+	+
С	+	-	+

I позиция (т.е. совокупность мест, общая для всех высказываний) характеризуется элементами Я, С; II позиция - Я, А; III позиция - А, С. Тогда как каждая единица характеризуется своей позицией: Я - I, II; А - II, III; С - I, III. Это значит, что Н/А, Я/С и А/С различают разными характеристиками I, II и III позиции, и эти позиции, в свою очередь, различают элементы: Я-I, II; А-II, III; С-I, III.

Поскольку в данном примере доказано, что Я, А и С - разные единицы, можно проверить, правильно ли индуктивно найдены их существенные признаки. В области значения А отличается от Я и С признаком гласности; Я и С различаются признаком назальности и соединяются признаком согласности. В области материала речи И и С различаются наличием второй вертикальной черты и округленной черты, а гласная А отличается от согласных Я и С наклонными чертами.

Этот логический анализ в языкознании оснащен своими терминами. Любое явление языка-речи представляется от начала к концу высказывания как последовательность **мест элементов**, идущих в одном направлении по линии времени.

Распределение элементов, из которых составлены сравниваемые явления речи, называют **дистрибуцией**. Она описывается как сумма мест, которые занимают элементы явления речи. Далее сравниваются несколько явлений речи с однородным составом элементов. Поэтому дистрибуцией называют также **характеристику изучаемого элемента по сумме занимаемых им мест**.

Парадигмой называют совокупность элементов, употребляемых на одном и том же месте при сравнении разных явлений речи. Места указывают расположение элемента в конкретной синтагме, т.е. в явлении речи. Одно и то же место от начала последовательности в разных

конкретных синтагмах называют **позицией**. Последовательность позиций называют абстрактной синтагмой.

Конкретная синтагма - это последовательность элементов в конкретном явлении речи, **абстрактная синтагма** - это абстрагированный от конкретных синтагм порядок позиций, данных местами элементов конкретной синтагмы. Поэтому нередко термин "место" в абстрактной синтагме синонимически замещается термином "позиция".

Соотношение синтагм и парадигм дается через элементы не менее чем двух явлений речи. Разные элементы, занимающие одну и ту же позицию (место в абстрактной синтагме) и составляющие парадигму, находятся в **контрастном распределении**. Разные элементы, занимающие разные позиции (разные места в абстрактной синтагме), находятся в **дополнительном распределении**. Если разные элементы занимают позиции и контрастного и дополнительного распределения, то они различаются дистрибутивно (т.е. не только по видимому сходству или различию, но и по употреблению). Если разные элементы (например, Я и Б, А и С в примере НАС/БАС) занимают позиции только контрастного распределения (Я и Б) либо только дополнительного распределения (А и С), то они не различаются дистрибутивно (т.е. могут различаться внешними признаками, но не своим употреблением).

В языкознании отдельными языковыми сущностями считаются лишь такие, которые различаются не только своей формой, но и употреблением, соотнесены со значением, т.е. различаются дистрибутивно. Такие элементы называют **инвариантами**. Элементы, которые различаются только внешними признаками, но не по употреблению (т.е. не различаются дистрибутивно), называют **вариантами**. Вариантов всегда больше, чем инвариантов. Поэтому на основании дистрибутивного различения варианты всегда относятся к определенному (одному) инварианту.

Инвариантизация речевых явлений составляет переход к описанию независимых и свободно комбинируемых в речи языковых сущностей в виде классов. Для создания классификации выделенных единиц языка необходимо расположить инварианты так, чтобы выдерживался родо-видовой принцип. Родо-видовой принцип классификации, с одной стороны, должен сочетаться с явлениями речи, а с другой стороны, объединять выделенные инварианты в классы по сходству или различию признаков материи, значения и употребления.

Понятие ярусов языковой системы

Единицы языка (инварианты) рассматриваются по принципу от простого к сложному, и наоборот. Так выделяют **ярусы языка**. Объединение в классы явлений одинаковой сложности, т.е. явлений одного яруса, называют классификацией инвариантов одного яруса. Например, все фонемы - простые единицы, полученные в результате деления морфем - сложных единиц, - составляют ярус. Гласные, согласные и полугласные фонемы-подклассы внутри этого яруса фонем. Ярусы, таким образом, являются основными классами в родовидовой классификации языковых единиц.

Для того, чтобы представить все элементы языка как совокупность классов-ярусов и чтобы каждый из них отделялся от другого, а все ярусы в целом составляли бы систему, надо, чтобы классы выделялись каждый по общим признакам и были связаны между собой этим общим признаком и различались необщими. В языкознании этим признаком является признак разложимости единиц языка на элементы и комбинации из элементов, полученных в результате разложения единиц языка. Например: слово корд 'грубая прочная нить' дает звуко-буквенные элементы к, о, р, д. Из этих элементов можно снова синтезировать слово корд, но можно синтезировать и другое слово - дрок 'растение'.

Единицы, принадлежащие к одному ярусу языка, должны **непосредственно синтезировать** единицы другого, вышележащего яруса. Непосредственность синтеза составляет общий признак, на основании которого различаются все ярусы.

Принцип анализа и синтеза, лежащий в основании классификации единиц языка на ярусы, базируется на идее: ограниченное число элементов может дать безграничное число составленных из них комплексных единиц.

Совокупность ярусов языка составляет иерархию, где есть нижележащие и вышележащие ярусы. Единицы вышележащего яруса целиком составлены из единиц нижележащего. При этом общим правилом (в соответствии с принципом свободного комбинирования) является следующее: границы одного яруса должны проходить там же, где границы другого. Не должно быть такого случая, когда бы границы вышележащего яруса пересекали бы границы нижележащего, и наоборот. Следовательно, все единицы вышележащих ярусов должны полностью и без остатка делиться на единицы нижележащих ярусов.

Всякая единица вышележащего яруса является не только суммой составляющих ее элементов, но и органическим целым. В качественном отношении такая единица отличается от суммы составляющих ее элементов.

Эти различия, взятые в обобщенном виде, составляют особые качественные признаки ярусов. Качественные признаки позволяют определить ярусы языка как особые сущности и рассматривать их как разные классы, различающиеся на фоне общего свойства - способности разделяться на элементы и синтезироваться из них.

Существует взгляд, что ярусы языка постулируются и составляют часть методов лингвистики. С этим трудно согласиться, так как можно постулировать подход к материалу, логические принципы его рассмотрения, но не свойства материала. Ярус языка обладает такими свойствами, которые вытекают только из характера предмета исследования, его качеств.

Число ярусов языка ограничено. Верхним ярусом является **предложение**, и это вытекает из регулярной воспроизводимости явлений языка. Как явствует из принципов различения языка и стиля, к языку относится только то общее, что соединяет разные высказывания между собой. Этим общим является предложение. В предложении, однако, существует многое, что относится к стилю. Но в каждом предложении отмечается минимальное единство признаков модальности, лица, интонации, показывающих относительную законченность мысли в высказывании. Так В.В. Виноградов обобщил языковые признаки предложения, в отличие от заключенных в нем же признаков стиля [4].

Словосочетание как единица языка, по Виноградову, отличается двумя признаками: наличием грамматической формы и способностью передавать расчлененно единое понятие или образ. Все остальное относится к стилю. Словосочетание может представлять собой лексическую единицу. Но, во-первых, далеко не каждое словосочетание - лексическая единица; во-вторых, оно, как правило, относится к какому-либо функциональному стилю и строится по тем же законам, что и словосочетание, не составляющее лексической единицы. Вот почему ярус составляют словосочетания только в пределах названных признаков [3].

Слово (за вычетом окказионализмов, достаточно многочисленных в текстах), как правило, представляет собой единство целого, последовательного звучания (и графического представления) и определенного, закрепленного за этим звучанием понятия и образа.

Морфема, за исключением весьма редких окказионализмов и окказиональных заимствований, подобно слову, представлена определенным фонетическим комплексом, с которым связывается ассоциативное значение, используемое в словообразовании и словоизменении для создания внутренней формы слова. Поэтому морфема имеет этимологическое значение [7]. В силу этого бывают морфемы - комплексы звуков, не обладающие этимологическим значением, и морфемы, содержащие этимологическое значение, но представленные отсутствием звука (или графического символа) в определенной позиции. Первые называют инфиксами или фонетическими инкриментами, а вторые - нулевыми морфемами.

Фонемы лишены собственного значения, но как единицы стиля звуки, объединяемые фонемами, приобретают звукоизобразительное и звуко-символическое значение, что иногда отражается в этимологии слов. Фонемы служат для различения значений слов и их форм, а также для различения словообразовательных и этимологических значений.

Качественные признаки ярусов языка показывают, что, помимо общего признака разложимости и синтеза-руемости, характеризующего единицы каждого яруса, существуют явления языка, которые не могут быть отнесены к определенному ярусу. Кроме этого, в языке наблюдаются явления, которые не могут быть охвачены понятием яруса. Это такие явления, как такто-слоговая организация устной речи, тональная организация речи, графико-орфографическая и художественная организация письменной речи, явления фразеологии, лексикализации словосочетаний, явления стандартных формул-предложений (вроде формул приветствия, брани и т.п.), формы словообразования и др. Подобные явления относятся ко **внеярусным** и инвариантизируются и классифицируются особо.

Можно отметить пять признаков, которыми различаются ярусы:

1. Относительная закрытость списка единиц яруса.

2. Наличие ассоциативно-этимологического значения, т.е. значения, когда мысль ищет ассоциацию с целью создать новое значение (типа *арбуз* 'ягода', **арбузик** 'светильник круглой формы' в речи ребенка).

3. Непрерывность звучания, т.е. единая протяженность звука. Так, фонема, хотя и имеет определенную длительность, представляет собой пучок дифференциальных признаков. Слово, характеризуемое актуальным и потенциальным ударением, цельно по звучанию, так как ударение объединяет звуковую последовательность слова в один комплекс, тогда как морфемы и формы словосочетания могут быть разделены другими звучаниями, не относящимися к смыслу словосочетания или морфемы. Таковы прерывистые корни семитских языков, вводные слова в словосочетаниях и т.п.

4. Наличие номинативного значения - способность именовать вещь.

5. Раздельная оформленность частей единиц яруса, когда связь между частями представлена особыми средствами выражения, а целая мысль выражается расчлененно. Представим все это в виде таблицы (+ означает наличие признака, - означает его отсутствие, 0 означает неприменимость признака для оценки качества единиц данного яруса):

Признаки	Ярусы				
	фоне мный	морфе мный	сло вный	словосочет ания	предлож ения
Закрытость списка	+	+	-	0	0
Ассоциативно-этимологическое значение	-	+	+	0	0
Непрерывность звучания	+	-	+	-	+
Номинативное значение	0	0	+	+	-
Раздельная оформленность	0	0	-	+	+

Таблица показывает, что ярусы языка различаются дистрибутивно как отдельные сущности, но каждый ярус прямо или косвенно связан с другим наличием общих признаков. При различении ярусов учтены самые основные признаки языка: ограниченность средств для выражения бесконечного разнообразия мысли (закрытость списка); 2) направленность мысли - ассоциативно-этимологическое значение; 3) номинативное значение; 4) выраженность языкового знака цельностью и непрерывностью звучания; 5) возможность сформировать новую мысль о

действительности, не данной в прямом наблюдении, путем комбинаций идей (раздельная оформленность).

Таким образом, ярусы показывают самые существенные свойства языка, а связь между ярусами через общие признаки - основы языкового механизма.

По отношению ярусов язык может быть уподоблен колесу и колее, по которой катится колесо. Обод колеса составлен конечным числом мерных единиц - это конечное разнообразие языковых значений, где мысль о вещах выражена цельно или расчлененно. Когда колесо движется, обод катится по колее, и тогда ограниченная длина обода позволяет охватить бесконечную колею (бесконечное разнообразие мыслей о мире, номинативных значений). В языке соприкосновения "обода" и "колеи" даны волей говорящего, который формирует непрерывность звучания высказываний путем комбинирования звуков на основе разделенных ассоциативно-этимологически осознаваемых единиц морфем и слов. Для того чтобы выразить бесконечное разнообразие мыслей, необходимо непрерывно этимологизировать по ассоциации, используя ограниченный состав языковых единиц.

После распределения единиц языка по ярусам происходит деление каждого яруса на классы и подклассы, что составляет особую проблему. Так, слова делятся по частям речи, словосочетания - по классам словосочетаний, морфемы - по классам морфем (полные и пустые, словообразовательные и словоизменительные, корневые и некорневые), фонемы - на гласные, согласные, глайды и т.д.

Таблица показывает, что ярусы языка различаются дистрибутивно как отдельные сущности, но каждый

Языковые явления внутри ярусов. Уровни описания

Из описания признаков, различающих ярусы, видно, что первые три признака противопоставлены следующим двум (см. табл. на стр. 162). Это противопоставление приходится на словный ярус. Это значит, что слово находится в центре системы языка. В слове как в центральном ярусе соединяются признаки морфологии и синтаксиса, в частности в нем соединяются этимологическое и номинативное значения, цельность звучания и значимое варьирование звучания. Поэтому словарь является наиболее полным описанием и определением языка (определением через перечисление). Ни одно описание языка по ярусам не содержит столь большой суммы сведений о языке как предмете языкознания, как словарь.

Основные ярусы - фонемный, словный и предложения; промежуточные, производные ярусы - морфемный и словосочетания. Характерно, что единицы промежуточных ярусов могут быть незвучащими, представленными нулем звука, но выделяемыми по соотношению с единицами других ярусов. Таковы так называемые нулевые морфемы и формы словосочетаний, не отмеченные каким-либо особым звучанием сочетаний форм слов.

Грамматические формы словосочетаний обнаруживают прямое родство с морфемами как в выражении грамматического значения, так и в характере отношений друг с другом. Например, так называемые прерывистые морфемы по характеру звуковой формы похожи на словосочетания.

Вместе с тем основные ярусы языка (фонемный, словный, предложения) также обнаруживают сходство друг с другом. Это сходство проявляется в том, что любая единица основного яруса всегда представлена определенным звучанием, хотя и разной длины и значимости; нет возможности создать так называемые нулевые единицы.

Инвентаризация единиц, их различение внутри каждого класса дает следующую картину. Класс фонем (фонемный ярус) содержит от 12 до 80 единиц. Класс морфем (морфемный ярус) содержит не свыше 5000 единиц, но в реальном употреблении находится 2500-3000 морфем. Класс слов (словный ярус) - открытый. Он обычно насчитывает несколько десятков тысяч слов, находящихся в общем употреблении, и значительно большее количество слов, находящихся в специализированном употреблении. Класс словосочетаний (ярус словосочетания) разделяется на словосочетания - лексические единицы (фразеологизмы, идиомы и сложные термины) и

словосочетания, не относящиеся как целое к лексическим единицам и содержащие только грамматические конструкции, свободно заполняемые лексическим материалом. Класс предложений (ярус предложения) в основном содержит не более трех десятков грамматических форм предложений. Но в этом классе представлены некоторые цельные или относительно цельные воспроизводимые единицы, такие, как пословицы, формулы приветствия и проклятия, команды и некоторые другие стандартно воспроизводимые цельные высказывания.

Чем "выше" ярус, тем больше в нем возможностей свободного создания единиц в речи. На уровне фонем создать новую единицу говорящий не может (может создать лишь вариант). На уровне морфем говорящий иногда вводит новую морфему путем переразложения, опрощения или заимствования. На уровне слов достаточно представлены авторские окказионализмы и неологизмы. Большая часть словосочетаний образуется автономно по правилам, а предложения воспроизводятся в полном составе лишь изредка и в особых условиях общения. Тем самым на каждом ярусе, кроме фонемного, возможно создание единиц вышележащего яруса по образцам, регулярно воспроизводимым в речи.

Принцип ограничения числа языковых единиц и создание новых по образцам связан с социальным характером языкового общения, требующего распространения знания языковых единиц потенциально на весь коллектив людей, пользующихся языком. Препятствием к увеличению количества единиц одного яруса являются следующие факторы: 1) ограничение памяти людей сроками обучения языку; 2) известная ограниченность и специализация предметов речи; 3) возможности, которыми располагает человек для использования звуков речи; 4) необходимость отделить один язык от другого в этнической специфике. Первое и второе касается распространения языка и его единиц через обучение, третье и четвертое относится к материалу речи.

Первые два фактора связаны в одно целое, так как обучение языку одновременно есть обучение и чему-то другому: число разнородных предметов обучения соединяется с числом слов. Но это ограничение накладывается на язык внеязыковой деятельностью. Однако внеязыковая деятельность не должна ограничивать возможность людей обучаться языку и развивать свой язык бесконечно. Именно требование роста словаря вводит ограничения и правила на уровне сочетаний слов (в словосочетаниях и предложениях). Возможность слов сочетаться по определенным, составляющим относительно небольшой список правилам ограничивает число единиц на этих ярусах и поэтому позволяет беспредельно развивать предмет обучения как речевой, так и внеречевой деятельности.

Таким образом, ограничение количества единиц на вышележащих ярусах вызвано необходимостью раздвинуть пределы нижележащих ярусов в условиях освоения языка и языкового творчества.

Отделение одного языка от другого для сохранения его этнической специфики составляет другую причину ограничений в объеме единиц яруса языка. Ограничение количества фонем объясняется характером органов артикуляции и характером слухового восприятия. Возможности артикуляции позволяют человеку произвести ограниченное число отчетливо отделенных друг от друга артикуляционных движений. Нечеткая артикуляция влечет за собой неопределенность речи. Это количество артикуляций коррелировано с ясным восприятием разных звуков на достаточном отдалении. Громкость звуков мешает их артикулированию. Вот почему число разных звукотипов при самом большом искусстве и навыке произношения не может быть слишком велико.

Классификация единиц языка каждого яруса бывает двух родов. Классификацию, когда между единицами языка одного яруса устанавливаются родо-видовые отношения, назовем родо-видовой. Примером такой классификации может служить разделение звуков на гласные, согласные и полугласные. Гласные и согласные разделяются А.А. Реформатским (1900 -1978) по следующим признакам:

Признаки	Классы звуков
-----------------	----------------------

	гла сные	согла сные
Тональные, свободные	+	-
Шумные, суженные, сомкнутые, мгновенные	-	+
Длительные, сонорные	+	+

О полугласных Реформатский пишет: "Так называемые "полугласные" звуки (й [j], у [w] и т.п.), находящиеся между гласными и согласными, на поверку всегда оказываются либо теми, либо другими; граница гласных и согласных как раз и проходит между артикуляциями гласных [и], [у] и соответствующих согласных й [j], у [w]" [5, 167]. То есть оказываются свободными, с одной стороны, и суженными и мгновенными - с другой. Поэтому хотя в конкретной артикуляции эти звуки либо гласные, либо согласные, по составу артикуляционных признаков они принадлежат к недлительным, суженным, мгновенным, свободным звукам. Это значит, что классификационные признаки были выбраны из различения всех трех родов звуков по дистрибуции признаков.

Различая термины, идиомы и фразеологизмы, Л.А. Булаховский (1888 - 1961) выделяет следующие признаки у терминов - договоренность о значении, точность использования в речи и устойчивость употребления, нехарактерность прямого и переносного значений, нехарактерность выражения образов и чувств; у фразеологизмов - разложимость, воспроизводимость в качестве ходовой цитации, дословная непереводаемость; у идиом - цельность по смыслу и устойчивость употребления, дословная непереводаемость [2]. Отсюда лексические единицы, отличные от слов, классифицируются Булаховским так:

Признаки	Лексические единицы большие, чем слово		
	идиомы	фразеологизмы	термины
Дословная непереводаемость (образность, эмоциональность)	+	+	-
Устойчивость употребления	+	-	+
Разложимость всего выражения	-	+	+

Подобные классификации единиц каждого уровня, более или менее подробные, строятся для синтаксиса (имена, глаголы и служебные слова), для морфологии (корневые, деривационные и реляционные морфемы), для разных областей семасиологии, для частных лексико-грамматических категорий и т.д.

Проблема сочетаемости языковых единиц

Названные таксономические классификации строятся на основании дистрибутивного различения по признакам классов, подклассов и подподклассов единиц каждого из ярусов языка. Образуется номенклатура классов, подклассов и подподклассов, или таксономия языковых единиц. Значение этих классификаций состоит в том, что они определяют единицы каждого из ярусов в их самых существенных общих свойствах, так как предполагается, что единицы и классы, таким образом установленные, обладают полной свободой комбинирования друг с другом. Поэтому таксономические классификации являются универсальными, приложимыми к любому языку.

Однако отдельный этнический язык не допускает полной свободы комбинирования единиц нижележащего яруса для создания единицы вышележащего яруса. На каждом ярусе есть свои правила, ограничивающие свободное комбинирование единиц. Так, в русском языке слоги могут создаваться из одних гласных - *a* (союз); из согласной и гласной - *та* (местоимение); из гласной и согласной - *аз* (название буквы); из согласной, гласной и согласной - *таз* 'утварь'; из двух согласных и гласной - *ста* (род.п. ед.ч. числ. *сто*); из гласной, согласной и согласной - *аст(ра)* 'цветок'; из согласной, согласной, гласной и согласной - (*гомео*)*стаз* 'устойчивое состояние'; из согласной, согласной, гласной, согласной и согласной - *старт* 'начало пути'.

В китайском языке сочетаемость гласных и согласных строго ограничена: *цйан* 'пика', *йан* 'солнце, свет', *ан* 'смотреть вверх', *а* (междометие), *йа* 'изящный', *цзйа* 'семья', т.е. максимальной формулой слога является: согласный, полугласный, гласный и носовой*.

*(См.: Иванов А.И., Поливанов Е.Д. *Грамматика современного китайского языка*. М., 1930.)

Таким образом, в русском языке существует запрет на дифтонги и трифтонги, отдельные частные запреты на сочетаемость согласных и полная свобода комбинирования гласных и согласных. В китайском любой согласный потенциально сочетается с любым гласным только в прикрытых слогах, а закрытые слоги образуются только одним носовым.

Подобные ограничения существуют и на уровне морфем: различаются языки префиксальные и суффиксальные. В суффиксальных языках (тюркские, монгольские, дравидские и др.) префиксы, как правило, невозможны; в префиксальных - возможны и префиксы и суффиксы. Это же касается и порядка слов как грамматической формы. Область применения этой формы в каждом языке своя.

Ограничения в самом языке не выражаются в виде определенных запретов на комбинирование единиц. Но на каждом из ярусов существуют единицы, которые языковое сознание говорящих на данном языке и регулярность употребления делают общепризнанными. В каждом языке, при обилии возможностей комбинировать качества звуков, звуки воспроизводятся в определенных качествах как фонемы; список морфем дает образцовые единицы с ассоциативным значением, но предполагает и создание новых морфем; словарь языка допускает появление окказионализмов и неологизмов; на ярусе словосочетания представлены термины, идиомы и фразеологизмы, являющиеся образцами для свободных словосочетаний; на ярусе предложения существуют стандартные конструкции, дающие образцы форм предложений.

Наличие образцов предполагает как бы рекомендации для комбинирования единиц надлежащего уровня. Рекомендации действуют как строгие ограничения, так как если какие-либо действия рекомендованы, то прочие действия не рекомендованы, т.е. фактически запрещены. По образцам и на основании их свободного использования строятся правила комбинирования единиц на каждом из ярусов. Эти правила учитывают принятое в данном языке "поведение" одних и тех же единиц в качестве разных членов парадигм в одних и тех же синтагмах.

Разбирая вопрос об ограничении и правилах сочетаемости звуков речи, А.А. Реформатский сначала анализирует основные фонетические процессы, связанные с сочетанием звуков в речи на любом языке: редукцию, аккомодацию, ассимиляцию, диссимиляцию, диерезы, эпентезы, протезы, метатезы как универсально представленные в языках явления, характеризующие связь звуков в потоке речи, и дает схему счета слогов в зависимости от ударения. Затем он переходит к комбинациям звуков, характерным для конкретного языка: "Для выполнения этой роли -

складывания и различения значимых единиц языка-фонемы [т.е. ограниченные и исчисляемые основные звуковые единицы данного языка. - Ю.Р.] должны быть противопоставлены друг другу в системе языка" [5, 21]. Число позиций и фонем в конкретной морфеме определяется числом замен, дающих новую морфему данного языка. Например, в морфеме *вор-* три фонемы, так как замена *в* на *м* дает *мор-*, замена *о* на *а* дает *вар-*, а замена *р* на *л* дает *вол-*.

Но число фонем в морфеме, и дистрибутивно выделенное, и отождествленное по сильной и двум слабым позициям во всех морфемах данного языка, ничего не говорит о характере звуковой цепи в данных языках, которая зависит от типа слогов, характера начала и конца слова, возможности или невозможности скопления согласных, зияния, наличия или отсутствия редукции и т.п. Именно этот характер сочетаемости фонем в морфемах в данном языке должна объяснить фонология, причем "брать морфемы, а не слова и определять состав фонем каждой морфемы независимо от тех позиционных условий, в которые они попадают в слове" [5, 219]. Это можно пояснить примером [сЛма / пЛймал/а сЛма], где в первом и последнем словах *с*, *м* и *а* звучат и различают слова, а звук [Л] не может различить корни *сом* и *сам*. Для этого его надо поставить в сильную позицию, т.е. перенести на него ударение: *сом* и *сам* (им.п.). Синтаксическая трансформация звуков уясняет их качества и дает принцип сочетаемости звуков конкретного языка в виде последовательной системы, охватывающей количество и группировку фонем (по соотношению гласных и согласных и по оппозициям в пределах каждой группы), типы позиций и факторов, обуславливающих те или иные позиции, и возникающие в слабых позициях вариации и варианты. Реформатский описывает так называемое правило Потебни о редукции гласных в русском языке, приводящей к позиционному варьированию гласных фонем. Для этой цели слоги по отношению к ударному слогу рассматриваются в следующем порядке:

второй предударный: различаются гласные [и, ы, у, ъ, ь], не различаются гласные [а, о, э];

первый предударный: различаются гласные [и, ы, у, Л, ы], не различаются гласные [а, о, э];

ударный: различаются все гласные; первый заударный: различаются гласные [и, ы, у, ъ, ь], не различаются гласные [а, о, э];

второй заударный: различаются гласные [и, ы, у, ъ, ь], не различаются гласные [а, о, э].

Отсюда выводятся варианты гласных фонем: {а} - [Л, и, ь, ъ]; {о} - [Л, ы, ъ, и, ь]; {э} - [и, ы, ь].

Из примеров видно, что дистрибутивная синтагмати-ко-парадигматическая классификация, описывающая комбинаторику единиц конкретного языка, строится на следующих основаниях: 1) учет всех единиц данного яруса и их дифференциальных (различающих) и интегральных (сопутствующих по контексту употребления) признаков; 2) рассмотрение позиций, которые может занимать каждая такая единица в синтагмах и парадигмах вышележащего яруса; 3) вывод правил сочетаемости единиц исследуемого яруса, характерных для данного языка, и описание изменений интегральных признаков в зависимости от состава сочетаний.

При создании дистрибутивной классификации единиц языка всегда остается неуверенность в том, все ли отмеченные случаи комбинаций учтены и правильно ли оценены трансформации, созданные исследователем. Полученная дистрибутивная классификация и правила сочетаний единиц языка проверяются всей общественно-языковой практикой.

Составление правил комбинаций единиц по синтагматико-парадигматическим отношениям - длительный процесс. Языковедение разрабатывает ярус за ярусом. Сначала изучаются формы свободных словосочетаний и предложений, так постепенно выстраивается описание грамматики конкретного языка. Затем формируется фонология и изучается морфемный ярус. XX век развил исследования по комбинаторике слов в теории валентности, или сочетаемости слов, развил описание парадигм словообразования в теории моделирования слов, где рассматриваются правила сочетаемости корней и аффиксов; в это же время начали исследовать словосочетания как лексические единицы, приступили к полному описанию идиом, фразеологизмов и терминов. В описании каждого языка эти исследования находятся на разной степени продвинутости.

Изучение правил сочетаемости единиц определенного яруса всегда касается двух ярусов, так как правила сочетаний даются для нижележащего яруса, а синтагмы и парадигмы - для вышележащего. Поэтому фонология-это учение о морфемах и звуках, их составляющих;

грамматика - это учение о словах в их отношении к синтаксическим формам словосочетаний (и эквивалентным им формам предложений); словообразование - это учение о сочетании морфем в их отношении к составу слов; лексикология - это учение о сочетаниях слов в их отношении к смысловым структурам частей предложений и предложений на фоне таких единиц, как термины, фразеологизмы и идиомы. Правила сочетаемость лексем).

Рекомендуемая литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.
2. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. 2-е изд. М., 1953.
3. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний. (На материале русского языка) // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
4. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения. (На материале русского языка) // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967.
6. Рождественский Ю.В. Типология слова. М., 1969.
7. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.
9. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Избр. труды. М., 1956. Т. 1.

Лекция 6. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сопоставительное языкознание

Сравнительное языкознание вначале представляло собой сопоставительное описание многих языков одновременно. Расширение материала потребовало развития и усовершенствования метода. Общий метод установления категорий языка при этом разделился на специальные методы. Внутри языкознания сформировались специальные дисциплины.

Сравнение фактов разных языков поставило перед языкознанием задачу установления принципов такого сравнения, так как сравнение может быть проведено неправильно и не дать верного результата. Например, если сравнить по созвучию русское междометие *ну!* и китайское слово *ну* 'раб', то такое сравнение бессмысленно, хотя и может породить ложную русско-китайскую этимологию: 'раб тот, кого понукают'. Так, В.К. Третьяковский, соединяя русское слово *скот* и племенное имя шотландцев *Skott*, утверждал, что название этого народа пошло от слова *скот* 'животные'. Поэтому сравниваться между собой должны целые **системы**, лишь после этого можно сравнивать части систем или даже отдельные элементы, но только в том случае, когда твердо установлено, что подсистемы или отдельные элементы занимают в целых системах аналогичные места.

Начало сравнительному языкознанию было положено в XVI в., когда стали создаваться грамматики национальных языков Европы. Новые национальные (иначе - вульгарные, т.е. народные) языки были значительно менее разработаны в сравнении с языками классическими: латинским, греческим и древнееврейским. Вместе с тем классические языки не были в то время мертвыми, так как существовала письменная и устная языковая практика на этих языках, прежде всего в сфере религии и учености: на этих языках осуществлялась деловая переписка, писались и печатались книги, велось преподавание и т.д. Национальные языки в то время не использовались в научном и религиозном общении, а также, что самое важное, в деловом общении. Их словарь и формы синтаксиса были для этого недостаточно развиты. Чтобы уравнивать по выразительным возможностям классические и новые вульгарные языки, необходимо было их сопоставить и выяснить объем и уровень их выразительных средств.

Такое сравнение было чисто научной задачей. Оно не предполагало непосредственного применения полученных знаний, хотя эти знания и могли быть использованы впоследствии для практических действий в сфере языковой политики и школы (полученные знания были по-разному использованы в практике национально-языковых культур Европы).

Сравнение вульгарного и классического языков было системным, т.е. языки сравнивались не по отдельным элементам, а именно как целые системы. Первоначально фонетика языков не подвергалась систематическому сравнению иначе, как при создании национальных алфавитов, но эта работа имела чисто прикладной характер. Систематическому сравнению подвергались лексика и грамматика. Такой вид поаспектного сравнения получил в дальнейшем название **сопоставительного** (контрастивного, конфронтативного) языкознания, или характерологии. При поаспектном сопоставлении языков сохранялись систематические свойства и лексики и грамматики.

Наибольшее развитие сопоставительное языкознание получило в области лексики. Стали составляться глоссарии к текстам на классических языках. Эти глоссарии переводили трудные слова классических текстов на родной язык и тем самым обогащали родной язык новыми словами и значениями. Данные глоссариев затем сводились в словари двух видов: глоссарии на отдельные тексты и глоссарии на многие тексты, так как заимствования в массовом порядке проникали в родной язык, возмещая недостаток слов для выражения религиозных, научных, правовых и других понятий. Заимствованные слова объединялись в отдельные своды, где каждому слову давалось толкование средствами родного языка.

Глоссарии и азбуковники (словари заимствованных из классических языков слов) создавали картину лексики родного языка. Когда эта картина была дополнена данными словарей родного языка, стало возможно рассмотреть лексику в сопоставлении. В лексике выявились три основные категории: исконная лексика родного языка, иностранные заимствования и лексика классических языков [4].

Выделение трех категорий лексики дало возможность построить основы этимологии слов и различать слова с исконной этимологией, заимствования из других языков и культурную лексику - слова, этимологию которых надо искать в неродном (классическом) языке. Если до этого этимология понималась либо как процесс словообразования в одном языке, либо как изобразительные свойства имен, то теперь этимология стала рассматриваться и как отношения между языками в их словарном составе.

Другой стороной этого процесса было новое осознание значения слова. Поскольку слово попадает в переводный и этимологический словари, где между словами двух языков устанавливается смысловое соответствие и даже смысловая эквивалентность, звуковая сторона слова начинает мыслиться как безразличная по отношению к выражаемому им значению. Если раньше всякое слово понималось как имя вещи и, следовательно, не только выражало понятие о вещи, но и "изображало" вещь звуками, сочетаниями звуков и смысловых элементов (морфем), то теперь слово стало пониматься как своеобразная метка для условного обозначения понятия. Семантическая, понятийная сторона слова стала выражаться в звуковом материале речи и условно обозначаться им, подобно тому как буквы условно обозначают звуки. Это значит, что язык стал пониматься как понятийное и почти совсем безобразное средство выражения мысли [1].

Аналогично сопоставлялись грамматические системы. Это сопоставление проходило в двух планах: в языке, на котором писалась грамматика, и в самой теории грамматики.

Сначала грамматики родного языка писались на классическом языке, затем грамматики классического языка стали писаться на родном языке, и, наконец, к XVIII в. все языки получили грамматики родного языка, написанные на родном языке. Так сложилась грамматическая терминология родного языка на родном языке. В одних случаях терминология оказалась заимствованной, в других - переводной, точнее калькированной.

Своеобразно шла и разработка грамматических понятий. Историей грамматики был поставлен вопрос: можно ли в родной язык заимствовать грамматические форманты парадигм классических языков? В виде опыта писались грамматики, где к основам родного языка добавлялись окончания латинского языка. Однако этот путь был оставлен. Тогда наметился другой путь: установление смысловой эквивалентности между частями речи, парадигмами склонения и спряжения и между членами словосочетания и предложения в родном и иностранных языках.

Грамматические заимствования морфем из классических языков оказались сравнительно редкими. Более широко были заимствованы словообразовательные элементы - префиксы и суффиксы. Главным образом заимствовались слова. Аффиксы склонения и спряжения в подавляющем большинстве случаев заимствованы не были.

Разрабатывается и состав грамматических понятий. При сопоставлении грамматических систем был поставлен вопрос о том, какие грамматические значения должны быть необходимо представлены в родном языке. Этот вопрос предопределил вопрос более общего характера: какие грамматические значения должны быть с необходимостью представлены в каждом языке? Исследование этого вопроса родило особую отрасль языкознания - **универсальную грамматику** [1].

Универсальная грамматика рассматривалась как эталон для сопоставления языков. С помощью универсальной грамматики сопоставлялись вульгарные, классические и любые другие языки, которые становились известными. Универсальная грамматика помогала сопоставлять языки через семантику грамматики и лексики.

Так, Н.Я. Бичурин, сопоставляя русский и китайский языки, установил, что идея множественности в русском языке выражается формами множественного числа

существительных, прилагательных и глаголов. В китайском языке идея множественности выражается у личных местоимений и в словах, называющих лица, суффиксом *-мынь*, в обращении - префиксом *чжу-*, некоторыми формами словосложения, употреблением числительных и счетных слов с существительными*.

*(См.: *Иакинф (Бичурин Н.Я.). Китайская грамматика. Спб., 1835.*)

Устанавливаемые таким сравнением категории выражались признаками позиционно неоднородными, разно-ярусными и невзаимоисключающими, т.е. непарадигматическими средствами, но выражались обязательно.

Грамматическая категория в понимании универсальной грамматики - это единство значения и множества не обязательно взаимоисключающих и одноярусных форм, т.е. грамматическая категория не обязательно имеет парадигму форм как средство выражения.

Процедура установления категорий в универсальной грамматике выглядит следующим образом: 1) задается значение исходя из нужд выражения мысли; 2) некоторая совокупность текстов на двух языках, преимущественно переводных и поэтому семантически эквивалентных, рассматривается с точки зрения характера выражения заданного значения; объем и характер текстов избираются так, чтобы получить исчерпывающие сведения о способах выражения данного значения в каждом из сравниваемых языков; 3) формируется категория как единство значения и множества разнородных форм выражения; 4) устанавливаются эквивалентные способы выражения в обоих языках.

Эти принципы сопоставительного языкознания сохраняют свою силу и сейчас. Однако в связи с развитием новых областей частного описательного языкознания сравнение идет дальше, охватывая новый материал. В настоящее время сопоставляют языки в плане фонетики, морфемики, словообразования, лексики, фразеологии и формального и семантического синтаксиса. Сопоставительное языкознание описывает, таким образом, все планы и ярусы языка. Соответственно меняется отношение к выведению основания сравнения - универсальных классификационных категорий.

Универсальные категории (в современной терминологии - универсалии языка) выделяются с учетом материальной представленности в сравниваемых языках: например, гласные, согласные, слог, фонетическое слово, актуальное членение предложения, стилистические категории семантического синтаксиса, типы инверсий, фразеологические, семантические инварианты, инвариантные формальные модели словообразования, виды членов предложения и др. По этому основанию языки сопоставляются через эквивалентные тексты. Такой тип исследования называют **конфронтативным**. При фронтативном исследовании основание сравнения определяется обычно как формальная смыслоразличительная категория, т.е. изучается соотношение значимости. За основание сравнения может быть выбрана семантика одной или нескольких категорий в одном из сравниваемых языков, например значение категории вида глагола в русском языке. Вслед за этим рассматривается как бы отображение выбранной категории в сравниваемом с ним языке. Если целью сопоставления является обнаружение безэквивалентных средств сравниваемых языков и способы преодоления безэквивалентности, например при переводе, то такой тип исследования называют **контрастивным**. При контрастивном исследовании основанием сравнения является обычно только смысловая категория, т.е. изучается соотношение значений [2, 3].

Из изложенного видно, что сопоставительное языкознание модифицирует методы сравнения языков в зависимости от цели исследования. В универсальной грамматике исследовались, по сути дела, возможности произвести относительно адекватный перевод, развить лексический состав и синтаксическую структуру вульгарных языков до уровня классических. Путем сопоставления изучается варьирование смыслоразличительных возможностей сравниваемых языков в пределах изучаемой части их системы. В сопоставительных исследованиях преследуется цель установления переводных эквивалентов, и, следовательно, становятся возможны лингвистическая критика переводов и решение дидактических задач обучения языкам.

Эти цели не ограничивают возможности сопоставительного языкознания, поскольку языки могут сопоставляться на разном основании. Например, важной областью языкознания является

так называемая **ареальная лингвистика**. Суть ареальных исследований заключается в том, что группы родственных и неродственных языков, носители которых живут в одном ареале, обнаруживают черты сходства в области произношения, словаря, а иногда и грамматических конструкций, не объяснимых иначе, как следствием контактов и известной общности культурных черт. Основанием сравнения в этом случае становятся эти общие ареальные черты языков, а результатом сравнения - представленность этих черт в данном ареале. Установление границ и степени распространенности общих языковых черт позволяет говорить о так называемом **языковом союзе**, который основывается на культурных контактах*.

*(См.: *Нерознак В.П. Палеобалканские языки. М., 1978.*)

Еще одним видом сопоставительных исследований является изучение интернационализмов, т.е. слов, входящих во многие языки одновременно. Такими словами являются, например, библейские имена в христианских странах, географические названия, научная и политическая терминология. При изучении интернационализмов основанием сравнения является обычно единая этимология таких слов (например, многие политические термины образованы на латинской основе: *коммунизм, социализм, интернационализм, легизм* и др.). Эти термины оказываются общими для многих языков как итог заимствования и параллельного словообразования, элементы которого взяты из общих источников. Результатом сравнения являются уточнение представленности интернационализмов в разных языках, установление круга языков, которые включают интернационализмы, а также выяснение различий фонетических и графических форм интернационализмов в разных языках, равно как и различия в объемах значения и созначений в разных языках [11].

Сопоставительное языкознание изучает, таким образом, языки в разных формах их культурных контактов. Поэтому характер модификации методов сопоставления зависит от целей исследования.

Типологическое языкознание

Развитием метода сопоставительного языкознания являются сравнительно-историческое и типологическое языкознание с их частными методами. Эти частные лингвистические методы происходят из сопоставительного языкознания, но имеют особые цели и материал исследования и связанную с этим систему процедур исследования. **Сравнительно-историческое** языкознание имеет целью исследование современных языков и прослеживание путей их развития из исторического прошлого до современного состояния. **Типологическое** языкознание имеет целью установление закономерностей, связывающих материал речи, прежде всего звуки, и выражение смысла, т.е. членимость материала речи ради выражения языковых значений. Обе эти области связаны между собой не только единством времени возникновения (начало XIX в.), но и соотносительностью выводов, возможностью перекрестно проверить полученные результаты. Обе эти области характеризуются также тем, что основным материалом исследования являются не тексты, а уже существующие описания **систем языков**. Тексты привлекаются лишь для обоснования характерных черт изучаемых языковых систем. Сравнительно-историческое и типологическое языкознание сходны также тем, что охватывают одним исследованием не два-три языка, а определенный массив языков с достаточно четко установленными границами.

Предметом типологического языкознания являются все языковые системы, известные в мире, и выводы делаются для всех языков мира. В этом смысле типология языков является разделом общего языкознания. Наблюдения и выводы делаются в типологии языков на основании неполной индукции, т.е. изучается часть языковых систем, а выводы распространяются и на другие языковые системы. Для того, чтобы результат индукции был достаточно достоверен, необходимо правильно выбрать базу индукции, т.е. взять для сравнения языковые системы, достаточно удаленные друг от друга или близкие друг другу по характеру типологических свойств. Выбор базы индукции определяется целью исследования. В выборе базы индукции типологии языков помогает сравнительно-историческое языкознание. Замечено, что большинство языковых семей (т.е. совокупности родственных по происхождению языков)

обладают достаточно выраженным единством типологического облика. Исключение из этого правила, и при этом неполное, составляет индоевропейская языковая семья [5]. Прочие языковые семьи, такие, как тюркская, монгольская, семито-хамитская, малайско-полинезийская, иберо-кавказская, китайско-тибетская, дравидийская и др., обладают каждая достаточно ярко выраженной уникальностью типологических черт. Индоевропейская семья языков обычно рассматривается на фоне типологических черт других семей.

Первоначально из каждой языковой семьи выбирается один из нескольких языков, ярко представляющих типологические особенности всех языков данной семьи. Обычно избирается от 50 до 500 языков. Это число языков достаточно представительно как база неполной индукции, так как количество засвидетельствованных описаний языков не превышает пяти тысяч.

При изучении типологических языков одной семьи или одного языкового типа база индукции соответственно изменяется.

Поскольку основным материалом исследования в типологии языков являются уже созданные классификационные (таксономические) описания языков, важно опереться на достоверный материал описания. Достоверность описания языковой системы зависит от того, кто, как и в каких целях описывал материал. Наиболее достоверным источником являются распространенные академические описания и школьные руководства, так как в них регистрируется языковая норма. Они сами влияют на состояние языка. Однако лишь меньшинство языков обладает материалами такого рода. Большая часть языков мира описана чисто этнографически, а такие описания отличаются определенной неполнотой.

Кроме оценки с точки зрения полноты и достоверности, необходима оценка источников с точки зрения категорий классификационного описания, т.е. характера и смысла примененных в описании терминов. Например, Н.Л. Бичурин описывает грамматику китайского языка по частям речи, а А. Масперо (1883 - 1945) доказывает, что в китайском языке вовсе нет частей речи. Оба автора вкладывают в термин "части речи" разное содержание. Вот почему в типологии языков необходимо привести к единообразию содержание терминов. (Подобная работа осуществляется и в сравнительно-историческом языкознании, где она направлена главным образом на установление единообразного содержания при описании звуков речи и их представленности буквами разных языков, и в сопоставительном языкознании.)

Процесс установления единообразного содержания терминов сходен по своей направленности с определением категорий универсальной грамматики, универсальной классификацией языковых фактов и определением основания сравнения в сопоставительном языкознании. Нужно минимальным и достаточным образом представить терминологию лингвистического описания для того, чтобы установить объективное содержание терминов, применяемых в различных описаниях сравниваемых языков. Такой род теоретического исследования в типологии называют установлением языка-эталона [9].

Язык-эталон представляет собой **систему терминов**, пригодных для описания категорий любого языка. Язык-эталон, как всякая терминологическая система, устанавливается априорно. Но для того, чтобы такая система терминов оказалась эффективной, она должна удовлетворять двум требованиям: 1) соотноситься с историей лингвистических описаний и объяснять типы описаний любого языка; 2) соотноситься с языковыми фактами и фиксировать в каждом языке то, что есть во всех языках. Поэтому язык-эталон должен представлять собой систему понятий, содержащих любые типологические и генеалогические характеристики. Язык-эталон не объясняет типологических особенностей языков, напротив, он отвлекается от этих особенностей, которые становятся заметными на фоне категорий языка-эталона.

В зависимости от целей типологического исследования язык-эталон можно строить для разных элементов языковой системы: членов предложения, частей речи, словообразования, фонематической системы, подсистем в лексике, подсистем в терминологии, интонации и т.п.

Отвлечение от типологических особенностей языка не означает того, что язык-эталон не считается с материей языка. Напротив, язык-эталон берет из материи языка то, что есть общего во всех языках, например, соотношение последовательности звуков и пауз, объединение знаменательных и служебных морфем в словах, соотношение слогов, морфем и

последовательностей звукотипов в их отношении к составу слогов и морфем, смысловые области лексики в их отношении к происхождению слов, интонационные конструкции и коммуникативные типы предложения и т.п. Таким образом, в языке-эталоне рассматриваются основные лингвистические признаки, без которых не бывает речи как проявления языка. Соотношения между этими признаками необходимо представить в каждом языке. Эти соотношения фиксируются терминами языка-эталона.

После установления языка-эталона и критики описаний языков с помощью языка-эталона начинается сравнение избранных языков. Проверяется соответствие описания языка языку-эталону. Так, Дж. Гринберг, рассматривая линейное расположение членов предложения, выраженных одним словом, принадлежащим к какой-либо части речи, по описаниям более чем двухсот языков установил зависимость падежной системы от линейного расположения подлежащего и сказуемого. Он установил, что падежи обязательно появляются в тех языковых системах, где сказуемое, выраженное глаголом, всегда занимает последнее место в предложении, а порядок расположения подлежащего и дополнения, выраженных существительными, при этом свободный и они чередуются в позиции непосредственно перед сказуемым*.

*(См.: Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5.)

Е.Д. Поливанов (1891 - 1938) установил важную взаимосвязь характера звуковых последовательностей и морфологии и типа выражения грамматического значения*.

*(См.: Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.)

Выводы, полученные вследствие применения языка-эталона к материалу языковых описаний, составляют суждения о связи особенных черт каждой языковой системы или группы систем между собой. Общими, свойственными всем языкам качествами являются слоговое деление и морфемное деление. Например, в таких языках, как китайский, вьетнамский, тайский (называемых синитическими, иначе - подобными китайскому), границы слогов и морфем, как правило, совпадают (в большинстве других языков - не совпадают); при этом все синитические языки не имеют флексии. Такую констатацию связи двух особенных черт материала речи в части языков мира называют **лингвистической (или типологической) универсалией***.

*(Термин "лингвистические универсалии" нельзя смешивать с термином "универсалии языка". Универсалии языка представляют собой суждения о том, какие явления должны быть представлены во всех языках; например: "все языки содержат имена бога" или "во всех языках есть личные местоимения" и т.п. Часть таких суждений может быть отнесена к языку-эталону, но большая часть универсалий языка относится к философии языка и не связана со сравнительным языкознанием.)

Лингвистические универсалии относятся всегда только к части языков, нередко к очень ограниченному числу. Например, вывод "если в языке есть зубной клике, то есть и боковой клике" относится только к койнсанским языкам (бушменскому и готтентотскому). Другим признаком лингвистической универсалии является то, что она объединяет связь двух или более типологических особенностей языков; эта связь относится только к названным языкам и более ни к каким другим.

Представляя собой выводы из эмпирического исследования материала языков, лингвистические универсалии одновременно представляют собой элементарные типологические классификации языков. Например, универсалия "языки с морфологически значимым слоговое делением не имеют флексии" фактически делит все языки на три группы: флективные языки (русский, арабский и др.), нефлективные языки (турецкий, монгольский и др.), нефлективные языки с морфологически значимым слоговое делением (синитические языки). Поэтому элементарных типологических классификаций языков столько, сколько выведено лингвистических универсалий. Сейчас известно несколько сот универсалий, следовательно, известно столько же элементарных типологических классификаций.

Такие элементарные типологические классификации являются всего лишь констатациями фактического положения дел. Они не раскрывают причины связи типологических характеристик языков между собой. Для раскрытия причинных связей и истолкования причинности

типологических характеристик языкового строя необходимо создание сводных типологических классификаций, включающих элементарные классификации, даваемые лингвистическими универсалиями.

Образцовой сводной классификацией, направленной на раскрытие причин типологических особенностей языкового строя, является классификация Гумбольдта - Шлейхера. Языки в этой классификации рассматриваются с точки зрения соотношения лексического и грамматического значений слова. Если в слове не выделяются какие-либо части, которые сигнализировали бы об отдельной выраженности в данном слове (не в словоформе) грамматического значения, то такое слово считается аморфным (бесформенным). Грамматические значения в этих языках выражаются порядком слов (например: *скоро, вдруг, назад', бюро, какаду* и т.п.).

Если в слове слитно выражены грамматическое и лексическое значения (словоформы дают совместное изменение звуков корней и аффиксов), то такое слово флективно (например: *беру - брал, хватать - хватить* и т.п.). Если в слове раздельно выражены грамматическое и лексическое значения (словоформы, отмечающие изменение грамматического значения слова, выраженного аффиксами, не влияют на звучание основы слова, которая сама по себе, лишенная аффиксов, может быть отдельным словом), то такое слово произведено путем агглютинации, "склеивания" основы и аффикса. Такое слово считается агглютинативным (например: *хороший, хорошего, хорошему, хороиш*).

Аморфные, флективные и агглютинативные слова присутствуют в каждом языке в той или иной пропорции. Однако сложность и гетерогенность словарного состава не означает, что в данном языке не действует основной принцип выражения лексического и грамматического значений в слове. Этот принцип составляет как бы "дух языка", основу его внутренней формы. Например, в английском языке, благодаря процессам заимствования и объединения романских и германских элементов, преобладают слова аморфного и агглютинативного типов, но основное ядро словаря хранит в себе слабые и сильные типы глаголов, флективное изменение существительных и т.п. Поэтому английский язык должен быть признан по своей основной генетической сущности флективным.

В русском языке флективность занимает меньшее место в сравнении с агглютинацией; нормализация места ударения, которую активно вводят нормализаторы языка, сокращает объем флективных слов в пользу агглютинативных. Тем не менее этимологическая основа языка представлена флективными словами, поэтому русский язык также должен быть признан флективным.

Обращение к этимологическому источнику языка для определения места в типологической классификации существенно потому, что оно показывает не только основные типологические черты языка как исторического явления, но и дает возможность проследить типологическое развитие языка по составу средств выражения. Расширение словаря, в частности благодаря заимствованиям, особенно из языков с иными типологическими качествами, может вносить в язык новые типологические черты.

Типологическая классификация языков Гумбольдта-Шлейхера признается основной, несмотря на то что существует множество других классификаций: синтаксических, фонетических, лексикологических. Дело в том, что в классификации Гумбольдта - Шлейхера отражено самое существенное в предмете типологии - связь основных аспектов языковой системы: фонетического, лексического и грамматического в основной единице основного яруса языка - слове. Поэтому все лингвистические (типологические) универсалии возводятся прямо или косвенно к этой классификации. Кроме того, классификация Гумбольдта - Шлейхера представляет собой звено, связывающее сравнительно-исторические и типологические исследования.

В историческом плане каждая языковая семья обладает устойчивыми чертами, присущими языкам этой семьи от ее становления и сохраняемыми во все время существования семьи языков. Развитие типологических характеристик языковой семьи или отдельного языка внутри семьи определяется терминами "анализ" и "синтез". **Под анализом** понимается нарастание роли порядка слов как средства выражения грамматического значения. Этот процесс отмечен в ряде

индоевропейских языков, например в персидском, английском, французском. Под **синтезом** понимается увеличение числа и роли служебных элементов в слове. Этот процесс характерен для ряда синитических языков, например для китайского.

Процессы анализа и синтеза языковой структуры идут параллельно. Есть языки, которые в своей истории претерпевают ряд важных типологических изменений, но процессы синтеза и анализа в них как бы уравновешены. Например, в тибетском языке существенно изменился фонетический строй, что привело к частичной или даже полной утрате аффиксации. Однако на месте утраченных аффиксов появились новые, а порядок слов и его роль в основном остались неизменными.

Анализ и синтез как процессы модификации основной типологической характеристики языка видны на фоне типологической классификации языков Гумбольдта - Шлейхера. Эти исторически наблюдаемые процессы ставят вопрос об истории и причинности изменений типологических характеристик языка. Для выяснения причин этих изменений необходимо объединить данные о языке-эталоне, лингвистических универсалиях и типологических классификациях языков.

Рассмотрение типологических свойств языка направлено на то, чтобы понять, как материал речи, организованный разными языковыми системами, может выразить смысл (любой или конкретный). Типологическая теория для объяснения этого предлагает два понятия: "членораздельность языка" и "способ членораздельности языка".

Под **членораздельностью языка** понимается то, что для выражения смысла звуки должны быть организованы в их качественной определенности. Должны быть определенные правила сочетаний звуков, представляющих в своих соотношениях лексические и грамматические значения языка (членораздельность организации смысла).

Под **способом членораздельности языка** понимаются состав звуков данного языка, качественная определенность и правила их сочетания в данном языке.

Членораздельность языка - общие свойства организации материала речи, способ членораздельности языка - конкретная реализация этих общих свойств. Соотношение членораздельности и способа членораздельности языка определяет типологические свойства языка. Членораздельность языка представляет собой инвариант языка как особого вида семиотической деятельности, способ членораздельности языка - вариант в реализации членораздельности языка. Эта связь зафиксирована в соотношении языка-эталона и конкретного языка. Рассмотрение лингвистических универсалий показывает как бы позиции, в которых реализация одних черт способа членораздельности языка обусловлена присутствием других черт. Если одна черта вызывает другую (морфологическая значимость слога определяет отсутствие флексии), то это значит, что имеются связанные и свободные варианты типологических черт языка. Изменение типологических черт языка начинается тогда, когда изменяется позиционная обусловленность реализации некоторых черт. Например, если в китайском языке слогаделение перестанет быть морфологически значимым, то изменятся остальные типологические признаки языка.

Рассматривая совокупность лингвистических универсалий, приложимых к данному языку, и соотнося их с местом языка в типологической классификации, обнаруживают типологическую особенность данного языка, от которой зависят остальные его особенности. Такую типологическую черту Г.П. Мельников назвал "доминантой языкового строя". Так, доминантой строя арабского языка он считает отсутствие процессов аккомодации, доминантой строя китайского языка - крайне выраженные процессы аккомодации и т.д.* Характер фонетических процессов влияет на комплектование морфем из звуков речи при относительно ограниченном составе морфем любого языка. Тип фонетических процессов, обращенных на ограниченный состав морфем, определяет фонетический состав морфем, т.е. образование морфем из звуков, и отношение морфемоделения к слогаделению.

*(См.: Мельников Г.П. Взаимобусловленность структуры ярусом в языках семитского строя// Семитские языки. М., 1968. Вып. 2. Ч. 2.)

Другой доминантой строя языка является синтаксическое строение предложения и роль порядка слов для выражения отношений между членами предложения. Порядок слов как

грамматическое средство дополняет другие грамматические средства: падежи, предлоги, частицы, интонацию.

Соотношение фонетической и синтаксической доминант определяет тип слова по типологической классификации языков. Поэтому изменение характера фонетической или синтаксической доминанты (или обеих доминант) влечет за собой изменения в остальных типологических характеристиках языка. Этот вывод верифицируется в типологии и путем синхронного сравнения типологических черт разных языков, и путем наблюдений над диахроническими изменениями одного и того же языка. Таким образом, типология показывает причинную связь организации материала разных ярусов языка.

Сравнительно-историческое языкознание

Сравнительно-историческое языкознание рассматривает историю выражения конкретных значений и эволюцию языка в связи с его историей. Оно дополняет типологию языков. Типология языков исследует языковую форму как средство выражения значений. Сравнительно-историческое языкознание исследует историю конкретных значений (лексических и грамматических) в связи с эволюцией их выражения в языковой форме.

Сравнительно-историческое языкознание начинает анализ с того, что, заимствуя типологические данные, очерчивает круг языков, которые могут восходить к общему источнику, т.е. круг предположительно родственных языков. Однако типологическое сходство не доказывает родства языков. Например, тюркские и монгольские языки обладают заметным типологическим сходством, но относятся к разным семьям.

Тем не менее до доказательства родства языков формируется гипотеза о вероятном родстве некоторой группы языков на основании сходства их типологических черт. Эта гипотеза верифицируется, принимается или отвергается в ходе сравнительно-исторического исследования. Многие языковые семьи в настоящее время намечены гипотетически по типологическим данным, но не верифицированы сравнительно-историческим языкознанием или верифицированы не полностью. Например, кавказские языки по типологическим данным составляют как бы одну семью, но эта гипотеза верифицирована только для групп кавказских языков. Поэтому по данным сравнительно-исторических исследований можно говорить пока только о трех языковых семьях типологически близких кавказских языков. Семитские и хамитские языки, несмотря на типологическую близость, считались разными языковыми семьями, пока не было доказано их происхождение из общего языка-основы.

До начала сравнительно-исторического исследования гипотеза о родстве группы языков поддерживается еще и наличием некоторого количества слов, имеющих сходное звучание и значение. Однако сходство словаря не считается доказательством родства языков, оно может быть следствием культурного влияния. Например, в японском языке до 70 процентов слов - китайского происхождения, но эти языки неродственны. В кхмерском языке очень много слов, заимствованных из пали, но эти языки также неродственны. Однако сходство словаря - исключительно важный гипотетический признак родства языков.

Типологические признаки в сочетании со сходством словаря позволяют наметить гипотезу родства языков более уверенно. Например, малайско-полинезийские языки обладают заметным типологическим сходством между собой и демонстрируют сходство словаря. Это позволяет высказать мысль об их родстве и гипотетически предположить, что эти языки составляют единую семью. Однако это только гипотеза, пока она не верифицирована (фонетическими законами, морфологическими соответствиями). Гипотезы такого рода могут оказаться в общем справедливыми, но очень неточными в деталях. Так, английский и латинский языки обладают заметной общностью словаря и большим типологическим сходством, но, как выяснилось, относятся к разным группам одной языковой семьи. Иногда такие гипотезы могут оказаться совершенно неверными. Например, существовало предположение о родстве вьетнамского языка с китайским. Оно основывалось на разительном типологическом сходстве и общности значительной части словаря. Но исследования показали, что эти языки относятся к разным

языковым семьям - китайско-тибетской и монххмерской, а общность словаря является следствием культурного влияния.

Тем не менее построение гипотез о родстве языков необходимо: это позволяет установить круг языков, подлежащих исследованию. Гипотеза ограничивает состав сравниваемых языков, так как подбор любых произвольно избранных языков привел бы к напрасной трате сил и времени.

После того как с помощью гипотезы о родстве языков образована база сравнения, переходят к верификации гипотезы, которая составляет суть сравнительно-исторического исследования. Основой сравнительно-исторического метода является полная индукция. Вывод делается по всей совокупности языковых фактов. Неполная индукция применяется только тогда, когда вся совокупность фактов почему-либо недоступна. Поскольку всю совокупность языковых фактов получить и обозреть сразу не удастся, постольку в процедуру сравнения постоянно включаются новые факты, а это нередко изменяет выводы.

Кроме отбора языков, важно разработать язык сравнения. Это термины, характеризующие слово и его части, и термины, характеризующие звуки.

Из характеристик слова и его частей можно вывести понятие границ слова. Это понятие определяется соотносительно с понятием морфемного состава слова: корень, основа, аффиксы и позиционные классы аффиксов (префиксы, суффиксы, окончания), явления, переходные между аффиксами и отдельными звуками, такие, как внутренняя флексия, тематические звуки, инфиксы, особенно представленные отдельными звуками, и типы ударения. Кроме этого, устанавливаются термины для характеристики морфологических процессов: переразложение, опрощение, редукция, гаплоглогия. Иногда вырабатывается символика для обозначения морфологических явлений.

Для характеристики звуков устанавливаются термины, определяющие качество звуков, номенклатура дифференциальных признаков звуков (обычно путем классификации звуков речи), термины основных фонетических процессов (аккомодация, ассимиляция, редукция и ее разновидности), термины, определяющие соотношение звуков речи с буквами. Вырабатывается транскрипция.

Основные термины для обозначения семантических процессов берутся из риторической и поэтической стилистики: метафора, метонимия, литота, гипербола, ирония, перенос названия по функции.

Вслед за этим даются правила орфографии разных языков с целью описания стоящих за ними явлений в единых терминах. Эта работа аналогична выработке языка-эталона в типологии, так как данная терминология устанавливает единое основание сравнения.

Отыскание языкового родства связано с проникновением в дописьменное состояние языков. Но это проникновение совершается от произведений словесности, существующих в письменной фиксации. Письменная фиксация определенным образом искажает картину звукового (живого, т.е. подвижного в реализации) языка.

Разработка терминологии решает, таким образом, две задачи: установления основания сравнения и критики письменных текстов с точки зрения раскрытия стоящего за ними звукового языка. Легко видеть, что разработка терминологии, устанавливающей основание сравнения, позволила детально представить действие артикуляционного аппарата и уточнить детали структуры слова, что помогло выявить многие тонкости в выражении словесного значения с помощью звуков.

Сравнение предположительно родственных языков начинается со сравнения словаря. В составе общего словаря могут находиться как исконные слова, так и заимствования. Поэтому для первоначального сравнения берется не весь массив общих слов, а только те, которые по своему значению могли бы оказаться наиболее древними словами. Это следующие смысловые группы слов: имена божеств, термины родства, названия частей тела, животных, основных стихий и частей ландшафта, простых видов пищи, основных орудий и инструментов, простые числительные. Эти смысловые группы слов, объединяющие предположительно самые старые слова языка, должны быть равно представлены в сравниваемых языках, так как в бесписьменных

языках отсутствует лексика, связанная с цивилизацией (слова, содержащие понятия о государстве, гражданстве, относящиеся к документально-письменной речи и т.п.). Поэтому отбираются слова, которые могли бы составить основу дописьменной речи.

Слова данных тематических групп сравниваются в предположительно родственных языках. При этом близкие по значению и звучанию слова становятся предметом непосредственного анализа, а слова, различающиеся по звучанию и значению, оставляются для последующего анализа. Например, русск. *мать* сопоставляется с лат. *mater*, а русск. *уй* не находит аналога в латинском и исключается. При таком сопоставлении возникают свои списки общих слов для каждой пары родственных языков. Эти списки частично перекрывают друг друга, а частично расходятся.

Целью такого сравнения, помимо установления характера соотношения общих слов в разных языках, является также анализ фонетической и морфологической структур слова. Дело в том, что близкие по звучанию слова в сравниваемых языках обладают и сходством и различием. Различие может быть связано с различием морфологического или фонетического состава слов. Например, лат *imus* и нем. *ist* различаются фонетическим составом, тоща как лат. *gnosio* и нем. *wieβ* различаются еще и морфологически.

Морфологические и фонетические различия могут быть суммированы. Для этой цели составляются списки родственных частей слов: корней и аффиксов. Сопоставление далее может вестись уже не по словам, а по корням и аффиксам. Сопоставление частей слов существенно расширяет базу сравнения. Общих частей слов в родственных языках значительно больше, чем общих слов. Это является одним из признаков родства языков: если число общих частей слов превышает число общих слов, то языки родственны, если же число общих слов превышает число общих частей слов, то неродственны или отдаленно родственны [10].

В индоевропейском языкознании, в тюркологии и монголистике первым доказательством родства языков внутри семей было установление сходства аффиксаций (единство систем склонения и спряжения для индоевропейских, тюркских и монгольских языков соответственно). Сходство грамматических частей слов по звучанию и значению доказало этимологическое единство грамматических систем внутри каждой семьи языков.

Для некоторых языков установить родство по данным грамматики не удастся. Это бывает в том случае, когда в языках либо отсутствует система склонения и спряжения, как в древнекитайском, либо она нова и образовалась в исторически обозримое по наличным текстам время. Поэтому, например, сравнение аффиксации китайского (современного и древнего) и тибетского языков бессмысленно.

Аффиксы родственных слов при систематическом сравнении выстраиваются обычно в определенную систему, где представлены общие и необщие элементы. В некоторых случаях это позволяет наметить типологическую гипотезу о происхождении аффиксации в данной языковой семье. Ф. Бопп (1791 -1867) из сравнения аффиксов склонения и спряжения вывел гипотезу о соединении и позднейшем слиянии личных местоимений с корнями как типологическом механизме образования аффиксации. Однако данные тюркологии и монголистики обнаруживают только исторически более древние и более новые аффиксы, типологическая же сторона тюркской и монгольской аффиксации в ее историческом развитии остается неизменной.

Вслед за аффиксами сравниваются корни гипотетически родственных языков, что также дает возможность показать фонетическое сходство и несходство слов и частей слов родственных языков. Это сходство и несходство получает название **фонетических соответствий**. Например:

греч. $\mu\check{\upsilon}$ ζ, лат. $m\bar{u}$ s, скр. $m\bar{u}$ s, ст.-слав. $my\check{s}$ i, др.-в.-нем. $m\bar{u}$ s мышь.

Если устанавливается историческая преемственность сравниваемых языков, то соответствия в звуках общих слов, корней и аффиксов в исторически преемственных родственных языках получают название фонетических (или звуковых) законов. Фонетический закон устанавливается

сравнением звуков по их позициям в словах и морфемах. Например: готск. *widuw* $\bar{o}$ - н.-в.-нем. *witawa* 'вдова'. Закономерное изменение рядов звуков распространяется не только на слова с однородным значением, но и на другие исконные слова и обнаруживает относительную

самостоятельность эволюции звуков речи. Фонетические законы объясняют историческую преемственность языков. Наличие фонетических законов, связывающих сходные и не сходные по значению слова, указывает на историческую непрерывность и историческую изменчивость материала речи и является важным методологическим достижением сравнительно-исторического языкознания.

Морфологические соответствия и фонетические законы позволяют раскрыть и историческую преемственность и относительную нестабильность морфологического состава слова. Исторические изменения в членности слов на морфемы происходят под влиянием эволюции звуков, с одной стороны, и систематизации членности слов (аналогий) - с другой. Например: *пеку - печешь, пекарь - печенье, пред - перед - предок - передок*.

Эволюция звуков, морфологического состава слова и фонетического состава морфем позволяет зафиксировать историческую непрерывность и изменчивость состава морфем и эволюцию их значения. Сравните: *смерть - мертвый - смертный, падать - падёж - падеж, на-ча-ло - кон-ец, в голове - во главе*.

Прослеженная непрерывность эволюции языков является основным доказательством их родства. Все языки, гипотетически выделенные как родственные, признаются родственными лишь тогда, когда доказана непрерывность эволюции их звуков и морфемного состава до современного состояния и показана точка дивергенции на линии непрерывности. Доказательством непрерывности эволюции завершаются аналитические процедуры сравнительно-исторического метода.

Анализ позволяет рассмотреть непрерывность отношений между языками и тем самым доказать происхождение всех языков одной семьи из общего языка-основы. В задачу синтеза входит упорядочение исторических отношений между языками, классификация звуков внутри семьи по их историческим соотношениям и систематизация всех фактов непрерывности эволюции в их отношении к посторонним (относительно непрерывности эволюции) влияниям.

Синтез осуществляется с помощью построения реконструкций, классификаций и выведения этимологии. Эти методы находятся во взаимной связи, каждый из них и все вместе представляют гипотезы об историческом процессе. Эти гипотезы верифицируются и прямо - языковыми фактами, и косвенно - свидетельствами разных исторических источников, данными истории материальной культуры, свидетельствами документов, дешифровкой письменных памятников.

Реконструкция бывает общей и частной. Общей реконструкцией называют реконструкцию какого-либо яруса языка (например, реконструкция звукотипов фонетического яруса, реконструкция парадигм склонения и спряжения). **Частной** реконструкцией называют реконструкцию отдельных языковых единиц, например конкретных аффиксов или корней. Реконструируются состояния языка, не данные нам памятниками письменности, но предполагаемые. Реконструкция производится по данным двух и более языков, зафиксированных письменными памятниками. Так, для реконструкции общеславянского языка берутся звукотипы известных славянских языков и восстанавливаются, т.е. предполагаются, звукотипы общеславянского языка до его разделения на восточные, западные и южные славянские языки [7].

Реконструкция представляет собой гипотезу, историческую модель ушедшего явления. Как всякая историческая модель (в палеонтологии, антропологии, археологии и других науках), это воспроизведенная прошлая историческая реальность. Точнее, модель этой реальности, отражающая определенную совокупность черт ушедшего явления. Модель может быть более или менее достоверной.

Для приближения модели к подлиннику в общей реконструкции используются данные генеалогической классификации языков. В генеалогической классификации языков каждый язык располагается в определенных исторических отношениях к другим языкам. Так, романские языки обязаны своим происхождением латинскому. Это значит, что современные романские языки развились путем непрерывной эволюции из латинского языка. Доказано, что расхождение этих языков началось с устно-разговорных диалектов латинского, корреспондировавших с классической литературной латынью. Всякий литературный язык есть фиксация лишь некоторых

черт устно-разговорного языка, который почти всегда имеет различия в диалектах, тем не менее классический латинский в какой-то мере обобщает данные диалектов, сосуществовавших с ним, и с известной условностью может восприниматься как язык-основа, породивший современные романские языки.

В славянских языках дело обстоит иным образом. Старославянский (церковнославянский) язык основан на одном из диалектов древнеболгарского языка. Хотя он оказал сильное влияние на восточнославянские и южнославянские языки, тем не менее славянские языки не могут быть связаны со старославянским отношениями непрерывной эволюции. Поэтому приходится реконструировать старославянский язык как язык, объединяющий в себе черты всех трех групп славянских языков, т.е. создать модель его фонетического строя и морфологии.

Приведенные примеры показывают, что предмет реконструкции зависит: 1) от генеалогической классификации индоевропейских языков, разделяющей эти языки на группы - индийскую, иранскую, кельтскую, германскую, романскую, славянскую и др.; 2) от состояния письменной фиксации древних и новых языков и взаимного отношения современных языков.

С развитием сравнительно-исторических исследований точность реконструкции повышается. А. Шлейхер, реконструируя индоевропейский праязык, исходил из данных древних языков, имевших письменную фиксацию: санскрита, зенда, греческого, латинского, готского, старославянского. В наше время новые данные заставляют вести реконструкцию индоевропейского праязыка и опираясь на данные промежуточных реконструкций старославянского, древнегерманского и других языков-основ, от которых исходят и к которым по непрерывности эволюции языка возводятся современные языки. Задачи и материал реконструкции постоянно изменяются с расширением исторических знаний.

Реконструкция, помимо воспроизведения исторической модели явления, представляет собой применение лингвистического метода описания языка. Данные разных языков, служащие для реконструкции явлений, обобщаются по принципу восстановления инварианта по вариантам. Исходные данные разных языков считаются вариантами, а реконструируемое явление - инвариантом. В современной науке предложено применять фигуры дистрибуции для уточнения и описания методики реконструкций. В соответствии с этой методикой получается, что если два звука в разных языках находятся в отношении дополнительной дистрибуции, то в языке-основе необходимо реконструировать один звук, обладающий дифференциальными признаками звуков языков, дающих материал реконструкции. Если в материале реконструкции в одних языках на определенном месте встречается один звук, в других на том же месте - другой звук, а в третьих на том же месте встречаются два звука, то в языке-основе надо реконструировать два звука и констатировать объединение двух звуков языка основы в один звук в языках первой и второй групп. Если во всех языках в одной и той же позиции встречаются два родственных звука и эти звуки являются следствием позиционного варьирования, то в языке-основе надо восстановить один звук с дифференциальными признаками, общими для обоих звуков. Если же родственные звуки на одном месте не объясняются позиционным варьированием, то в языке-основе надо восстановить два звука.

Этот принцип общей реконструкции сопровождается приписыванием качественных признаков. По принципу непрерывности языковой эволюции реконструируемой единице приписываются все общие признаки, присущие аналогичной единице в реконструируемых языках, и в случае необходимости добавляются признаки, связанные с позицией реконструируемой единицы в языке-основе.

Общая реконструкция добавляет необходимое звено в генеалогическую классификацию языков, которая строится обычно в виде графа с одной вершиной. Ребра графа представляют классифицируемые языки, а вершину графа занимает реконструированный язык-основа. Группировка языков в генеалогической классификации обусловлена близостью языков друг другу, определяемой по совокупности признаков, таких, как число общих слов, корней, аффиксов, степень удаленности по фонетическим законам. Но эта группировка контролируется принципом непрерывности языковой эволюции, определяемой прежде всего по фонетическим

законам. Наиболее близкие языки должны иметь больше общих фонетических законов; причем законы должны действовать в то время, когда эти языки представляли собой единство [6].

Поскольку фонетические законы действуют каждый на своем отрезке исторического времени и на своем языковом материале, эти законы подчеркивают общественно-исторический характер языка (законы физики и химии действуют как причинно-следственные отношения в предметах вне исторического времени и всегда одинаково), а генеалогическая классификация языков представляет историю действия фонетических законов. Генеалогическая классификация языков, как и реконструкция, постоянно уточняется по мере раскрытия новых фактов, открытия новых языков данной системы, новых фонетических законов.

Частная реконструкция представляет собой восстановление сложных языковых единиц в языке-основе, например восстановление корней, аффиксов или целых слов из уже реконструированных звукотипов. Поэтому частная реконструкция создается на основе общей. Для частной реконструкции необходима общая реконструкция единиц нижележащего яруса, наличие аналогичных единиц в языках, дающих материал реконструкции, и знание гипотетических фонетических законов, связывающих языки - материал реконструкции с языком-основой. Восстановление сложных единиц языка-основы позволяет проследить судьбу их изменений в разных языках, следовательно, объяснить со всей полнотой исторических данных единицы современных языков. Поэтому правы были младограмматики, когда говорили, что основной интерес лежит в современных языках. Сравнительно-исторический метод обращен на **современные** языки: чем более в глубь истории прослежена судьба какого-либо языка, тем более обстоятельно и широко освещено его современное состояние.

Историческое истолкование современного языка (единиц и системы) есть его **этимология**. Слово "этимология" имеет узкий и широкий смысл. Этимология в узком смысле слова есть прослеживание исторической судьбы значений слов и морфем по данным сравнительно-исторического анализа языка. Слово, корень или аффикс прослеживаются в их фонетической и смысловой трансформации вглубь истории и в корреспонденциях по родственным языкам. При этом происходит анализ слов и морфем с точки зрения их исконного происхождения или заимствования. Если звуковой состав слова не объясняется фонетическими законами, а звуковой облик слова близок к звуковому облику сходного по значению слова в родственном языке, то можно предположить либо заимствование из родственного языка, либо исключение из фонетических законов (исключения по типологическим данным из фонетических законов встречаются с разной степенью частоты в языках разных типов). Если слово сохраняет звуковой облик, характерный для определенного периода существования родственного языка, то можно определить и примерное время заимствования. Если этого сделать не удастся, то приходится признать возможность действия исключения из фонетических законов. Если звуковой состав слова не напоминает звуковой состав слова в родственных языках, то приходится признать его либо заимствованием из неродственных языков, либо результатом некоторого спонтанного образования. Это проверяется обращением к неродственным языкам.

Определение происхождения слова позволяет проследить динамику изменений значений слова. Правда, это происходит без обращения к текстам и потому лишено конкретности, но общее направление изменения значений прослеживается достаточно точно. Так составляются этимологические словари современных языков, представляющие собой один из видов синтеза в сравнительно-историческом методе. Этимологические словари (например, "Этимологический словарь русского языка" М. Фасмера) обычно рассчитаны на практическое применение в области стилистики и культуры речи.

Этимология в широком смысле слова есть общий итог применения сравнительно-исторического метода. Она представляет собой историческое обоснование внутренней формы современного языка. Внутренняя форма языка, т.е. специфический для данного языка способ передавать звуками значения, раскрывается сравнительно-историческим методом относительно всей совокупности связей звука и смысла слов: общих отношений способов выражения лексического и грамматического значений в слове, истории звуков речи, истории форм словообразования и словоизменения. Этимология в широком смысле слова используется при

построении специальных лингвистических дисциплин, таких, как история языка, история литературного языка, диалектология и др.

Методологическое единство сравнительного языкознания и методы смежных наук в языковедческих исследованиях

Методологическое единство сравнительного языкознания основано на сравнении фактов разных языков между собой. При этом различие в методах объясняется различием целей и оснований сравнения. Это различие можно представить так:

Сравнительно-исторический и типологический методы			
Метод сравнения	Основание сравнения	Базы сравнения	Цель сравнения
Сопоставительный метод	Зависит от конкретной цели исследования	Два или более языка, находящихся в культурных контактах	Выяснение сходства и различия языков в связи с культурными контактами
Типологический метод	Языки-эталоны (для разных типологических исследований)	Все языки, изучающиеся по неполной индукции	Выяснение принципов соединения мысли и материала речи в языковой форме
Сравнительно-исторический метод	Система аналитической терминологии и реконструкции	Группа языков, происходящих из одного языка (полная индукция)	Выяснение происхождения языка, происхождения его единиц и их взаимоотношения с другими языками, происходящими из общего языка-основы

Сравнительно-исторический и типологический методы представляют собой развитие одной из сторон сопоставительного метода. Так, основание сравнения в типологии, язык-эталон, прямо наследует категории универсальной грамматики и детализирует и обосновывает их категориями языковой формы.

По основанию сравнения можно видеть, что в типологическом и сравнительно-историческом языкознании база сравнения расширяется: в типологическом методе - до охвата всех языков, а в сравнительно-историческом - только родственных. Вместе с расширением базы сравнения сужается предмет сравнения. В типологии сравниваются только принципы устройства языковой формы для выражения смысла. В сравнительно-историческом языкознании сравнение затрагивает и конкретные единицы языка. В сопоставительном языкознании сопоставляются, как правило, единицы языка. Что касается цели сравнения, то сопоставительное языкознание рассматривает реальную культурную соотнесенность языков. Типология интересуется возможными способами организации материала речи для выражения мысли, а сравнительно-историческое языкознание выясняет историческую культурную преемственность языков.

Соответственно результаты сравнения показывают разные категории причин, управляющих строем языка. Сопоставительное языкознание не может дать представления об эволюции языкового строя. Поэтому выясняемые с его помощью закономерности касаются структурных характеристик системы языка при их влиянии друг на друга в условиях языковых контактов.

Типологическое языкознание изучает структурные закономерности возможных связей звука и смысла в языковой форме. Оно может "подсказывать" общие пути эволюции языковой формы и описывать эти закономерности как общий принцип эволюции строя любого языка. Сравнительно-историческое языкознание занято главным образом выяснением эволюции единиц языка и отсюда - эволюционным описанием всех языковых единиц.

Все методы, входящие в сравнительное языкознание, основаны на принципиальных положениях закона дистрибуции, поярусном и поплановом представлении системы языка. Они представляют собой дальнейшее развитие этих принципов. Поэтому правильно проведенный сравнительный анализ всегда дает синхронное описание отдельной языковой системы. Сопоставительное языкознание описывает культурные контакты этой системы, типологическое языкознание указывает на особенности языковой формы, а сравнительно-историческое языкознание уясняет историю системы языка в целом и ее элементов.

Сравнительное языкознание, таким образом, не только решает проблемы фундаментальной теории языка, но всегда ориентировано на практическое приложение этой теории к синхронному описанию языка. Противопоставление синхронии и диахронии в области лингвистического метода представляет собой противопоставление по степени и характеру глубины описания языковых явлений. Синхроническое описание языка может быть по-разному снабжено диахроническими аргументами. Степень разработанности диахронической аргументации (сопоставительной, типологической, сравнительно-исторической) в синхроническом описании языка означает степень исследованности строя этого языка. В свою очередь, диахроническое описание языка основано на наличии большего или меньшего числа синхронических описаний или меньшей диахронической проработанности. Синхрония и диахрония - ведущие методологические принципы анализа языка.

Соотношение синхронии и диахронии есть методологическое отражение фундаментального свойства языка-динамики. Динамика языка - проявление историчности его существования как одного из общественных институтов. Рассмотрение динамики языка путем внутренних и внешних по отношению к данному языку сравнений, т.е. применение всех методов языкознания в их совокупности, но с разными задачами и к разному материалу, образует определенную совокупность фундаментальных и прикладных дисциплин внутри языкознания, таких, как философия языка, история языка, лингводидактика и др.

Разрабатывая на основе лингвистических методов различные дисциплины, языкознание может применять для решения своих задач частные методики из других наук. Языкознание заимствует частные методики у математики, различных естественных и гуманитарных наук. Наиболее "старой" областью, в которой может быть использована математика, является анализ текста. Приемы математической статистики были заимствованы для решения задач стилистики и установления авторства в XVIII в. Принцип применения аппарата статистики основан на установлении черт текста, характеризующих стиль произведения словесности, и обобщении результатов наблюдения этих черт методами статистики с целью установить стилистическое сходство (и различие) групп текстов и отдельных текстов внутри групп.

Более широко привлекаются методы статистики в так называемом контент-анализе. Целью контент-анализа является установление сходства (и различия) содержания определенных групп текстов за пределами их детального филологического анализа и критики текстов.

Из группы однородных произведений словесности делается методами статистики представительная выборка, определяются ее единицы (например, определенные слова, выражения, сюжеты, фигуры речи и т.п.). Когда единицы выборки, определенные и описанные методами филологии, обработаны статистически, удается получить примерное представление об основном содержании текстов без чтения самих текстов. К контент-анализу прибегают в том случае, когда надо быстро оценить содержание большого массива текстов, а возможностей для их прочтения нет и можно удовлетвориться приближенной оценкой содержания.

В лексикографии при статистическом обследовании встречаемости слов, морфем, грамматических форм, звуков и букв в текстах был намечен ряд статистических констант. Эти константы указывают на относительную замкнутость языковой системы на каждом ярусе языка.

Константы, варьирующиеся в определенных пределах, указывают на частотные характеристики единиц языка на разных ярусах и на разные количественные соотношения между различными классами единиц одного и того же яруса, определяемыми по частоте встречаемости. Таковы: частота распределения гласных, согласных и полугласных звуков в разных языках; ранжирование букв по частоте встречаемости в словах разных частей речи в текстах вообще и в разных группах текстов; повторяемость лексики в одном и том же тексте и т.п. Эти исследования раскрывают количественные соотношения в реализации системы языка.

Было предложено также статистико-комбинаторное моделирование языковой системы по встречаемости ее элементов в тексте, т.е. выявление признаков системы на основании характеристик текстов. Эти исследования позволяют автоматизировать часть описания дифференциальных признаков языковых единиц и классов языковой системы и правил сочетаемости единиц.

Были предложены и другие способы применить аппарат статистики для исследования текстов и языковых систем, в частности в области типологии языков и сравнительно-исторического языкознания.

Отмечено довольно много попыток применить в языкознании математическую логику, теорию множеств, математическую комбинаторику и топологию. Однако эти попытки привели лишь к необходимости для лингвистов строить свои собственные системы исчисления и доказывать новые теоремы, которые представляют собой формальные системы, неизвестные в математике. Гуманитарные науки пока не могут опереться на какой-либо аппарат, детально разработанный в математике (кроме аппарата статистики), который удовлетворял бы логике построения гуманитарных систем и логике гуманитарного доказательства. Надо надеяться, что в будущем развитие математики позволит более широко применять ее аппарат в гуманитарных исследованиях. В этом отношении внушает большие надежды использование прикладной математики в области программирования гуманитарных задач. Уже разработаны сотни программ для разных областей гуманитарных знаний, которые в целом могут послужить хорошим материалом для обобщений фундаментального характера.

Заимствование методик естественных наук начинается с эпохи великих географических открытий, когда в географию входят описания народов, населяющих разные страны, и языков, на которых говорят данные народы. Географические карты всегда включали демографические сведения, позволяющие судить о распространении языков. Затем картографирование стало инструментом обозначения языковых явлений (равно как и явлений текстов) в их территориальном распространении. Метод картографирования языковых явлений позволяет проследить характер распространения языков и диалектов, показать число людей, владеющих данными языками на определенной территории, и тем самым указать на языковые контакты и их интенсивность.

Метод картографирования в диалектологии позволяет не только уточнить распространение диалектов на определенной территории, но и выяснить области контактов между диалектами, а картографирование отдельных языковых явлений, объединяющих или разъединяющих диалекты, позволяет определить исторические тенденции в развитии диалектов и языковых явлений.

Другой сферой заимствования методик естественных наук является исследование физических характеристик звуков речи. Эти исследования начинаются с конца XVIII - начала XIX в., когда создаются акустические приборы, имитирующие тембр гласных звуков. Результатом этих исследований было приближение к пониманию различия в акустических качествах гласных как тембровых различий и разделение тональных и тембровых характеристик звуков. С начала XX в. появляются аппараты и приборы для изучения действия органов артикуляции в момент произнесения звуков речи, т.е. для исследования биомеханики произношения. Эти исследования позволили уточнить биомеханику артикуляции и тем самым создать инструмент проверки самонаблюдения при описании артикуляции звуков речи. С помощью фото-, кино- и рентгеновской техники были внесены дальнейшие уточнения в описание биомеханики артикуляции в процессе речи.

Развитие электроники позволило дополнить исследование акустических качеств звуков. Электроника создала систему слежения и записи характеристик звуков речи, динамики основного тона и обертонов. Электронные приборы позволяют осуществить автоматический анализ и синтез языковых звучаний. С помощью этих средств можно не только идентифицировать отдельные звуки речи по их записи на пленку, т.е. получить такую автоматическую запись речи, что ее почти можно читать, не обращаясь к буквенной фиксации, но и идентифицировать людей по произношению, как по отпечаткам пальцев (разумеется, при накоплении достаточного материала). Кроме того, стало возможным усовершенствование современных радио- и телефонных каналов связи.

Успехи в исследовании акустики и биомеханики речи, достигнутые благодаря использованию приборов как средств наблюдения устной речи, подводят к необходимости исследовать психологию восприятия и понимания речи. Изучение звучания речи помогает уточнению ее материальных характеристик, но не влияет на исследования передачи смысла с помощью звуков, так как осмысление речи зависит от психологии человека и социального применения речи.

Оптика и исследования физиологии зрения пока не могут предоставить в распоряжение языкознания приборы, способные исследовать механизмы оптического восприятия в связи с биомеханической реализацией письменной речи. Надо надеяться, что такие приборы появятся.

Из наук, занимающих промежуточное положение между гуманитарными и естественными, необходимо назвать психологию, ряд методик которой заимствуется языкознанием. Основным видом такого заимствования является психологический эксперимент. Суть психологического эксперимента состоит в том, что специально отобранным добровольцам - испытуемым предлагается решить какую-либо задачу или группу задач. Их решения фиксирует экспериментатор. Испытуемые подбираются по определенным признакам, таким, как возраст, пол, род занятий, степень образованности и т.д. Ответы испытуемых статистически обрабатываются, и затем выносятся суждения о способностях этих лиц. Составленные суждения экстраполируются на других людей, аналогичных испытуемым по определенным признакам.

Эта методика может быть использована для уяснения характера осознания языковых единиц, например звуков речи. Можно изучать идентифицируемость звуков человеком, оценки значений и созначений слов, роль грамматики для понимаемости текстов на данном языке и др. Характерной особенностью этой методики является ее принципиальная неспособность учесть исторические факторы в жизни языка и дать социальный анализ языковых явлений.

Из гуманитарных наук наиболее близка языкознанию история. Эта близость прежде всего методологическая: обе науки изучают социальные явления и рассматривают их с исторической точки зрения. Поэтому возможно образование смежных историко-филологических дисциплин, занимающихся исследованием текстов историческими и филологическими методами одновременно. Эти дисциплины изучают исторические источники, поэтому они называются по родам таких источников: палеография, дипломатика, нумизматика и сфрагистика. Языковедческая задача - прочтение этих источников, историческая - истолкование их содержания.

Языкознание широко пользуется данными разных исторических наук: гражданской истории, истории церкви, истории искусств, истории техники, истории науки. С помощью исторических наук - археологии, хронологии, метрологии и исторической географии - верифицируются значения многих слов, выражений. Данные этих наук позволяют судить о смысле слов и выражений, степени распространенности языковых явлений во времени и пространстве. Языкознание привлекает эти данные для анализа текстов, особенно со смысловой стороны. Поэтому языкознание пользуется данными истории через филологию, а филология вместе с историей составляют единый историко-филологический комплекс знаний.

Рекомендуемая литература

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
2. Ахманова О.С. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики // Вопр. языкознания. 1961. № 5.
3. Ахманова О.С., Виноградов В.В., Иванов В.В. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии // Вопр. языкознания. 1956. № 3.
4. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI-начала XVII в. Л., 1975.
5. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
6. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
7. Мейе А., Вайан А. Общеславянский язык. М., 1951.
8. Рождественский Ю.В. Типология слова. М., 1969. Введение.
9. Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.
10. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языкознание // Избр. труды. М., 1956. Т.1.
11. Юшманов Н.В. Элементы международной терминологии: Словарь-справочник. М., 1968.

Часть 3. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лекция 7. КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Фундаментальное, нормативное и прикладное языкознание

В задачу общего языкознания входит систематизация знаний, полученных разными науками о языке. Классификация языковедческих дисциплин как результат систематизации знаний является постоянной частью любой разработки по общему языкознанию, так же как и исследования по методологии языкознания и разработка перспектив развития науки.

Институт языкознания АН СССР в своей коллективной монографии по общему языкознанию обращает главное внимание на систематизацию текущей проблематики общего языкознания, делает обзор, анализ текущих проблем языкознания [7].

Б.Н. Головин и Ф.М. Березин [5] разрабатывают понятие системы языка, так же как и В.М. Солнцев [8], В.И. Кодухов* дает обзорное представление об общем языкознании как учебном предмете, так же как и авторы многих других курсов, вышедших в последние годы.

*(См.: Кодухов В.И. Общее языкознание. М., 1974.)

Интересный и оригинальный курс Минского университета подробно исследует проблемы семантики и семантического синтаксиса*.

*(См.: Общее языкознание / Под ред. А.Е. Супруна. Минск, 1987.)

В задачу курса общего языкознания Московского университета входит: классификация научных знаний, описание проблем динамики языка, языкового нормирования и проблематики прикладного языкознания.

Классификация лингвистических дисциплин традиционна. Они делятся по цели исследования на общее языкознание и частное языкознание, а по отношению к общественно-языковой практике - на фундаментальную и прикладную науку и нормативное научное знание. Третьим критерием классификации является деление по методу и предмету исследований (например, лексикостатистика, т.е. исследование лексики статистическими методами).

Все три критерия классификации дополняют друг друга. Поэтому классификационные признаки разного плана могут сочетаться между собой. Например, можно вести описание таких признаков падежей (морфологически выраженное в составе имени отношение имени к глаголу и имени к имени), которые относятся к падежам всех языков, но наблюдаемый материал берется только из некоторых языков и по неполной индукции переносится на все другие языки. Такое исследование относят к общему языкознанию в том случае, если индукция от некоторых языков ко всем языкам составляет логическое содержание исследования.

С другой стороны, этимологическое исследование словаря какого-либо национального языка обычно требует привлечения фактов соседних языков и языков, имеющих с данным языком как регулярные, так и спорадические культурные связи. Таким образом, материал привлекается из многих языков, а объясняется один язык. Подобное исследование относят к **частному языкознанию**.

Это значит, что разделение языкознания на общее и частное определяется целью и результатом исследования. Если исследование имеет целью описание одного какого-либо языка и достигает этим цели, то такое исследование считается **частноязыковедческим**, если цель исследования - выявление общих закономерностей, то это **общезыковедческое** исследование.

Разделение языкознания на общее и частное касается и классификации языковедческих исследований по отношению к общественно-языковой практике. **Фундаментальными** считают такие исследования, целью которых является объективное установление состояния отдельного

языка (или языков) в историческом прошлом или в настоящем. Фундаментальное исследование не предполагает непосредственного вмешательства в общественно-языковую практику. Его задача - только наблюдение и описание объективного состояния языка (или языков) или каких-либо его частей. Фундаментальные исследования отвечают на вопрос "Каков язык?".

Нормативное языкознание строится на основании всей совокупности знаний, полученных фундаментальными исследованиями. Исходя из этих знаний, оценки состояния всех частей филологии, оценки состояния языка по отношению к той роли, которую язык в данный момент играет в обществе, и оценки перспектив развития языка и стиля, а также знания средств распространения и укрепления нормы, нормативное языкознание предписывает определенные правила использования языка. Эти правила касаются только некоторых сторон языковой системы, но призваны вызвать изменения в остальных частях системы в желаемом направлении. Языковая политика проявляется главным образом в нормализации языка.

В результате создания нормы становятся возможными прикладные исследования и разработки. **Прикладное** языкознание не только исходит из языковой нормы, но и распространяет и укрепляет эту норму. Задача прикладного языкознания состоит в том, чтобы ввести новые материалы речи, наметить наиболее эффективные пути речевой коммуникации на базе новой техники, утвердить норму языка путем обучения, распространить новые виды речевой коммуникации путем обучения новым видам текстов (создания этих текстов, их передачи, хранения и применения). Прикладное языкознание отвечает на вопрос "Как создается речевая коммуникация?". В исследованиях по прикладному языкознанию сочетаются научный (какова объективная данность?) и технический (как лучше использовать объективную данность?) аспекты.

Фундаментальное языкознание представляет собой исторически сложившуюся совокупность лингвистических дисциплин. Одна дисциплина исторически и логически вытекает из другой. В основании фундаментального языкознания лежит сравнение языков и их фактов в определенной системе и последовательности. Сравнение языков начинается становлением сопоставительного языкознания и универсальной грамматики.

Универсальная грамматика

Цель **сопоставительного** языкознания - систематически представить культурные различия и культурную общность языков. Для этого сначала сопоставляются классические и новые языки. В XVI столетии в Европе такое сравнение становится особенно актуальным, так как получают распространение устное общение, письменность и литература на национальных языках, которые в это время в культурном отношении менее развиты в сравнении с классическими языками (греческим, латинским, древнееврейским). Процесс развития национальных языков Европы стимулируется прикладными задачами - началом книгопечатания и переводами с классических языков на национальные языки (прежде всего переводами церковно-догматической литературы).

Современное сопоставительное языкознание включает в себя: 1) сопоставительные описания классических и родных языков; 2) сопоставительные описания родных и иностранных языков; 3) сопоставительно-типологические и сопоставительно-ареальные описания языков в виде словарей, грамматик, фонетик и монографических исследований разных проблем.

Универсальная грамматика является необходимым дополнением сопоставительного языкознания. Первоначальное назначение универсальной грамматики - разработать эталон, или общее основание, сравниваемых языков в сопоставительном языкознании. Необходимо установить и обосновать категории языка, которые должны быть необходимо представлены в каждом языке. Такие категории возможны потому, что при всем разнообразии конкретных языков между ними есть что-то определенно **общее**, например звуковой канал коммуникации, членораздельность речи, слова, представляющие собой имена вещей, и т.п. Эти общие свойства рождают частные свойства, присущие всем языкам.

Становление категорий универсальной грамматики происходило в рамках доктрины общественного договора. Определялись требования, которым необходимо должен удовлетворять

язык, чтобы он мог стать продуктом и орудием соглашения о всех сторонах человеческого общежития. Разные универсальные грамматики несколько по-разному формулируют требования к языку и отсюда - реализацию этих требований. Но все универсальные грамматики включают определенные требования:

1. Высказывание должно заключать в себе законченную мысль, содержащую суждение. Это значит, что необходимо должны существовать предложения, содержащие подлежащее, сказуемое и связку. Такие предложения (полные, простые, нераспространенные) являются основой строя предложений и должны быть представлены в любом языке. Все разнообразие предложений есть либо сокращение этой схемы (неполные предложения), либо усложнение ее в том или ином отношении (распространенные и сложные предложения). Только при удовлетворении этих требований высказывание может содержать в себе логически обсуждаемую мысль, может служить средством общественного договора.

2. Предложение, содержащее в себе логически правильное суждение, должно быть представлено рядом звуков. Каждый из этих звуков членоразделен, т.е. образуется органами артикуляции так, что один звук в восприятии отделен от другого. Эта отделенность объясняется тем, что звуки речи ограничены в числе и образуют высказывания как комбинации звуков речи, составленные по намерению говорящего. Этим отличается язык человека от языка, например, попугая. Попугай лишь имитирует комплексы звуков человека, но не имеет возможности составлять сам новые комплексы звуков. Членораздельность речи позволяет из ограниченного числа звуков построить бесконечное разнообразие комплексов звуков.

3. Сознательная речь, позволяющая достичь соглашения о чем-либо, невозможна без того, чтобы называть предметы соглашений. Названием предметов являются имена. Если имена используются в речи, то они являются словами. Слово есть, таким образом, имя, взятое как часть (отрезок) речи.

4. Для того, чтобы предложение (как полная речь), составленное из слов, имело смысл, необходима грамматическая организация слова, с одной стороны, и предложения - с другой. Упорядоченность отношений слова и предложения - требование, вытекающее из задачи языка, - реализуется в виде грамматики. Грамматические отношения слова и предложения могут быть выражены разными способами, но они должны быть выражены, иначе невозможно общение с помощью языка.

5. Универсальным средством обозначения отношений слова и предложения признаются части речи - классы слов с определенными синтаксическими свойствами, которые способны выразить заключенное в словах суждение. Главные классы: имена, глаголы и частицы (связки), которые соответственно называют предметы, признаки и отношения между ними.

6. Предложение как целое, расчлененно называя предметы и признаки, не будет актом общения, если в нем не обозначены отношения этих предметов и признаков к действительности, т.е. модальность. Ведущей частью значения модальности является время. Прошедшее, настоящее или будущее, отображенное в речи, является первым признаком соотнесения речи с действительностью.

7. Время как часть модальности соотносится с высказыванием как деянием и измеряется соотношением с другими (не речевыми) деяниями. Поэтому необходимо обозначить деятеля, от которого зависит действие, лицо или вещь, т.е. объект, претерпевающий действие. Так формируется универсальная категория лица. Категория лица, в зависимости от степени сложности предложения, бывает выражена словами (местоимениями) или формами слов (спрягаемыми формами глаголов).

8. Расчленение и усложнение отношений между словами в неполных, распространенных и сложных предложениях делает необходимым, с одной стороны, деление слов по частям речи, а с другой - детализацию отношений между словами. При делении слов по частям речи возникают разновидности имен (прилагательное, числительное, родовое, собственное и т.п.) и глаголов (глаголы модальные, связочные, переходные, непереходные, движения, действия, состояния и т.п.). Отношения между этими классами выражают категории падежа, устанавливающие детальные отношения имени к глаголу и имени к имени, и категории причастия, деепричастия и

т.п., которые обозначают отношения глагола к глаголу и глагола к имени. При этом делении остается как бы остаток: наречия и прилагательные, слова со значением признака, отнесенного либо не отнесенного ко времени. Так устанавливается система категорий слов.

9. Усложнение предложений вызывает необходимость установить отношения между простыми предложениями внутри периода и между частями сложного предложения (отношения причины, следствия, уступки, условия, результата и т.п.). Эти отношения, содержащиеся в мысли, выражаются формами речи, прежде всего союзами, которые универсальная грамматика обособляет в особую категорию.

Система категорий универсальной грамматики выводится дедуктивно. Сопоставительное языкознание и универсальная грамматика представляют собой сочетание дедуктивных и индуктивных методов в языкознании вплоть до XIX в. В начале XIX в. появляются сравнительно-историческое языкознание и типология языков. Развитие этих дисциплин и их методов фактически укрепляет позиции универсальной грамматики.

Исследование языков сравнительно-историческим методом опирается на систему частей речи, данную универсальной грамматикой, и на этом основании устанавливает систему морфологических соответствий. Общая и частная реконструкции, особенно частная, вынуждены считаться с системой частей речи, а исследования синтаксиса целиком опираются на данные универсальной грамматики как на систему эталонных понятий.

Типология языков наряду со сравнением языков разрабатывает и основания сравнения - так называемый язык-эталон. Язык-эталон фактически строится с помощью данных универсальной грамматики и может считаться ее развитием.

Универсальная грамматика широко используется в нормативном языкознании. Так, грамматика К. Беккера "Организм языка" (1827) развила дедуктивную систему соотношения членов предложения и частей речи. Эти соотношения вошли в систему норм немецкого, русского и многих других языков, а также послужили основанием для построения исторических грамматик (например, грамматик И.И. Давыдова, Ф.И. Буслаева).

В настоящее время дедуктивная схема рассуждения применяется при моделировании языковых явлений в ряде областей прикладного языкознания, особенно в языковой дидактике и в информационном обслуживании. Применение метода дедукции в прикладных исследованиях стимулирует развитие идей и метода универсальной грамматики.

Идеи и метод универсальной грамматики используются, в частности, в работах по семиотике языка. Универсальная грамматика служит здесь средством отграничения языка от других семиотических систем. Универсальная грамматика помогает исследовать различия между языком человека и коммуникацией животных.

Сравнительно-исторические исследования семей и групп языков

Сравнительно-историческое языкознание возникает в начале XIX в. Оно представляет собой сравнение и обобщение свойств языков, принадлежащих к одной языковой семье. Термин "сравнительно-историческое языкознание" понимается в двух значениях: как обобщение данных одной языковой семьи и как метод исторических сравнений, объединяющих группу дисциплин. Здесь термин "сравнительно-историческое языкознание" применяется в узком значении: сравнительно-историческое исследование одной языковой семьи.

Сравнительно-историческое языкознание включает в себя изучение фонетических соответствий и фонетических законов, объединяющих и различающих языки одной семьи, морфологических соответствий между этими языками, системы общих слов, этимологии, классификации и реконструкции (общие и частные). Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание занимается всеми шестью аспектами, и весь круг индоевропейских литературных языков и большинство бесписьменных и младописьменных (живых и мертвых) языков описано сравнительно-историческим методом.

Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание развивалось последовательно, впервые границы индоевропейской языковой семьи были установлены Ф. Боппом [1]. Затем с

помощью фонетических сравнений А. Шлейхеру удалось создать общие и наметить частные реконструкции, составить генеалогическую классификацию, установить основные фонетические и морфологические соответствия. Так был написан компендий индоевропейских языков. В это же время были составлены этимологические словари [1].

В трудах Б. Дельбрюка (1842 - 1922) индоевропейские языки описаны по отдельным явлениям: рассмотрены все звуки в их отражениях и все морфемы в их отражениях по всем индоевропейским языкам [1].

Были и другие сводные описания, построенные в несколько ином плане. В настоящее время сводные описания составляются как реконструкции языка, которые обосновывают с разной степенью подробности типологическую систему общего индоевропейского языка [9].

Сравнительно-исторические исследования на материале индоевропейских языков наиболее развиты. Описание других языковых семей может рассматриваться как то или иное сокращение системы сравнительно-исторического описания индоевропейской языковой семьи.

Довольно подробно исследованы сравнительно-историческим методом семитские и семито-хамитские языки: описаны основные фонетические соответствия древних и новых семитских языков, показано единство их морфологической системы, принципиальное единство корней (фонетическое и семантическое), а также единство синтаксического строя этих языков. Исследования показали, что египетский язык близок к так называемым берберским языкам Северной Африки и весь этот массив составляет одну из двух ветвей семито-хамитской языковой семьи, связанной единством фонетических законов, морфологических соответствий и этимологии корней.

В семито-хамитских языках согласные корня, благодаря слабо представленным процессам аккомодации, сохраняют большую устойчивость, поэтому консонантный облик корня подвергается сравнительно небольшим изменениям. Семиология уделяет особое внимание частным реконструкциям корней протосемитского языка. Существуют попытки объяснить основную массу семитских корней либо как итог оноματοпоэтического образования слов, либо как итог сложения и фонетического перекодирования двуконсонантных (так называемых двухбуквенных) корней. Во всех случаях частные реконструкции корней семитских языков связываются воображением исследователей с проблемой происхождения языка (теориями моногенеза и полигенеза языков). Сравнительно-исторические исследования финно-угорской языковой семьи начались относительно недавно. Работа затруднена тем, что в этой семье лишь немногие языки обладают старой письменной фиксацией, а ряд языков (чудской, мерянский и др.) вышел из употребления в сравнительно недавнее историческое время.

Финно-угорская языковая семья обширна и представительна. В настоящее время раскрыты основные фонетические законы, связывающие языки этой семьи в одно целое и позволяющие составить генеалогическую классификацию языков, раскрыть немногие, но представительные морфологические соответствия. Могут быть произведены реконструкции языков, по большей части частные, преследующие цели истолкования состава словаря современных финно-угорских языков. В целом финно-угорские языки достаточно далеко отстоят друг от друга, что затрудняет создание работ, имеющих характер компендиев.

Тюркская языковая семья отличается яркой типологической близостью языков. Поэтому создание гипотезы о родстве тюркских языков не потребовало больших усилий. Сначала были предприняты попытки наметить общий словарь и проследить лексические соответствия между тюркскими языками. Однако эти соответствия, будучи достаточно очевидными, плохо верифицировались фонетическими законами. Лишь в недавнее время была создана первая общая реконструкция звуков прототюркского языка и положено начало систематическому раскрытию фонетических законов тюркских языков. Фонетические законы позволили верифицировать описанные ранее фонетические и морфологические соответствия. Морфологические соответствия, раскрытые и описанные в основных чертах в конце прошлого века, сделали возможным составить генеалогическую классификацию тюркских языков. Все это вместе позволило создать этимологический словарь тюркских языков.

Тюркские языки располагают рядом старописьменных языков (уйгурский, чагатайский, татарский, османский, мамлюкский и др.), на которых имеется богатая литература. Эти языки входили в разные ареалы цивилизации и поэтому претерпевали различные культурные влияния, что отражалось на составе словаря, на судьбе заимствований из смежных языков. Сравнение данных литературных языков представляет особую сложность. Кочевой быт ряда тюркских народов приводил к интеграции и переструктурированию устной речи. Это объясняет сложные отношения между народно-разговорными и классическими литературными языками и в ряде случаев осложняет сравнительно-историческое описание тюркских языков.

При сравнительно-историческом описании монгольских языков раскрыта система фонетических законов и соответствий, выявлена и описана система морфологических соответствий, создано общее представление о генеалогической классификации монгольских языков, разработан ряд частных реконструкций слов и этимологии. В последние десятилетия в КНР описаны некоторые ранее неизвестные монгольские языки. Эти описания показали, что картина фонетических и морфологических соответствий в монгольских языках может быть существенно дополнена.

Кавказские языки представляют собой историко-культурное и типологическое единство. Они могут быть определены как особая языковая общность, выделяемая при сравнении с индоевропейскими, семитскими, тюркскими и финно-угорскими языками. При этом открытым остается вопрос о том, являются ли кавказские языки цельной языковой семьей или группой типологически близких и возможно родственных семей языков. Решение этого вопроса зависит от установления фонетических законов, объединяющих западнокавказские, дагестанские и картвельские языки. Однако каждая из групп кавказских языков уже описана как единство, располагающее фонетическими и морфологическими соответствиями и некоторой общностью этимологии.

Особую трудность представляет описание китайско-тибетских языков, выделяемых предположительно в одну языковую семью. Тибетский и бирманский языки, составляющие одну группу этой семьи, имеют письменность с VIII в. Тибетская письменность закрепляет традиционные написания слов и тем сохраняет их исторический фонетический облик. Это позволяет сопоставить тибетские слова с бирманскими и наметить фонетические соответствия в пределах морфем. Что же касается служебных морфем тибетского и бирманского языков, то они образуют типологическое сходство, но их единое происхождение должно быть еще доказано фонетическими соответствиями.

Китайский язык объединен в одно целое иероглифической письменностью и фонетическими законами, позволяющими установить фонетические соответствия между диалектами и показать фонетические изменения, которые претерпел китайский литературный язык в его истории. Этому содействуют описания литературного произношения, содержащиеся в фонетических трактатах, устанавливающих норму произношения китайского литературного языка.

Китайский язык обычно объединяют с тайским по типологическому сходству синтаксиса и морфемике. Однако фонетические соответствия китайского языка с тайским пока не установлены.

Генетическое единство представляют собой малайско-полинезийские языки. Они обладают достаточно определенным сходством синтаксиса и единой системой служебных слов и морфем, но фонетические соответствия между корневыми словами пока только намечены. Соответственно нет обоснованной генеалогической классификации малайско-полинезийских языков.

Что касается языков банту, то они также демонстрируют достаточно яркое генетическое единство, но доказательно описаны только морфологические соответствия между префиксами именных классов.

Все остальные языковые семьи и языки, которые представляют собой отдельную семью, либо только начинают исследоваться, либо обследованы слабо. Это значит, что сравнительно-историческое языкознание, по сути дела, только начинает свои исследования.

Важнейшие общие проблемы, поставленные ходом сравнительно-исторических исследований, следующие:

1) связь процедуры выведения законов соответствий и этимологии с типологическими характеристиками языковой семьи и отдельных языков данной семьи;

2) отношения письменных и народно-разговорных языков одной языковой семьи (становление письменности всегда отличается определенным своеобразием и зависит от традиций той цивилизации, к которой принадлежит данный язык);

3) в случае сосуществования разных языков внутри одной цивилизации эти языки приобретают некоторое единство черт и составляют языковой союз; языковые союзы как бы противопоставлены эволюции языков внутри одной языковой семьи;

4) каждая языковая семья обладает определенным историко-культурным своеобразием; сравнение своеобразных черт и установление общих закономерностей различных языковых семей составляет одну из задач сравнительно-исторического языкознания.

Сравнительно-исторический метод может применяться и к исследованию одного языка. При этом сравниваются разные **части языка**, но эти части отбираются так, чтобы раскрыть историю формирования одной из сторон изучаемого языка. Сравнительно-историческое изучение одного (обычно родного) языка в разных филологических традициях ведется по-разному. Дисциплины, изучающие историю одного языка, называют также по-разному. Русская филологическая традиция оказалась наиболее развитой в этом отношении. Поэтому будем говорить о той номенклатуре дисциплин, которая сложилась в русской филологии. Сравнительно-исторические дисциплины, изучающие один язык, целесообразно рассматривать в последовательности их становления: историческая грамматика, диалектология, история языка, история литературного языка, история языка художественной литературы.

Исторические исследования одного языка

Историческая грамматика представляет собой сравнение синхронных срезов в области фонетики, морфологии, синтаксиса с целью установить законы, действовавшие в данном языке, и исключения из них, которые желательно истолковать соответствующими фонетическими и лингво-психологическими причинами.

Наряду с установлением фонетических законов и исключений, чем занимается **историческая фонетика**, историческая грамматика прослеживает исторические изменения морфологической системы. Эти изменения выясняются из сопоставления парадигм склонения и спряжения в разные периоды истории языка. Состав и структура парадигм склонения и спряжения обычно являются основанием для деления истории языка на определенные периоды. В течение этих периодов формируются новые системы склонения и-или спряжения. Рассмотрением этих изменений занимается **историческая морфология**.

Изменения в морфологии объясняются, с одной стороны, синтаксическими причинами, а с другой - фонетическими. Поэтому в задачу **исторического синтаксиса** входит наблюдение за изменением порядка слов и средств, обозначающих грамматические отношения между словами (так называемые способы выражения грамматических отношений в данном языке в их исторической трансформации).

Данные исторической фонетики, исторической морфологии и исторического синтаксиса и распределение этих данных по периодам составляют основание исторической грамматики. На нем строится объяснение причин изменений системы языка. Изучение причин этих изменений проводится обычно путем исследования взаимодействия разных ярусов языковой системы. Объяснение причин дается на основе изучения физических свойств единиц языка (на типологическом основании) или с привлечением процессов семантики, которые отражаются в словообразовании. Так создается еще одна наука, составляющая часть исторической грамматики, **история словообразования** (в данном языке). Она изучает модели словообразования, их состав, исторические изменения, рост числа моделей и их стилистическую ориентацию.

Историческая грамматика есть история одной языковой системы, поэтому во французской, немецкой и английской традициях термин "историческая грамматика" является синонимом термина "история языка". В русской традиции после А.А. Шахматова историей языка называют дисциплину, отличную от исторической грамматики.

Историческая грамматика обычно сопоставляется с диалектологией. Это объясняется тем, что историческая грамматика строится на данных литературного языка, а не на данных устной бесписьменной речи, которую изучает **диалектология**.

Диалектология должна сначала зафиксировать на письме или иным способом акты диалектной речи. Это может быть фиксация как цельных произведений устного народного творчества, так и отдельных высказываний и оценок слов, выражений, звуков, грамматических форм с точки зрения языкового сознания людей, владеющих диалектом (информантов).

В случае фиксации цельных произведений устного народного творчества: пословиц, поговорок, загадок, присловий, скороговорок, притч, побасенок, басен, песен и других песенных форм, сказок, быличек, былин и других эпических произведений, мифов и сказаний - задача диалектолога совпадает с задачей фольклориста. Установление текста произведений устного народного творчества входит в задачу как фольклористики, так и диалектологии, поэтому диалектолог может использовать результат деятельности фольклориста, и наоборот. Но если фольклорист оценивает народную поэтику, то диалектолог - психологию языка (т.е. языковую систему), как она представляется уму человека, говорящего на диалекте.

Поскольку основной единицей языка является слово, диалектолог может устанавливать словарь диалекта по опросным данным. Для этой цели составляют словники (обычно тематические), а затем, пользуясь этими словниками, диалектолог опрашивает информантов. При опросе необходимо установить, что как называется, и затем составить списки таких названий - диалектных слов и выражений. Попутно могут быть заданы вопросы о характере использования слов и выражений, об их грамматическом и стилевом представлении в понимании говорящего на диалекте.

На основании словаря и записей фольклорных произведений можно перейти к проверке гипотез о языковом строе диалекта. Для этой цели полученные данные анализируются и оцениваются по ярусам языка и единицам ярусов. Затем характеристика каждой единицы: звука речи, морфемы, слова, синтаксической конструкции - проверяется путем вопросов к информантам. Вопросы задаются так, чтобы информант оценил различие в составе и употреблении называемых единиц. Чаще всего предлагают отделить правильное употребление от неправильного. После проверки система диалекта считается установленной.

Помимо получения данных об отдельном диалекте, диалектологическое исследование включает сравнение описаний разных диалектов одного языка. В результате сравнения диалекты разбиваются на группы и подгруппы по общности черт фонетического и грамматического строя и общности лексики. Так же, как это делается при анализе языков в сравнительно-историческом языкознании, строится классификация диалектов в виде распределения территорий, на которых отмечены диалекты. Эти территории, интерпретированные как объемы понятий, могут дать граф - аналог родословного древа. Так восстанавливаются связи между диалектами и строятся гипотезы об их исторических соотношениях.

Графическое представление диалектов может быть детализировано до графического представления отдельных явлений, объединяющих и различающих диалекты. Картографированное представление отдельных явлений (изоглоссы) помогает уяснить отношения между диалектами и детализирует состав диалектов. С помощью изоглосс удастся установить сферы распространения заимствований, прогрессивных и архаических явлений и показать динамику диалектов.

Объединение данных исторической грамматики и диалектологии Шахматов назвал историей языка. История языка имеет два фактических основания - данные исторической грамматики и диалектологии и одно теоретико-методологическое - историю и этнографию. История и этнография устанавливают этнический (племенной и родовой) состав народа, его обычаи и перемещения отдельных этнических групп. С одной стороны, исторические данные об

этническом составе народа ставятся в соответствие с данными диалектологии, при этом оба ряда данных должны проверить и объяснить друг друга. С другой стороны, данные исторической грамматики, характеризующие трансформацию системы литературного языка, должны быть поставлены в соответствие с историей, и в частности с историей цивилизации. Прежде всего это касается развития городов, население которых вступает в гражданские отношения.

В городе должен быть представлен литературный язык, являющийся языком цивилизации. Ход истории предопределяет пользование литературным языком в сакральных, идеологических, юридических, административных и развлекательных целях. Своеобразие этих целей определяет выбор языковых средств и различие динамики и темпов эволюции каждой из областей литературного языка.

Литературный язык как язык графический не может существовать без устной формы, так как устная форма является средством его распространения. Поэтому вырабатывается устный наддиалектный язык, который представляет графический язык и одновременно является формой устного общения образованной части населения. Этот устный язык Шахматов называет **устной формой литературного языка**.

Устная форма литературного языка, не являясь языком рода или племени, может быть языком образованных членов цивилизованного общества. Но такие люди живут в окружении необразованных или полуобразованных слоев населения, и общение между людьми литературно образованными и необразованными необходимо. В процессе этого общения вырабатывается просторечие, которое представляет собой сниженную форму литературного языка, насыщенную диалектными словами и выражениями и характеризующуюся влиянием диалектов на произношение.

В зависимости от силы влияния диалектов Шахматов различает городское и сельское просторечие, а в зависимости от того, какой диалект влияет, - местные типы просторечия. История языка в лингвистическом плане характеризуется соотношениями литературного языка, диалектов и просторечия, а в историческом плане - фактами истории: истории правлений, типами канцелярий, характером литературы и характером влияния на те или иные части языкового сообщества иноязычных обществ.

Из истории языка вычленяется **история литературного языка**. Эта часть истории языка рассматривается с точки зрения внутренних закономерностей построения текстов. В истории литературного языка сравниваются различные формы литературной речи и устанавливается их эволюция. Формы литературной речи распределяются сначала по функциональным стилям, а затем по стилям жанров. Далее путем сравнения стилистических классов текстов устанавливаются системы, стоящие за этими классами текстов. Системы сопоставляются: выясняются их общие и особенные черты, характеризующие разновидности литературного языка.

А.И. Ефимов (1909 - 1966) говорил о следующих разновидностях русского литературного языка до XIV в.: каноническая литература и гимнография, гомилетика, агиография, летопись, документы, разная литература недуховного содержания. Эти виды литературного языка изменяются в своем языковом содержании после XIV в. Затем Ефимов прослеживает становление новых видов письменности и литературы к XVII в. и изменения языкового состава письменности и литературы в XVIII-XIX вв. [б].

Синхронические сопоставления дополняются и раскрываются диахроническими: показываются преемственность и эволюция функциональных разновидностей языка и функциональных стилей, преемственность и эволюция языка и стиля разных жанров. История литературного языка сопоставляется с историей литературы. Проблема авторства, история переписки произведений и бытования списков составляют методологическую основу истории литературного языка, которая представляет собой языковую дисциплину, соотносящуюся с литературоведением.

Более детализированное строит историю литературного языка В.В.Виноградов. В книге "Очерки по истории русского литературного языка XVII - XIX веков" он подробно анализирует состав языковых изменений, ориентируясь примерно на половину или треть века как на период, в

котором ясно проступает основная тенденция изменений языка и стиля. Автор начинает описание со второй половины XVII в. и рассматривает многие явления: динамику языка и стиля в области городского обиходного языка, светско-деловой речи и городского просторечия, национально-демократические стили в литературе, эволюцию церковно-книжной речи, соединение в одном литературном процессе украинского и великорусского изводов литературного языка, влияние латыни и польского языка и др.

В языке первой половины XVIII в. исследуются такие явления, как переводы, освоение терминологии, развитие профессиональных сфер общения, влияние Западной Руси в области создания идеологических текстов, языковая политика (реформа азбуки и установление стилевых предпочтений).

Говоря о языке третьей четверти XVIII в., Виноградов исследует теорию трех стилей языка и ее реализацию, фонетическую и морфологическую дифференциацию стилей, создание "высокого" стиля русской речи, говорит о французском влиянии на русскую речь и введении просторечия в литературный язык.

Далее в книге рассматривается язык последней четверти XVIII и первой четверти XIX в., пушкинско-лермонтовский период развития литературного языка и т.д., когда периодизация ведется по авторам - художникам слова. Такой план изложения связан с тем, что постепенно возрастает значение литературно-художественного авторства, которое в XIX в. начинает играть главную роль в стилевых новациях и в новациях литературного языка. Таким изложением истории литературного языка Виноградов подходит к новой, созданной им дисциплине - **истории языка художественной литературы**. Так было названо Виноградовым сравнительно-историческое изучение индивидуальных литературно-художественных стилей и языка писателей.

История языка художественной литературы предполагает свою методологию и методики. Трудность заключается в том, что необходимо исследовать индивидуально-языковое сознание художника слова - писателя. Этот тип языкового сознания отличается, например, от типа языкового сознания ученого-филолога, представляющего себе язык как систему соотношений единиц плана выражения и плана содержания, синтагм и парадигм. Языковое сознание писателя отличается и от обывательского осознания языка. Художник слова способен чувствовать художественную композицию речи и имитировать средствами художественного изображения (т.е. наглядно-образно и с позиций принятой в данном обществе этики) типы речи разных людей, представляя тем самым разные типы языкового сознания (по большей части непрофессионального).

Художник слова, таким образом, типизированно отображает языковое сознание и речь характеров и сам владеет искусством ономототэты (т.е. может давать имена с помощью ономотопеи, символизации звуков и графических образов, формировать образ сочетанием понятий, сочетать внешнюю выразительность со смысловой изобразительностью, переосмысливать звуки и слова и т.п.).

Эти характеристики индивидуального языкового сознания скрыты от наблюдения и могут быть выявлены только системой сравнений. Прежде всего необходимо установить общий фон языкового сознания, из которого выделяется языковое сознание художника слова. Этот общий фон устанавливается по учебным руководствам, которые закрепляют общие черты языкового сознания, объединяющие художника слова и его аудиторию, и обучают основам языка самого писателя. Это словари, грамматики, риторика, поэтики, теории словесности, распространяющие языковую норму данного времени. Определенный таким образом общий фон детализируется сравнением языка и стиля литературных школ, существовавших в разное время, и языка и стиля литературной школы, к которой относится писатель. Таким образом, система исторических сопоставлений помогает стать на первую ступень индивидуализации языкового сознания писателя.

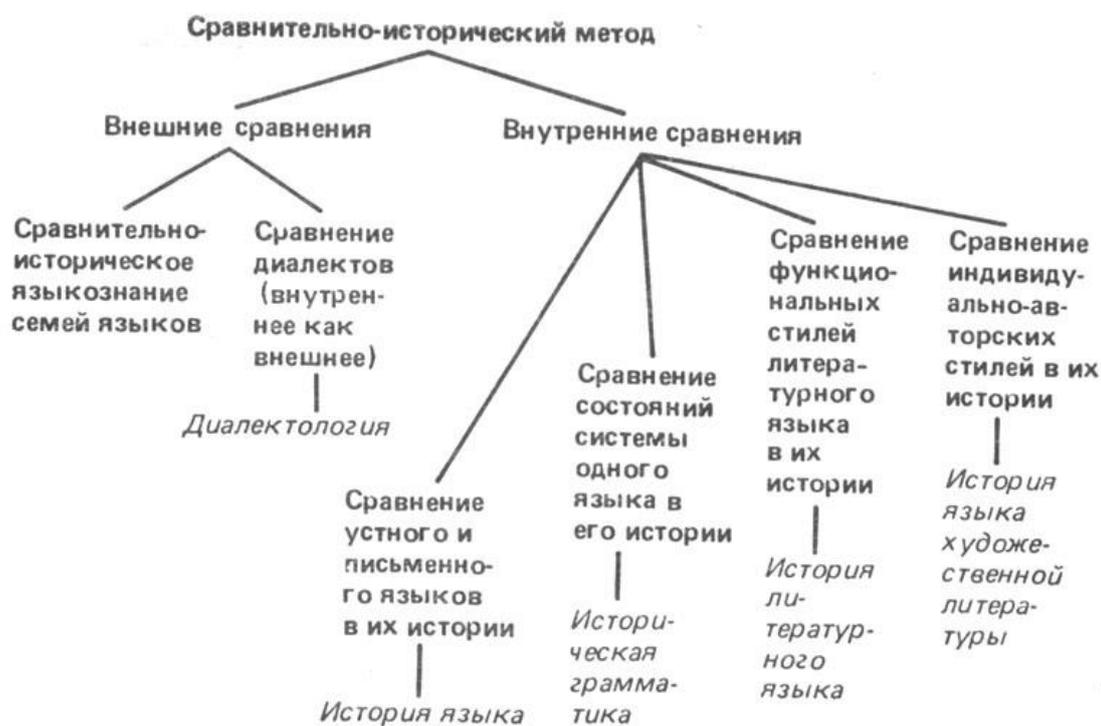
Затем изучается непосредственное окружение писателя путем анализа литературной критики того времени, творчества писателей, принадлежащих к одному времени и одной школе, мемуарной литературы, высказываний самих авторов о своем творчестве и творчестве других

писателей и путем анализа литературных пародий. Это исследование позволяет установить общие для всех произведений писателя черты его языка и стиля.

Однако языковое сознание писателя (как и языковое сознание любого человека) постоянно изменяется. Вследствие этого необходимо предпринять сравнение стиля разных произведений данного писателя, сопоставляя их друг с другом по мере их написания.

Эта методология и методики позволяют, во-первых, с достаточной достоверностью говорить об индивидуально-языковом сознании художников слова и представлять процесс эволюции языка художественной литературы как смену и развитие индивидуальных стилей. История языка художественной литературы помогает обоснованно представить текстологию художественных произведений, что необходимо для анализа, комментирования и издания литературно-художественной классики.

Сравнительно-историческое языкознание, историческая грамматика, диалектология, история языка, история литературного языка, история языка художественной литературы представляют собой разные формы применения сравнительно-исторического метода. Эти формы зависят от системы внешних (по отношению к одному языку) и внутренних сравнений, которую можно представить так, как на схеме:

Сравнительно-исторический метод

Типологические исследования

Типология языков соотносительна с сравнительно-историческим языкознанием. Обе эти части сравнительного языкознания выделились из сопоставительного языкознания с увеличением числа сравниваемых языков. Так как технически пока невозможно сравнить все языки одновременно во всех отношениях, выбор языков производится по некоторому общему признаку. В сравнительно-историческом языкознании - это прямая историко-культурная преемственность языков, связанная с преемственностью поколений данного этноса. В типологии языков - это учет разнообразия языкового строя безотносительно к этнической истории народов.

Учет разнообразия языкового строя как бы выделяет типологию среди сравнительных наук о языке. Например, возможность общих и частных реконструкций в сравнительно-историческом языкознании проверяется по данным типологии языков. Если данные типологии языков противоречат выводам сопоставительной, универсальной грамматики, истории языка, то такие выводы считаются сомнительными или неправильными.

Задача изучения разнообразия языкового строя подразделяется на две взаимосвязанные части. Первая часть типологии - описание и инвентаризация этого разнообразия и создание классификаций языков. Это таксономическая часть типологии. Вторая часть типологии - объяснение природы разнообразия языкового строя и установление закономерностей, управляющих этим процессом. Это объяснительная часть типологии.

Поскольку сбором и учетом материала ведает таксономическая часть типологии, в ее задачу входит, с одной стороны, установление номенклатуры языков, а с другой - выбор единиц описания. Языки для типологического обследования выбираются по следующим критериям:

1) наличие в языке черт, делающих его не похожим на другие языки, или способность служить примером для объяснения языкового строя, характерного для ряда языков (например, фонологический моновокализм абазинского языка - явление уникальное, а совпадение границ слога и границ морфемы китайского языка - явление типичное, по нему определяется большая группа так называемых синитических языков);

2) достаточно хорошая известность языка, т.е. язык обладает надежными описаниями, и многие лица, особенно филологи, знают этот язык (так, из близких по строю сирийского и древнееврейского языков по этому критерию следует предпочесть древнееврейский);

3) представительность языка по его принадлежности к языковой семье (например, если даны языки датский, шведский и татарский и надо по условиям наблюдения выбрать два, то целесообразно опустить один из германских языков, но не татарский, так как представлены две языковые семьи: германская и тюркская, и татарский здесь - единственный представитель тюркской семьи). Число избранных для наблюдения языков объясняется условиями и задачами исследования и должно быть достаточным для выводов по индукции.

Большую помощь типологии при выборе языков для исследования оказывает так называемая **геолингвистика** - прикладная дисциплина, занимающаяся переписью языков и демографическим обследованием населения с точки зрения владения языками и уровня владения тем или иным языком.

Выбор единиц типологического описания связан с исчислением способов выражения языкового значения. Учитываются следующие способы выражения грамматического значения: порядок слов, служебные слова, агглютинация, внутренняя флексия, редупликация, смена места ударения в слове, этимологический тон, ритм и интонация во фразе; следующие члены предложения: подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство и вводные слова и соответствующие им сочетания слов; следующие классы звуков речи: гласные, согласные и полугласные; следующие типы лексических единиц: синонимы, омонимы, полисемы, архаизмы, неологизмы, историзмы, обычные слова, фразеологизмы, термины, изменяемые слова, аналитические формы, супплетивизм, антонимы, слова с разным значением, паронимы и др. Эти и многие другие номенклатурные единицы дают картину выражения языкового значения на разных ярусах и в разных аспектах рассмотрения строя языка.

При типологическом исследовании избранных языков устанавливается, в какой форме (или формах), в каких размерах, при каких условиях представлены в них номенклатурные типологические единицы. Так может быть осуществлено типологическое описание любого языка. В настоящее время составляются серии таких описаний (например, языки зарубежного Востока и Африки, языки народов СССР, языки Индии и др.).

Типологический анализ языков обобщается в виде типологических классификаций языков. Типологические классификации языков строятся на основании обобщения результатов анализа строя разных языков под определенным углом зрения. Поскольку слово - центр языковой системы, а грамматика - наиболее общая форма описания строя языка, то основной типологической классификацией языков является так называемая **морфологическая**. Эта

классификация была предложена при создании сравнительно-исторического и типологического языкознания.

Морфологическая классификация языков рассматривает выражение грамматических отношений слова и предложения. По этому принципу выделяются следующие классы языков: корнеизолирующие (отношения слова и предложения выражены порядком слов), флективные (отношения слова, словосочетания и предложения выражены изменением звучания отдельного слова), агглютинативные (свободно присоединяемые к слову и сочетанию слов аффиксы выражают отношения слов и словосочетаний внутри словосочетаний) и полисинтетические (агглютинативные аффиксы могут как бы дублировать члены предложения, обозначая схему предложения). Этим исчерпываются возможные способы выражения грамматических отношений слова и предложения.

Другой морфологической классификацией языков является классификация Э. Сепира (1884 - 1939). Она была создана после того, как, благодаря развитию сравнительно-исторических исследований, стала ясна роль морфемы в структуре языка. В основание классификации положена роль морфемы в слове. Все морфемы по отношению к строению слова делятся на корневые, деривационные и реляционные. Поскольку строй слова связан со строем предложения, появляется возможность дать классификацию языков и по типам выражения синтаксических отношений между словами в предложении.

Примеры общих классификаций языков показывают неслучайность их создания и связь с общим развитием языкознания. Общие классификации дополняются частными, которые относятся к отдельным ярусам языка. Так, принято подразделять языки на вокалические, консонантные и средние в зависимости от числа и информационного "веса" гласных и согласных фонем в системе языка. Такая классификация была предложена сначала в виде гипотезы Е.Д. Поливановым, затем (независимо от Поливанова) развита А.В. Исаченко. Важность этой классификации в том, что она объясняет явления анализа и синтеза в истории языка. Оказалось, что консонантизм, сокращение числа гласных фонем, связан с развитием синтетизма, а вокализм, появление дифтонгов, трифтонгов и сокращение числа согласных фонем связаны со становлением аналитизма в строе языка.

Частные типологические классификации языков строятся на основе единиц любого яруса. По характеру ударения различают языки тональные, с динамическим ударением, с квантитативным ударением, с нефонологическим ударением. По характеру фонетических процессов различают языки неаккомодирующие и аккомодирующие, ассимилирующие гласные и ассимилирующие любые звуки, прогрессивно-ассимилирующие и регрессивно-ассимилирующие. По фонетической структуре морфем различают языки, где морфемы обладают аллофонами с изменяющимся числом фонем, и языки с аллофонами, обладающими стабильным числом фонем, языки с морфологической незначимостью слога деления и языки с морфологической значимостью слога деления, языки двухсложные и односложные и т.д. Так же классифицируются языки на семантическом уровне, на синтаксическом уровне, на фразеологическом уровне и т.д. Классификаций языков по типологическим признакам насчитывается сейчас более двухсот.

Типологические классификации языков дополняются типологическими универсалиями. **Типологические универсалии** - это минимальные типологические классификации, построенные, однако, на связи типологических признаков, относящихся к разным ярусам языковой системы.

Так, по характеру расположения сказуемого выделяется группа языков, в которых сказуемое занимает всегда последнее место в предложении, и нет грамматически правильных предложений, где бы сказуемое стояло в начале или в середине предложения. Отклонение от этого правила возможно только в неполных предложениях и в особых коммуникативных условиях. Это все тюркские языки, значительная часть финно-угорских, японский язык, язык кечуа, почти все монгольские и дравидские языки и др. Если в подобных языках именные члены предложения могут меняться местами перед глаголом-сказуемым, то такие языки обязательно обладают категорией падежа. Это наблюдение сделал американский типолог Дж. Гринберг, который сформулировал его в виде закономерности - типологической универсалии: "Если в языке глагол

следует за именным субъектом и именным объектом и такой порядок слов является доминирующим, то язык почти всегда имеет падежную систему"*.

*(Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. С. 141.)

Как видно из примера, в типологических универсалиях устанавливаются закономерности строя языка, поэтому типологические универсалии - минимальные закономерности типологии. Типологические универсалии подобны фонетическим законам в сравнительно-историческом языкознании. Они связывают и различают языки. Будучи сформулированной в результате неполной индукции, каждая типологическая универсалия есть гипотеза, которая проверяется другими исследователями и утверждается как закономерность, наблюдаемая эмпирически.

Типологические универсалии - первый шаг от таксономической типологии к объяснительной, или теоретической, типологии. Целью типологической теории является объяснение развития и совершенствования языка с точки зрения организации материала речи, прежде всего превращения акустического материала в членораздельные звуки речи.

Основателем типологии является В. Гумбольдт. В работе "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества" (1836 - 1839) он так объясняет характер языковых типов:

1. Место обитания и культурные отношения народов.

2. Культура как закономерное накопление достижений мысли и чувства (духа). В культуре отражается поступательное движение человечества.

3. Цивилизация, культура и образование - продукты духовного развития. Духовная сила движет это развитие.

4. Языки, являясь результатами взаимодействия между индивидами, принадлежащими определенному народу, и этими народами, - творения духа. Они поэтому средства формирования "духа народа".

5. Средством формирования "духа народа" является форма языка. Форма языка - это характер его динамики.

6. Языки начинают как изобретения духа, затем, благодаря форме, сами воздействуют на дух. Каждый язык формирует поэтому "дух народа" особым образом.

7. Основой формы являются звуки языка. Звуки становятся членораздельными благодаря тому, что они комбинируются и распределяются относительно друг друга при выражении понятий (путем создания предложений, слов, морфем).

8. Внутренней формой языка называется типичная форма комбинирования и распределения звуков для выражения понятий путем создания предложений, слов и морфем, характерная только для данного языка.

9. Изоляция, флексия, агглютинация - основные типы внутренней формы.

10. Все эти типы внутренней формы-формы включения слов в предложения. Эти формы обусловлены такими явлениями, как пауза, варьирование звуковой формы слова, ударение, деление предложения по правилам грамматики, которые должны быть формально отмечены.

11. Ни один из языков не представляет своего типа внутренней формы полностью, но каждый язык имеет свое развитие - правильное или неправильное с точки зрения последовательности развертывания основных принципов своего строя.

12. Поэзия и проза - основные формы речи. Они являются источником динамики языка.

13. Языки могут происходить друг из друга путем обособления тенденций развития поэзии и прозы, которые приводят к образованию внутренней формы.

14. Признаки отдельности высказывания: глагол, союз, относительное местоимение. Через отдельное высказывание характер развития поэзии и прозы влияет на внутреннюю форму и вызывает изменения в системе языка. (Далее следуют примеры из индоевропейских и неиндоевропейских языков, иллюстрирующие высказанные положения.)

Дальнейшее развитие языкознания показало относительную независимость типа языка от географических условий (хотя это положение и не было полностью опровергнуто). Расширилось само понятие культуры, уточнено понятие материальной и физической культуры. Было показано,

что сводить национальную культуру к формам языка неправильно, как неправильно и переоценивать значение форм языка для формирования национальных особенностей культуры. Некоторая мистификация "духа народа", предпринятая Гумбольдтом, была объяснена так называемой концепцией языковой нации, согласно которой единственным средством, формирующим нацию, является язык. Эта концепция получила поддержку в Германии (в противовес концепции юридической нации). В.И. Ленин дал понятие нации как совокупности черт общности территории, экономики, языка и всех семиотических средств, составляющих духовную культуру*.

*(См.: Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25.)

В дальнейшем типологическая теория строилась прежде всего на том, что типология, объясняя природу необходимости множества языковых семей, сближает языковедческую теорию с проблемой происхождения языка, позволяет ставить вопрос о месте и времени его происхождения, единственности или множественности источников происхождения, а также о первоначальных формах языка и мысли. Язык и мысль при этом понимаются как развивающиеся системы.

Существует несколько теорий, изучающих именно эту сторону типологии. И.И. Мещанинов (1883 -1967) попытался произвести реконструкцию становления грамматических категорий в связи с первоначальной категориализацией понятий, как она отразилась в грамматических значениях. При этом Мещанинов фактически пользовался методом внутренней реконструкции.

Фактически более верифицируемой частью типологической теории является исследование динамики существующих языков. При этом используется в детализированном и уточненном виде весь аппарат понятий, выработанных Гумбольдтом (см. выше п. 7 -14 изложения его теории). Так, для объяснения типологической структуры языка применяется понятие членораздельности и способа членораздельности (в способ членораздельности - уточненный аналог понятия "внутренняя форма языка" - не включается особая деятельность духа). Развитие внутренней формы языка рассматривается как правильное выведение сложных форм языка из элементарных, при этом вырабатывается понятие семиотической и грамматической правильности (типология слов).

Источником развития системы языка признаются тексты. Здесь современная типология языков как бы передает слово общей филологии и частной риторике в их русской традиции, происходит объединение наук о речи с науками о языке. Современная типология предполагает, что в основе дивергенции языков лежат особенности речевой деятельности и ее стиля. Влияние текста на систему не ограничивается формами предложения, но относится и к ритму речи, и к особенностям фонации слов, и к формам словообразования, и к культурным контактам между языками.

Если типология языков говорит о дописьменных языках, то типологией и историей письменных и литературных языков занимается история языкознания.

История языкознания и систематизация фундаментальных дисциплин

История языкознания в своем прямом значении есть история науки о языке. Поэтому может показаться, что она имеет такое же значение, как история математики, история права, история биологии, т.е. ее цель состоит почти исключительно в том, чтобы на основании данных библиографии, биографий ученых и их текстов вести описание развития научных идей.

Выводы истории науки обычно принадлежат философии и истории культуры и используются как материал для дальнейших научных обобщений в области гносеологии и истории. В силу этих причин представители естественных наук, занимаясь историей своей науки, не усматривают закономерностей развития знания. Нередко поэтому приходится слышать неверные мнения, будто бы для становления нового знания, например квантовой теории, ученому необходимо отречься и забыть (а лучше и не изучать) старое, скажем классическую механику. Такие суждения особенно распространились в 60-е годы нашего века. Они были стимулированы

некоторыми академическими порядками, прежде всего в США, и фактически представляют собой попытку привлечь студентов к курсу профессора соблазном начать новую науку. 242

Так было, в частности, и у нас в связи с пропагандой структурализма. Говорили, что структурную лингвистику строят как бы заново, что это перспективная область, так как связана с использованием языкознания в области информационных процессов. В самом деле, принципы структурной лингвистики были хорошо разработаны в русском и советском языкознании как формальная лингвистика и литературоведение формальной школы и являются продуктом развития сравнительно-исторического языкознания школой Ф.Ф. Фортунатова, имели международное признание в связи с учением Ф. де Соссюра и его последователей в Западной Европе и Л. Блумфилда и его последователей в США. Реально любое новое в науке **всегда логически вытекает из старого**. Последовательно развитые принципы дают новые методы, приемы и выводы.

История языкознания, являясь историей науки и играя такую же роль, как и история любой другой науки, обладает, однако, **прямым воздействием на развитие и совершенствование языка**. Воздействие истории языкознания на общественно-языковую практику объясняется тем, что язык является единственным видом семиотической деятельности, которая сама назначает свои знаки и обсуждает их. О языке можно говорить на языке (но, например, о живописи нельзя говорить с помощью самой живописи).

В силу этого история языкознания служит выработке правильности самих языковых правил. Языковые правила, будучи удачно сформулированными на языке, входят в общественно-языковую практику, которая на них основывается. Отмена правил означает разрушение общественно-языковой практики, а замена правил - забвение старой и создание новой общественно-языковой практики. В силу этого в языке действует закон неотменяемости ранее выработанных правил. Отсюда при усложнении системы правил необходима их историческая и систематическая кодификация.

История языкознания начинается с середины XIX в. созданием истории грамматики национальных языков. История грамматики может быть написана как история грамматических систем* или как история грамматических правил. История грамматических правил может быть представлена в так называемой грамматике грамматик, в которой каждое правило описано как состав формулировок этого правила в прежде бывших грамматиках. Эти методы кодификации грамматической правильности сохраняются и сейчас. Так, в книге В.В. Виноградова "Русский язык. (Грамматическое учение о слове)" в каждой главе представлен свод формулировок грамматических правил. Одновременно в книге "Из истории изучения русского синтаксиса" он дает картину развития грамматических систем.

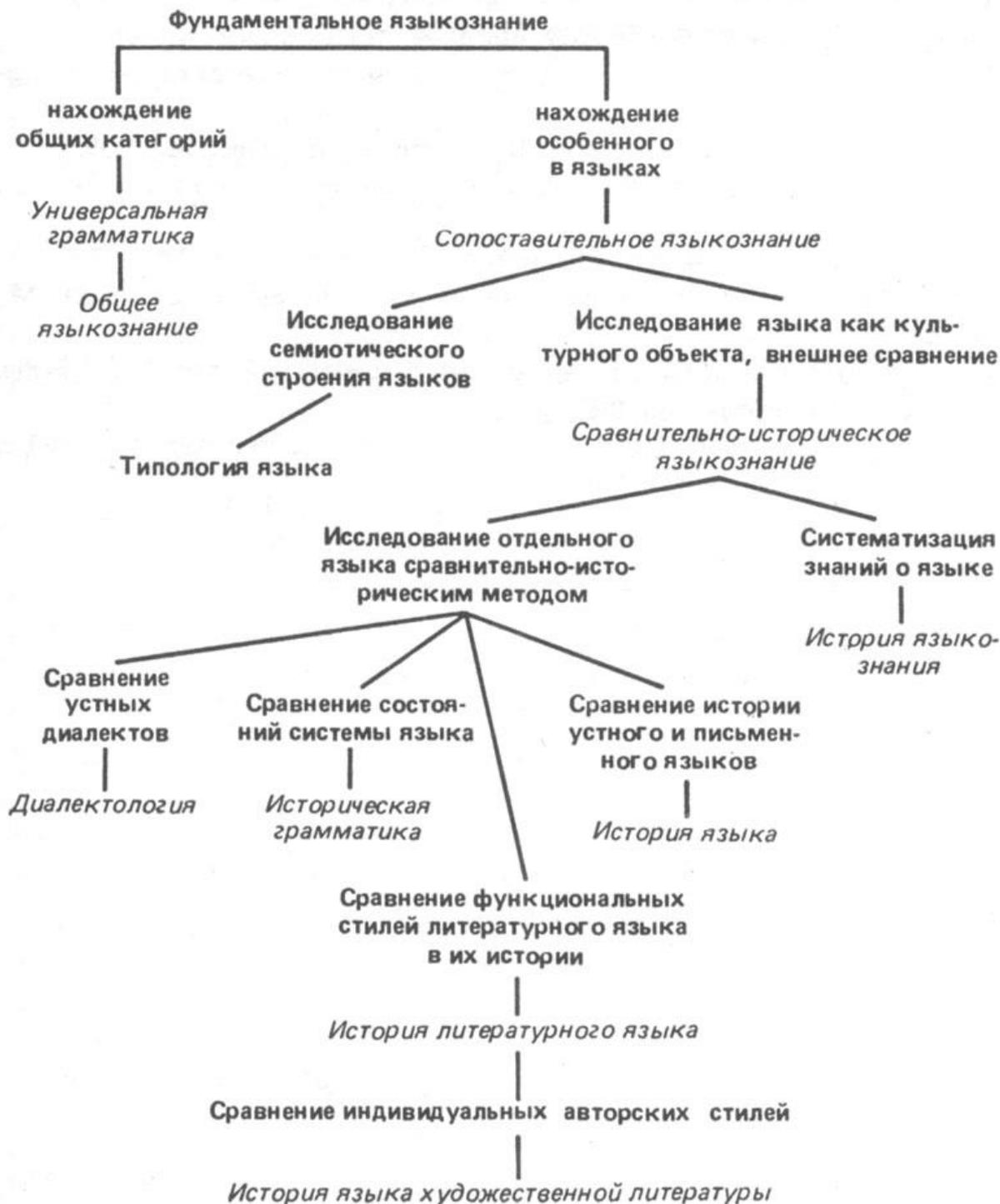
*(См.: Половцов В.А. Краткая летопись грамматической деятельности в России. Спб., 1847.)

С начала XX в. начинается создание истории сравнительно-исторического и отчасти типологического языкознания. Сначала эта история предпосылается как история вопроса к курсам и монографиям по общему и сравнительному языкознанию. Затем историческая тематика выделяется в самостоятельный предмет исследований. Основным тезисом этой тематик является обоснование сравнительно-исторического языкознания как единственно верного учения о языке и третирование всех других дисциплин как ненаучных.

В середине XX в. история языкознания, в связи с новыми задачами в области языковой дидактики, информационного обслуживания и языковой семиотики, начинает заниматься систематизацией языковедческих наук, терминологий, оценивать роль языкознания, разных его теорий и методов для общественно-языковой практики. Развивается теория методов языкознания, которая становится одной из частей языкознания. Методы языкознания верифицируются и систематизируются исторически.

Вместе с формированием теории методов языкознания начинается полная систематизация истории языкознания, периодизация истории языкознания от античности до наших дней и т.д. Так история языкознания начинает играть роль теории тезауруса и в этом качестве входит в

систему информационного обслуживания. В целом систему фундаментальных языковых дисциплин можно представить так, как показано на схеме:

Фундаментальное языкознание

Рекомендуемая литература

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
2. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.

3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. 3-е изд. М., 1982.
4. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). 3-е изд. М., 1986.
5. Головин Б.Н., Березин Ф.М. Общее языкознание. М., 1979.
6. Ефимов А.И. История русского литературного языка. 2-е изд. М., 1967.
7. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
8. Солнцев В.М. Язык как структурно-системные образования. М., 1977.
9. Трубецкой Я.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Избр. труды по филологии. М., 1987.
10. Щербак А.М. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках // Вопр. языкознания. 1957. № 1.

Лекция 8. ДИНАМИКА ЯЗЫКА

Роды динамики языка

Методы языкознания представляют нам постоянство принципов динамики языка. Синхроническое описание языка не может дать понятия о языковой динамике, так как целью его является научить создавать правильный текст на основе систематизированных правил. При этом нельзя непосредственно увидеть, как складывалась, развивалась и совершенствовалась система языка. Правда, орфографические и другие правила время от времени меняются, но при этом можно говорить лишь об укреплении существующей системы языка.

Для того, чтобы увидеть динамику языка, необходимо сравнительное описание. Рассматривая различия языковых систем, можно уяснить отношение разных методов сравнительного языкознания к показу динамики языка и увидеть слагаемые этой динамики. Как показывают сравнительные методы языкознания, первым условием существования языка является его непрерывное изменение [6]. Это изменение представлено как сложный, многоаспектный процесс. Он, по-видимому, лишь частично определяется методами языкознания. Ряд явлений динамики языка остается необследованным. Недостаточно понятны еще причины изменения языка. Можно, пожалуй, сказать, что языкознанию легче частично ответить на вопрос о том, как осуществляются изменения языка, чем на вопрос, почему они осуществляются [7].

Динамика языка может быть расчленена на три процесса: эволюцию языка, развитие языка и совершенствование языка. **Эволюцией** (или **изменением**) языка можно назвать род процессов, когда единицы языка изменяют свое фонетическое (графическое) и смысловое качество, но при этом не происходит увеличения числа единиц и качественного усложнения их отношений.

Развитием языка можно назвать такой род динамических процессов, когда происходит увеличение числа единиц языка и качественное усложнение их отношений,

Совершенствованием языка можно назвать такие динамические процессы, которые, воплощаясь в изменении и развитии языка, возникают вследствие сознательного (а не стихийного) воздействия человека на язык. Все три процесса происходят одновременно и различаются только теоретически. В ряде случаев можно отметить и сознательное намерение и неосознанный процесс использования языка. Эта тенденция ведет к усложнению языка.

В других случаях сознательное и стихийное воздействие человека на язык направлено на систематизацию и упрощение его форм, на упрощение его фонетического и морфологического строя, синтаксических конструкций. Наконец, степень осознанности речевых действий различна, как и степень изученности целенаправленного воздействия человека на систему языка. Эта тенденция ведет к упрощению языка. Покажем эти соотношения схематически:

Род динамики языка	Стихийность процессов, отсутствие сознательного воздействия на язык	Тенденция к упрощению системы языка	Тенденция к усложнению системы языка
Развитие языка	+	-	+
Эволюция языка	+	+	-
Совершенствование языка	-	+	+

Развитие, эволюция и совершенствование языка проявляют себя по-разному на разных ярусах языка. Роды динамики проявляют себя также по-разному в зависимости от времени существования языка и конкретного характера задач, выполняемых языком в обществе.

Проблема причинности динамики языка

Стихийность процессов динамики языка проявляется в том, что эти процессы находятся вне наблюдений и контроля отдельных людей и всего общества. Это не значит, что стихийные процессы динамики языка в этом смысле похожи на законы природы. Всякий стихийный процесс динамики языка, например фонетический закон, проявляется через языковую деятельность людей, через акты речи. Акт речи - всегда сознательная и целенаправленная деятельность во всех своих частях. Стихийность процесса заключается в том, что какое-либо лицо, осуществляя акт речи и используя те или иные звуки, может вполне сознательно изменить, например, место ударения в слове. Однако это изменение сделано данным лицом лишь в данном речевом акте и в данном слове. Но место ударения изменено, однако, без намерения изменить систему произношения, а тем более положить начало фонетическому закону. Если лицо, изменившее ударение, авторитетно, то ему могут начать подражать. Такое ударение станет образцом. Так может сложиться другой фонетический облик данного слова. Изменение места ударения, как показывает история многих языков, может стать основанием многих фонетических изменений и породить ряд новых фонетических законов.

Стихийность процесса в данном случае означает, что действия, предпринимаемые говорящими, имели иную цель (или иные цели) в сравнении с последствиями для жизни языка. Таковы, по сути дела, все стихийные социальные процессы. Человек, как правило, не знает до конца всех последствий предпринимаемых им поступков. В результате поступков человека формируется ситуация, не предвиденная при их замысле*. Можно думать, что стихийные процессы в языке есть следствие сознательных действий, предпринимаемых без предвидения их последствий для системы языка.

*(Широко известен пример Ф.Энгельса об исчезновении лесов на территории Греции. Разведение коз как выгодных сельскохозяйственных животных и их выпас в лесах привели к непредвиденным экологическим последствиям. Козы уничтожали молодые побеги деревьев, в результате прекратилась сменяемость леса. Большинство так называемых экологических кризисов имеет такую же природу.)

Многие филологи, и среди них А.А. Шахматов, предполагают, что источником фонетических изменений является стиль [9]. Это суждение, по-видимому, во многом справедливо. Так, процессы редукции конца слова в русском языке можно объяснить неполным и ускоренным стилем произношения. Видимо, неполный и ускоренный стиль произношения вызван стилистическими причинами, в частности желанием подчеркнуть в стиле речи некоторую убыстренность мыслей и поступков. Соответственно можно попытаться объяснить явление полногласия противоположной стилиевой тенденцией - склонностью к полной выраженности напевности как особой стилиевой тенденцией построения речи. В обоих случаях окажется, что в намерения авторов речи не входило создание фонетических законов, законы редукции и полногласия в русском языке сформировались стихийно.

Исследование тех речевых действий, вследствие которых вырабатываются фонетические законы, трудно произвести потому, что акты речи, корреспондирующие со временем действия большинства фонетических законов, не сохранились: это были устные высказывания. Суждения Шахматова о стиле как причине стихийных процессов были следствием его наблюдений над диалектами русского языка. Но эти диалекты уже соотносились с русским литературным языком, в изменениях которого участвуют иные факторы. Может быть, поэтому Шахматов называл литературный язык (его устную форму) мертвым, т.е. неизменяющимся.

Что касается стиля как первопричины, дающей толчок стихийным последствиям жизни системы языка, то стиль - явление чисто историческое. Стиль невоспроизводим. Всякому времени присущ свой стиль. Это обстоятельство может объяснить и то, что фонетические законы

в принципе невоспроизводимы и отмечают каждый свой этап истории языка. Можно думать, что, помимо стиля, источником стихийной динамики языка являются и другие факторы: например, расширение семантики языка, разработка одних областей лексики за счет других и, следовательно, возникновение новых позиций реализации тех или иных фонем, влияние смежных языков и появление ареальных черт в языках путем заимствования слов и даже норм произношения, изменения в составе фольклорных текстов и др.

Стихийность и сознательность в динамике языка

Стихийные процессы - неотъемлемое качество языка как социальной системы. Стихийные процессы, наступающие как непредвиденное последствие сознательного введения каких-то новых факторов, противопоставляются процессам сознательного совершенствования системы языка. Сознательное совершенствование системы языка состоит в том, чтобы предвидеть последствия действий человека для системы языка в целом. К сознательным действиям относят: 1) словотворчество с целью изменить состав лексики; 2) упорядочение текстов и контроль за их созданием и получением; 3) упорядочение самой системы языка путем нормирования (например, канцелярские нормы и правила, законы об авторстве, цензура и т.п.).

Первый род действий - словотворчество с целью изменить систему языка - почти не отличим от стихийного создания слов. В обоих случаях создаются новые слова, что, по-видимому, небезразлично для системы языка, в том числе и фонетической и морфологической ее частей. Но процессы создания слов могут предприниматься с разной степенью осознанности их последствий. Обычно слова образуют с целью точнее выразить данную мысль. Однако в практике многих художников слова, в том числе, может быть, и авторов некоторых фольклорных текстов, помимо необходимости точно выразить мысль, присутствует идея необходимости украсить и усовершенствовать язык. Это может пониматься не только как создание совершенного слова, пополняющего лексический запас, но и как формирование образа языка, отраженного в данном слове. Писатель при создании слов преследует нередко цель - дать образец благозвучия, образной силы внутренней формы слова, образец синтаксической конструкции использования слов в речи, образец звуковой символики и т.п. Авторы и переводчики научной литературы редко имеют целью совершенствование языка, но многие классики науки, создавая научную терминологию, стремятся систематизировать научный стиль изложения. В отличие от художников слова их усилия направляются не на всю систему языка, а на подсистему научного языка.

Так же часто поступают и юристы, заботящиеся о создании юридической терминологии и юридического стиля как целого.

Упорядочение текстов и контроль за их созданием, распространением и получением есть косвенное воздействие на систему языка. Оно регулирует частные проявления системы языка. Образцом такого рода деятельности является установление системы документооборота. Система документооборота организуется прежде всего с точки зрения правил создания и движения документов, т.е. путем выработки канцелярских правил обработки документов и установления типов и жанров документов и разработки формуляров документов как образцов текстов.

При создании системы правил обработки документов, разумеется, не предполагается изменить систему языка. Но установление образцов типов и жанров документов, как показывает история языка, всегда сильно влияет на систему языка, так как вместе со стандартизацией формуляра документов стандартизируются состав словаря, синтаксис документальной речи и орфография документов. Это приводит к тому, что язык письменности, особенно деловой, упорядочивается и оказывает влияние на язык литературы и на осознание обиходной правильности речи лицами, владеющими литературным языком.

Упорядочение системы языка производится специалистами-филологами, и прежде всего школой как инструментом распространения знаний и массового осознания языка как системы.

Филология, рассматривая историю стихийных процессов динамики языка, описывает систему языка как целое. На этой основе определяются возможные тенденции развития языка.

Выбор тенденций производится сознательно. При этом учитываются (далеко не всегда в полной мере) выгоды и невыгоды предпочитаемой тенденции развития языка. Вслед за этим избирается определенная языковая политика, т.е. происходит выбор определенной тенденции развития языка и активное содействие ей предписывается школе, канцелярии, книгоизданию, органам массовой информации. Например, осетины обладают сейчас двумя письменными нормами речи, двумя письменными диалектами - иронским и дигорским. Эти диалекты лишь частично взаимонепонятны. Языковая политика в Северной Осетии отдает предпочтение иронскому диалекту. Этот выбор предпринимается с целью создать более тесное языковое единство осетин. Таким образом, позиции дигорского диалекта в сфере письменной речи ослабляются.

Языковая политика исходит из понимания задач языка и общества, пользующегося этим языком. Она устанавливается применительно к данному языку и данному моменту времени. Избрание определенной языковой политики, с одной стороны, конкретизирует задачи филологии, ориентируя ее в тематике исследований, а с другой - ставит определенные задачи перед педагогикой. Педагогика, со своей стороны, направляет преподавание языка, уточняет цели, задачи и объем предмета и характер преподавания, а также способы использования филологических разработок.

Соотношение стихийных и сознательных процессов динамики языка на всяком этапе истории языка и истории говорящего на нем народа различны. При до-письменном состоянии языка совершенствование языка, по сути дела, мало возможно. Оно существует лишь как фольклорные правила риторики и речевого этикета, выбор слов в процессах табуирования и отчасти как влияние народной музыки и фольклора на устный язык. Здесь, по-видимому, пока нет осознания системы языка как целого.

Появление письменности и развитие литературы дает возможность обозреть состав языковых единиц и письменных текстов. Письменная речь позволяет принять нормы литературного произношения и способствует оформлению устной формы литературного языка. Становление филологии и введение языковой политики позволяют в определенных пределах перейти к управлению процессами динамики языка. Однако это управление, несмотря на то что эффективность его растет с распространением просвещения и с совершенствованием технических средств создания и передачи текстов (например, с изобретением технических средств массовой информации), все же не является абсолютным. Всегда остается, а в некоторых отношениях расширяется возможность существования стихийных процессов динамики языка (например, в области создания некоторых функциональных подсистем языка, фразеологии и др.). Соотношение стихийных процессов динамики языка и процессов сознательного воздействия на язык есть одна из основных черт динамики языка, которая исторически изменчива, но присутствует постоянно.

Процессы развития языка

Динамический процесс развития языка имеет свои закономерности для дописьменной и письменной стадий развития языка. Как показывает сравнительно-исторический метод, любая языковая семья восходит в своем развитии к некоему праязыку (языку-основе), из которого развиваются остальные языки. Это развитие имеет ступенчатый характер. Язык-основа делится на диалекты, которые дают начало новым языкам. Новые языки представляют собой языки-основы для групп и подгрупп языков, составляющих языковую семью. Происходит как бы размножение языков.

Например, из общеиндоевропейского языка выделяется диалект - родоначальник языка-основы для индоиранской ветви индоевропейских языков. Этот индоиранский язык-основа делится на языки-основы индийской и иранской групп языков. Такое "размножение" языков напоминает рост клеток в организме, что дало основание А. Шлейхеру уподобить язык биологическому организму. Развитие дописьменных языков происходит, таким образом, путем умножения систем дописьменных языков и, отчасти, поглощения языками-суперстратами языков-субстратов в процессе культурного влияния.

Сравнительно-историческое языкознание показывает, что масштабы этого умножения могут быть разными. Одни языковые семьи (индоевропейская, семито-хамитская, тюркская) включают много языков, тогда как другие (чукотско-камчатская, койнсанская, тунгусо-маньчжурская) включают мало языков. Степень расхождения между языками тоже может быть различной. Например, различная степень расхождения тюркских и финно-угорских языков указывает на то, что процессы диалектного дробления и дивергенции шли с разной степенью интенсивности.

Отмечены и отдельные языки, составляющие сами по себе языковую семью. К таким языкам нередко относят японский язык (правда, вместе с айнским языком). В соответствии с идеей сравнительно-исторического метода такой отдельный язык является единственным представителем языковой семьи.

В дописьменном состоянии язык развивается неравномерно и отмечаются в основном процессы дивергенции и обособления. По данным сравнительно-исторического метода, в письменном языке происходит как бы остановка языковой дивергенции (а следовательно, и "размножения" путем дробления на диалекты устных языков). Сравнительно-исторический метод, примененный к рассмотрению соотношений устного и письменного языков, показывает, что образование и распространение письменного языка вместе с созданием литературы задерживает развитие диалектов и даже влечет за собой их исчезновение при всеобщем распространении высокого уровня грамотности. Процесс "забвения" диалектов идет разными темпами. Если в Англии или Франции эти темпы достаточно высокие, то в странах немецкого языка процесс "забвения" идет медленнее. Энергично идет этот процесс сейчас в русском языке.

Вместе с тем литературный язык наряду с сокращением диалектных различий образует свой тип "размножения" систем языков. В плане устной речи формируется различие между устной формой литературного языка, просторечием и диалектной речью (всеми диалектами). Система устно-письменного языка, в свою очередь, претерпевает изменения. В ней складываются подсистемы книжно-литературной речи, деловой речи, с течением времени развиваются подсистемы языка художественной литературы и языка массовой информации. От книжно-литературной речи отделяются так называемые письменные формальные и формализованные языки, не имеющие, по сути дела, полных устных прототипов. Это значит, что система литературного языка также развивается путем дивергенции и в этом смысле подобна системе дописьменной речи.

Наряду с дивергенцией литературного языка, приводящей к разделению его на подсистемы и, следовательно, к усложнению, заставляющему считать этот процесс развитием языка, существует процесс увеличения числа литературных языков. Этот процесс идет стремительно в масштабах исторического времени. После создания письменности в древнем Шумере процесс образования новых письменных языков интенсифицировался, и если 3000 лет до н.э. создание письменности для нового языка было редким явлением, то в XX в. почти каждый сколько-нибудь заметный устный язык обрел письмо. Это значит, что число систем языков, обладающих письменностью, сближается с числом устных языков, а в каждом вновь созданном литературном языке идет процесс развития подсистем.

Формирование литературного языка включает не только "умножение" систем, но и их усложнение. В литературном языке присутствуют одновременно два материала речи: письменный и устный. Между ними наблюдается соотношение. Звучащим словам соответствуют определенные орфограммы. При этом между отдельными звуками слова и частями орфограмм устанавливаются свои соответствия. Эти соответствия систематизируются, с одной стороны, назначением алфавита, а с другой - правилами орфографии, позволяющими формировать орфограмму слова так, что она определенным образом (в каждом языке своим, особым) указывает на произношение слова.

Вместе со всем этим развитие литературного языка связано с ростом общего словаря. Если в дописьменном языке единственным хранилищем слов является память людей, то в письменном языке у общества создается специализированная память в виде текстов. Люди, пользующиеся литературным языком, уже не обязаны знать весь или почти весь его словарь. Новые слова, закрепленные в письменных текстах, находятся благодаря средствам письменной фиксации в

механической памяти общества. Это позволяет словарю вырасти до нескольких сот тысяч слов, что, однако, не отражается на единстве языка. Рост словаря связан и с его разделением на диалектную и просторечную лексику и фразеологию, лексику и фразеологию общей литературной речи, специальную лексику и фразеологию, в частности терминологию. Появляются дополнительные системы организации лексики в виде отраслевых словарей.

Процесс динамики языка, который может быть охарактеризован как развитие языка, сводится, таким образом, к следующим основным формам: 1) дивергенция, идущая от диалектов языка-основы, и образование новых языков, а также создание новых литературных языков; 2) усложнение, связанное с сосуществованием звуковой и орфографической форм слов, и вытекающее отсюда усложнение системы языка, 3) разделение литературного языка на подсистемы функционального характера, включая и развитие формальных и формализованных языков; 4) рост словаря и его функциональная и стилистическая систематизация.

Эти формы развития языка сочетаются между собой, при этом развитие одних форм может стимулировать или тормозить развитие других. Так, рост словаря во всех случаях, по-видимому, вызывает развитие систем языков. В дописьменной речи он, как можно полагать, существенно ускоряет дивергенцию систем. В письменной речи рост словаря также имеет одним из следствий создание новых письменных языков, но это происходит не столь определенно. Рост словаря в письменной речи более сочетается с делением единого языка на подсистемы, чему способствует усложнение структуры языка, наблюдающееся в устно-письменном языке, и делением самого словаря на функционально-стилистические группы.

Процессы эволюции языка

Эволюция языка, т.е. изменение без заметного количественного роста и качественного усложнения, более всего видна при применении к языковым фактам метода типологии. С точки зрения типологии языков одна система языка, независимо от степени развитости и сложности языка, всегда количественно и качественно соотносима с другой. При типологическом сравнении родственных языков, даже в том случае, когда известно, что один язык произошел от другого (например, при сравнении латинского и итальянского языков), системы обоих языков рассматриваются как однородные (или относительно однородные) по числу элементов и степени сложности отношений между ними. Если в типологическом сравнении участвуют культурно-продвинутое языки (такие, как английский) и бесписьменные языки, обслуживающие примитивную культуру (такие, как языки австралийских аборигенов, оранда), все равно системы их рассматриваются как равноправные (с точки зрения их сложности).

В силу этого в типологии сравниваются либо устные языки (бесписьменные и письменные), и типолог абстрагируется от "осложнения" устного материала речи письменным, либо только графическая организация литературных языков. Типология абстрагируется также от проблем роста словаря, его дифференциации, тем самым фактически воспринимая словарь разных языков как качественно и количественно однородный.

В связи с этим типология сосредоточивает свое внимание на процессах эволюции **языка**. Процессы эволюции языка занимают и сравнительно-историческое языкознание, но лишь в том случае, когда оно прослеживает эволюцию системы языка или соответствие системы одного дописьменного языка системе родственного дописьменного языка (например, при рассмотрении фонетических и морфологических соответствий и фонетических законов). В обоих случаях в поле зрения попадают такие части системы языка, которые действительно эволюционируют. К ним относятся: 1) звуковой состав языка; 2) состав морфем (корней и аффиксов); 3) состав служебных элементов: служебных слов и аффиксов; 4) синтаксические конструкции. Эти части языка называются многими **строем языка**. Строй языка обеспечивает, с одной стороны, процессы образования и существования слов, а с другой - формирование предложений и текстов.

Строй языка как эволюционирующая и изучаемая типологией и частично сравнительно-историческим языкознанием часть языка противопоставляется лексике языка как той

развивающейся области, которая исследуется сравнительно-историческим и сопоставительным языкознанием.

С различием языкового строя и словарного состава языка связано узкое и широкое определение языка. Одни авторы (например, Л. Блумфилд) считают целесообразным определять язык лишь как языковой строй, другие же (например, В.В. Виноградов) - как языковой строй и словарный состав вместе. Будем пользоваться понятием "языковой строй", определяя его как эволюционирующую, но не развивающуюся часть языка.

Количество единиц языка всегда ограничено. В языках бывает от 16 до 80 звукотипов, от 3000 до 5000 морфем, от 150 до 500 служебных слов и морфем, от нескольких десятков до нескольких сотен словообразовательных моделей и соотносимое с ними число синтаксических конструкций. Количественные пределы, характерные для каждого яруса языка, используются языками по-разному. Однако ни один язык не выходит за эти пределы без утраты своего качества как языка. Поэтому эволюция языков происходит в количественных пределах элементов языкового строя на каждом из ярусов, что позволяет говорить об эволюции строя языка.

Характерной чертой языкового строя является непрерывность эволюции [8]. Это не означает одинаковости темпов его изменения в разных языках. Сравнительно-историческое языкознание отмечает, что одни дописьменные языки изменяли свой строй быстрее других, даже в том случае, когда эти языки имели общий язык-основу. Например, строй исландского языка изменялся существенно медленнее строя английского языка. Общим правилом эволюции языкового строя является то, что со становлением письменных языков эволюция языкового строя весьма существенно замедляется, но, разумеется, не останавливается.

С типологической точки зрения эволюция языкового строя выглядит как изменение соотношения между единицами разных ярусов. Так, процесс анализации языков типология описывает как увеличение числа грамматических конструкций, где связь между словами не выражается аффиксами, как увеличение числа служебных слов, компенсирующих уменьшение числа аффиксов, или увеличение объема слово- и основосложения при сокращении объема аффиксального словообразования.

Сопоставление языкового строя разносистемных языков показывает, что в языках с неодносложной нормой фонетического построения морфем обычно меньше фонем, чем в языках с односложной нормой построения морфем (ср. малайско-полинезийские и синитические языки, а также семитские и кавказские языки). В языках, где морфема выражается чаще всего открытым слогом, обычно больше согласных, чем в языках, где морфема выражается закрытым слогом, где гласных обычно больше, и т.д. Это значит, что с точки зрения типологии эволюционные изменения языкового строя происходят как сохранение какого-то относительно стабильного числа материальных средств смысловоразличения. При уменьшении таких средств на одном ярусе и определенной природы (например, синтетизм) происходит увеличение средств на другом ярусе и другой природы (например, анализизм). Это "перемещение" смысловоразличительных признаков речи позволяет выразить бесконечное количество значений.

Сравнительно-историческое языкознание изучает эволюцию языкового строя конкретных языков. При этом обнаруживается механизм смысловоразличительных средств языкового строя. Первой фазой этого движения обычно признают становление фонетического закона. Фонетический закон, как правило, формируется под действием антропофонических факторов, ведущих к образованию вариантов фонем. Ведущим фактором является удобство произношения звуков речи. Под влиянием условий произнесения звуки речи в некоторых позициях изменяют свое качество и как бы усредняются в произношении так, что различаются нечетко. Например, обычно глухие согласные в положении между гласными озвончаются. Это значит, что в интервокальном положении утрачивается смысловоразличительное противопоставление фонем по глухости-звонкости. Этот процесс, однако, отмечается не всегда и не во всех языках. Последнее связано, по-видимому с тем, что тенденции к интеграции различительных признаков противопоставлена тенденция звукового различения омонимов, что ограничивает интенсивность процесса, а иногда, как, например, во многих семитских языках, не дает ему проявиться.

Согласные, находящиеся не в интервокальном положении, напротив, сохраняют противопоставление по глухости-звонкости, и на этот признак падает большая смысловая нагрузка. Значит, отмена смыслоразличительного признака в одном месте фонетической системы приводит к укреплению значимости того же или иного близкого признака в другом месте системы. Это видно из того, что фонетические законы, как правило, не действуют изолированно: почти всегда одновременно реализуется два или более фонетических закона. Так, утрата глухости в интервокальном положении означает, что согласные стали произноситься с большей определенностью. Разные по качеству звонкие согласные, произносимые в интервокальном положении, с большей определенностью включают в действие механизм аккомодации. В данном случае обычно меняется качество гласных (предконсонантных и постконсонантных), в них образуются новые тембровые различия, закрепляющиеся как смыслоразличительные признаки.

Так, в результате действия одного и того же принципа влияния условий произношения рождается не только энтропия, но и негэнтропия, т.е. удобство произношения снимает одни смыслоразличительные признаки, но тут же рождает другие. В.К.Журавлев на материале славянских языков прекрасно показал, как происходит "игра" энтропии и негэнтропии при перемещении и замене одних дифференциальных признаков фонем другими внутри слога [5].

Действие фонетических законов никогда не бывает безразличным для морфологии языка, так как происходит внутри морфем и на их границах. Наоборот, изменение звукового состава морфем приводит к звуковой дифференциации вариантов морфем. Создание омонимичных морфем сближает значения этих морфем, приводя к контаминации значений, а появление различных по звучанию вариантов морфем ведет к полисемии морфем, к созданию разных морфем на базе разных по звучанию морфемных вариантов [1].

Если позиционные варианты морфем фонетически выстраиваются в ряды родственных по характеру изменения вариантов, то может сложиться внутренняя флексия, т.е. тип звукового изменения вариантов может стать основой для выражения грамматического и словообразовательного значений [1].

Особенно большую роль для языкового строя играет действие фонетических законов на границах морфем. В результате перемен в звучании звуки одной морфемы могут отойти к другой под влиянием принципа аналогии. Здесь наблюдается **переразложение** морфемного состава слова. Этому процессу противопоставлен процесс **опрошения**, когда различные морфемы соединяются в одну морфемную синтагму, которая потом становится отдельной морфемой [1].

Изменение состава морфем, происходящее вследствие действия фонетических законов и аналогии, в свою очередь, влияет на последовательность и сочетаемость морфем в процессах словообразования и на выражение синтаксических отношений между словами в предложении. Например, редукция окончаний нередко порождает новые типы синтаксических конструкций.

Принцип аналогии касается не только построения форм предложения и состава слова, но и даже реализации звуков в составе слова. Аналогия проявляет себя главным образом в членимости отрезков звучания на определенные последовательности звуков и отдельные звуки и, как следствие этого, в идентификации выделенных отрезков звучания на основании единства их значения. Идентификация отрезков звучания может воспрепятствовать реализации фонетического закона или изменить его состав.

Если одна и та же морфема попадает в разные позиции, то она подвергается влиянию разных фонетических законов, действующих на стыках морфем. Но единство значения морфемы и необходимость ее фонетической идентификации может привести к тому, что действие фонетических законов может не проявиться.

Картина эволюции языкового строя по данным сравнительно-исторического языкознания характеризуется тем, что каждый из факторов этого изменения как бы противопоставлен другому: действие фонетических законов противопоставлено действию аналогии, процессы переразложения противопоставлены процессам опрошения, звуковая дифференциация вариантов морфем-морфов противопоставлена звуковой интеграции морфов, действие фонетических законов имеет двойкий характер: одновременно происходит и объединение вариантов фонем в одну фонему и, наоборот, разделение вариантов фонемы на две и более фонемы [1].

Это значит, что процесс эволюции языкового строя подчиняется одному общему закону: дедифференциация смыслоразличительных и смысловыразительных средств языкового строя всегда вызывает дифференциацию других смыслоразличительных и смысловыразительных средств строя языка; при этом нередко одна и та же причина вызывает действие обоих факторов одновременно. Этот закон может быть назван **законом сохранения смыслоразличительных средств языкового строя**.

Историческая эволюция языкового строя, рассмотренная средствами сравнительно-исторического языкознания, подтверждает вывод типологии о необходимости варьировать средства строя языка для выражения бесконечного разнообразия значений и показывает необходимость множественности типов языкового строя (множественности типов языков) как основы существования языка. Эта закономерность стабильности многообразия типов языка представляет собой проявление общественной необходимости сохранения резервов языковых средств для развития культуры человечества.

Эволюция и развитие языков

Труднейшим вопросом теории языкознания является вопрос о связи эволюции и развития языков. Этот вопрос поставлен соотношением методов типологического и сравнительно-исторического. Метод типологии указывает только на изменения языкового строя, отделяя их от развития языков. Сравнительно-исторический метод показывает эволюцию языков, с одной стороны, и дает понятие о разных формах развития языка - с другой. Следует, по-видимому, ожидать, что сопоставительный метод, к которому восходят методы типологический и сравнительно-исторический, должен дать понятие о связях между процессами эволюции и развития языка, но сопоставительный метод пока недостаточно разработан для этого.

Сравнение процессов эволюции и развития, идущих в языке, показывает, что эволюция и развитие по-разному проявляются в разных областях системы языка. Процессы развития касаются главным образом лексики, сфер общения, новых материалов и орудий речи; процессы эволюции касаются почти исключительно языкового строя. Точкой контакта между двумя этими областями языка является словообразование. Это соображение заставило В.В. Виноградова определить проблему слова и словообразования как проблему образования лексем вообще, т.е. как комплексную проблему языкознания, составляющую центр языковедческих исследований [2].

Проблема слова как центральная проблема динамики языка стала рассматриваться после Виноградова как объединение стилистической и лингвистической проблематики. Соотношение стилистики и языкознания показало, что в лексеме скрещиваются явления языка, речи и стиля [3]. Это отражается не только в характере семантики слов и способах введения слов в речь, в раскрытии их значения в составе речи, но даже и в выборе правил словообразования - словообразовательных моделей [2]. Сопоставительные исследования словообразования разных языков подкрепили этот вывод и показали, что в любом языке в любое время эти явления представлены.

Все это ставит вопрос о диахронических сопоставительных исследованиях, позволяющих обнаружить динамику словообразовательных форм и моделей, особенно в их отношении к эволюции языкового строя и развитию языка. Важнейшим препятствием на пути исследования этой проблемы является трудность в разработке материала языка. Соотношение окказионализмов, неологизмов, историзмов и архаизмов по-разному освещается данными текстов и словарей, так как работа лексикографа имеет целью внесение в языковой процесс организующего начала. При создании слов одновременно действуют стихийное и сознательное начала в языке и происходит переход от изменений к совершенствованию языка. Цель совершенствования языка, по-видимому, состоит в упорядочении словообразовательных возможностей.

При описании морфемного состава, фонетического и грамматического строя языка обрабатывается материал эволюции языка. Производится отбор образцов и введение их в

практику языка в целях не только правильного использования, но и стабилизации средств словообразования, которыми, по сути дела, являются и морфемный состав, и фонетический и грамматический строй языка.

При описании лексики разными типами словарей формируется состав прецедентов словообразования, что позволяет образовывать новые слова по существующим моделям и пользоваться существующими словами, не создавая новых там, где это не нужно.

Так в применении к словам и процессам словообразования сознательно используется сочетание упрощения, усложнения и развертывания языковой системы. Совершенствование языка представляет собой прежде всего его нормирование. В нормировании языка отражаются как эволюция и развитие языка, так и опыт стихийно происходящей динамики языка.

Рекомендуемая литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт теории фонетических альтернатив//Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.

2. Виноградов В.В. К истории лексики русского литературного языка//Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. 3-е изд. М., 1982.

4. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии//5опросы теории и истории языка. М., 1950.

5. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.

6. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история//Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

7. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.

8. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

9. Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.

Лекция 9. НОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА

Речевой обиход в бесписьменных языках и оценка правильности речи

Неграмотные люди, говорящие на диалектах, тонко различают особенности произношения, звучания и употребления слов и их форм, использования словоформ в синтаксических конструкциях и фразеологии, отличающие свой диалект от других. Много раз отмечено, что отрицание «чужого» при этом происходит как пародия на язык (произношение, употребление слов, фразеологии). Это означает похвалу «своему» как правильному, должному и отрицание «чужого» как неправильного, недолжного. Различение «своего» и «чужого» представляет собой народную, дописьменную оценку явлений языка.

Оценка явлений речи с точки зрения своего и чужого диалектного обихода является здесь основанием толкования правильной и неправильной речи. Речевой обиход можно, таким образом, определить как речь, построенную на совокупности оценок речи с точки зрения «своего» и «чужого» в явлениях речи.

Различение «своего» и «чужого» начинается с усвоения языка в семье. Поэтому в дописьменном обществе родной язык воспринимается одновременно и как врожденный и как благоприобретенный. Поскольку процесс научения родному языку происходит в то время, когда формируется сознательная память человека, усвоение родного языка воспринимается как врожденное и сливается в сознании с понятием о языковой способности. С другой стороны, обучение родному языку продолжается всю жизнь путем сознательного усвоения новых слов и выражений. Поэтому знание родного языка оценивается также как благоприобретенное. Это значит, что оценка правильности языка имеет двойственный характер. С одной стороны, язык оценивается как что-то данное человеку средой (точнее, семьей, родом, племенем), в которой он родился. В этом нет его личной заслуги, а есть только его долг перед социальной средой, состоящий в поддержании сложившихся связей людей. С другой стороны, человеку предписывается быть искусным в речи и совершенствовать свои языковые умения и навыки. Оценка правильности речи строится на подражании языку старших и на умении развить это достояние.

Данные дескриптивной лингвистики и диалектологии показывают, что люди, говорящие на бесписьменных языках, достаточно твердо определяют качество и количество единиц языкового строя, но их показания относительно словарного состава могут расходиться, и достаточно далеко. Это объясняется тем, что речевой обиход, по-видимому, сложен. Он включает в себя строевые единицы языка, отличающиеся достаточным единообразием, и словарь, который дифференцируется по специальным областям занятий: культурной, хозяйственной, природоописательной. Дифференциация словаря может быть столь большой, что речь становится иногда непонятной (например, собаководно-охотничий русский словарь).

Поэтому оценка правильности речи не должна строиться только на критерии понятности. Родственный диалект может быть достаточно понятным, но считается чужим и неправильным. С другой стороны, родной речевой обиход у некоторых народов может не только включать не полностью понятные всем слова и выражения, но и создавать секретные языки (например, мужской пастуший язык у абхазов непонятен для женщин и лиц, не занятых скотоводством).

Как показывает практика, знание речевого обихода и его оценка у лиц, говорящих на бесписьменных языках, не носит систематического характера. Говорящие на бесписьменном языке не могут изложить систему своего языка, объяснить фонетический строй или словоизменительные парадигмы и т.п. Они могут сказать определенно о каждой отдельной единице языка и, отчасти, об общем языковом строе. Так как ответы достаточно хорошо совпадают у разных информантов, это значит, что речевой обиход понимается одинаково, а система языка не сознается информантами*. Понимание речевого обихода у информантов имеет характер знания прецедентов. При сопоставлении ответов о прецедентах речи обычно

вырисовывается достаточно сложная картина правил, которыми пользуются, но которые не сознают как целое.

*(См.: Кибрик А.Е. Методика полевых исследований. (К постановке проблемы). М., 1972.)

Прецедентное знание языка выглядит примерно так же, как знание этических норм по данным фольклора или знание обычного права. В этих случаях только научный анализ открывает некую систему. Но сами установители этой системы не умеют ее объяснить, хотя иногда чувствуют наличие какой-то системы языковых знаний.

Единство понимания и оценки речевого обихода не зависит от числа людей, говорящих на данном языке, от территории, от демографической, экономической, политической ситуаций, связанности отдельных групп данного народа между собой, хотя эти факторы, несомненно, влияют на динамику языка, а следовательно, и на толкование речевого обихода лицами, владеющими данным языком. Например, в Дагестане есть языки, употребляющиеся лишь в одном селении (например, кубачинский, ботлихский языки). Люди, говорящие на этих языках, сохраняют свой речевой обиход, несмотря на тесноту экономических и культурных связей многонационального народа Дагестана, на единство его исторической судьбы. Для общения друг с другом они избирали и общие языки: например, болмац (на основе аварского) - язык войска, кумыкский - в сфере бытового общения, арабский - в сфере религии. Сейчас общим языком является русский. Другие народы поступали иначе. Например, казахи, проживая на большой территории, не ведя единого хозяйства, сравнительно мало общаясь между собой, культивировали единство казахского языка. Казаки-некрасовцы, не общаясь в течение длительного времени с русским населением, сохранили свой речевой обиход, и их речь сейчас используется как показания по русской исторической диалектологии.

Это значит, что экономические, политические факторы не оказывают прямого влияния на языковой строй. Влияние проявляется главным образом в словаре и фразеологии. Речевой обиход как единство понимания языкового строя и единообразие оценок речи - относительно независимое явление.

Речевой обиход бесписьменных языков исторически изменчив, однако его изменения не осознаются людьми. Речевой обиход считается должным, которое реализуется. Это позволяет толковать эволюцию языка как накопление речевых ошибок в ряду поколений и создание на этой основе нового речевого обихода (как это делали младограмматики [5]) или как случайный процесс изменений языка (как это толкуется глоттохронологией [5]). Таким образом, причины изменения речевого обихода бесписьменных языков пока еще не раскрыты достаточно убедительно.

Вместе с тем хорошо известны случаи перехода с одного речевого обихода на другой или существование нового обихода наряду со старым. А.А. Шахматов отмечает, что становление московского говора было следствием слияния черт северных и южных диалектов [8]. В.И.Чернышев, разбирая речь подмосковных сел в начале XX в., заметил, что их говоры содержали диалектные черты тех мест, из которых прибыли жители этих сел, и одновременно показал, как изменялись черты речевого обихода [7]. При этом он выяснил, что изменение черт речевого обихода проходит через неоднородность речи в семье: например, мужчины усваивали новые речевые черты, тогда как их жены сохраняли в своей речи черты старого обихода. Аналогичные процессы изменения речевого обихода в семье неоднократно отмечались диалектологами.

Хорошо известен и другой вид становления нового речевого обихода. Это развитие так называемого койне - особого устного языка наддиалектного характера, на котором происходит междиалектное (и международное) общение в дописьменном обществе. Становление койне не уничтожает диалектной речи, но сосуществует с ней. Процессы образования койне изучены плохо. Отмечается, что распространение койне связано прежде всего с созданием общего для разных диалектов эпического текста и его регулярным исполнением. Тем самым становление койне можно сравнить со становлением норм литературного языка и в особенности норм языка художественной литературы (так, по-видимому, на основе древнегреческого эпоса складывалось койне в Греции).

Отмечены и другие пути образования койне. В Индонезии, например, роль койне исполнял малайский язык, который как литературное просторечие стал "языком базара", т.е. языком, на котором общались разные народности при заключении торговых сделок. Этот язык впоследствии послужил основой для создания индонезийского литературного языка. Сходным путем формировался язык урду, который назван так потому, что это был общий язык разноязычного исламского войска, пришедшего на территорию современной Индии и Пакистана и усвоившего ряд форм индийских диалектов. Военные и торговые пути образования койне почти всегда сплетаются с "литературными", эпическими.

Особым видом создания койне являются так называемые креольские языки, когда основой языка устного межплеменного общения становится развитый литературный язык, который в устах разноязычного и большей частью неграмотного населения "снижает" свои смысловые различительные и стилиевые возможности, упрощает нормы произношения и использования грамматических форм и становится средством общения в коммерческой и военной сферах.

Если эпический, коммерческий и военный общие языки, койне можно рассматривать как движение в направлении к литературному языку, то креольские языки как разговорные общие языки можно рассматривать как движение от литературного языка, несмотря на то что некоторые устные креольские языки становятся основой новых литературных языков.

В целом характер речевого обихода у бесписьменных народов определяется следующими чертами: 1) опосредованная зависимость от социальных, демографических и исторических факторов, что проявляется в создании тех или иных видов речи и в создании новых видов речевых произведений; 2) процессы динамики языка не осознаются в речевом обиходе, т.е. целью обихода является поддержание существующего состояния языка и речи, а не создание нового; 3) устный речевой обиход есть знание прецедентов речи, за которыми не осознается система языка; 4) знание речевого обихода обуславливает поддержание единого языка и понятности речи; 5) понятие о речевом обиходе строится на основании соотношения речи врожденной и благоприобретенной; 6) знание речевого обихода предусматривает знание того, как надо совершать речевые действия и как не надо их совершать; 7) речевой обиход всегда содержит оценку конкретных речевых действий по признакам: правильное - "свое" и неправильное - "чужое". Эти основные черты речевого обихода показывают, что обиход, по сути дела, представляет собой правила речевых действий, направленные на их постоянное воспроизводство.

Проблема речевого обихода после создания письменности

После создания письменности и разделения физического и умственного труда роль речи становится иной. Речевой обиход начинает делиться на обиход образованных людей и необразованных людей. В свою очередь, в речевом обиходе образованных людей выделяются разновидности, связанные с характером умственного труда (религия, наука, искусство). Это значит, что со становлением письменности речевой обиход усложняется. Вместе с диалектными и наддиалектными видами бесписьменной устной речи существует устная речь, связанная с письменной литературной речью и ее разновидностями.

Эти разновидности речевого обихода делают недостаточно взаимопонятной речь совместно проживающего населения. Если бесписьменная (диалектная и наддиалектная) речь была понятна людям, принадлежащим к данному языковому коллективу, то появление новых разновидностей речи на одной территории и у одного и того же народа ставит проблему единства языка, употребляемого в разных сферах общения.

Письменный язык, явившийся источником разделения речи по специализированным сферам общения, сам является инструментом интеграции речевого обихода и создания единства языка. Знаки письменного языка могут быть назначены так, что их чтение и произношение не зависит от местных речевых разновидностей. Могут быть созданы правила чтения слов и фраз и на этой основе построена орфоэпия - нормы правильного произношения. Нормы правильного

произношения могут быть распространены на территории, где живут народы, говорящие на типологически и генетически другом языке, чем данный письменный язык. Так, арабский литературный язык, латынь и многие другие классические языки распространяются среди народов, говорящих на языках, отличных от классических по своему происхождению и строю.

Письменная речь-это искусственный язык в том смысле, что знаки письменности и правила написания и чтения слов не изучаются как прецеденты речи в семье, а назначаются создателем письменности и распространяются через школу. Грамматика становится основной наукой о письменной речи, с ней связана и орфоэпия. Развитие грамматических знаний зависит от внутреннего развития науки, с одной стороны, и развития общественно-языковой практики - с другой. Это значит, что письменная речь, представляя собой средство формирования языкового единства не только людей, имеющих разный речевой обиход, но и разных народов, нуждается в разработке в связи с ее положением в общественно-языковой практике.

При разработке письменного языка понятия о речевых действиях разделяются на две части: учения о речи (риторика, поэтика, логика, стилистика) и учения о языковом строе (грамматика и словарь). После этого анализ и критика речевых действий относятся либо к речи, либо к языку и языковым средствам. Учения о речи предполагают относительную свободу создания и построения речи. Учения о языке, напротив, имеют характер рекомендуемых всем правил. Это значит, что с образованием развитой письменной речи грамматика становится инструментом создания и распространения норм языка. (Впоследствии, когда складывается научная грамматика, нормирование языка выделяется в отдельную область и получает новые названия: академическая и школьная грамматика, культура речи и т.д.)

На этапе своего становления грамматика должна обобщать опыт устной и письменной общественно-языковой практики. Грамматике приходится иметь дело с диалектной речью и койне (там, где оно существует), речевым обиходом разных сфер общения, литературной речью. Грамматика вырабатывает общие правила, которые, распространяясь, формируют нормированную речь, т.е. образцовое использование форм устной и письменной речи.

Для простоты введения норм языка создателю грамматики приходится сочетать традиции разных речевых обиходов. Эта сложная задача была хорошо понята в философской полемике, возникшей при становлении грамматики. Наиболее ярко эта полемика была представлена в греческой философии. Философ-скептик Секст Эмпирик (кон. II - нач. III в.) в сочинении "Против грамматиков" показал противоречивость и сложность создания грамматической нормы. Рассматривая эти противоречия, он логически отверг самую возможность составления нормативной грамматики как непротиворечивого и последовательного действия.

Становление языковой нормы, ее компоненты

Первый тезис, который выдвигает Секст Эмпирик, состоит в том, что в отличие от других искусств (мусических и практических) грамматика не имеет начал, т.е. основополагающих принципов. По его мнению, грамматикам не удастся указать постулатов, на которых строится грамматика и из которых непротиворечиво выводится грамматическое рассуждение. Будучи наблюдательным, эмпирическим знанием, грамматика рассматривает и классифицирует факты речевого обихода и на этом строит свои рекомендации. Одно из античных определений грамматики - "грамматика есть эрудиция (знание) большей части того, о чем написано у поэтов и прозаиков" [2]. Рекомендации, идущие от эрудиции в текстах, естественно, отличали грамматику от таких учений, как геометрия, или музыка, или медицина, где на первый план выдвигались основополагающие понятия - постулаты, или, как говорили тогда, начала, из которых выводились другие понятия. Поскольку грамматика основывалась на эрудиции, она сама формулировала свои начала. Это дало Сексту основание критиковать грамматиков.

Далее Секст анализировал природу эрудиции грамматиков. Александрийские грамматик в основание правильной речи клали тексты Гомера и Гесиода. Филологически исследуя разные списки, грамматик составляли критические тексты Гомера и Гесиода. При оформлении критического текста грамматик отбрасывали слова и формы устарелые, диалектные и

малопонятные, заменяли их выражениями, более доступными читателю, ориентируясь при этом на речь литературно образованных людей своего времени.

При составлении грамматических руководств грамматики проводили анализ созданного ими критического текста, выбирая из него слова и формы, которые представлялись им наиболее пригодными для современного им литературного употребления. Это дало основание Сексту обвинить грамматиков в произвольном обращении с текстами классиков. По мысли Секста, грамматики не должны устранять варваризмы, авторские неологизмы и историзмы, а обязаны брать тексты классиков и их словесный материал целиком. Извлечение слов и форм из текста Секст посчитал произволом грамматиков, коль скоро они не смогли оправдать принципы своего выбора явно сформулированными исходными положениями.

Граматики говорили о том, что отбор слов и форм из сочинений классиков они производят на основании знания речевого обихода, с одной стороны, и принципов аналогии - с другой. Секст подверг критике и речевой обиход и принцип аналогии. Речевой обиход он признавал как данность. Но Секст удачно показал, что единого речевого обихода не существует, что, например, обиход греческого языка сильно различается по местностям (диалектная речь) и по роду занятий (речь врачей, речь разных ремесленников, т.е. обиход сфер общения). Речевые различия, как показал Секст, делают невозможным критиковать тексты классиков на основании речевого обихода, так как неизвестно, на основании какого именно обихода критикуется текст, или неясны принципы, на основании которых предпочитается какой-либо вид речи, а поскольку неясен вид речевого обихода, неясно и применение принципа аналогии.

Под **аналогией** греческие грамматики фактически понимали регулярное словообразование и словоизменение. Нарушение регулярного словообразования и словоизменения они называли **аномалией**. В каждом виде речи одно и то же слово, выражающее одно и то же понятие, не обязательно изменялось по аналогии. Нередки были случаи, когда в одном речевом обиходе слово изменялось по аналогии, а в другом - по аномалии. Граматики должны были делать выбор между аналогической или аномальной трактовкой данного слова. Этот выбор фактически опирался на общее понятие системы языка, внутренне присущее грамматике, но явно не сформулированное. Отсутствие формулировки принципов отбора слов и форм дало основание Сексту отвергнуть самую возможность избрания аналогии или аномалии как принципа описания языка. Тем самым были взяты еще раз под сомнение принципы нормализаторской деятельности.

Наконец, Секст подверг критике самую способность грамматиков создавать норму. При неопределенности выбора вида речевого обихода и разбора исключений и регулярных форм основанием выбора становится вкус и предпочтения самого грамматика. Граматики и не скрывали субъективного фактора в становлении языковой нормы. Секст же утверждал, что субъективный фактор не может присутствовать в науке, целью которой является объективное изображение вещей. Граматики не в состоянии доказать, что греческий язык, которым пользуются они сами, лучше, чем язык других греков. Ведь греческий язык каждого ученого сформирован каким-то речевым обиходом, а на основании сказанного выше ни один грамматик не может доказать, что его речевой обиход - лучший.

Подвергнув критике субъективный фактор в составлении нормативной грамматики, Секст сделал логический вывод из своих построений: грамматика, поскольку она не имеет начал, не может быть наукой. Не будучи наукой, она не имеет права выводить законы языка. Поэтому норма языка невозможна. Реален лишь речевой обиход, поэтому нужно ему следовать. Но поскольку речевых обиходов много, то следует подчиняться местному или профессиональному обиходу в зависимости от того, где и о чем идет речь. Создание новой нормы означает создание еще одного речевого обихода. Поэтому грамматика невозможна и не нужна как полезная деятельность.

Сочинение Секста "Против грамматиков" интересно прежде всего тем, что разбирает все стороны работы нормализатора - составителя грамматики и тем показывает основной состав нормализаторской деятельности, ее компоненты [6]. Хотя Секст логически доказал, казалось бы, научную беспочвенность деятельности нормализатора, норма греческого языка была все же создана и распространена школой.

Дело в том, что деятельность нормализатора представляет собой **конструктивную** задачу, которую нужно решать конструктивными средствами, но обязательно опираясь на научные данные. В научную задачу входит необходимость выявить, каков изучаемый предмет (уже данный нам как таковой), а в конструктивную - необходимость построить новый предмет. Так, строитель, прежде чем строить дом, должен располагать определенными знаниями из области геологии, материаловедения, статистики сооружений и т.п. Опираясь на данные разных наук, строитель задумывает и строит сооружение. Замысел и строительство не вытекают из этих наук. Они есть предмет и части строительного искусства. Строительное искусство может критиковаться данными разных наук, но само по себе оно является не теорией, а практикой.

Перед первыми грамматиками стояла задача - создать новый общий литературный язык. Эту задачу они понимали как конструктивную и называли свою деятельность искусством грамматики. Однако искусство грамматики, в отличие от строительного искусства, состоит в том, что новый литературный язык не строится на чистом месте (подобно дому), а встраивается внутрь уже сложившихся разнообразных речевых обиходов; при этом ни один из обиходов не должен быть разрушен. Вот почему искусство грамматики рассматривается как 1) отбор языковых средств из числа употребляющихся в разных речевых обиходах и 2) построение из этих средств новой системы правильного языка.

Отбор языковых средств требует всестороннего анализа и критики существующих речевых обиходов. Поэтому построению системы литературного языка предшествует аналитическая деятельность филолога, которая представляет собой необходимую предпосылку работы нормализатора, но не самое существо его работы. Существом работы нормализатора является прежде всего установление нормы литературного языка. Норма избирается в зависимости от объективных и субъективных факторов. Под объективными факторами понимается характер материала, из которого должна быть построена норма. Так, норма может формироваться в условиях, когда уже есть речевой обиход письменности или литературы, когда есть койне. Но норма литературного языка может складываться в условиях существования лишь одних территориальных диалектов. Эти различия весьма существенны. Поэтому первой задачей нормализатора является **оценка** существующих речевых обиходов.

Оценка речевых обиходов зависит от субъективного фактора в построении нормы. Например, при создании нормы для некоторых языков народов СССР учитывался только состав устной речи и не принимался во внимание письменный и даже литературный речевой обиход. Так, при построении нормы мордовских языков практически не учитывались имевшиеся переводы церковной литературы и даже учебники, так как эта литература признавалась несовершенной.

При построении нормы древнегреческого языка основным видом речевого обихода был литературный язык, при этом александрийские грамматики опирались на наиболее древние тексты Гомера и Гесиода как основанные на эпическом койне. Эти тексты, равно как и их язык, были достаточно известны всем грекам, обладавшим хотя бы минимальным литературным образованием. При этом язык классических текстов известным образом "очищался" нормализаторами.

Иной метод был принят нормализаторами арабского литературного языка (грамматиками басрийской и куфийской школ). Язык Корана был полностью принят нормализаторами. Он не "очищался", а только уточнялся и "развертывался" до полной системы. Это было вызвано тем, что, несмотря на то что язык Корана построен на одном из арабских диалектов, арабские грамматики считали необходимым укрепить и распространить нормы ислама, которые отражены в этом языке. Это значит, что для нормированного языка избран прототип, который был достаточно далек от устной практики не только большинства магометан, но и большинства арабов [1].

Равным образом, по суждению Шахматова, древне-болгарский язык лег в основание норм старославянского литературного языка и стал, благодаря деятельности нормализаторов и переводам с греческого, основой норм церковнославянского литературного языка (старославянского языка).

Обычно опорный речевой обиход избирается так, чтобы согласовать оптимальным образом критерии общепонятности и высокой культурной значимости. Эти критерии находятся в противоречии между собой. Высокая культурная значимость какого-либо вида речевого обихода (например, обихода философов) предполагает известную недоступность этого языка населению. С другой стороны, "язык базара" (например, торговый малайский) или "язык войска" (например, урду) не отличается культурной значимостью.

Выбор речевого обихода предопределяет отбор элементов языка для создания нормы. В этом выборе нормализатор руководствуется следующими основными соображениями:

1. Общепринятостью, культурной значимостью и общеупотребительностью данного языкового элемента.

2. Перспективностью языкового элемента, т.е. оценкой его будущей употребительности, определяемой его надобностью как единицы средства общения.

3. Системными свойствами элемента: элемент должен "удобно" входить в систему языка. Последнее - исключительно важный критерий, во многом определяющий жизнь этого элемента в будущем. Хорошая система языка должна обладать минимумом правил и исключений из них.

Система языка хорошо входит в употребление, если она построена логично, т.е. обладает минимальным числом запрещающих правил. Вместе с тем "логичная" система имеет тот недостаток, что она как бы сковывает языковое творчество пользующихся языком, особенно в области словопроизводства и синтаксиса. Это особенно бывает заметно в индивидуальной авторской речи. Поэтому допускаются известные нарушения нормы, так называемые поэтические и риторические вольности. 4. Субъективной оценкой смысловыразительных и эстетических достоинств избираемого элемента. Это требование к личности самого нормализатора. Он должен хорошо владеть нормализуемым языком, понимать, как "делается" текст прозаиком и поэтом, обладать особой ассоциативной памятью, быстро восстанавливать в уме значения элементов, их синонимические и паронимические связи, знать контекстное применение языковых элементов. Нормализатор должен быть носителем вкусов общества и признанным знатоком письменных и литературных текстов.

Языковая норма может строиться так, что элементы всех ярусов предпочтительно избираются из одного какого-либо речевого обихода и лишь дополняются системно непротиворечащими элементами из других обиходов. Так, в частности, складывалась норма классического арабского языка, в основе которой лежит диалект племени курейш. Китайский нормативный словарь Эрья построен на языковых элементах тринадцатиканонья (основного канонического свода конфуцианства) и отредактирован Конфуцием.

Но норма может строиться и так, что она будет опираться на разные источники для разных ярусов. Так, русский литературный язык имеет своей основой московское произношение, которое само по себе возникло вследствие смешения южных и северных диалектов, а в области морфологии норма русского языка, помимо русских морфологических форм, насыщена славянизмами, представляющими собой наследие старославянского языка. В английском языке, где германская основа значительно дополнена романскими и греческими заимствованиями, произносительная норма разрабатывалась на основе университетского речевого обихода.

Однако в любом случае произносительная норма является основой для грамматической и словарной нормы, так как с нею согласуются как со своеобразным эталоном морфологические и словарные элементы нормируемого языка. Даже в том случае, когда литературный язык "оторван" от звукового иероглифической графикой (как в китайском языке) и сначала нормируется словарный состав, а затем произношение, норма произношения постоянно мыслится как некий эталон. В китайском языке это выразилось, в частности, в делении иероглифов на фонетически незначимые и фонетически значимые части, что завершило **нормирование китайской письменности**.

Исторические типы нормализации

Деятельность нормализаторов имеет определенные этапы и соответствующие этим этапам задачи. Прежде всего при изучении процесса нормирования необходимо уяснить: 1) впервые ли нормируется данный язык, т.е. имеем ли мы дело со становлением нормы (например, язык, который впервые получает письменность и литературу); 2) является ли новая норма развитием предшествующей, т.е. имеем ли мы дело с совершенствованием нормы (например, русский язык в 50-е годы XX в. получил новые нормы, отвечающие его статусу национального языка и одновременно языка межнационального общения); 3) идет ли речь о создании новой нормы для языка, который уже был нормирован (например, мордовский и осетинский языки получили письменность в конце XVIII в., а в первой половине XX в., после создания новой системы письма и становления письменности и литературы, подверглись нормированию на новых началах).

Становление нормы бывает двух видов: нормирование без прецедентов и нормирование по прецедентам в других языках. Все классические языки (греческий, санскрит, древнекитайский, арабский), нормы которых дошли до нас, были нормированы без прецедентов в других языках, изобретая свои средства для решения задачи нормирования. В силу независимости творческих усилий, особенностей строя языка и его письменности и литературы, а также в силу различия задач, стоящих перед филологами в области нормирования текстов и стилей, нормы классических языков не зависят друг от друга в составе понятий. Так складываются четыре основные грамматические традиции, каждая со своим составом терминов и понятий: греко-латинская, арабская, индийская и китайская. Эти грамматические традиции представляют **первообразные** нормы классических языков.

Вслед за классическими языками нормированию подвергаются языки, входящие в культурные ареалы классических языков. Так, языки Европы нормируются по образцу греческого и латинского языков и в понятиях греческой и латинской грамматики. Языки Дальнего Востока нормируются по образцу китайского языка, языки индийского культурного мира (тибетский, литературные дравидские языки, пракриты и т.п.) - по образцу санскритской грамматики. Нормировать по образцу значит прежде всего использовать построенные для классических языков понятия и термины (например, классификацию иероглифов, термины и понятия фонетического описания, понятия частей речи и т.д.). Эта работа может быть названа установлением **непервообразной** нормы.

Совершенствование нормы есть приспособление первообразной нормы к новым условиям общественно-языковой практики. Общественно-языковая практика развивается не только как увеличение текстов, но и как дифференциация стилей. Вместе с изменением исторических стилей дифференцируются функциональные стили, что влечет за собой дифференциацию стилей жанров, авторских и индивидуальных стилей. Эти явления способствуют введению в язык письменности и литературы новых слов и форм, изменению обихода литературного языка в области произношения. Все эти явления требуют усовершенствования норм. Поэтому нормы время от времени пересматриваются. Совершенствование нормы производится так, чтобы, сохранив полностью логику и содержание старой нормы, заменить устаревшие элементы на новые, вошедшие в обиход литературного языка и, в случае нужды, дифференцировать или уточнить правила, сняв или введя исключения. Совершенствование нормы ведется постоянно, но норма "утверждается" периодически (например, время от времени изменяется правописание).

Существует еще одна сторона деятельности нормализаторов, как бы совмещающая в себе черты совершенствования и введения новой нормы, - *это создание норм новых литературных языков*. Суть деятельности М.В. Ломоносова (1711 - 1765) в области нормирования русского языка состояла в том, что он на основе знания о нормировании греческого и латинского языков и о совершенствовании норм старославянского языка создал норму русского литературного языка*.

*(См.: Ломоносов М.В. Российская грамматика // Собр. соч. М.; Л., 1952. Т.7.)

Создание новых норм литературных языков предполагает отбор норм произношения, грамматических явлений и их парадигматизацию, отбор и стилевую дифференциацию словаря.

Эта деятельность предпринимается тогда, когда возникают столь большие изменения в общественно-языковой практике, что постепенным совершенствованием имеющейся нормы уже нельзя решить задачи нормирования языка.

Так, в СССР в 20-30-е годы при создании многих литературных языков народов СССР новая общественно-языковая практика потребовала создания новых норм. Ряд языков были бесписьменными, на других существовала письменность и литература. Однако эти письменность и литература не отвечали новым условиям: не была развита деловая проза, отсутствовала массовая информация, современная художественная литература. Так, письменность ряда финно-угорских языков ограничивалась начальными учебниками и переводами Священного писания. Языковая ситуация народов Средней Азии также потребовала создания новых норм, так как на этих языках, по сути дела, была только религиозно-каноническая литература. Такие языки, как армянский и в большей мере грузинский, не потребовали столь большой работы над созданием норм литературных языков в силу того, что состав функциональных стилей нового времени был сформирован на этих языках уже в XIX в. Здесь можно было ограничиться совершенствованием существующей нормы (так же, как и в русском языке).

История становления первообразных и непервообразных норм, совершенствования норм и создания новых норм литературных языков составляет часть истории языкознания как науки. В нормализаторской деятельности осуществляется связь всех филологических дисциплин.

Нормализация проводится в определенных организационных формах и воплощается в особых сочинениях, представляющих норму. Установление организационных форм объясняется тем, что для реализации норм необходимо, чтобы они имели авторитет у пользующегося данным языком народа. Нормы распространяются главным образом через школу и литературу, а для этого требуются определенные меры, идущие от лица общества. Такие организационные формы обеспечивают академии или научные общества, пользующиеся правами академий в области нормирования языка.

Защита норм языка общественным авторитетом может приобретать разные формы. В древности и средневековье "организатором" норм литературного языка являлось ученое сословие. Ученые не только формируют школу, но и являются идеологически господствующей силой.

В связи с необходимостью укрепления идеологического авторитета и развития письменных деловых сношений государство обычно поощряет деятельность ученых в области нормирования и распространения норм литературного языка. В том случае, когда на территории государства существует несколько религий или религиозных течений и толков, государство, как правило, поощряет одно из них, что связано с опорой на те или иные круги внутри ученого сословия.

В условиях Европы создателем и хранителем норм литературного языка была церковь. Церковь устанавливала правила литературно-литургического произношения, словоупотребления и в основном руководила школой и литературным процессом. Со становлением наций и развитием национальных литературных языков управление нормализаторской деятельностью берет на себя государство. Государство создает академии или аналогичные академиям ученые и литературные общества, где объединяет ведущих филологов и литераторов и поручает им разработку норм литературных языков. Сочинения, исходящие от лица такого общества, представляют языковую норму, подкрепленную авторитетом государства, обязательную для распространения через школу, книгоиздание и канцелярию.

До организации государственного нормирования языка, создания академий или ученых и литературных обществ нормы распространяются через школьные руководства: хрестоматии, грамматики, словари нормируемого языка. После создания академий (или научных обществ) получают распространение два рода нормативных руководств: 1) академические грамматики, словари, в которых производится отбор 'классических текстов; 2) практические руководства по языку (школьные и "ведомственные"), которые сами не являются нормативными, но передают разработанную академиями (или научными обществами) норму. Практические руководства по языку адресуются либо школе, либо всему обществу, либо его части, специализирующейся на издательской, научной, юридической, административной, управленческой деятельности.

С XIX в. нормализаторская деятельность отделяется от практического распространения норм и становится чисто научной деятельностью. Появляются академические исследования по языкознанию фундаментального характера. В них анализируются языковые факты, разрабатываются понятия о природе языка вне зависимости от человеческого воздействия на язык. Фундаментальное языкознание непосредственно не решает прикладных задач, но его открытия используются потом языковедами в целях совершенствования норм.

Изучение языковых норм в сравнительно-историческом плане только начинается. Это изучение стимулировано, во-первых, развитием лингвистической теории, а во-вторых - контактами языков. Славистика (в лице В.В. Виноградова, БА. Ларина, Л.П. Якубинского и др.) разработала сравнительную историю нормирования славянских языков (в частном сопоставлении с нормами других языков Европы). Деятельность нормализаторов разных славянских языков была исследована как история отдельных филологии и как сравнительная история славянской филологии.

Культурно-исторические типы языков

Сравнительно-исторические исследования позволили установить культурно-историческую периодизацию развития языков и построить соответствующую данной периодизации культурно-историческую классификацию языков.

Культурно-историческая классификация языков соединяет учение об истории развития разных родов и видов словесности с историей развития нормы и историей нормализаторской деятельности. Различают следующие роды и виды языков: 1) бесписьменные языки, упорядочение которых происходит только на базе речевого обихода; 2) письменные языки, на которых, кроме устной речи, представлена также письменность - письма и документы; упорядочение этих языков происходит путем уточнения речевого обихода по сферам общения, установления обихода письменности в правилах исполнения документов и установления правил орфографии; 3) литературные языки, в которых, помимо устной речи и письменности, существует также и литература и устная литературная речь (наряду с диалектной и просторечной); для этих языков характерно становление грамматики и лексикографии как основы нормы; 4) национальные литературные языки; в этих языках, помимо устной диалектной и литературной речи, письменности и литературы, существует газетно-журнальная литература, а литература по составу словаря и композиционным формам делится на научную и художественную; нормирование национальных литературных языков производится грамматикой на основе научного языкознания; 5) международные и межнациональные языки, обслуживающие многие нации и народности; на этих языках ведется массовая информация и информатика (эти роды словесности существуют потом на национальных языках). Норма - этих языков приобретает дифференцированный характер: в разных сферах общения возникают свои органы, ведающие нормой. Так, существуют органы, ведающие нормализацией терминологии и номенклатуры, которые работают наряду с академией, устанавливающей норму общелитературного языка. Складываются новые речевые обиходы в области устного общения, массовой информации, науки, техники и школы.

Международные и межнациональные языки влияют на национальные языки, способствуя дифференциации в них речевых обиходов. Со своей стороны национальные языки строят свои нормы, ориентируясь на характер норм международных и межнациональных языков. Так складывается определенное единство нормализаторской деятельности, основанное на сходных принципах представления языка в нормативном описании (единые или близкие по принципам нормативные описания, раскрывающие своеобразие строя описываемых языков). Установление единства принципов описания языков усиливает интерес к методологии языкознания, оживляет сравнительные исследования, особенно в области сопоставительного языкознания, типологии языков, теории перевода устной речи, стилистики, языка массовой информации и терминологии.

Культурно-историческая классификация языков подводит к идее сравнительно-исторического изучения нормализаторской работы и самой нормы. В этом исследовании должен

быть как сравнительный аспект - сопоставление разных по происхождению филологических культур, так и исторический аспект - исследование истории развития одной и той же филологической традиции. В этом исследовании должны быть изучены также процессы влияния одной филологии на другую.

История нормирования является частью истории языкознания. До сих пор история языкознания писалась по преимуществу как история лингвистической науки или как история понятий, пришедших в лингвистику из грамматик. Таким образом, история языкознания (как история любой науки) толкуется до сих пор как внутреннее развитие знания. Однако языкознание отличается от других наук тем, что его развитие вызывается общественными потребностями, выраженными прежде всего через нормализаторскую деятельность, которая с самого начала является научно-практической деятельностью. Поэтому в истории языкознания должен быть разработан особый отдел - история норм и нормализаторской деятельности. Можно предполагать, что первое место в этом отделе должно занять сопоставительное описание норм классических языков, которые дали основания последующим нормализаторским традициям.

Первичная нормализация языков

Нормализаторские идеи, заложенные в нормах классических языков, должны быть рассмотрены с нескольких точек зрения:

1. От чьего лица устанавливается норма. Норма может даваться от лица божественного авторитета (как у Панини), от лица авторитета Священного писания и диалекта его создателя (как в арабском языке), от лица государства, пользующегося авторитетом ученых, создавших нормализаторские труды (как в Китае), наконец, от лица философского знания и науки (как у греков и римлян).

2. Каковы основные литературные тексты, на которых строится норма: являются ли они Священным писанием (как в Индии, Китае или у арабов) или эпическим текстом, имеющим высокий авторитет. От этого зависит исправление опорного литературного текста либо следование его языковым формам. Отношение к этим формам может быть более или менее свободным, в зависимости от того, насколько опорный текст сложился к моменту создания нормы, и от того, каково отношение к этому тексту в данной культуре.

3. В какой мере диалектный материал включается в литературный язык. Строится ли произносительная норма на основе одного диалекта (как в арабском языке), койне (как в греческом языке), сочиняется ли заново на основании литургического произношения (как в санскрите) или на диалекте столицы (как в Китае). Каково отношение к диалектной речи. Какие меры предлагаются для "очищения" устной литературной речи.

4. Считается ли основным материалом нормированного языка письменная форма речи (как в Китае), устная форма (как в Индии) или устно-письменная форма (как в арабском, греческом и латинском языках). Соответственно нормируется ли устная форма речи по письменной, или письменная по устной, или обе формы нормируются совместно.

5. Каков круг понятий и терминов, определяющих состав языковой нормы: каковы соотношения между словарем и грамматикой, фонетикой и морфемикой, знаками письма и звуками голоса. Как построено систематическое описание: от содержания речи к ее форме или от формы речи к ее содержанию.

6. Каково обоснование нормализаторами мотивов своей деятельности и понимание ими перспектив развития литературного языка, отношение к школе. Каковы перспективы укрепления нормы, средства ее распространения. Понимание неизменности и изменчивости литературного языка с точки зрения нормы [1].

Влияние классических языков на языки народов, входящих в культурную общность, образованную на основе литературы и письменности на классических языках, проявляется, в частности, в создании донациональных литературных языков. Характерной чертой этих языков является то, что они действуют не во всех сферах общения или не во всех жанрах, уже сложившихся к этому времени. Одни из них предназначаются в основном для письменности,

особенно для деловой (например, пехлеви), другие - для литературных текстов (например, церковнославянский). Некоторые языки делят сферы общения с классическими языками. Так, в средневековой Франции старофранцузский и латынь равно представлены и в документах и в литературе, разделяясь по преимущественному употреблению в определенных жанрах.

В силу этих причин нормализация донациональных литературных языков происходит отдельно в разных сферах общения, а иногда и в разных жанрах. Роль носителей и распространителей определенного речевого обихода берут на себя канцелярии и скриптории. Однако это не значит, что донациональные литературные языки совсем не располагают нормой. Норма в этих языках, как правило, заимствуется. Под заимствованием нормы надо понимать перенос систематизаторских идей с классического на донациональный литературный язык. Этот перенос осуществляется как в особых трактатах о языке (например, "О восьми частях слова" в "Успенском сборнике"), так и путем знания нормы (в частности, грамматики) классического языка. В иероглифических языках (в Корее и в Японии) перенос нормы осуществляется прямо, путем обращения к словарям нормативного характера на классическом китайском языке.

В языках, использующих буквенную письменность, орфографические и орфоэпические нормы отражены в словарях-гlossариях, двуязычных словарях переводного характера, в других словарях. Своеобразие нормализаторской работы в донациональных литературных языках состоит в одновременном создании дифференцированного по разным сферам общения речевого обихода и его закреплении в правилах исполнения текстов, с одной стороны, и в словарной работе, устанавливающей эквиваленты между языками, - с другой.

Нормирование национальных литературных языков

Нормирование национальных литературных языков относится к сравнительно недавнему времени. Началом нормирования национальных языков можно считать орфографические своды, которые обычно создавались виднейшими издателями (например, Какстон в Англии). Другим видом утверждения нормы является издание школьных руководств по языку (например, "Азбуки" Ивана Федорова). Это начатки новых принципов нормирования, применяемых еще к донациональным языкам. Эти принципы отвечали тому, что национальные языки формируются вместе с книгопечатанием и во многом благодаря ему.

Национальные литературные языки в отличие от донациональных функционируют во всех сферах общения и осваивают новые сферы общения и новые жанры, такие, как научная, художественная, публицистическая литература, журнальные и газетные жанры. Поэтому национальные языки вытесняют классические из тех сфер общения, где они употреблялись во время сосуществования с донациональными литературными языками. Перечислим основные особенности создания норм национальных языков.

1. В силу развития новых языковых средств, появления новых сфер общения и жанров и объединения всех сфер общения одним языком создание нормы требует выбора опорного речевого обихода, прежде всего в устной речи.

2. При становлении нормы литературные тексты классического характера на национальном языке, как правило, отсутствуют и норма строится до появления новой литературы, но для нее. Классические литературные произведения на национальном языке отбираются и вводятся в обиход школы после установления нормы.

3. По-прежнему используется, где возможно, речевой обиход донациональных языков.

4. Принципы систематизации языковых явлений заимствуются из классических языков. Особенно это касается грамматики. Появление национальной академической грамматики на национальном языке может считаться моментом завершения построения нормы национального языка, а грамматики национального языка на классическом языке и грамматики классического языка на национальном - этапами создания нормы.

5. Грамматические и лексические нормы образуются путем сопоставления родного языка с иностранным.

б. Образуется теоретическое знание нормативного характера, освещающее структуру и историю языков, т.е. создается лингвистическая теория. Результаты теоретических разработок используются при нормализаторской деятельности.

При создании норм национальных языков основой речевого обихода, отражаемого нормой, становится устная диалогическая и ораторская речь. Понятие опорного речевого обихода изменяется: сначала это устная речь столицы в устах придворного круга лиц, затем устная речь столицы в устах образованного человека вообще. Понятие о носителе образцовой речи постоянно как бы демократизируется вслед за распространением просвещения. К началу XX в. образцовой признается обычно речь широких слоев интеллигенции, восходящая в основных способах фонации к говору исторической столицы или основного образовательного центра данного народа.

Однако образцовый речевой обиход образованных слоев в разных странах определяется по-разному. В Великобритании признается несколько речевых обиходов интеллигенции, смотря по характеру образования. Высшим считается оксфордский, по месту старейшего и самого авторитетного центра образования. Во Франции самым авторитетным признается речевой обиход Парижской Академии и в целом интеллигенции Парижа. В России образцовой считалась речь московской интеллигенции.

Начало XX в. и особенно 30-е годы отмечены оживлением в теории и практике нормирования. Появляются радио, кино, телевидение, развивается национальная и международная пресса. Эти средства массовой информации, охватывающие целые континенты, требуют строгости и нормативности речи для того, чтобы она была однозначно и быстро понимаема массами населения.

Нормирование многонациональных и межнациональных языков

Большинство многонациональных и межнациональных языков складывается на базе национальных языков путем расширения их функций. Образование норм этих языков идет путем уточнения норм национальных языков. Это уточнение связано одновременно с некоторым расширением и упрощением опорного речевого обихода. Так, язык лондонского радио и телевидения стандартизуется как некоторое упрощение и снижение речи оксфордской интеллигенции. Эта тенденция заметна и в других многонациональных языках (французском, испанском, португальском, немецком и др.) и в ряде национальных языков.

В области нормализации многонациональных языков возникают течения, связанные с выявлением особенностей языка каждой нации, пользующейся многонациональным языком. Известная демократизация нормы этих языков и национальное самосознание народов, пользующихся этими языками, рождает тенденции к созданию местных вариантов нормы. Эти тенденции сильны в испанском языке в странах Латинской Америки. В США возникает особое филологическое течение *American studies* (Американские исследования), фактически ставящее вопрос о разделении норм английского языка и выделяющее в английском языке местные варианты как отдельные области языка, подлежащие особому нормативному закреплению. Дискуссии, ведущиеся вокруг этих вопросов, основываются, в частности, на том, что в каждой такой стране развивается национальная художественная литература и свои формы и жанры письменности. Это приводит к определенной стилистической дифференциации речи.

Однако тенденциям развития художественной речи и деловой письменности противостоит тенденция развития речевого обихода научной литературы и массовой информации. Поэтому при нормировании языков и особенно при распространении нормы стараются следовать обеим тенденциям.

Фонетическая и морфологическая нормы закрепляются по классическому образцу страны происхождения данного языка. Так, в английском языке нормирован британский стандарт. В области стиля художественной и деловой речи, например, преобладают местные тенденции, которые влияют на фоно- и морфостилистику. Житель США обучается общей английской норме произношения и знает ее, но в практике речи нередко прибегает к стилю произношения,

характерному для США. В сфере массовой информации стилевая дифференциация сохраняет определенные местные особенности. В области научной литературы стиль стремится к международному единству.

Сложная дифференциация стилей отражается на нормативных словарях, выпускаемых в разных странах. Так, словари издания Мэрриэм-Вебстер и оксфордские издания словарей различаются стилистическими пометами и характером толкования значений, как, отчасти, и словниками. В словарях как нормативных изданиях реализуется компромисс между стилистической дифференциацией многонациональных языков по странам и единством фонетической и морфологической нормы, основанной на нормативной базе национального языка. В области теории языкознания это отражается в построении национальных лингвистических школ. Так, различаются британская и американская фонетические и грамматические школы. Сходные тенденции заметны в испанском, португальском, французском и немецком языках.

Единство норм многонациональных языков удерживается особыми мерами языковой политики, направленными на распространение обучения этим языкам за пределами страны происхождения языка. Для этого создаются специальные учреждения, ассоциации преподавателей, методические международные центры и международные журналы.

В русском языке как языке межнационального общения нормирование сильно отличается от практики нормирования многонациональных языков. Это объясняется характером языковой политики социалистического государства, направленной на создание идейного единства массовой информации, литературы и письменности народов СССР при всестороннем развитии как русского, так и национальных языков. Параллельное развитие всех языков и расширение сфер общения на каждом языке при распространении языка межнационального общения создает обстановку прогрессирующего двуязычия.

При нормировании русского языка возникла задача создания системы описания языка. Поскольку межнациональные качества русского языка развиваются из национальных, необходимо было суммировать национальные качества и развить их в межнациональные. Национальные качества русского литературного языка воплотились наиболее совершенным образом в литературно-художественных текстах XIX в. и в советской художественной классике. Изучение и отбор этих текстов как опорных формировал систему литературных текстов, на которых вырабатывалась норма.

Разработка нормы устной речи должна была опираться на язык литературно образованных людей нового поколения, но с учетом традиции устного речевого обихода старой интеллигенции. Так, орфоэпическая норма разрабатывалась на основе московского произношения. Лексика изучалась с точки зрения истории ее литературного применения и историко-стилистической дифференциации. На этом основании составляются нормативные словари, включающие и новую лексику, но исключившие из словариков ряд историзмов. Разрабатывается и новая система академической грамматики.

Из сказанного видно, что основой нормы языка межнационального общения на базе нормы национального языка было усовершенствование системы описания в области фонетики, лексики и грамматики. Это усовершенствование проводилось так, чтобы категории описания языка со стороны их содержания и формальных признаков были применимы к любому языку и в то же время выявляли бы специфику строя каждого языка.

После второй мировой войны в ряде стран Востока складываются новые межнациональные (китайский, хинди, урду, индонезийский) и многонациональные (арабский и суахили) языки. В этих языках развитие нормы идет, по-видимому, теми же путями, как и в старых многонациональных языках. В арабском языке продолжает укрепляться и дифференцироваться норма классического арабского языка при создании разных стилей в каждой арабской стране. В межнациональных языках перестраивается система нормативного описания в направлении создания универсальных категорий, охватывающих национальные языки ареала данного межнационального языка при сохранении единства стилистических задач. Основная трудность

при этом состоит в согласовании грамматической традиции национальных языков с категориями грамматики, универсально применимыми к любому языку.

Энергично развивается нормализаторская деятельность во многих национальных языках, прежде всего в языках технически продвинутых народов, таких, как японский. Здесь работа над нормой идет путем создания минимизированной системы описания, с одной стороны, и путем оптимизации форм языкового общения и речевых форм - с другой.

Рекомендуемая литература

1. Амирова Г.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
2. Античные теории языка и стиля/Под ред. О. Фрейденберг. М.;Л., 1936.
3. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
4. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
5. Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов//Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
6. Секст Эмпирик. Против грамматиков // Соч. М., 1976. Т. 2.
7. Чернышев В. И. Диалект города Москвы и русский литературный язык // Избр. труды. М., 1970. Т. 2.
8. Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1926.

Часть 4. ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Лекция 10. ЯЗЫКОВАЯ СЕМИОТИКА

Приложения языкознания и прикладное языкознание

Термин "прикладное языкознание" не означает простого приложения данных языковедческой науки к какой-либо области практики. **Прикладное языкознание - особая научно-практическая деятельность, целью которой является усовершенствование языковых контактов в обществе.**

Приложения языкознания могут быть теоретическими и практическими. Так, в гносеологии и логике, при формировании теории наций, в психологии, в физиологии человека и медицине, в истории и историческом источниковедении и т.д. данные языкознания применяются к решению конкретных проблем. При этом данные языкознания являются либо дополнительными аргументами, либо средствами доказательства для решения практической задачи, за которую ответственна другая область науки или практики (медицина, право, педагогика, история, техника связи и т.д.).

Прикладное языкознание, в отличие от приложений языкознания, имеет собственную теорию и собственные области практики. Прикладное языкознание привлекает для решения своих задач методики разных наук: физики (в области акустики, теории электромагнитных колебаний, оптики), информатики, социологии, медицины, права и т.д. Будучи прикладной наукой, прикладное языкознание должно решать конструктивные задачи и вводить их в общественную практику. Результаты работы в области прикладного языкознания оцениваются не так, как в фундаментальной науке (соответствие теории объекту), а так, как в технике, т.е. через знание прецедентов и через создание новой действительности в области культуры (материальной, физической, духовной). Фундаментальное языкознание служит тому, чтобы на основе знаний формировать норму языка; прикладное же использует норму как данное, не обсуждая ее, претворяет норму языка в общественно-языковую практику.

Усовершенствование речевых контактов, которым занимается прикладное языкознание, может быть реализовано в трех областях:

1. Усовершенствование формы и техники производства речевых знаков, технических средств передачи, хранения и преобразования речевых знаков, средств восприятия речевых знаков. Эту область прикладного языкознания называют **языковой семиотикой (или лингвосемиотикой)**.

2. Усовершенствование речевых контактов путем обучения людей владению нормированным языком, построению нормированных форм и технике речи. Все материально-технические средства языка в лингвосемиотике могут функционировать только тогда, когда люди способны пользоваться этими средствами. Поэтому обучение людей с целью совершенствования речевых контактов называют **языковой дидактикой (или лингводидактикой)**.

3. Для того, чтобы обучение людей новым техническим средствам, созданным лингвосемиотикой, было целесообразно, необходимо организовать общественное функционирование текстов. Для этого нужны правила, по которым создаются, передаются, хранятся и воспринимаются тексты, и соответствующие институты речевой коммуникации, контролирующие действие указанных правил. Институты речевой коммуникации обеспечивают распределение, хранение, переработку и подачу заинтересованным лицам текстов, их фрагментов, специально подготовленных выборок из текстов или компилятивных объединений текстов. Деятельность институтов речевой коммуникации называют **информационным обслуживанием**.

Лингвoseмиотика, лингводидактика и информационное обслуживание составляют три стороны единого процесса усовершенствования речевых контактов общества.

Этот процесс начинается обычно с технических изобретений и открытий в языковой семиотике. Усовершенствования в области семиотики влекут за собой специализацию речевых функций общества и обобщение языковых правил.

Всякое техническое достижение порождает соответствующую методику его использования. Это, во-первых, установление границ, в которых новое достижение в области языковой семиотики может успешно функционировать, и, во-вторых, знание системы организаций и учреждений, обеспечивающих жизнь текстов.

Соотношение между языковой семиотикой, дидактикой и информатикой можно представить следующим образом: 1) усовершенствование касается деятельности всех людей (всего населения) - этот признак характеризует лингводидактику и лингвoseмиотику; 2) усовершенствование относится к использованию новой техники - этот признак характеризует языковую семиотику и информационное обслуживание; 3) усовершенствование приводит к созданию новых правил формирования и использования речи - этот признак характеризует языковую дидактику и информационное обслуживание.

Перечисленные области семиотики, дидактики и информационного обслуживания суть области практики языка. Этим областям практики отвечают прикладные науки (с тем же названием). Совпадение названий прикладной науки и области ее приложения не должно приводить к смешению науки с практической деятельностью. Научная деятельность - познавательная, практическая же представляет собой создание новых объектов, усовершенствование существующих и нередко связанное с этим устранение старых. Познавательная деятельность, как правило, имеет иные связи со смежными областями науки, чем практическая, созидательная деятельность. Вместе с тем название одним именем практической деятельности и науки о ней не случайно, так как соприкасаются две эти области очень тесно.

Прикладное языкознание является основой, из которой исторически развиваются все другие области языкознания. Изобретение письма, создание письменности и литературы приводит к становлению школы. Писцы Древнего Египта были образованы как филологи-прикладники. Они умели писать на разных материалах и разными орудиями, вести делопроизводство, преподавать в школе, заниматься управленческой деятельностью и обслуживать науку и идеологию Древнего Египта*. Современные филологи-прикладники заняты, по сути дела, в тех же областях, но решают задачи более сложные.

*(См.: Коростовцев М.А. Писцы Древнего Египта. М., 1962.)

Языковая семиотика. Фактура устной речи

Как показывают экспериментальные исследования звучащей речи, материал речи с акустической точки зрения состоит из отрезков звучания и пауз. Длина пауз соотносительна и значима.

Единая структура звучания и пауз, обладающая своей внутренней мерой, сочетается с динамической структурой, т.е. с усилением или ослаблением громкости, или звучности. С этой точки зрения по степени громкости определяются ударения, характеризующие такт или стихотворную стопу, т.е. элементарную комбинацию из ударного и безударного слогов; затем на фоне ударений, характеризующих такты, выделяются ударения, характеризующие члены логического или психологического суждения, выражаемого предложением. При этом динамическое ударение не только различает основные члены суждения: подлежащее и сказуемое в простых предложениях, но и члены сложно построенных высказываний. Периоды имеют свои динамические структуры, которые позволяют определить их основные смысловые (в риторическом и поэтическом отношении) части.

Динамическая структура речи противопоставляется структуре пауз по уровням и в целом (ведь молчание противопоставлено звучанию по громкости, так как абсолютно беззвучной среды не существует).

Другая структура звучащей речи - интонационно-тембровая - определяется частотой колебаний воздуха. Голос имеет основной тон и резонирующие обертоны. Акустическая аппаратура может последовательно показать как бы разные степени процесса изменения частоты. При относительно крупномасштабной записи улавливается движение основного тона (по частоте). При мелкомасштабной записи, когда аппарат записывает фрагменты звучания крупной величины, становятся ясны слоги и составляющие их части звука. На записи хорошо улавливается также разница по относительной длительности звучания гласных, согласных и полугласных, или глайдов. Различие в длительности между гласными и согласными достаточно велико (в два и более раза) и поэтому воспринимается хорошо [3].

Иерархической системе пауз противопоставляется по степени звучности иерархическая система громкости; с другой стороны, паузам противопоставляется частотная характеристика речи, также организованная иерархически. Но в отличие от динамической характеристики речи частотная характеристика речи как бы тоньше. Если динамическая характеристика речи дает нам только повременное усиление и ослабление звучания, то частотная характеристика речи допускает варьирование одних элементов относительно других.

Соотнесенность частотной и динамической характеристик речи осуществляется не только в фактуре самого звука, т.е. чисто субстанционально, но и благодаря паузам, разные виды которых имеют повременную структуру.

Цельность речевого потока подкрепляется особой категорией речи, называемой темпом. Темп - это убыстрение или замедление процесса речи без нарушения его членимости. Темп показывает, что внутренняя организация звучащей речи представляет собой соотносительную категорию: при убыстрении темпа соответственно "сжимаются" и паузы и сокращается мера динамического и интонационного разнообразия.

Сказанное означает, что открытие, приведшее к становлению языковых знаков устной речи, представляло собой открытие внутренней соразмерности звуков речи. Внутренняя соразмерность дает процессу создания звуков речи собственную меру времени. Соизмеримость времени, как видим, достаточно проста и представляет собой соотношение между событиями, **которые** человек создает по своей воле [1].

Фактура письменной речи

Мы наблюдаем в историческое время создание письменности у многих языков [2]. Однако эта письменность создается обычно по образцам уже существующих систем письма, письменности. Начало создания систем письма относится к доисторическому времени, поэтому скрыто от наблюдения. Автономно возникшие системы письма создавались, по-видимому, все же не без влияния уже существующих систем письма. Это значит, что если образована система письма и на ее основе сложилась письменность, то все последующие открытия и изобретения в этом направлении предопределены уже существующими системами письма, письменности*.

*(См.: Сорокина Л.Н. Четыре модели графической и морфологической ассимиляции заимствований на основе их классификации//Иностр. язык в школе. 1977. № 3.)

Семиотическая сторона системы письма состоит в том, что знаки, составляющие систему, обозначают знаки звучащей речи. При этом системы письма изобретаются так, чтобы передавать как звук, так и смысл устной речи. В принципе, передавать смысл устной речи можно, обозначив знаками письма одни звуки речи. Тогда прочтение речи вслух вызовет представление о ее содержании. Передавать смысл устной речи можно изображая ее смысл и при этом устанавливая чтение смысловыразительных элементов. Тогда прочтением текста по смысловыразительным знакам можно воспроизвести звуки речи. Наконец, можно зафиксировать на письме и звуки и смысл одновременно, соединив тем самым обе стороны устной речи в письменном изображении хотя бы частично*. Первый принцип реализует индийское письмо брахми и алфавит деванагари, второй принцип представлен в древнекитайской письменности, третий - в шумерском и египетском иероглифическом письме.

*(См.: Солнцев В.М. Общие сведения о китайской иероглифической письменности // Очерки по современному китайскому языку. М., 1957.)

Использование в актах письменности принятой системы письма приводит к ее осложнению, которое выражается: 1) в создании новых систем письма для новых языков по известным прецедентам; 2) в модификации знаков письменности под воздействием разного рода причин (смена материалов и орудий письма, изменение стиля начертания знаков, появление новых каллиграфических систем и школ); 3) в создании орфографии, т.е. в упорядочении написаний слов и их частей; 4) в реформировании орфографии; 5) в назначении новых знаков для изображения пауз, динамики и интонационного контура, для передачи синтаксических значений, т.е. во введении знаков пунктуации; 6) в назначении специальных знаков - диакритик для дополнительного различения звуков и-или значений слов и выражений.

Все эти семиотические действия обусловлены двумя факторами. С одной стороны, ни одна письменная речь не покрывает полностью устной, и наоборот; поэтому каждый вид речи имеет независимое жанрово-смысловое развитие. С другой стороны, в процессе развития письменной речи систему письменности необходимо дополнять новыми знаками, выражающими новые понятия (понятия математики, логики, картографии, геодезии, химии и т.п.), а также обогащать акты письменности орнаментальным, изобразительным содержанием. Действие обоих этих факторов отделяет письменную речь в ее содержании и знаковой форме от устной речи.

Устная речь имеет свои особенности развития. Она насыщается словами, неизвестными в письменной речи и не входящими в ее обиход. Интонационные, динамические конструкции устной речи изменяются и соответственно изменяются и звуки речи. Расхождение между устной и письменной речью существует всегда. Поэтому перечисленные виды усовершенствования письма применяются, в частности, для того, чтобы постоянно согласовывать устную и письменную речь, сближать их. Новые системы письма создаются тогда, когда некоторый устный язык попадает в сферу культурного влияния письменности и литературы на другом языке. При этом общество либо ощущает потребность выразить в письменной форме несколько иное содержание, чем на до сих пор применяемом литературном языке, либо испытывает трудности в организации просвещения на общенародном языке. Нередко при создании новых систем письма действуют обе причины [б].

Система письма создается либо путем заимствования знаков влияющего письменного языка (немецкая система письма), либо путем заимствования принципа знакообразования, но при изменении начертания знаков (армянская система письма), либо путем частичного изменения принципов создания знаков письменности (тангутская и японская системы письма).

Модификация знаков письменности имеет два основных и, возможно, связанных между собой источника: это изменение материалов и орудий письма и изменение стиля начертания. Знаки письменности могут быть нанесены различными орудиями на совершенно разные материалы. Поэтому необходим выбор наиболее подходящих технологий для создания надписей с определенными целями.

Целей, с которыми создаются надписи, всего четыре: 1) надписи, содержание которых имеет общий характер, не связанный с данными предметами или ситуациями; для таких надписей изобретаются специальные писчие материалы (пергамент, бумага) и соответствующие им орудия письма (калям, перо и т.п.); 2) надписи, содержание которых стандартно и должно быть воспроизведено в большом количестве экземпляров; в этом случае орудие письма - штамп или чекан - приобретает главное значение, так как на него наносится надпись, которая целиком переносится на материал; 3) надписи, которые могут удостоверить лицо, сделавшее надпись, - это печати; 4) надписи, которые могут удостоверить однотипность и достоинство предмета, - это все виды надписей на денежных знаках, документах, на регалиях.

Это значит, что семиотические изобретения в области письменности объясняются смысловой дифференциацией надписей. Соответственно этим изобретениям меняются взаимоотношения слова и вещи, слова и человека, его создателя:

Значения	Палеография неография	и Эпигра фика	Сфрагис тика	Нумизма тика
Знак отделен от денотата	+	-	+	+
Содержание надписи ситуативно	-	+	+	+
Создатель надписи не обязательно назван в надписи	+	+	-	-
Надпись наносится на другой знак	+	+	+	-

Как видим, изобретения в области материалов и орудий письма выделили следующие свойства знаков языка: способность не отрываться от денотата, или денотативное значение; способность нести информацию о создателе знака, или экспрессивное значение; способность разрешать предметную ситуацию, или прагматическое значение; и наконец, способность объяснить один знак другим знаком - сигнификативное значение. В устной речи эти свойства знаков раскрываются только в комплексе; в письменной речи, благодаря разнообразию ее фактур, эти свойства знаков оказались функционально выделенными, а следовательно и осознанными.

Семиотика письменной речи изучает дифференциацию содержания знаков под влиянием постоянно изобретаемых новых орудий и материалов письма, таких, например, как ЭВМ.

Динамика письма

Другая проблема, относящаяся к модификации знаков письменности, - это стиль начертания надписей. Изучение стилей начертания знаков - одна из традиционных и важнейших проблем, исследуемых прикладной семиотикой.

Стиль начертания надписей зависит от многих факторов: от материалов и орудий письма, от каллиграфии и особенно от каллиграфических школ, от функциональных и исторических различий в стиле начертания знаков, от отношения стиля начертания знаков письменности к стилю орнаментов и живописи, от индивидуальных особенностей почерка писавшего (характер его образования, возрастные особенности, уровень навыков в письменной речи и т.п.).

Модификацией знаков письменности занимается несколько прикладных филологических наук: археография, палеография, книговедение, дипломатика, графология, текстология. Каждая из этих наук изучает свой аспект проблемы изменения начертаний знаков. В задачу **археографии** входит изучение памятников письменности и литературы с точки зрения их сохранности, систематизация этих памятников, возобновление пришедших в ветхость памятников, публикация памятников.

Палеография изучает знаки письменности в их исторической эволюции, формулирует правила прочтения букв, слов и предложений и тем самым способствует верной интерпретации содержания и формы письменных источников.

Графология занимается изучением почерков и с этой точки зрения представляет собой отрасль палеографии - обеспечивает палеографическое исследование особенностей индивидуальных почерков, связанных с антропологическими, психологическими особенностями писавшего, а также характером его образования и степенью обученности.

В задачу **книговедения** входит история книги, а это значит учет книг, изучение техники исполнения и издания книг, история авторства и книгоиздательства, сохранение редких книг.

В задачу **дипломатики** входит изучение документов в их истории, т.е. изучение структуры документов как текстов, установление и объяснение их формуляра, роли в нем каждой части - клаузулы (или реквизита), установление истории документальных жанров, установление отношения текстов документов к действительности и друг к другу.

Все эти знания содействуют художественной практике создания новых шрифтов и начертаний букв. В этом качестве вспомогательные науки о знаках письменности соседствуют с практикой искусствознания.

Знаки письма - основа письменности, исторической последовательности текстов. Письменность только в общем плане предопределена звуковым и-или смысловым составом записанного устного слова или высказывания. Правила записи слов и высказываний даются орфографией. Центральным вопросом теории орфографии является установление принципов начертания последовательностей знаков для передачи звуков и значений слов и выражений. В иероглифическом письме начертание последовательности знаков понимается как последовательность написания частей иероглифа. В буквенном письме начертание последовательности знаков понимается как последовательность букв в графическом слове и правила обозначения слогоразделов, которые даются либо как пробелы, либо как особые знаки (например, лигатуры, точки и т.п.). Для единообразного и правильного начертания последовательностей знаков письменности необходимо: 1) установление принципов начертания последовательностей знаков; 2) создание правил начертания слов, включая и объединение всех случаев начертания в словарь; 3) установление тех или иных мер предотвращения ошибочных (т.е. не соответствующих правилу) начертаний.

Орфография как учение о последовательности знаков графики при записи звучащей речи развивается: с одной стороны, знаки письменности сближаются с устной речью, с другой - отходят от них. Сближение с устной речью происходит путем введения новых знаков и уточнения применения существующих.

Новое в письменности - это организация речи с помощью разных видов пробелов и средств пунктуации. Посредством пробелов различают слова, прозаические периоды и стихотворные строки, а также особые промежуточные структуры, важные для выражения логических и поэтических значений (например, выделение пробелами правил и примеров, прозаических строк и т.п.). Пробелы в письменной речи отвечают актуальным или потенциальным паузам в устной речи.

Внутри пробелов могут помещаться знаки препинания: точка, запятая, многоточие, точка с запятой, вопросительный и восклицательный знаки, дефис, тире, тильда и др. Эти знаки характеризуют пробелы с семантической стороны, с точки зрения модальности предложения, логического или поэтического деления речи на психологические суждения, организации частей суждения и т.п. Обычно знаки препинания ориентированы на разные виды периодов, их частей.

Еще одним видом сближения графики и устной речи является разнообразие применяемых шрифтов. При этом возможно различие шрифтов в разных рукописях и внутри одной рукописи. В обоих случаях шрифты как бы имитируют динамические характеристики речи.

Развитие орфографии, направленное на сближение с устной речью, идет, таким образом, по линии отображения на письме все более высоких уровней звучащей речи. "Отдаление" от материала звучащей речи в орфографии происходит следующим образом: из системы звучащей речи путем выведения существенных дифференциальных признаков звучания отвлекаются фонологические единицы. Фонологические единицы должны лишь различать значения слов и морфем. Поэтому дифференциальные признаки звучания определяются как минимальные и достаточные для выполнения смыслоразличительной функции. При этом учитываются позиционные возможности смыслоразличения и за их счет сокращается число дифференциальных признаков звучания. Так выводится минимальное число единиц плана выражения, которые достаточны для различения смысла (обычно только ассоциативного содержания) слов и морфем.

Это минимальное число звуковых единиц - фонем - может быть поставлено в соответствие с существующим числом графем (смыслоразличительных частей графического языка) и правилами

их использования. Так могут устраняться буквы, избыточные с фонологической точки зрения. Чисто фонологической графики не бывает, но сокращение числа графем в направлении сближения с числом фонологических единиц представляется общей тенденцией всех изменений письменности нового времени. Эта тенденция существовала не всегда: в средние века и ранее в письменность вводились либо дополнительные знаки и диакритики, либо сочетания букв как дополнительные графические символы. Сейчас же вводятся графические сокращения и другие виды сокращенных записей иероглифического характера.

Классическим способом отделения письменной речи от устной являются **сокращения**. Сокращению подвергаются слова, часто употребляемые и потому известные читателю или предполагаемые им из контекста. Для сокращенных написаний устанавливаются соответствующие знаки. Они бывают либо специальными (как знак "титло"), либо трансформированными из знаков препинания.

Сокращения корреспондируют с символами, употребляемыми в специальных языках. Символы могут происходить от начальных букв слов (например, *log* - сокращение слова *логарифм*), могут иметь характер рисунков - пиктограмм (например, - символ угла или - символ диаметра) или идеограмм (например, - 'точка зрения') и т.п.

Символика позволяет строить формальные и формализованные языки. Эти языки подчиняются своим правилам, аналогичным правилам орфографии, но организованным в логическую систему. Элементы формального и формализованного языка могут попасть в текст, тогда они выступают как отдельные словесные символы. Символика имеет свои фонетические отображения: это может быть произносимое вслух название символа или прочтение его в тексте (нередко они не совпадают).

Две тенденции письменной речи - сближение с устной речью и отдаление от нее - действуют каждая в своей сфере. На словесном ярусе и выше сильна тенденция сближения с устной речью, тогда как ниже словесного яруса действует противоположная тенденция.

Отношения между письменной и устной речью сложны, исторически изменчивы и только сейчас начинают исследоваться. Соотношение этих двух подсистем языка является центральной семиотической проблемой.

Соотношение устной и письменной речи

Проблемой прикладного языкознания в области семиотики является исследование, описание и представление материалов устной и письменной речи таким образом, чтобы стало возможно их взаимное автоматическое преобразование. Простейшей задачей, по-видимому, является автоматическое преобразование письменной речи в устную, или автоматический синтез устной речи. Для автоматического синтеза устной речи необходимо данные анализа звучащей речи представить как определенную совокупность последовательно разворачивающихся акустических сигналов и трансформировать эти сигналы с помощью электронной аппаратуры в звучащую речь, воспринимаемую и распознаваемую человеком. Результаты этих лингвосемиотических исследований уже воплощены для некоторых языков, например для русского и английского. Полученная на электронно-акустических синтезаторах речь воспринимается и распознается человеком [5].

Процесс автоматического синтеза речи совершенствуется. Необходимость в этом объясняется двумя причинами: во-первых, известным несовершенством программ синтеза звука и синтезирующих аппаратов, во-вторых, отсутствием индивидуального стандартного стиля автоматического произношения.

Другой проблемой является автоматическая запись звучащей речи, перевод ее в письменную форму. Чтобы как бы заменить работу стенографа, аппарат должен произвести автоматический анализ речи. Трудности, возникающие при этом, достаточно велики.

1. Звучащая речь всегда имеет индивидуальные характеристики лица, которое производит эту речь.

2. На характер акустических сигналов влияет темп произношения и связанная с ним степень полноты артикуляции.

3. При записи речи необходимо распознавание отдельных звуков, но в реальной речи звуки включены в общий динамический и интонационный контур речи и, будучи частью этого целого, изменяются в своих характеристиках в зависимости от целого.

4. Для распознавания речи человеком имеют значение не абсолютные частотные и динамические характеристики, а соотносительные; это значит, что при автоматическом анализе и распознавании речи необходимо иметь соответствующие программы, как бы сравнивающие произношение разных лиц и определяющие соотносительно характер речи и состав ее единиц.

5. Реальное узнавание речи всегда неполно, возмещается догадкой слушающего, знающего характер говорящего и его намерения (процесс слушания и распознавания речи включает в себя творческий компонент).

6. Работа стенографа строится на знании орфографии данного языка, однако между реальным произношением, образцово-орфоэпическим и представлением речи в орфографической записи стоит распознающая и речепроизводящая способность человека. В принципе, автоматы сейчас способны: 1) узнавать человека по произношению; 2) понимать голосовые команды одного лица или группы лиц, обладающих правом подавать команды.

Все эти проблемы, естественно, не могут быть решены сразу, - необходимо последовательное приближение к решению данной задачи. Например, отграничение индивидуального произношения от образцово-орфоэпического представления речи, затем отграничение искажений, связанных с различием в темпе речи, и т.п. Как показывают исследования, автоматическое распознавание звучащей речи требует последовательного движения от единиц более высокого порядка, например предложения и фразы, к единицам более низкого порядка, например фонетическим словам и слогам.

Еще одной проблемой является соотношение орфографии с орфоэпией. Современные эксперименты по автоматическому синтезу звучащей речи имеют дело с особым образом записанным материалом письменной речи, т.е. с отдельными словами и фразами. Для того, чтобы синтезировать звучание слов и фраз, необходимо иметь систему транскрипции, позволяющую представить орфографический образ любого слова или высказывания в форме программы синтеза звуков. Каждый язык имеет свою орфографическую традицию, и следовательно, свой тип соотношения орфографии с орфоэпией. Так, не одно и то же транскрибировать для синтеза речи звучание китайских иероглифов и правильное чтение текстов на немецком или индонезийском языке.

Особой проблемой является перевод письменной речи в электрические импульсы, или проблема автоматического распознавания письменной речи. Автоматическое распознавание письменной речи предполагает создание автоматического буквочитающего устройства. Его иногда называют перцептроном. Это устройство действует на основе использования принципа сканирующего луча. Пробегая по квадрату, в который вписываются буквы, луч отмечает светлые и темные места, которые возникают там, где луч наталкивается на рисунок буквы. Возникает развернутое в линию изображение буквы, данное как последовательность светлых и темных мест, которое представляет собой своеобразный код буквы. Этот код сличается с аналогичными кодами букв, находящимися в памяти перцептрона. Если есть совпадение кодов, то буква опознана и может быть записана в память ЭВМ как часть слова.

Автоматическое распознавание письменной речи и запись этой речи в память машины сулят огромные выгоды. Дело в том, что для того, чтобы ввести в память ЭВМ слова или тексты, необходим пока большой ручной труд оператора, который перепечатывает и корректирует текст. Это работа нетворческая, медленная.

При использовании ЭВМ для решения математических и логических задач объем информации, вводимой в память машины, сравнительно невелик. Само лицо, заинтересованное в решении задачи, вводит обычно такую информацию. Если же ЭВМ используется как средство

записи текстов с целью последующих операций с ними, то ввод текстов в машину означает, по сути дела, полное воспроизведение текста, что сильно увеличивает затраты и замедляет процесс.

Создание устройств автоматического распознавания и ввода текстов позволило бы эффективно использовать мощности ЭВМ в целях преобразования, хранения и передачи языковой информации. Однако, как и при распознавании устной речи, сложности в материале самой письменной речи. Если отвлечься от собственно рукописных текстов и обратиться только к машинописи и печатной продукции, возникает принципиально та же трудность, что и при автоматическом распознавании речи. Существует большое, а точнее сказать - неучтенно большое количество машинописных и печатных шрифтов. Одна и та же графема записывается множеством различных по начертанию букв. Так, буква "а" поясняется знаками А, а и др., каждый из них может оказаться графически более близким к другой букве, чем к "а": например, А ближе к Л, чем к О, а ближе к О, чем к А, и т.д. Все это создает трудности распознавания и идентификации графем, так как приходится иметь много программ идентификации. При этом увеличение числа программ сказывается на быстроте и надежности распознавания речи.

Рекомендуемая литература

1. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
2. Вереифгин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. М., 1972.
3. Златоустова Л.В. Фонетические единицы русской речи. М., 1981.
4. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
5. Рождественский Ю.В., Марчук Ю.Н., Волков А.А. Введение в прикладную филологию. М., 1988.
6. Сорокина В.М. Ситуация, процесс и результаты заимствований в лексике//Иностр. языки в школе. 1979. № 14.

Лекция 11. ЯЗЫКОВАЯ ДИДАКТИКА

Предмет языковой дидактики

Языковая дидактика (или **лингводидактика**) - область языковедческих прикладных исследований, которая занимается распространением языковых знаний и умений. Языковая дидактика тесно связана с педагогикой, методикой и психологией.

Языковая дидактика **описывает язык с целью обучения языку и языкового воспитания**. Факты языка описываются в виде системы правил пользования языком и прецедентов его правильного использования. Дидактическое понимание зависит от языковой нормы. Дидактика распространяет нормы языка.

Объем и характер материала, излагаемого языковой дидактикой, иногда выходит за пределы нормы. Если язык преподается на первых ступенях школьного обучения, то берутся только основные части нормированного языка. В целом же литературный язык описывается для преподавания на старших ступенях обучения. Если язык преподается специалистам, то языковая дидактика как бы расширяет норму на область специального языка (языка специальности). Сказанное означает, что языковая дидактика опирается на норму, но строит описание языка по запросам педагогики, в пределах установленного объема учебного предмета.

Дидактическое описание языка всегда подчинено требованиям методики. Поэтому дидактикой нередко называют частную методику, или методику одного предмета науки. Под влиянием требований методики дидактическое описание может иметь не комплексный, а одноплановый характер; например, орфографический словарь - один из видов дидактических руководств - совершенно отказывается от комплексного изложения сведений о словах и описывает лишь орфограммы слов. Педагогика и методика указывают объемы и жанры дидактических описаний языка.

Языковая дидактика затрагивает деятельность не только школы, но и издательств, средств массовой коммуникации, органов стандартизации, канцелярии и т.п.

В данном случае происходит совершенствование языковых знаний.

Связь языковой дидактики с психологией проявляется в создании наук о языковой личности: психологии речи и психолингвистики. **Психология речи** изучает становление, развитие и угасание речевой способности и характера реализации этой способности у индивидов, исследует психологические механизмы и психологические процессы, необходимые для реализации акта речи, а также сопутствующие речевому акту. Методом исследования в психологии речи является сопоставление языковых действий разных личностей, наблюдаемых как в норме (медицинско-психологической), так и в отклонениях от нормы: сопоставляется речь детей и речь взрослых, речь здоровых людей и речь людей с расстройствами речи. Исходя из этих сопоставлений строятся предположения о характере психологических механизмов речи, создаются те или иные модели таких механизмов и верифицируются с помощью опытов и наблюдений.

Задачей **психологии языка** является исследование социальной психологии, т.е. психологических характеристик тех или иных (больших, в масштабе нации или малых, территориальных, производственных, возрастных) групп населения в связи с характером языка, которым эти группы пользуются. Эти работы, начатые еще в конце XIX в., выявили в изучении проблемы два направления. В одном случае психологические характеристики групп населения рассматривались в корреляции с чертами фонетики, лексики, грамматики, т.е. в связи с чисто лингвистическими характеристиками языка. В другом случае психологические характеристики языка ставились в связь с языковой культурой, т.е. с совокупностью прозаических и поэтических произведений, созданных на этом языке. Все эти исследования помогли лингводидактике полнее представить объем языка и его членение для целей обучения.

Дидактические описания по назначению делят на учебные, справочные и учебно-справочные. К **учебным описаниям** относят все те пособия и руководства, использование которых

ограничено школой. К **справочным описаниям** относят пособия и руководства, которые предназначены для использования практическими работниками (это работники издательств, канцелярий, органов массовой информации, информатики и др.). К **учебно-справочным** описаниям относят пособия, которые в равной мере используются как в школе, так и практическими работниками.

Содержание обучения языкам может различаться по признакам изучения родного и неродных языков, изучения общелитературного языка и профессиональных языков. Соответственно характеру аудитории и предмету различаются общая, школьная и профессиональная дидактика:

Роды дидактики	Различающие признаки		
	языковой нешкольная аудитория	изучение неродного языка	усвоение нормы общелитературного языка
Общая	+	-	+
Школьная	-	+	+
Профессиональная	+	+	-

Исторически языковая дидактика развивается из школьной. Но в настоящее время языковая дидактика определяет построение остальных родов дидактики.

Общая языковая дидактика (культура речи)

Общая языковая дидактика представлена описаниями родного языка, ориентированными на широкий круг читателей, пользующихся общелитературным языком вне школы. Цель этих описаний - распространение знаний о языке и его нормах прежде всего среди практиков-работников издательств, органов массовой информации и информатики, администрации и т.п. Но этим не ограничивается круг лиц, которым адресованы эти руководства. Широкий круг читателей - это все люди, пользующиеся литературным языком. В советском языкознании общая лингводидактика получила название **культуры речи** [4]. В создании культуры речи и разных ее областей принимал участие ряд видных советских ученых, создавших как общую теорию культуры речи, так и теорию ряда ее специальных областей.

Культура речи обеспечивает решение риторико-стилистических задач общения и поэтому разрабатывает нормы языка в направлении оценки стилистических качеств языковых единиц. Оценке подвергаются прежде всего орфография и орфоэпия, лексика, грамматика. Появление этой дисциплины существенно содействовало разработке и распространению норм современного русского литературного языка и языков народов СССР.

Культура речи выработала свой подход к описанию языка. Это описание стилистического использования языковой нормы и детализация нормы с точки зрения стилистических качеств единиц языка. В связи с этим были развиты особые жанры общей лингводидактики, каждый в пределах ее тематических областей. Этим тематических областей оказалось всего три: орфография и орфоэпия, стилистическая грамматика, стилистическая лексикология и лексикография.

Книгопечатание делает создание текстов занятием, где труд автора отделяется от труда издателя. Манера письма, орфография и пунктуация автора, являющиеся плодом его школьной подготовки и индивидуального стиля, "дополняются" деятельностью издателя, имеющего дело

со многими авторами и неопределенным множеством читателей. Издатели заинтересованы в единстве орфографии. Вот почему стандартизация орфографии предпринимается сначала издателями.

От издательской стандартизации орфографии надо отличать канцелярскую стандартизацию орфографии. Она имеет ведомственный характер и формируется школой писцов, специально подготавливаемых для канцелярий. Орфографическую деятельность канцелярий можно видеть, например, в документах средневековой русской, французской, английской, немецкой и других канцелярий. Местные канцелярии дают местные варианты орфографии.

В новое время орфографические правила издаются от лица Академии наук или аналогичного нормативного органа. В справочниках, подобных, например, "Правилам русской орфографии и пунктуации" (1956), предусматриваются все случаи применения принципов современных написаний. Распространяются эти правила путем издания орфографических словарей.

В орфографический словарь включается лексика современного литературного языка. "Однако поскольку словарь является справочником собственно орфографическим, а не словарем, нормализующим современное словоупотребление, в него включаются слова, хотя и не бытующие широко в общем литературном языке, но встречающиеся в художественной или в специальной литературе и нуждающиеся в орфографической нормализации, а именно: научные и научно-технические термины, просторечные и диалектные (областные) слова, устарелые слова, историзмы и т.п. Как правило, в словарь включаются производные сложные и сложносокращенные слова, которые могут вызвать затруднения с точки зрения правильного их написания"*.

*(Орфографический словарь русского языка. 19-е изд. М., 1982.)

Орфографический словарь не является сокращенным вариантом нормативного толкового словаря. По сути дела, этот словарь решает ряд творческих задач. Они сводятся к тому, чтобы осознать орфографию прежде всего исторически, т.е. дать основание для текстологической работы. Для этой цели нужно решить вопрос об орфографии слов, не входящих в современную норму.

Кроме того, в литературный язык постоянно включаются заимствования из классических и иностранных языков, из местных диалектов, просторечия. Все множество таких заимствований не нормируется (и не должно нормироваться) толковым словарем (нормируются лишь некоторые). Поэтому перед составителем орфографического словаря возникает задача указать правильное начертание таких слов, что нередко представляет значительные сложности, особенно имен собственных, пришедших из иностранных языков.

Наконец, развитие научной и технической сфер общения вводит в язык в массовом порядке терминологию. Терминология имеет местные, латинские, греческие и другие иноязычные источники. В этом случае новые слова с очень разной этимологией и неустановившимся произношением нуждаются в орфографическом осознании, что предполагает особую работу по выявлению тенденций написания. Лишь после этого в соответствии с правилами орфографии необходимо установить написание по правилу или вывести исключение. Решаются эти вопросы на основании орфографической традиции, которая у каждого языка своя.

Издаваемые от лица Академии наук или других нормативных органов орфографические правила далее переиздаются со многими комментариями и разбором прецедентов. Нередко эти издания имеют специализированный характер: орфографический справочник для работников печати, орфографический справочник для школы и т.д. Особый интерес представляют орфографические приложения к деловым письмовникам. В них дается распространение общих орфографических норм на сферу деловой речи: указываются правила употребления прописных букв, расположения текста и т.п.

К общим справочникам относятся руководства по **орфоэпии** и орфоэпические словари. Р.И. Аванесов так объясняет понятие орфоэпии: "Орфоэпия (от греч. orthos - прямой, правильный и epos - речь) - совокупность правил устной речи, обеспечивающих единство ее звукового оформления в соответствии с нормативами национального языка, исторически выработавшимися и закрепившимися в литературном языке" [7, 5]. К орфоэпии как правильному произношению

Аванесов относит "фонетическую систему языка, т.е. состав различаемых в данном языке фонем, их качество, их изменения в определенных фонетических условиях" [1, 6]. В понятие произношения входит, кроме того, "звуковое оформление отдельных слов или групп слов в той мере, в какой оно не определяется фонетической системой языка" [1, 7]. Сюда Аванесов включает случаи произношения, не соотносимые с правилами орфографии, и двойственное произношение слов и их групп. Второе явление он относит к стилистике, считая, что оно и определяется традицией, принадлежностью слова к тому или иному стилю (высокому или разговорному), стилистической окрашенностью речи, но отнюдь не фонетическими условиями. Наконец, "в понятие произношения входит звуковое оформление отдельных грамматических форм опять-таки в той мере, в какой оно не определяется фонетической системой языка" [1, 7].

Это значит, что орфоэпия занимается системой фонем в ее реализации. Реализация фонем рассматривается не как предмет риторики - дикция, которая может быть хорошей и плохой, а именно как общая социальная, т.е. языковая, характеристика. При хорошей дикции можно обладать неправильным произношением, а при плохой дикции - правильным. В учении об орфоэпии риторические качества речи отделяются от языковых по тем же принципам, по каким каллиграфия отличается от орфографии.

Аванесов исключает из русской орфоэпии и акцентуацию: "...хотя ударение всецело относится к сфере устной речи, но, будучи в русском языке признаком либо данного слова, либо данной грамматической формы, оно непосредственно относится к лексике и грамматике, а не характеризует само по себе произношение" [7, 9]. (В большинстве случаев акцентуация включается в орфографию.) Эти положения Аванесова показывают, что понятие орфоэпии шире понятия фонетической системы языка, что орфоэпия также не совпадает с дикцией, хотя имеет назначение внести нормативность в дикцию, и что область орфоэпии определяется в каждом языке в зависимости от исторически сложившихся типологических черт языка и истории нормирования. Так, в китайской, французской орфоэпии акцентуация неустраима, а английская орфоэпия включает в себя интонационную норму и ее реализацию в речи.

Итак, "задачи орфоэпии и орфографии заключаются в том, чтобы, минуя все индивидуальные особенности речи, а также особенности местных говоров, сделать язык средством наиболее широкого общения. Следовательно, орфоэпия относится к сфере чисто практической, прикладной" [1, 11].

Обоснование правил орфоэпии лежит в трех областях: 1) в области фонетической системы языка в ее характерных для данного языка отношениях к лексике и грамматике; 2) в стилистике произношения, связанной с произносительной традицией, на которую опираются нормы литературного языка; 3) в отношении произношения к графике.

К фонетической системе языка относится произношение отдельных звуков и определенных сочетаний звуков. Произношение сочетаний звуков обычно связано с явлениями акцентуации и фонетическими процессами общего характера, такими, как редукция, слогаобразование, палатализация, лабиализация, ассимиляция, диссимиляция, в том случае, когда они затрагивают произношение серий слов и когда отсутствие действия этих правил приходится объяснять как исключения (например, иноязычные и диалектные заимствования, рефлексы старых норм произношения, нейтрализация одного правила другим и т.п.). Описание фонетической системы в орфоэпии в ее общих закономерностях всегда подчеркивает типологические свойства языка. Даже близкородственные языки, как правило, имеют разные орфоэпические системы, что видно на фоне единства этимологии.

Что касается правил произношения, связанных с лексикой, то в них даются обычно сведения о произношении иноязычных слов-заимствований и некоторых семантических категорий слов. Это прежде всего произношение личных имен, сложносокращенных слов, а также некоторых сочетаний звуков.

Особым разделом орфоэпии является описание стиля произношения (или фоностилистика). Русская фоностилистика связана главным образом с различием литературной нормы и диалектов. В ней отмечается ориентация на произношение образованных

жителей Москвы и отчасти Ленинграда. В последнее время русская фоностистика различает произношение определенных социальных групп.

Со стилями произношения в русском языке связаны различия в темпе речи, где представлено произношение полное и беглое. Это различие используется прежде всего как факт функциональной стилистики (полная речь обращена к большой аудитории, например на радио, беглая - к узкому кругу лиц, например бытовой диалог). Аванесов разграничивает виды нейтрального стиля: строгий, характеризующий сценическое произношение, и свободный, характеризующий менее строгое произношение. Кроме того, он выделяет еще и просторечный стиль. В прошлом это - мещанско-городское московское просторечие, на базе которого в свое время формировались орфоэпические нормы. Часть особенностей просторечного стиля впоследствии утратила свое значение нормы, вытеснившись соответствующими элементами книжного произношения. Именно то обстоятельство, что литературные нормы в основном формировались на базе московского просторечия, привело к такому парадоксальному факту, что нередко черты разговорного стиля могут характеризовать одновременно как просторечный стиль, так и строгую разновидность нейтрального стиля.

Таким образом, фоностистика, с одной стороны, опирается на произношение определенной группы населения (территориальной или социальной), а с другой - обязательно соотносится с графикой языка, ориентируется на традиционный характер фонетической реализации орфографической системы.

С культурой речи связан особый вид грамматики - *грамматический справочник*. Различают справочники-приложения и справочники - самостоятельные руководства. Справочник-приложение обычно представляет собой добавление к руководству практического характера: словарю, чаще всего двуязычному, письмовнику и т.п. Справочник-приложение как жанр наиболее развит в словарях. Словарный справочник дает краткую систематизацию грамматики иностранного языка, предпочитая табличные формы представления грамматики. Однако такой грамматический справочник к культуре речи не относится. К культуре речи относятся только справочники по родному языку. Они содержат стилевые рекомендации.

Грамматические приложения к письмовникам обычно предполагают иной тип подачи материала - в виде основных стилистико-грамматических правил. Эти правила включают в себя: формуляр письма или деловой бумаги, т.е. графическое расположение основных частей текста (таких, как сведения об адресате и отправителе, обращение, сам основной текст, дату, надписи, регистрационные номера, свободные места для последующих надписей), правила каллиграфии и машинописи (такие, как характер букв, расстояние между ними, интервалы между строками), сведения о верительных знаках (место расположения штампов и печатей), основные правила орфографии, присущие данному виду текста (например, употребление прописных букв), основные нормы синтаксиса и связанные с ними нормы морфологии, сведения о написании сложносокращенных слов и употреблении различных сокращений и т.п. Все это значит, что стилистико-грамматические правила в письмовниках касаются исполнения всего объема письменной речи. (В настоящее время в СССР эти правила - предмет стандартизации.)

Специализированные руководства по грамматике представляют собой так называемые **стилистические грамматики**. Вероятно, первым образцом такого рода грамматики, рассчитанной на широкое употребление, была книга В.И. Чернышева "Правильность и чистота русской речи. Опыт стилистической грамматики" (1914 -1915). Говоря о назначении своей работы, автор пишет: "В предлагаемой книжке собраны и приведены в систематический порядок примеры и правила употребления тех форм и оборотов речи, которые наиболее затрудняют пишущих и говорящих. Вопрос: "Как лучше, как правильнее сказать?" нередко задаем себе и другим. На этот вопрос не всегда даются одинаковые ответы. Иногда указания, высказанные в самой решительной форме, не удовлетворяют нас потому, что неодобряемые формы и обороты речи мы находим у наших образцовых писателей. Иногда же, наоборот, мы часто видим нарушение несомненных правил речи в книгах, в газетах, в письме и разговоре более или менее образованных лиц. Такие противоречивые показания производят смешение понятий и затемняют даже те вопросы стилистической грамматики, относительно которых существуют ясные и

прочные решения" [6, 223]. Чернышев определяет направленность своей работы как практически-прикладную и считает, что ее читателем будут грамотные и литературно подготовленные люди, пользующиеся литературным языком и заинтересованные в его правильном применении.

Чернышев отмечает, что в использовании грамматических форм и конструкций заметна довольно значительная вариативность, что правила грамматики допускают выбор форм, что практика создания текстов авторитетами дает явные нарушения грамматических правил. Поэтому предметом стилистической грамматики является изучение функционирования форм и категорий грамматики и рекомендации к применению этих форм. Грамматика лишена описания парадигм, в ней рассматриваются лишь синонимия форм и неясные случаи употребления.

Содержание грамматики Чернышева подтверждает сказанное. Так, в разделе "Фонетика" говорится о применении гласных (отдельно о беглых гласных о - е), согласных, об употреблении славянизмов, иностранных слов, сложных слов. В разделе "Части речи" читаем об образовании существительных, склонении существительных мужского рода и т.д. Автор рассматривает только двойственное употребление звуков, слов и форм, а это касается лишь части форм и категорий.

Раздел "Ясность выражения" посвящен семантической сочетаемости слов в предложениях. Говоря о смысловой связи местоимений и определяющих слов с определяемыми, Чернышев указывает, что семантический критерий в русском языке является ведущим.

Таким образом, синтаксическая сторона речи рассмотрена с трех точек зрения: грамматических значений и стилистически нейтрального порядка слов, смысловой ясности и фонетико-грамматической вариантности изложения.

Особенность стилистической грамматики как жанра состоит в том, что в ней рассматриваются правила, которые необходимо сформулировать исходя из **современной практики** речи. Стилистическая грамматика не похожа на обычную (нормативную, историческую, сравнительную, школьную) тем, что она изложена как словарь, в ней разбираются **неясные случаи применения общих правил**.

Стилистическая грамматика не является и стилистикой: в ней нет категорий стилистики, видов стилей, истории стилей, функции стилей, отношения к поэзии и прозе и т.п. В стилистической грамматике рассматриваются только трудные случаи употребления грамматических форм. Решение чисто грамматических вопросов дается исходя из требований современного хорошего, по преимуществу прозаического стиля. Такого стиля, который ориентирован прежде всего на массовое использование языка (в актах письменности, в массовых печатных произведениях).

К стилистической грамматике примыкает серия работ, которые можно было бы причислить к стилистической лексикологии и лексикографии. Сюда прежде всего относятся работы по истории слов. Если этимология слов рассматривает процессы возникновения слов (включая изучение образования слов и происхождения корней и аффиксов), то история слов изучает **историю употребления** какого-либо слова либо семантически, этимологически или формально связанных групп слов. При этом подробно выясняются значения и их оттенки, образовавшиеся у слова в процессе его употребления, контексты и стилевое применение этого слова разными авторами.

Этот жанр мыслился его основателем В.В. Виноградовым как вспомогательный к лексикографии - составлению академического словаря. Однако популярность исторических работ определила их применение - служить справочным материалом по стилистической лексикологии. Установленная история слова не дает развиваться неправильному, вульгарному пониманию слова, раскрывает систему оттенков его значения как единое целое, указывает на устарелое, новое и возможное употребление слова. Таким образом запрещается неправильное использование слова. Это особенно касается слов с неясной этимологией*.

*(См.: Виноградов В.В. Ахинея//Русская речь: Сб. статей / Под ред. Л.В. Щербы. Пг., 1923.)

Жанр истории слов тесно связан с теорией лексико-грамматической сочетаемости слов. Общее прикладное направление этих исследований состоит в том, чтобы зафиксировать

сочетаемость слов, принятую в данном языке. Для этой цели обычно берутся конкретные слова какой-либо части речи, например глаголы или прилагательные, и рассматривается сочетаемость этих слов со словами других частей речи, например существительными или наречиями. Так ведется описание языка с целью дать пособие к верному использованию слов (в лексико-грамматическом отношении) в пределах нейтрального стиля. А.М. Пешковский (1878 - 1933) относил такие исследования к области стилистики [1]. Издан словарь лексических сочетаний русского языка, названный "фразеологическим", однако единицы этого словаря следует отличать от сочетаний слов, характеризующих фразеологию определенного вида речи*. В ряде стран и у нас лексико-грамматическая сочетаемость получила название валентности слов. Составляются словари валентностей, которые нередко имеют характер пособий, регулирующих употребление слов и дифференцирующих значения слов в зависимости от их сочетаний с другими словами.

*(См.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. АИ. Молоткова. М., 1976.)

Классические фразеологические словари характеризуют идиоматические сочетания слов или идиоматическое употребление сочетаний слов в какой-либо области речи. Таких словарей издается много*. К ним примыкают словари иностранных слов**, сборники крылатых слов, пословиц и т.п.

*(См.: Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина, ЮА. Сарьяна. М., 1978.)

** (См.: Словарь иностранных слов. М., 1982.)

К стилистической лексикографии принадлежат собственно фразеологические словари, словари омонимов, словари синонимов, тезаурусы и словари рифм, обратные словари и др. Эти словари являются необходимыми справочными пособиями для правильного пользования языком.

Большое значение имеют классические **словари омонимов** и синонимов*. При составлении этих словарей необходимо решать вопрос о конкретных границах явления, по сути дела лишь обозначенного в общей теории языка. Например, общее определение омонимии выглядит так: омонимами являются "два (или более) слова, состоящие из тождественных фонемных рядов и различающиеся только семантически или грамматически, или и семантически и грамматически одновременно"**. Однако такое определение, в применении к реальной речи, нуждается в установлении конкретных границ омонимии слов. С одной стороны, случайное или намеренное совпадение звуков в речи (*Даже этим скалам бурым сочиняем каламбуры* - Минаев), с другой стороны, дифференциация значений слов (*дуга 'упряжь'* и *дуга 'часть окружности'*), с третьей - развитие полисемии и актуализации грамматических форм (*Запорожская Сечь* и *сечь 'разделять ударом'*).

*(См.: Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М., 1986; Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1970.)

** (Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка М, 1986.)

Эти сложности столь велики, что приходится вводить ограничения для более детальной проработки предмета. В лингводидактике омонимия обычно ограничивается изучением словарных форм слов (имеется в виду, что омонимия форм разных слов и совпадения звучаний могут быть обнаружены самим читателем словаря). Вот почему бывает необходимо разрабатывать особую теорию, содержащую анализ и описание типов омонимии. О.С. Ахманова выделяет два типа омонимии: 1) омонимия, вызванная словоизменением и словообразованием: омонимия основ - разные производящие основы совпадают при одинаковом аффиксе (*колкая насмешка, колкий сахар*), омонимия аффиксов (*полька 'танец', полька 'представительница польской национальности'*), разная степень членимости (*выправить гранки* и *выправить паспорт*), различие внутренней структуры (*припек на солнце* и *припек 'увеличение хлеба'*), различная принадлежность к частям речи (*пасть 'упасть', пасть у животного*); 2) омонимия, вызванная расхождением значений. Решая трудный вопрос о происходящем или завершившемся расхождении значений, следует изучать процессы словообразования и различать семантическое и формальное расхождение синонимических рядов (*забор воды* и *повалившийся забор*). Но этого оказывается недостаточно, так как приходится учитывать: 1) идентичны ли сравниваемые

единицы с точки зрения разных сфер употребления (общелитературный язык - специальная терминология); 2) синхронизировано или нет данное соотношение; 3) установлена ли их принадлежность к одной и той же территориальной разновидности языка (поскольку проблема интердиалектной омонимии - это особый вопрос); 4) имеется ли явное различие в стилистических (метасемиотических) коннотациях сопоставляемых единиц. Поэтому существует определенная степень омонимичности.

Особым видом омонимии является омонимия окончаний слов. Для уяснения этого вида омонимии разрабатываются **словари рифм** (для русского языка - грамматические), где слова располагаются по порядку звучания окончаний слов. Построение таких словарей во многом зависит от типа языка. Для русского языка, по преимуществу суффиксального, обратные словари решают также и грамматические задачи: установление парадигм аффиксов, с одной стороны, и парадигм основ, взятых по отношению к аффиксам, - с другой.

В русском грамматическом словаре слова располагаются по звукам окончания словарной формы. Но при этом необходимо подробно комментировать неупотребительность или малую употребительность тех или иных форм словоизменения и возможность различных парадигм словоизменения у данного слова и их состав. Для этого приходится разрабатывать особую систему помет, указывающую на тип парадигмы, ее полноту и возможность альтернативных парадигм у данного слова (например: *раба*, ж.р. В. мн. избегается из-за совпадений с *раб*, Р. мн. затрудн.).

Грамматические пометы о склонении и спряжении требуют детальной разработки. В начале словаря обычно дается описание русского словоизменения с указанием всех подтипов. Поэтому задачу словаря можно сформулировать так: "...отразить современное русское словоизменение, т.е. для каждого входящего в словарь слова дать сведения о том, изменяемо ли оно и если да, то как именно оно склоняется или спрягается"*.

*(Зализняк А.А. *Грамматический словарь русского языка. М., 1980. С.3.*)

"Какова, однако, практическая польза от того, что сходно склоняемые (или спрягаемые) слова расположены рядом? Действительно, эта польза невелика в том случае, когда читателю требуется всего лишь получить справку об одном конкретном слове. Однако грамматический словарь предназначен отнюдь не только для таких единичных справок. Как учащемуся, так и, в особенности, учителю он дает возможность получить ответ на множество практически важных вопросов, связанных не с отдельными словами, а с их группами. Вот примеры таких вопросов: "сколько и какие существительные склоняются по образцу имя!.. Верно ли, что все существительные на =арь имеют ударение по модели *январь - января!*..."*.

*(Там же. С. 4.)

В связи с задачами изучения сходства звучания окончаний и акцентуаций слов автору словаря пришлось решать целый ряд задач: о границах парадигмы словоизменения, об отношении неизменяемых слов к изменяемым, о склонении слов, имеющих только одно число (единственное или множественное), о форме превосходной степени прилагательных, о глагольных видах и их границах, о страдательном~нестрадательном значении глагольной формы на *-ел* и др. Все эти вопросы приобретают особую сложность тогда, когда рассматриваются грамматическая и звуко-графическая характеристики каждого слова отдельно.

Еще одним видом словарей прикладного характера являются словари синонимов и тезаурусы. В этих словарях рассматриваются и систематизируются слова с точки зрения их значений. **Словарь синонимов** отличается от тезауруса расположением слов: в словаре синонимов слова приводятся в алфавитном порядке, в тезаурусе - в порядке избранного семантического ключа. Предпочтение того или иного порядка расположения слов связано с определением смысловых отношений между словами. Дело в том, что синонимы определяются как смысловые отношения слов. Эти отношения, взятые как факт языкового сознания, во многих случаях различны, как различно языковое сознание разных индивидов. Но они определяют и особое использование слов в логических, риторических и поэтических целях, когда слова могут целенаправленно синонимизироваться.

При составлении синонимического словаря общелитературного языка необходимо отвлечься от частных случаев риторической и поэтической синонимии слов и установить общую языковую основу синонимических отношений слов. Словарная традиция делает это.

З.Е. Александрова объединяет слова по так называемым доминантам, т.е. словам, как бы наиболее ярко передающим содержание всей группы синонимов, составляющих синонимический ряд*. Центральным вопросом синонимии является понимание границ синонимического ряда. Синонимический ряд создается на основе способности слов иметь единое предметно-понятийное содержание. При этом отношения рода-вида одними учеными понимаются как синонимия; для таких синонимов определяются специальные термины: "гипероним" - "гипоним". Другие ученые исключают из словарей этот вид синонимов. Между синонимами возможно частичное сходство значения. В этих случаях обычно находят слово, которое может заменить в контексте другое слово этого ряда, делают это слово доминантой и сохраняют в ряде только те слова, которые заменимы словом-доминантой.

*(См.: Александрова З.Е. *Словарь синонимов русского языка*. М., 1968.)

Переносные значения слов обычно не признаются синонимичными, а полисемия делает ряды слов как бы разветвленными и пересекающимися. Определение этих сторон значения и границ синонимического ряда требуют решения в каждом отдельном случае.

В словарях перечень синонимов ограничивается предметно-понятийно однородными, но стилистически различными словами. Синонимические словари обычно имеют конкретный адрес ("Словарь представляет интерес для людей любых профессий и в первую очередь для писателей, журналистов, переводчиков"). Такой словарь помогает выбрать стилистически точное слово из предположительно известных пишущему синонимов и иногда найти новое слово по известному синониму.

Другое дело, когда для воплощения замысла недостает слов, когда автор текста знает слова как бы на начальном уровне. В этом случае труднее отыскать нужное слово и словарь должен "подсказывать" содержание. Пишущий как бы вступает в диалог со словарем, отыскивая словесное обозначение мысли. Сначала находится слово с самым общим содержанием, затем в словаре находится более подходящее слово, и так пока не будет найден точный смысловый и выразительный эквивалент замыслу. Такая работа со словарем представляет собой одновременное уточнение замысла, с одной стороны, и словесных средств его выражения - с другой. Этой задаче отвечает словарь-тезаурус.

Тезаурус отличается от синонимического словаря тем, что в нем учитываются оба рода синонимических отношений: родо-видовые и тождественные по значению со стилистической дифференциацией. Первая часть словаря содержит группы стилистических синонимов (например: существование, бытие, пребывание, абсолют, данность, внеличное, отдельное бытие, монада, форма, явление, реальность, сущность, физическое существование*). Второй частью словаря является алфавитный словник с индексами, указывающими место слова в словаре.

*(См.: *Roget's Thesaurus*. Penguin Books. 1978. P. 1.)

Систематизирующие семантику словари нередко жертвуют многозначностью слов ради установления однородных семантических классификаций по темам. Пересеченность разных синонимических рядов в одном слове противоречит родо-видовому принципу. Отсюда неполнота описания значений в словарях, построенных на смысловых родо-видовых классификациях.

Современная теория прикладной лингвистики занята отысканием разных способов описания значений.

Применяются различные методики анализа значений слов (например, теория семантических полей, компонентный анализ и др.), широко используется аппарат статистики текстов.

Такие словари, как словари новых слов, личных имен и фамилий, географических названий, названий лиц по месту жительства и др., также представляют общую лингводидактику.

Традиции в общей языковой дидактике и ортология языка

Между различными традициями общей языковой дидактики существуют заметные различия. Так, лингводидактика английского языка создала особый тип словаря - толково-энциклопедический словарь, где объяснение значения слова дается вместе с самым кратким энциклопедическим истолкованием. В этом словаре сочетаются нормативные и лингводидактические задачи. Такова традиция, например, словарей Мэрриэм-Вебстер. Такова же традиция и французской лексикографии в словарях Лярусс. По-разному идет распространение и стилевая организация норм произношения. В одних традициях письменникам уделяется большее внимание, в других - меньшее.

Японская теория языкового существования представляет собой сочетание нормативных принципов и лингводидактического описания из специально сформулированных правил общей и частной риторики. Такое объединение составляет специфическую особенность японской культуры речи*. Опубликовано множество работ по статистическому изучению использования единиц языка в речи, социальной статистике речевой нагрузки населения, истории применения языка в разных стилях речи, истории стилей и т.п.

*(См.: Неверов С.В. Основы культуры речи современной Японии. (Теория языкового существования). М., 1982.)

Изучение мирового опыта лингводидактики составляет одну из проблем общего языкознания. Безусловно, общая лингводидактика не случайно получила в ряде филологических культур особое название: культура речи, языковое существование. Это новая прикладная лингвистическая наука со своим методом и своей теорией, "выросшая" из фундаментальных и нормативных лингвистических исследований и органически развившаяся из школьной лингводидактики.

Опираясь на опыт школы, общая языковая дидактика выработала свой предмет - литературный язык в его стилистическом применении. Поэтому не случайно, что многие работы по лингводидактике имеют как бы вид словарей. Так, основным лингводидактическим пособием, раскрывающим применение правил орфографии, является орфографический словарь, пособием по орфоэпии - орфоэпический словарь. Стилистическая грамматика рассматривает грамматическую систему лишь как фон для своих построений, правила же излагаются как отдельные статьи, т.е. напоминают словарь. Стилистическая лексикография состоит из словарных жанров. Словарная форма построения диктуется самим предметом общей лингводидактики: необходимо объяснить норму стилового использования единицы языка. Каждая единица стилистически индивидуальна, поэтому приходится давать списки единиц и соответствующий комментарий к каждой единице.

Теоретические разработки по лингводидактике, связывающие норму с индивидуально-стилевым использованием языка, предназначены для специалистов. Результаты этих разработок формулируются в словарной форме как собственно прикладное описание языка. С другой стороны, общая языковая дидактика по-новому определила вопросы воспитания правильности речи. О.С. Ахманова ввела в лингводидактику понятие **ортологии языка**. Термином "ортология языка" определяется правильное использование нормативно правильных единиц языка. Ортология языка, как считает Ахманова, была присуща речевой деятельности всегда, но только с появлением общей лингводидактики стала самостоятельным предметом исследования [2].

Исследования ортологии языка имеют два плана. Один план - анализ внутренних системных отношений детализирование разработанных единиц языка. Буквы, звуки, слова, грамматические формы описываются так, что каждая единица показывается через системные отношения с другими единицами в процессе ее использования в речи. Этот уровень детализации описания системы языка впервые был достигнут лингводидактикой. Другой план лингводидактики - анализ пользования языком. Теоретики культуры речи обращали внимание прежде всего на этот план, так как он позволяет зафиксировать реальные общественные процессы применения языка. Этот анализ связан с социологией языка.

Школьная языковая дидактика

Школьная языковая дидактика в истории школы делилась по языкам. В античности в школе изучали родной литературный язык, и только его. В средние века изучали классические и иногда иностранные языки. В новое время в школе изучали классические языки, иностранные языки и родной язык. Эта дидактическая классификация языков оправдывается применением дидактических жанров.

Классические языки считают мертвыми, и потому учат только чтению и толкованию хрестоматийных текстов.

Иностранные языки относят к живым, поэтому в центре обучения лежит активизация навыков речи и письма. Язык рассматривается только как средство общения, в отличие от классических языков, которые рассматриваются как средство формирования культуры личности.

Родные языки воспринимаются и как средство общения и как инструмент формирования культуры личности. Изучение родного языка дополнялось изучением классических и иностранных языков, что содействовало образованию на родном языке.

К 20-м годам XX в. родной язык стал противопоставляться иностранному, а классические языки были выведены из школы. Сейчас начинается знакомство с языками программирования, что повлечет за собой изучение информационных языков (информационные языки - источник профессиональных знаний).

Школьную языковую дидактику составляют следующие жанры: 1) хрестоматии текстов с комментариями к ним; 2) учебные пособия по разным курсам языка и словесности; 3) учебники языков и литератур.

Хрестоматии с комментариями к текстам - самый древний жанр языковой дидактики. Введение учащихся в литературный язык начинается с чтения и толкования различных текстов. Поэтому возникла потребность в отборе сочинений для школы, которые хорошо представляют основы языка и одновременно содержат сведения философского, эстетического, естественнонаучного и практического характера, имеющие общее культурное значение. Такие тексты принято называть *классическими* (дословно - употребляемыми в классе, т.е. в школе).

Следующим шагом языковой дидактики является создание комментария к текстам. Комментарий к классике сначала существует в общей форме: толкуются глоссы - лексические части текста. Комментирование глосс бывает содержательным, целью которого является объяснение мыслей, вложенных в текст, реалий, т.е. предметов описания, обстоятельств написания текста, истории создания текста, и толкованием глосс по контексту. Здесь же комментируются средства языкового выражения (объяснение орфографии, установление орфоэпии глосс, грамматических форм текста, выявление стилистических средств текста и истолкование их как способов выражения содержания).

Среди специальных комментариев выделяются толкования языка классики. На этих комментариях основаны средневековые науки о языковой деятельности: грамматика, логика, риторика, поэтика. Работы по языку, составляющие начало собственно языковой дидактики, разделяются на: 1) словари-глоссарии, ономастиконы, азбуковники, т.е. словари, необходимые для чтения классики; 2) собственно грамматические комментарии к текстам, или описательные грамматики текстов; 3) орфографическо-орфоэпические комментарии, которые часто включаются в глоссарии и другие словари, а также в грамматические комментарии.

Литературный язык как предмет языковой дидактики начинается с изучения графики. Графика представляется как строго упорядоченная система. Упорядоченность состоит в том, что для всякого знака графики устанавливается место в списке, стандартное начертание, название, значение и произношение*. Последовательность знаков называют **алфавитом**. Появление алфавитов вызвано, по-видимому, чисто дидактическими причинами. Алфавит является основой систематизации языка.

*(В китайской иероглифике, и, кажется, только в ней одной, название знака письменности и произношение совпадают.)

Несмотря на то что последовательность знаков алфавита дается языковой дидактикой достаточно строго, существует много способов организации этой последовательности. Ведущим способом организации алфавита в древности и средневековье являлось особое осмысление каждого знака, иначе - буквенная символизация. Каждому знаку письменности - букве - присваивалось определенное абстрактное значение. Буква, помимо звука, символизировала какую-либо стихию, из которых построен мир (то же делают и ключевые части иероглифов).

Буквенный символизм как теория строения мироздания был отброшен (сохранился только в библиотечных классификациях). Однако в современных азбуках буквенный символизм представлен как методический принцип и каждой букве соответствует слово и его значение (например, *а* - *арбуз* и т.д.). Во многих алфавитах буквы символизируют также числа. Впоследствии буквы стали использоваться как математические и технические символы, условно обозначающие соответствующие понятия.

Использование букв для изображения слогов естественного языка рождает лингвистическую классификацию букв, в частности деление букв по характеру обозначаемых ими звуков на гласные и согласные.

Изучение происхождения отдельных графических знаков, их начертаний, названий, фонетического и символического значений, алфавитной последовательности знаков и способов представления этой последовательности составляет начальный цикл изучения системы языка. После усвоения азбуки человек может читать и писать. Изучение азбуки - начальная задача языковой дидактики - составляет особый цикл обучения письменному языку как системе знаков. Построение азбук и обучение им - одна из самых сложных задач языковой дидактики.

Следующим этапом обучения языку является школьная грамматика. Первые собственно школьные грамматики, употреблявшиеся в средневековье для изучения классических языков, представляли собой, по сути дела, обширные своды грамматических комментариев к классическим текстам. Эти комментарии были организованы по системе правил, выработанных античными грамматиками: приводились правила, очень большое число примеров из различных текстов, а затем толкования особенностей каждого примера. Подробно комментировались также исключения из правил. Этот тип грамматики удержался вплоть до конца XVI - начала XVII в., когда появились грамматики национальных языков.

При создании грамматик национальных языков происходит разделение философской грамматики и грамматики практической, или школьной. Первая дала начало теоретическому общему языкознанию, вторая оформила школьную грамматику как предмет языковой дидактики. Школьная грамматика национального языка строится на сопоставительных принципах.

С появлением **национального типа школьной грамматики** начинают создаваться учреждения, призванные нормировать язык. Школьные грамматики получают опору в академических нормативных грамматиках родного языка и разбиваются на ряд видов в зависимости от конкретного назначения. Школьные грамматики различаются по видам обучения и типам учебных заведений. Так, есть грамматики **краткие** - для начальной ступени обучения и **полные** - для продвинутой ступени обучения. В прошлые времена различались грамматики по типам школ: для мужской и смешанной школ, отдельно для женской школы (грамматики для девиц и дам), для штатской и военной школ и т.д. Кроме того, школьные грамматики пишутся как основные руководства и как краткие грамматики - приложения к словарям, к руководствам по риторике, эпистол ографии.

С развитием филологического образования на родном языке и развитием школы появляются школьные грамматики новых типов. Помимо упомянутых различий, школьные грамматики делят на научные и практические. **Научные** школьные грамматики призваны объяснить характер и принципы выведения грамматических категорий, а **практические** - дать знания и навыки построения и понимания правильной речи, оценки речи с точки зрения правильности.

Научные школьные грамматики по способу изложения делят на контраверзные и систематические. **Контраверзные** грамматики излагают противоречащие положения и показывают состояние исследований по грамматике, а **систематические** излагают предмет с точки зрения нормы и в системе, предлагаемой автором грамматики. "Средним" типом научной

грамматики, совмещающим в себе контраверзные и систематические принципы описания, являются так называемые **грамматики грамматик**, в которых при характеристике грамматических категорий последовательно излагаются взгляды разных ученых на данную категорию.

Школьная грамматика должна отличаться высокой степенью **достоверности** описания. Это объясняется тем, что "разрыв" с языковой реальностью сделает грамматику неприменимой в школе. В то же время школьная грамматика знакомит литературно образованную публику с языковым строем. Например, в русской грамматической традиции самыми лучшими, авторитетными могут быть названы грамматики М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова. Множество грамматик, издававшихся в течение XVII - XX вв., не изображает так ярко развитие системы и смену стилевых предпочтений, как грамматики этих ученых.

Грамматика классического языка обычно пишется на основе грамматической систематизации, принятой в античности, с добавлением сведений, полученных в результате сравнительно-исторических, типологических и сопоставительных исследований. Грамматика иностранного языка, с одной стороны, должна полностью учитывать норму изучаемого языка и школьную традицию грамматического описания этого языка на его родине, а с другой стороны, должна отображать грамматическую традицию родного языка учащихся. Вот почему составление школьных грамматик иностранных языков представляет собой своеобразный компромисс принципов описания языка.

Школьные словари называют учебными словарями. Учебные словари представляют собой род учебных пособий. Эти пособия составляются либо самими учащимися (что распространено в практике преподавания), либо педагогами, занимающимися языковой дидактикой. В последнем случае учебные словари представляют собой пособия, значение которых выходит за пределы школы.

Существует несколько видов учебных словарей: 1) словари - комментарии к текстам, изучающимся в школе, нередко имеют характер подстрочников к тексту; слова в них обычно перечислены в той последовательности, в которой они встречаются в тексте, но могут приводиться и в алфавитном или ином порядке; эти словари дают обычно и общее и контекстное значение; 2) учебные словари-минимумы обеспечивают начальное систематическое усвоение лексики языка; эти словари дают значения слов по принципу толковых словарей; 3) словари служебных слов и грамматических элементов могут быть либо полными, либо словарями-минимумами; 4) словари реалий, где значение слов иллюстрируется текстом и-или картинкой, позволяющей составить первоначальное представление о предмете, неизвестном учащемуся (по характеру подачи значения эти словари стоят как бы между энциклопедическими и толковыми словарями); 5) школьные энциклопедии, дающие минимум сведений, необходимых учащемуся; 6) словари терминов, необходимые обычно при преподавании языка какой-либо науки, составляются либо по тезаурусному, либо по алфавитному принципу; в словарях терминов даются дефиниции, позволяющие усвоить предмет специальности; 7) фразеологические словари, задача которых показать стилистически нормативные сочетания слов, как обычные, так и идиоматические, указать правильные сочетания слов и те идиоматические значения, которые они могут приобретать; 8) словари поговорок, пословиц, крылатых слов и максим (т.е. словари регулярно воспроизводимых в языке клише), в которых объясняется происхождение клише, его значение и употребление.

Учебные словари чаще составляются для неродного языка учащегося (т.е. для классических и иностранных языков) и имеют характер переводных словарей. Это объясняется тем, что лексика этих языков не известна учащимся. Лексика же родного языка усваивается учащимися в общении, в процессе изучения различных учебных предметов.

Основным видом дидактических описаний являются учебники языка - труднейший жанр лингводидактики. Учебник объединяет в себе описание языка, принятое в хрестоматии, и систематическое описание языка, характерное для азбук и грамматик. Все другие жанры дидактики координированы с учебниками.

Чаще всего материал учебника делится на разделы (уроки). В каждый раздел включены хрестоматийный текст, комментарий к нему, грамматические правила и некоторое число слов. Все это должно быть представлено в соотношении, позволяющем параллельно усваивать различные аспекты языка: звуки, графику, грамматику, лексику, тексты, стилевые нормы устной и письменной речи и давать знания о культуре народа. Так учебник совмещает в себе все дидактические жанры.

Одним из жанровых различий учебников родного, классического и иностранного языков является характер учебных текстов. В учебниках классических языков состав учебных материалов определяется хрестоматией классических текстов: используются только образцовые тексты. В учебник родного языка включают как авторские тексты, так и "сочиненные". При этом требование к полноте представления хрестоматийных авторов ослабляется. В учебники иностранных языков лишь на продвинутой ступени обучения помещают оригинальные тексты, нередко адаптированные, т.е. оригинальность и хрестоматийность текста - не обязательное требование.

В учебнике родного языка **лексика** комментируется главным образом в подстрочных примечаниях. Учет лексики родного языка представлен в педагогике некоторых стран (например, в англоязычных странах), но он дан отдельно, в методических и педагогических обоснованиях учебников. В учебниках классических и иностранных языков изучению лексики, ее переводу на родной язык и истолкованию, как правило, посвящаются особые разделы.

Принципиальным отличием учебников родного, классического и иностранного языков является характер обучения орфографии. Особенно полно обучение **орфографии** представлено в учебниках родного языка. В учебниках классических языков знание орфографии классических текстов, как правило, не активизируется, орфография изучается по прецедентам в текстах, тогда как в учебниках иностранных языков орфография и орфоэпия составляют отдельные предметы изучения.

Опыт составления учебников показывает различные возможности представления системы языка. Этот опыт показывает также, что языковая личность с точки зрения языковых знаний и навыков фактически по-разному представляет себе разные языки и по-разному пользуется ими. Характер языкового образования во многом определяет поведенческие и творческие возможности индивида.

Если сравнить, например, учебники иностранного языка конца XVIII в. с учебниками XX в., то ясно видно одно существенное различие. Учебники конца XVIII в. вводили учащегося не в основы языка, но как бы в весь литературный язык: освоив полный учебник для продвинутой ступени обучения, учащийся обладал достаточными знаниями языка, мог полностью включиться в речевой обиход литературного языка. В конце XX в. учебник для продвинутой ступени обучения примерно такого же или даже большего объема позволяет освоить только основы литературного языка. Объем сведений уже недостаточен для эффективного чтения газеты и слушания радиопередач, составления документов, ведения беседы на профессиональные темы и т.п.

Жанры языковой дидактики в настоящее время совершенствуются благодаря введению новых методических приемов и новой техники обучения. В обучении широко используется кино, телевидение, лингафонная техника, радиотехника и т.п. Хотя эти средства не меняют существа предмета языковой дидактики, но возникает необходимость создания лингводидактических работ новых жанров: лингафонных курсов, кино-, радио- и телекурсов. Звукозапись и наглядные средства при чтении лекций и проведении семинаров требуют усовершенствования подачи материала. Изменяются и средства тренировки языковых навыков и контроля знаний и навыков, что также требует новых лингводидактических разработок.

Современный человек в школе овладевает лишь основами литературного языка. Границы этого языка раздвинуты этимологически его историей и дифференцированы по специальным областям знаний. Это отразилось на структуре языковой личности и общей социальной норме языковых знаний и навыков. Теперь различие в объеме языковых знаний и навыков связано со

знанием индивидом специальных подсистем языка и углубленным знанием основ общелитературного языка. Это положение ставит перед лингводидактикой серию новых задач.

Профессиональная языковая дидактика

Профессиональная языковая дидактика рассчитана на распространение языка в специальных сферах общения, определяемых неязыковыми занятиями людей. Эти специальные подсистемы языка (или подязыки) представляют собой терминологию и фразеологию науки и техники. При этом профессиональные языки, изучаемые индивидом по роду занятий, бывают родными и иностранными, контакт между которыми оказывается необычайно тесным. Предмет обучения, характер аудитории и особые отношения между родным и иностранным языками заставляют выделить особый предмет языковой дидактики - **язык для специальных целей**.

Профессиональная лингводидактика поставила и разрабатывает следующие основные вопросы: об объеме общелитературного языка, о соотношениях разных профессиональных языковых подсистем, о соотношении устной и письменной форм языка в пределах учебного предмета. Применение технических средств обучения диктует особенно четкий выбор предмета обучения и особую строгость описания языка.

Профессиональная лингводидактика является сейчас основной областью языковых исследований, непосредственно связанной с научно-техническим прогрессом. Она обеспечивает подготовку людей в специальных сферах языка, лингвистически обеспечивает международные контакты в сфере науки и техники. Разработки лингводидактики в области терминологии и фразеологии в сочетании с разработками по информационному обслуживанию обеспечивают проверку их результатов в педагогическом процессе.

Поскольку профессиональная языковая дидактика занимается и преподаванием языков в учебном заведении и распространением языковых знаний среди населения, ей свойственны черты как школьной лингводидактики, так и общей лингводидактики, что отражается в составе ее жанров.

Одним из источников профессиональной лингводидактики являются **энциклопедические словари**. Они возникли в XVIII в. В энциклопедиях уже фактически отразилось деление слов на научно-технические слова, включая и терминологию искусств, и общеобиходные, составляющие предмет толкового словаря. Словник энциклопедии, в отличие от словника нормативного словаря, включает в себя различные имена собственные (имена людей, географические названия, названия исторических событий, научных теорий, произведений искусств, уникальных технических объектов и т.п.) и нарицательные имена и термины, позволяющие показать основы наук, искусств и ремесел. Энциклопедии определяют язык обучения в отраслях знаний и умений. Так, не будучи сами лингводидактическим текстом, энциклопедии помогают профессиональной лингводидактике выбором и толкованием специальной лексики.

В области устной ситуативной и профессиональной речи возник жанр **разговорников**. В разговорниках определяются ситуации общения и дается лексика и фразеология общего и профессионального характера. Большое место занимают **письмовники** деловой корреспонденции.

С решением задач профессионального общения связано появление двух жанров словарей: отраслевых словарей и энциклопедий, с одной стороны, и отраслевых словарей-минимумов - с другой. **Отраслевые словари** по характеру изложения разделились на толково-энциклопедические и энциклопедические, а толково-энциклопедические, в свою очередь, на одноязычные и неодноязычные (дву- и многоязычные).

В значительной части отраслевых словарей представлен как бы средний тип. В словник словаря отбирают только специальные слова. Объяснение слов тройное: перевод, нередко на несколько языков, определение (как в толковом словаре) и краткое энциклопедическое толкование слова.

Этим трем подтипам отраслевых словарей противостоят **отраслевые энциклопедии**. Например, энциклопедия "Русский язык" (1979) - это свод лингвистических знаний по русистике.

Состав словника показывает, что в энциклопедию включены статьи-персоналии и статьи, объясняющие основные термины и роды филологической деятельности. Так, в статье "Автоматический перевод" описаны принципы построения системы автоматического перевода, научная значимость, практическое назначение и существующие системы автоматического перевода. Отраслевая энциклопедия, таким образом, отличается от отраслевого словаря известной избирательностью содержания, направленностью изложения, включением персоналий.

Особой частью лингводидактики являются школьные знания "профессионального" иностранного языка. Они призваны представить язык науки или техники в его основах, выделить "ядро" иностранного языка науки. Эти знания образуются в виде трех основных разделов науки: грамматики, лексики и семантики.

Проблемы языка науки, техники и делового общения

Профессиональная языковая дидактика решает ряд важнейших теоретических вопросов, составляющих теоретический фундамент этой области прикладного языкознания. Среди них - проблемы терминологии, общенаучной лексики, соотношения языка и стиля научного изложения.

Терминология большинства наук этимологически смешанная. Она представлена словами греческого и латинского (кальки и перевод) происхождения.

Сравнительное изучение терминологий показывает, что в таких науках, как биология и медицина, терминология двойная: описываемые терминами предметы и явления называются латинскими словами, которым, как правило, соответствуют термины на общелитературном языке. Напротив, в химии терминология - международная, построенная на латинских и греческих основах и создаваемая по определенным словообразовательным правилам, включая и правила сокращения сложных слов. Терминология химических процессов менее строгая, но и здесь имеются международные греко-латинские эквиваленты. Терминология математики и физики по этимологии как бы случайна. Она зависит от образов, вкладываемых в термины их создателями, и составлена из слов, ведущих происхождение от бытовых слов разных языков.

Язык науки - письменный, устная речь о научном предмете как бы вторична по отношению к письменному языку научных публикаций. Хотя язык лекций - прежде всего устная речь. Типологическое и историческое изучение языка науки состоит в необходимости разработок по истории языка науки для того, чтобы учесть факты устно-письменных взаимодействий*.

*(Существенный шаг в этом направлении был сделан Н.В. Юшмановым, описавшим грамматические черты интернационализмов в русском языке. Хотя его разработки относились по преимуществу к интернационализмам как целому (т.е. не только к научным словам), предложенный им метод может быть конкретизирован для языка науки, где взаимодействие исконной и заимствованной лексики носит частный характер, если рассматривать его по отношению ко всем интернационализмам.)

Сравнительно-историческое и типологическое изучение терминологии подводит к мысли о закономерности образов, лежащих в основу терминов. Терминология при своем создании опирается на общую образную основу языка - тропы (различные виды метафор и метонимий, например: *черные дыры, условная вероятность, исторический процесс*). Однако тропы при создании терминов как бы ограничены и определенным образом направлены. Общая смысловая направленность тропов - устранение бытового значения. Поэтому в терминах *условная вероятность, исторический процесс* заметен плеоназм; в термине *книжные песни* - оксюморон; термин *классицизм* построен на метонимии; термины *коэффициент* и *синус* содержат метафору. Тропы употребляются так, чтобы "оторвать" значение слова от этимологического, послужившего основой для создания термина, нарушить полисемантическую цепь значений. Образность, лежащая в основе создаваемых терминов, пока не изучена. Но то, что научный образ заставляет делить значение слова на терминологическое и нетерминологическое, предполагает особую направленность в создании образов. Этим, вероятно, можно объяснить и то, что во многих случаях для создания терминов избираются слова с иностранной этимологией, например:

файл (англ.), *катрен* (франц.), *табу* (полинезийск.) и др. Семантические сдвиги при создании терминов отчасти описаны [3]. Выделение терминологии в особый класс лексических единиц позволило глубже исследовать смысловую природу этих образований. Терминологи усматривают в термине дифференцированность и возникающую вследствие дефиниции его однозначность. Термин обычно рассматривается внутри предложения, содержащего дефиницию. При этом обращается мало внимания на использование и назначение терминов в составе разных видов словесности. Поэтому до сих пор слабо различаются научная, техническая и другие виды терминологий.

Разработка научной терминологии в отраслевых словарях разных видов, изучение текстов, содержащих научные и технические термины, показывает их семантическую неоднородность. Если научные термины стремятся к полисемии, то технические термины стремятся образовать омонимические ряды.

Научные тексты существуют обычно в виде публикаций. В таких публикациях при правильном изложении каждый термин должен быть употреблен однозначно. Однако не существует запретов на создание новых терминов и "переопределение" существующих. В каждой или почти в каждой научной публикации либо вводится новый термин, либо переосмысливается существующий, либо то и другое вместе. Постоянное "переопределение" терминов в разных научных работах приводит к тому, что термины обрастают коннотациями, становятся многозначными. Видимо, это отвечает основной природе научного термина быть однозначным в данном сочинении и многозначным во всей массе научных публикаций, так как вместе с познанием нового развивается и значение термина.

Технические термины представлены обычно в документах. Технический документ, организуя производственную деятельность людей, требует однозначности в понимании и истолковании. Без этого разрушится взаимодействие разных технических специальностей да и сама производственная деятельность. Стандартизация терминологии не может быть поручена составителям документов, так как это будет означать, что одна из сторон, исполняющих документ, будет устанавливать содержание текста исходя из своих интересов. В силу этого техническая терминология дефинируется и нормируется (стандартизуется) специальными органами. В СССР эта деятельность поручена Госстандарту СССР, который устанавливает техническую терминологию и контролирует ее правильное использование.

К профессиональной лингводидактике относится и проблема общенаучной лексики. Под общенаучной лексикой понимают слова-нетермины, употребляющиеся в научных текстах в одном значении или в сходных значениях. Это такие слова, как *выполнять*, *приниматься*, *нести*, *сохраняться*, *развить*, *пройти*, *отсутствовать*, *стать*; *удовлетворительный*, *исторический*; *удовлетворительно*, *значительно*, *достаточно*; *они*, *мы*; *кривая*, *касательная*, *энергия*, *ценность*, *актуальность* и др. Объем общенаучной лексики сравнительно невелик и вряд ли превышает 3000 слов.

Будучи основой изложения логического хода мысли в научном тексте, общенаучная лексика в развитых языках отличается от омонимичной ей (или частично омонимичной) общелитературной лексики. Например, *выполнять* в общелитературном языке значит 'осуществлять, проводить в жизнь', 'создавать, делать'; в составе общенаучной лексики данный глагол фразеологически связан с существительным *условия* и значит 'следовать предложенным правилам'.

Общенаучная лексика, как показывает анализ текстов и словарей, отделилась от общелитературной сравнительно недавно (в последние 40-50 лет) и близка по значению аналогичным словам общелитературного языка. Существуют примеры достаточно ясного разделения общенаучных и общелитературных значений. Например: *приниматься* в научном тексте - 'исходить из допущений или условий, условно полагать', в общелитературном - 'начинать какое-либо дело, приступить к чему-либо', 'начинать воздействовать на кого-либо', 'пускать корни, прививаться'. Но есть немало случаев, когда общенаучное значение слова весьма близко к одному из общелитературных значений и связано с ним как особый вид тропа. Например, *сохраняться* в общелитературном языке значит 'сберегаться, оставаться нерастраченным',

'оставаться в силе, не исчезать', 'сохранять свои силы, молоджавую внешность', 'пребывать или воспроизводиться без изменения качества', 'оставаться неповрежденным' (*дом во время бомбежки сохранился*) и 'оставаться в силе, не исчезать' (*сметана в холодильнике сохранилась*). Ср. общенаучное значение: *эти данные сохраняются и при изменении условий наблюдения*, т.е. данные воспроизводятся.

Иногда в словаре общелитературной лексики стилистически выделяется значение, близкое к общенаучному; например, одно из значений слова *нести* - 'быть опорой чему-либо (спец.)' - ср. общенаучное *нести информацию (идею, отпечаток и т.п.)*, т.е. быть знаком чего-либо, и техническое *нести (тяжесть) пролетного строения* (о мостах).

Общенаучное значение развивается из общелитературного путем **специализации значения** (в отличие от терминов, которые семантически построены из тропов). Так, при формировании общенаучного значения у слова **приниматься** происходит специализация значения слова - 'начинать какое-либо дело'. Кроме того, в специализации значения этого слова учитывается еще и синонимическая связь: **брать - принимать**. Значение **приниматься** 'условно полагать', по-видимому, содержит особый образ, в котором, однако, трудно установить определенный троп. Неясность внутренней формы слов общенаучной лексики, неизученность способа образования этой внутренней формы затрудняет создание дефиниций общенаучной лексики.

При составлении тезаурусов терминов разных наук слова общенаучной лексики становятся дескрипторами (т.е. описывающими словами). Значение дескрипторов объясняет значение терминов, но само не объясняется их значениями. Это показывает, что общенаучная лексика представляет собой переходное звено от общего языка к языку науки. Специализация значений, возникающая у слов общелитературного языка на основе особой образности (образа научного предмета), предполагает далее создание терминов.

Требование краткости и ясности, характерное для профессиональных текстов, при абстрактном характере предмета изложения рождает те стилевые явления, которые необходимы для составления научного или технического текста, а именно: профессиональное обучение составлению текстов, нормирование языка науки и распространение норм через лингводидактику, строгую формулярность текста.

Язык науки и техники во многом сейчас является образцом для языка деловой письменности, в том числе для языка управления. Язык науки влияет и на массовые виды речи: устную речь, язык массовой информации, художественную речь. Это значит, что правильность и чистота научного языка не только обеспечивают успех научного сочинения, но и содействуют правильности и чистоте речи во многих сферах общения.

Рекомендуемая литература

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1954.
2. Ахманова О.С., Беляев В.Д., Веселитский В.В. Об основном понятии "нормы речи" (ортология)//Филол. науки. 1965. № 4.
3. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
4. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
5. Пешковский А.М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: Сб. статей. М.; Л., 1925.
6. Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи//Избр. труды. М., 1970. Т. 1.

Лекция 12. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Информационное обслуживание как часть прикладной филологии

Информационное обслуживание как область прикладного языкознания по содержанию тесно связано с профессиональной лингводидактикой. Однако по происхождению, назначению и применению информационное обслуживание представляет собой часть прикладной филологии. Соответственно тому, что языкознание есть часть филологии, в информационном обслуживании выделяется **лингвистическое** информационное обслуживание.

Информационное обслуживание как часть прикладной филологии раньше объединяло библиотечное и архивное дело, канцелярскую деятельность. Библиотечное дело имеет целью сбор книг и рукописей, их хранение, своевременное обновление фондов, их описание, учет, распространение информации о книгах и рукописях и предоставление в распоряжение читателя фондов библиотек.

Архивное дело имеет целью комплектование, хранение и описание архивов, разработку классификаций документов, предоставление документов для прочтения лицам и организациям.

Канцелярское дело состоит в обеспечении движения документов в текущем документообороте, включая прием и отправку документов, их регистрацию и контроль за прохождением, контроль за правильностью формы и исполнением документов, формирование дел и сдачу в архив исполненных документов. Для этой цели разрабатываются канцелярские формы учета и классификации документов.

Можно видеть, что все три вида прикладной филологии занимаются классификацией текстов по их содержанию, авторству, движению и хранению; все они дают читателю сведения о текстах и предоставляют тексты по запросу читателя. Эта общая часть деятельности библиотеки, архива и канцелярии лежит в основе теории информационного обслуживания.

Единая теория информационного обслуживания возникла в связи с компьютеризацией речи, т.е. в связи с применением ЭВМ как средства записи, учета и хранения языковой информации. Благодаря технике удалось совместить функции библиотеки, архива, канцелярии и сделать из текстов, введенных в ЭВМ, средство управления и исследования.

Однако классифицировать тексты и следить за ними можно только через лексические единицы, ибо только лексические единицы объединяют тексты. Поэтому признаком класса текстов являются **лексические единицы** этих текстов. Различие между текстами состоит в комбинациях лексических единиц. В силу этого в теории информационного обслуживания выделяется языковедческая часть - лингвистическая теория информационного обслуживания, или **лингвистическая информатика**.

Лингвистическая информатика относится также к области прикладной филологии. Ее назначение - обеспечение читателя текстами. Из деятельности архива, библиотеки и канцелярии, таким образом, отвлечена их общая функция описания, учета и классификации текстов.

Прикладная филология позволила интегрально рассмотреть соотношения между языковыми функциями, филологией и языкознанием.

Написанный или напечатанный текст благодаря его письменной фиксации представляет собой "след" деятельности ума. Такие "следы", будучи соединенными в библиотеке, архиве или ином хранилище текстов, составляют общественную память. Но в отличие от индивидуальной памяти человека, память, отложенная в текстах, отделена от индивида.

Память общества образует основания его духовной (в том числе и словесной) культуры. Для того, чтобы соотнести эти основания культуры общества с индивидуальной культурой личности, для того, чтобы личность могла воспользоваться достоянием общественной памяти, необходимо приобщить ее к общественной памяти. Вот почему нужно дать ключ к реальным текстам, хранящимся в общественной памяти.

Всякий, кто имеет домашнюю библиотеку более тысячи томов, прекрасно знает, как трудно бывает найти в этой маленькой, хорошо известной библиотеке книгу, положенную не на место. Если библиотека возрастет в сто раз, то поиск "заложной" книги станет делом практически безнадежным. В миллионном хранилище, каких сейчас немало, обойтись без строгой систематизации хранения, учета и распределения нельзя. Тем более это касается документов. Документы как тексты с юридической ответственностью не должны теряться. Если учесть, что каждый день функционирует несколько миллионов документов, из которых примерно половина станет достоянием архивов, можно представить себе масштабы общественной памяти.

Книжные, журнальные публикации, государственная, юридическая документация, экономическая, кадровая, отчетно-финансовая, организационно-распорядительная, военная, профсоюзная документация, патенты и т.п. - все это подлежит ведению информатики. Для этого общество образует информационную службу.

Зарубежный и советский опыт показывает, что характер распределения обязанностей и функций органов информационного обслуживания тесно связан с характером общественного и государственного устройства. Работа информационной службы в целом дает большой экономический эффект. Поэтому часто информационное обслуживание реализуется на коммерческих началах. Организация этой службы во многом определяет ее эффективность. Создаются фирмы и отделы внутри промышленных фирм, государственных и общественных органов, снабжающие заинтересованных лиц информацией за определенную абонентную плату.

В СССР в организации информационной службы сочетаются тематический и ведомственный принципы. С одной стороны, предприятия, учреждения, ведомства, а также исследовательские институты организуют свою систему информационного обслуживания. Эта работа возлагается на специальные подразделения, которые должны установить круг вопросов, интересующих данное предприятие или ведомство. Это проблемы текущей деятельности данной организации, истории ее деятельности, деятельности смежных организаций и учреждений. Информационное подразделение должно быть связано с вышестоящими органами информационной службы и работать под их контролем.

Филолог-прикладник, работающий в информационном подразделении, должен установить круг проблем, интересующих или могущих заинтересовать "свою" организацию, представить эту проблематику в виде круга тем, определить названия тем в лексических единицах.

Кроме информационной службы при организациях, ведомствах, создаются центральные органы информатики, в задачу которых входит обработка информации по определенным направлениям. Данные естественных наук обобщает Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ). Данные по гуманитарным наукам обобщает Институт научной информации по общественным наукам АН СССР (ИНИОН). Данные по технике обобщает Всесоюзный научно-исследовательский институт технической информации, классификации и кодирования (ВНИИКИ). Данные по техническим наукам обобщает Всесоюзный научно-технический информационный центр (ВНТИЦ). Данные по патентам обобщает Центральный научно-исследовательский институт патентной информации и технико-экономических исследований (ЦНИИПИ). Существуют также институты, обобщающие данные по строительству, сельскому хозяйству, медицине и т.д.

Информационная служба организуется на основе теории информационного обслуживания. Задачами этой теории является изучение того, что представляет собой информация с качественной и количественной точек зрения, исследование процессов движения и накопления социальной информации и ее языковой представленности (т.е. на каком языке формируется информация), изучение соотношения роста информации с ростом населения, тематические характеристики динамики информации. На основании этого строится классификация информации (научная, техническая, общественная и т.п.). Затем разрабатываются теория принципов информационной деятельности, основания методик анализа и синтеза информации и принципы построения информационных систем.

Особенность информационного обслуживания как части прикладной филологии состоит в том, что в нем тесно соединяются государственная статистика и книжно-издательская и архивная статистика. Это позволяет представить распределение текстов в обществе соотносительно с иными его институтами (государственным устройством, языком, населением и др.). Теория информационного обслуживания составляет фундамент решения основных вопросов организации информационной службы в стране, установления методов сбора и обмена информацией, установления международных связей, материального обеспечения и т.п.

Лингвистическая информатика

Теория информационного обслуживания как часть прикладной филологии мало касается вопросов лингвистической информатики. Независимо от типа организации информационной службы предметом непосредственно словарной разработки является **текст**. Предметом прикладной филологии в информационном обслуживании являются большие классы текстов в их движении. Предмет лингвистической информатики составляет отдельный текст, его форма и словарь.

При обработке отдельного текста необходимо решить несколько практических задач: расчленить текст семантически, по уровням обобщения содержащегося в нём смысла, и отдельно обработать и представить абоненту каждый из этих уровней.

Начальным уровнем обобщения содержания является оригинальный текст в виде публикации или рукописи. В оригинальном тексте, который в лингвистической информатике называют **первичным текстом** (или первичным документом), смысл максимально детализирован. Максимальная детализированность смысла здесь понимается относительно его возможных обобщений, а не абсолютно. Это значит, что с точки зрения лингвистической информатики данное содержание, отнесенное ко всей совокупности композиционных форм и лексических единиц, составляющих эти формы, сводится к общему содержанию текста. Поэтому любой оригинальный текст, в любом жанровом и композиционном построении, независимо от степени содержащегося в нем научного и философского обобщения, считается максимально детализированным.

Задачу, стоящую перед лингвистической информатикой при обработке текста, нередко называют **компрессией текста**. Информационный работник "выбрасывает" из содержания оригинального текста все то, что не является самоописанием этого текста. Дело в том, что по законам построения речи всякий текст должен содержать описание предмета речи и описание самой речи, т.е. данного текста. Границы между этими двумя областями содержания текста во многом зависят от того, кто прочитывает текст. Например, если текст по математике читает историк, то он установит только, что данный текст - математический, возможно, назовет и раздел математики, к которому данный текст отнесен. Математик же установит более точный адрес и поймет предметное содержание текста. Нередко при восприятии текста специалистом адрес текста определяется через предметное содержание. Информационный работник фактически находит адрес текста по содержанию. Его задача сводится к тому, чтобы как можно более точно отделить предметное содержание от адресного.

Всякий письменный текст имеет формуляр, т.е. он строится из реквизитов - графически отдельных частей, каждая из которых имеет свое назначение и место в тексте. Так, книжная публикация имеет следующие реквизиты: имя автора, заглавие, выходные данные (место издания, название издательства и т.п.) и текст. Слово "текст", как видно, употребляется в двух смыслах: текст как целое, т.е. совокупность реквизитов, и текст как отдельный реквизит. В тексте-реквизите дано само предметное содержание публикации.

Выделение в текстах книжных публикаций таких реквизитов, как имя автора, заглавие, выходные данные, предназначено в основном для самоописания текста, хотя имя автора или название издательства могут указать искушенному читателю на характер и тип предметного содержания. "Нетекстовые" реквизиты текстов выделились в практике библиографических и архивных классификаций, предъявляющих свои требования к произведениям словесности.

Поскольку информационное обслуживание продолжает библиографические и архивные классификации, реквизиты текста целиком и без изменений входят в информационное описание текста. К этим реквизитам информационный работник лишь добавляет адрес хранения, который он заимствует из библиографического описания текста.

Творческая часть работы информационного работника - изучение тех реквизитов текста, где предметное содержание слито с адресным. Такими реквизитами первичного текста являются заголовок и собственно текст. Найти адресное содержание и отделить его от предметного составляет задачу, выходящую за пределы компетенции специалистов в области предметного содержания текста.

Статистическое изучение текстов свидетельствует, что на область предметного содержания текста указывают наиболее частотные существительные или другие лексические единицы с предметным значением. Установлено, что сравнением данных анализа разных текстов можно определить не только тип предметного содержания, но и характер аргументации, время составления текста и даже авторство. Это значит, что предметное содержание весьма тесно слито с адресом текста, и наоборот, адресное содержание текста разъясняется его предметным содержанием.

Этим свойством текста пользуется лингвистическая информатика. Современные библиографические и архивные классификации содержат набор адресных признаков, по которым устанавливается некоторая часть предметного содержания текста. Однако это содержание раскрывается слишком обобщенно для читателя. При обилии текстов на одну и ту же тему читатель может выбрать необходимый ему оригинальный источник, только если просмотрит достаточно большой массив текстов. Поиск нужной публикации или документа начинает занимать больше времени, чем само чтение". Поэтому, детализируя адресное содержание, информационный работник конкретизирует и предметное содержание.

Таким образом, адресное содержание текста пополняется с помощью предметного. Никакого сокращения текста не происходит. Наоборот, создавая развернутые адресные описания оригинальных текстов, информационный работник добавляет к общему объему текстов новые.

Заголовки и рефераты

Для создания новых информационных описаний требуется применить риторические принципы полноты ~ краткости представления адресного содержания оригинальных текстов, разработать особые стилистические модели описания, в основе которых лежит жанровый принцип.

Информационные описания делят на **связные тексты и словарные тексты**. Первые являются описанием оригинальных текстов, выполняемым как отдельные связные тексты рефератов или как реплики диалогов и заголовки, а вторые служат для систематизации информационных и оригинальных текстов. Информационные описания, выполняемые как связные тексты, бывают двух родов: заголовки и рефераты. Они различаются пространностью или детализированностью описания.

Самый краткий связный текст **заголовок**. Для создания текста - заголовка обычно используется оригинальный заголовок источника. Однако такой заголовок не всегда отвечает требованию создания заголовка как информационного жанра. Например, заголовок *Высшие классификационные группировки общесоюзного классификатора промышленной и сельскохозяйственной продукции* в информационном тексте может остаться без изменения. Однако заголовок *Правильно ли мы говорим по-русски?* для того, чтобы стать информационным жанром, должен быть изменен. Автор оригинального текста предложил этот заголовок с целью адресовать свою книгу как можно большему числу читателей и сам же дал книге подзаголовок *Справочное пособие по произношению, ударению и словоупотреблению*. Необходимо указать, что это словарь. Поэтому информационный заголовок должен выглядеть примерно так: *Культура речи, словарь - пособие для исправления наиболее частых ошибок в орфоэпии, акцентуации и употреблении слов*.

В практике, однако, уточнение заголовков книг, статей или названий документов не бывает столь значительным, так как заголовки в специальной литературе и документах обычно состоят из терминов и слов, достаточно хорошо представляющих адресное содержание текстов. Общий принцип редактирования оригинального заголовка состоит в том, чтобы в информационном заголовке были слова из информационных словарей, по которым абонент ведет поиск материалов. Поэтому лишние слова, появившиеся в авторском заголовке вследствие стилистической неточности, отбрасываются и вводятся необходимые слова для поиска адреса по словарю.

Другим жанром лингвистической информатики является **реферат**. Рефераты могут быть более или менее пространными. Это зависит от разработанного органом информационной службы стандарта реферата. Информационные рефераты существенно отличаются от рефератов (или близких к ним жанров) научно-технической литературы и деловой письменности. Реферат как информационный жанр привлекает предметное содержание источников только с целью пояснения и раскрытия адресного содержания. Вот почему реферат в информатике строится по принципу "о том-то смотри там-то", тогда как в неинформационных рефератах выражен принцип "о том-то полагаю следующее...".

Эти смысловые особенности определяют модальность и композицию информационного реферата. Модальность реферата должна быть объективной (т.е. автор реферата не может выражать свое мнение об источнике), а композиция реферата должна отражать предмет, который описан в источнике.

В информатике приняты две схемы составления рефератов: краткая и пространная. **Краткий** реферат отражает содержание источника вне его композиционного членения и логической схемы. **Пространный** реферат, напротив, отражает основную композиционно-логическую схему источника. Так, формуляр рефератов ИНИОН строится по пространной схеме, а формуляр рефератов ВИНТИ - по краткой схеме. В обоих случаях, как и при создании или редактировании заголовка, реферат должен быть терминологичным, т.е. отражать предметно-смысловое содержание источника в терминах, включенных в информационные словари.

Информационные словари

Терминология является инструментом поиска текстов. Поэтому центром работы информационной службы являются особые словари, которые составляет служба информатики. Благодаря этим словарям предметно-логическое содержание источника определяет адрес текста. Словари составляются и используются постоянно. Это объясняется динамикой терминологии в оригинальных текстах.

В отличие от энциклопедий, толковых или отраслевых словарей служба информатики ведет учет всех встретившихся употреблений терминов (каждый текст расписывается с точки зрения содержащихся в нем терминов). Основная трудность здесь сводится к следующему: необходимо установить границы терминов и отличить термины в данном тексте от нетерминов. Во всяком или почти во всяком научном тексте есть новые термины, нередко создаются термины-синонимы, а сложные термины подвергаются метонимическим сокращениям. Сокращенные варианты терминов могут отличаться от общенаучной лексики только характером значения, иногда трудно уловимым. В техническом тексте всегда присутствует много дублетных терминов, что затрудняет их разграничение.

Словник словаря, составленного по текстам, редактируется с точки зрения различения терминов-омонимов и метонимических сокращений и дублетов терминов и пополнения новыми терминами. Каждому термину приписывается индекс, обозначающий текст, где этот термин употреблен. Такой словник является уже инструментом поиска оригинальных текстов. Если термин отражает определенную предметную область знания или деятельности и известен абоненту, то по терминологическому словарю можно найти тексты, в которых употреблен данный термин, включая оригинальные тексты, их рефераты или заголовки. В результате такого

поиска будет получен перечень текстов, включающих в себя термин, а значит, описана область знаний, связанная с этим термином.

Если необходимый термин неизвестен абоненту, то вести поиск по словарю, построенному по алфавитному принципу, невозможно. В этом случае необходим словарь, построенный по семантическому принципу. Таким словарем является информационно-поисковый тезаурус, который предназначен для отыскания нужного раздела знания через смысловые характеристики терминов. Термины выстраиваются в тезаурусе по принципу родо-видовой подчиненности и/или ассоциативных смысловых связей.

Например, в "Тезаурусе по теоретической и прикладной лингвистике" (сост. С.Е. Никитина. М., 1978) верхней иерархией являются такие разделы грамматики, как морфология и синтаксис. Далее в каждом разделе термины следуют по алфавиту. Статья может содержать следующие части: 1) заглавное слово-термин, которое далее комментируется; 2) синонимический термин; 3) коррелят (обычно термин-антоним); 4) родовое понятие; 5) видовое понятие; 6) целое, частью которого выступает явление, называемое термином; 7) компоненты, т.е. части, из которых состоят явления, называемые термином... * 11) уровень языка, к которому относится явление, тип единицы, к которой относится явление... 28) ассоциативная связь с другими терминами. Малый объем данного тезауруса дает и малую иерархичность слов и понятий.

*(Перечисляем наиболее важные признаки.)

Как правило, тезаурусы обладают довольно большим числом родо-видовых иерархий. Например, в "Классификаторе промышленной, сельскохозяйственной продукции" (М., 1972) дано пять иерархий: 1) продукция энергетической и нефтяной промышленности; 2) электроэнергия или продукция нефтяной промышленности; 3) электроэнергия, произведенная электростанциями общего пользования и блокстанциями (или то же локального пользования); 4) электроэнергия, произведенная электростанциями общего пользования или блок-станциями общего пользования; 5) электроэнергия, произведенная КЭС, или ТЭС, или ГТЭС, или ДЭС, или АЭС, или ГЭС, или нетиповыми электростанциями общего пользования. В каждой иерархии своя рубрикация.

Как видим, та или иная область науки или техники благодаря своей терминологии охватывается тезаурусом, имеющим свои особенности. Например, информационно-поисковый тезаурус по языкознанию имеет следующий тематический охват: "Персоналии языковедов. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. Структурные и математические методы. Классификация языков. Образование и развитие языков. Социолингвистика, психолингвистика. Письменность, фонология, грамматика, лексикология, семантика, стилистика. Прикладное языкознание. Теория сообщений и кодирования в применении к языку. Лингвистические вопросы преподавания языка. Семиотика"*.

*(Аннотированная библиография информационно-поисковых тезаурусов. ГАСНТИ. М., 1980. С 12.)

Различие тезаурусов по их построению достаточно велико. Это связано как с составом терминологии отрасли, так и с подходом к составлению словаря. В любом случае для построения тезауруса необходимо выделить минимум слов, с помощью которых описывается значение терминов и устанавливаются иерархия и ассоциативные отношения. Такие слова называют **дескрипторами**. Установление дескрипторов зависит от особенностей терминологии и характера тезауруса. Дескрипторы являются основой тезауруса: из них выводится значение основных терминов, они же позволяют определить ассоциативные отношения. Во многих случаях дескрипторы принадлежат к общенаучной лексике.

Построение информационных словарей предполагает достаточно полный учет терминов в их реальном функционировании. Термины в информационно-поисковых словарях отличаются от терминов в отраслевых словарях тем, что лишь отражают текущее состояние терминологии, но не распространяют знания по терминологии. От терминологических стандартов информационно-поисковые словари отличаются тем, что не нормируют терминологию.

Информационный поиск

Информационное обслуживание распределяется по трем направлениям: реферативные издания, информационный поиск и автоматизированное управление. Направление определяется в зависимости от того, кто является инициатором создания и передачи текста. В реферативных изданиях орган информатики по своей инициативе и в установленные сроки снабжает читателя рефератами, освещая тем самым текущие поступления. В информационном поиске инициатива исходит от читателя, который дает запрос органам информатики на поиск литературы. В автоматизированном управлении инициатива исходит от обеих сторон одновременно.

Деятельность информационной службы начинается с **реферативного обслуживания**. Реферат как бы первая реплика диалога с абонентом. Цель такого диалога, с одной стороны, проинформировать, а с другой собрать сведения и решить задачу, принять или отдать команду, обучиться чему-либо, вести рассуждение о чем-либо. Все это происходит в регламенте, установленном органом информационной службы, которая стремится автоматизировать процесс диалога.

Примером реферативных изданий могут быть сборники рефератов, выпускаемые ВИНТИ и ИНИОН. Рефераты не обязательно печатаются и рассылаются по почте. В ведомствах рефераты могут выходить в небольшом числе экземпляров. Главное, чтобы рефераты отражали текущие поступления в фонды, выходили в определенные сроки и распространялись среди заинтересованных в них читателей.

Для реферативного обслуживания, казалось бы, достаточно организовать реферирование пополнения фондов. Но написание рефератов зависит от того, как орган информатики суммирует и классифицирует терминологию в текстах, а это значит, что грамотные рефераты могут быть составлены только на основе информационных словарей.

Информационный поиск ведется как поиск литературы и/или рефератов. Запрос на поиск составляет читатель (иногда с помощью работника информационной службы), пользуясь словарями, в основном тезаурусами. Читатель отыскивает по словарю (сам, с помощью сотрудника информационной службы или автомата) интересующие его разделы знания, представленные соответствующими терминами, и формулирует запрос на нужную ему литературу. Поскольку термин имеет индекс, обозначающий тексты, в которых он употреблен, есть возможность представить читателю эти тексты. Запрос может быть конкретизирован и круг литературы сужен, например, по признаку авторства, времени создания источника и т.п. Но главным средством сужения круга литературы является сочетание терминов. Например, читателя интересует литература о сварке. Публикаций о сварке очень много. Читатель конкретизирует свой запрос: *сварка с помощью лазера*. Так круг литературы сужается. Но читателя интересует медицинское применение сварки, тогда формулируется запрос: *сварка живых тканей с помощью лазера...* Круг литературы еще сужается, можно сформулировать новый запрос: *сварка с помощью лазера живых тканей глаза...* Затем уточняется время публикации, автор и т.д., пока не выявится интересующий читателя круг литературы, которую он оценит сначала по заголовкам, затем отберет рефераты и, ознакомившись с рефератами, выберет нужные оригинальные тексты.

Если читатель не вполне уверен в том, какая именно литература ему нужна, он повторяет свои запросы в близких, а иногда и отдаленных областях знания, быстро знакомится и отбирает необходимый материал. Такой поиск, приближая читателя к интересующим его источникам, одновременно хорошо информирует его в смежных областях знания.

Поскольку запросов может быть много и выбор и обнаружение необходимой литературы требуют времени, поиск может быть **автоматизирован**. Тезаурус и индексы материалов вводятся в память ЭВМ. Запрос делается ЭВМ по определенному несложному коду, и на экране дисплея появляется ответ. Запросы и ответы могут повторяться по изложенной выше схеме до тех пор, пока читатель не получит удовлетворяющего его ответа.

Для того, чтобы реализовать автоматический поиск информации, необходимо предложить читателю правила формулирования запросов, а в программу ЭВМ ввести соответствующие

команды на поиск необходимых ответов и демонстрацию их на экране дисплея. Это элементарная диалоговая система.

По этой же схеме ведется поиск не только литературы. В память ЭВМ могут быть введены различные сведения, например о числе сотрудников на станциях Октябрьской железной дороги или о числе вагонов, обработанных этой дорогой за сутки. В этом случае информационный работник должен обрабатывать документы и извлекать из них соответствующие сведения. Для этого необходимо прежде всего преобразовать документы, особенно учетного характера, приведя их к форме, удобной для обозрения человеком, с одной стороны, и для ввода в память машины-другой, т.е. усовершенствовать формуляр документов. Если документ исполнен не по формуляру, что бывает нередко, информационный работник сам придает документу соответствующую форму. Затем подготовленные на соответствующих бланках данные вводятся в машинную память.

Для заполнения бланков и введения данных в память машины необходимы особые словари-классификаторы, также организованные по тезаурусному принципу. Классификаторы создаются для учета изобретений, кадрового состава, финансовых средств и т.д. Они содержат слова, с помощью которых передаются разного рода сведения: кадровые, финансовые, производственные, транспортные, плановые и т.п. Это значит, что содержание родовых терминов должно быть поделено между содержанием видовых терминов, что родо-видовые отношения между терминами организуются строго иерархически. Все это требует тщательного анализа содержания терминов, "отбрасывания" терминов, не укладывающихся в иерархическую классификацию, и создания терминологии, полностью отражающей содержание, для которого создается классификатор.

Таким образом, информационные системы бывают двух родов: библиографические и фактографические. Они различаются источниками информации, характером ее содержания (информация о текстах или об объектах) и основным требованием к содержанию информации. В библиографической системе поиск литературы производится приближенно, не вся литература, по содержанию связанная с данным термином, может быть учтена. В фактографической системе, где учитывается число и положение объектов, должен быть полный учет всех данных; данные приводятся обычно в виде числительно-предметных сочетаний, где число отражает количество объектов, мощность машин и установок, количество энергии, эффективность процессов и т.п., а также управление производственными процессами, идущими в автоматическом режиме.

Автоматизированные системы управления

Автоматизированные системы управления - самый сложный вид информационного обслуживания. Сочетание повременного и позапросного предоставления информации помогает принятию разного рода управляющих решений в области проблем планирования, энергетики, транспорта, финансов, кадров, конструкторско-проектных работ.

Основу автоматизированных систем управления (АСУ) составляют информационные системы. В автоматизированных системах управления информация (совокупность сведений) делится "по периодичности обновления, содержанию обработки и решаемому на ее основе классу задач, на три рода: а) учетно-отчетная информация (сведения) о функционировании объектов; б) информация об изменении в функционировании объектов под влиянием внутренних и внешних для объектов причин, которые влияют на состояние системы управления; в) нормативная информация, используемая для решения задач на управление: правила планирования, правила и порядок принятия разного рода решений" [7, 14].

Такое деление информации отвечает делению на виды документов. Например, сводки содержат информацию о функционировании объектов; справки, докладные записки и т.п. - об изменении объектов; уставы, положения, инструкции - нормативную информацию для принятия решений. Само же решение, данные для которого готовит АСУ, или решение, которое принимает либо прямо АСУ, либо человек, использующий АСУ как помощника, - отвечает содержанию

приказа, решения, постановления и других чисто распорядительных документов. Это значит, что АСУ с помощью техники автоматизирует содержательное и формальное движение дел.

Поэтому существующие документы необходимо приспособить так, чтобы в ЭВМ они соединялись между собой по содержанию, обеспечивая управляющую деятельность. Сама ЭВМ не является юридической категорией, играя роль счетного аппарата. Только документ как словесный текст имеет юридическую силу, закрепляя и оформляя отношения между людьми.

Таким образом, АСУ включается в документооборот. Для филолога это означает разработку форм документов и словарей, удовлетворяющих требованиям однозначного представления разного рода данных в АСУ, с одной стороны, и в исходных документах - с другой.

При работе с документами нужно документ, представляющий собой сообщение, прочитать и составить материал для ввода в ЭВМ, или формализованный документ. Такой "документ" имеет адресную часть, или "шапку" - таблицу. "Таблицы строятся из отдельных графических элементов (линии вертикальной и горизонтальной разграфки и другие знаки), которые разделяют части документа и элементы информации в столбцах и строках". Оригинальный цельнооформленный текст служит основанием для составления таких таблиц, содержащих фактическую информацию. Поэтому в "документах" АСУ есть только назывные предложения или числительно-предметные сочетания. "Основными единицами естественного языка выступают отдельные слова и словосочетания разной сложности, обозначающие наименования понятий". В связи с этим в "документах" АСУ преимущественно используются словосочетания именного типа, реже - конструкции других типов. Словарный состав ограничивается лексическими единицами, используемыми в словосочетаниях и самостоятельно... Семантика ограничивается полем значений наименований понятий" [1, 46 - 47].

Большая длина словосочетаний, выражающих такие понятия и называющих предметы по классификаторам, заставляет прибегать к сокращениям. Используются также условные обозначения каких-либо параметров, принятые в науке и технике.

Так как назначение формализованных документов АСУ - суммировать информацию и представлять ее в систематизированном виде, возникает необходимость в строгой стандартизации наименований. Выделяют следующие основные классы наименований, различаемые по смыслу: наименования объектов управления - предприятий, объединений, организаций, учреждений и ведомств; наименования видов изделий промышленной и сельскохозяйственной продукции; наименования видов сырья и материалов; наименования должностей рабочих и служащих; наименования разного рода укрупненных показателей (характеристик), используемых в процессах управления производством, снабжением и распределением ресурсов; наименования профессий и специальностей; наименования природных ресурсов; наименования видов работ и услуг; наименования единиц измерения. Может быть выделен и ряд других, менее значимых классов. "В пределах каждого класса понятий проводится классификация, учитывающая интересы управления и машинной обработки информации... Обычно используются системы классификации с жесткой иерархией" [1, 57-58].

Но жесткость классификаций сталкивается с проблемой лексической (языковой) динамики. Прогнозировать развитие лексики пока не удастся. В связи с этим ряд филологов считают целесообразным использовать принципы словообразования и терминообразования и строго нормировать их исходя из характера лексики, представленной в классификаторах. Поэтому необходимо: 1) разработать типовые синтаксические модели для построения имен различных смысловых и функциональных классов; 2) установить правило преобразования нетиповых терминов в типовые, построенные по моделям, и выработать на этой основе правила разрешения синонимии; 3) разработать сокращения для разных категорий, понятий, т.е. создать особую грамматику аббревиатур и ввести ее в действие. В этой грамматике, как и во всякой нормативной грамматике, должны присутствовать запрещения и рекомендации, правила семантического и формального различения классов лексических единиц [1, 68-69].

Информационное обслуживание как часть прикладной филологии должно также заняться теорией документа и в целом теорией нехудожественной прозы.

Автоматизированный перевод

Помимо автоматизированного информационного обслуживания, ЭВМ предоставляет в распоряжение абонентов **системы искусственного интеллекта**. Системы искусственного интеллекта разрабатывают в целях автоматизации деятельности человека при создании и осмыслении письменных текстов. Они делятся на: 1) системы синтеза и анализа устной речи; 2) системы записи, редактирования и автоматизированного составления текстов; 3) системы автоматического проектирования (САПР) и системы записи музыки и изображений; 4) калькуляции; 5) моделирующие системы; 6) экспертные системы; 7) игровые и обучающие системы; 8) системы автоматизированного, или машинного, перевода. Автоматизированный перевод является центральной системой искусственного интеллекта.

Машинный перевод сочетает в себе теорию перевода как особую филологическую теорию и собственно лингвистическую теорию языковых соответствий двух и более языков. По соотношению систематологических и математических средств машинный перевод близок к АСУ. Машинный перевод - это перевод текста с одного языка на другой, выполняемый с помощью ЭВМ по заранее составленному алгоритму. Под алгоритмом понимается определенная последовательность формальных операций, выполнение которых идет от фразы на исходном языке к ее переводному эквиваленту на выходном языке... Алгоритмы представляются в ЭВМ в виде программы, а вспомогательная информация - в форме машинных словарей, таблиц, списков*.

*(См.: Марчук Ю.Н. Контекстологический словарь для машинного перевода многозначных слов с английского языка на русский. М., 1976. Ч. 1.)

При машинном переводе анализируется исходный текст, определяются роль слова в предложении, его значение, а затем подбирается соответствующий эквивалент в языке перевода и формулируется фраза на языке перевода. Грамматический анализ и синтез, достаточно сложные сами по себе, занимают в машинном переводе относительно небольшое место. Основной объем информации содержит словарь (названный контекстологическим словарем), который по принципам составления и характеру информации о слове не похож на другие словари.

Автоматизированный перевод используется только в некоторых видах словесности. Он целесообразен для оперативного перевода документов, текстов массовой информации, научной и особенно технической литературы. В этих областях необходимо делать перевод оперативно, терминологически строго, с высокими требованиями к стандартизации приемов перевода. (Разумеется, процесс перевода не может вестись без контроля редактора, что является общим требованием к любому переводу.)

Перевод только некоторых текстов предъявляет особые требования к словарю. Дело в том, что в толковых словарях дается общее языковое значение слова, в отраслевых словарях представлены только термины, в словарях информатики - также термины, и притом в особой систематизации, пригодной для данной системы информационного поиска или автоматизированного управления. Реальные же тексты документов, научно-технической литературы и массовой информации составлены преимущественно из общелитературных слов и лишь в небольшой части из терминов; причем значение слов связано с употреблением их именно в данном виде словесности. Это значение оказывается вообще не описанным никакими словарями, кроме контекстологического.

Контекстологический словарь, таким образом, есть словарь текстов определенного вида. Он дву- или многоязычен. Главным предметом такого словаря фактически оказывается межъязыковая омонимия или полисемия слов определенного вида словесности. Словарь составляется на основе материала переводимых текстов (изучаются слова-оригиналы и переводы), значения слов определяются формальными приметами контекста.

"Теоретической основой контекстологического словаря является теория детерминант. Согласно этой теории каждое значение (перевод) многозначного слова... детерминируется в контексте другими словами, с которыми данное слово сочетается, или определенными

грамматическими признаками. Эти слова, а также классы или группы слов и грамматические признаки называются детерминантами". Такой словарь представляет собой собрание слов, информация о значении которых дается в терминах тех алгоритмов, которые к данному слову будут применены в автоматическом переводе.

*(Марчук Ю.Н. Контекстологический и словарь... С. 4-5.)

Оставляя в стороне характер алгоритмов, необходимо указать на следующие особенности контекстологического словаря. Словарь дает максимально полные сведения о применении слов в данном виде словесности:

- 1) варианты перевода в данном виде словесности;
- 2) возможные грамматические связи слов в предложении;
- 3) детализации значения применительно к данному виду словесности;
- 4) смысловые связи слов по смысловым группам;
- 5) вхождение во фразеологизмы;
- 6) сведения о валентностях слов, характерных для данного вида словесности.

Для того, чтобы эти стороны значения и употребления слов можно было отразить в словаре, потребовалась классификация слов по частным лексико-грамматическим группам внутри частей речи (как в античной грамматике: имя собственное, соименное, наименное, родовое, отчество и т.д.). Разумеется, в каждом виде словесности частные лексико-грамматические группы слов будут свои. Так, для общественно-политической лексики в текстах массовой коммуникации пришлось определить, исходя из значения и сочетаемости слов, следующие группы существительных: одушевленные, личные имена, географические названия, местоимения-существительные, денежные единицы, названия организаций, названия партий, названия документов, названия стран, названия воинских единиц, названия должностей, названия изданий, названия металлов, названия собраний людей, названия пищи, количественные числительные и единицы измерения. Лексико-грамматические группы слов, различаемые по значению и сочетаемости, оказались тематически ориентированными.

Особенно трудно группировать глаголы, так как эта часть речи семантически дифференцируется особым образом; причем различия мало заметны в отдельном слове, но весьма значимы для смысла целого текста. Например, в научном тексте отмечено шесть смысловых лексико-грамматических разрядов глаголов.

Разработка контекстологических словарей выходит за пределы интересов одного машинного перевода. Они могут использоваться при изучении языка специальности, в неавтоматическом переводе и в исследованиях по динамике языка и стиля.

Некоторые языковедческие проблемы, связанные с информационным обслуживанием

Работы в области информатики продвинули прежде всего лексикографические исследования. Самым существенным успехом является учет лексики деловой и научной прозы. До сих пор словари составлялись по словникам, представлявшим лексику выборочно. Системы информационного поиска и автоматизированного управления требуют **полного** учета лексики (поэтому они особенно уязвимы со стороны динамики языка).

Учет всей лексики деловой и научной прозы показал не только ее исключительное богатство и динамику этой лексики, но и ее разнообразное семантическое содержание. Построение смысловых классификаций лексики в тезаурусах и классификаторах обнаруживает множественность смысловых признаков лексического значения слова (лексического понятия). Это особенно наглядно видно в родо-видовых классификациях, когда одна классификация учитывает одни смысловые признаки слова, а другая - другие. Построение родо-видовой классификации, как правило, осложняется ассоциативными связями значений слов. Эти семантические черты слов во многом представляют собой продукт современного развития языка.

Осложнение семантики проявляется и у слов общелитературного языка, особенно у дескрипторов, составляющих основу классификации слов в различных информационных словарях.

Вместе с тем в области прозы активны процессы лексической динамики. Эти процессы захватывают прежде всего образование терминов. Активно участвуют в создании, утверждении и введении терминологии государство и его органы, хозяйственные и иные структуры общества. Органы информатики ведут учет действующей терминологии и своеобразно закрепляют мативное применение.

По данным статистики, ведущейся органами информатики высок темп обновления терминологии. Многие термины выходят из частого употребления и переводятся в своеобразный культурный резерв языка, становясь историзмами. Другие термины, особенно общего характера, напротив, употребляются все чаще. Эти процессы лексической динамики в области терминологии фиксируются информатикой как отдельные явления, не существует пока каких-либо исследований, дающих представление о том, какие термины переходят в разряд историзмов, какие становятся более употребительными, в какой области знаний наблюдается наибольшее образование терминов. Вопрос о "грамматике именовании", который справедливо ставится разработчиками систем АСУ и информационно-поисковых систем, может успешно решиться лишь с учетом динамики терминов, выявляемой специальными исследованиями.

Рекомендуемая литература

1. Котов Р.Г. Лингвистические аспекты автоматизированных систем управления. М., 1977.
2. Михайлов А.И., Черный В.И., Гиляревский Б.С. Научные коммуникации и информатика. М., 1976.
3. Михайлов А.И., Черный В.И., Гиляревский В.С. Основы информатики. М., 1968.
4. Михайлов А.И., Черный В.И., Гиляревский В.С. Основы научной информации. М., 1956.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>англ.</i>	- английский
<i>готск.</i>	- готский
<i>греч.</i>	- греческий
<i>др.-в.-нем.</i>	- древневерхненемецкий
<i>жарг.</i>	- жаргонный
<i>кит.</i>	- китайский
<i>лат.</i>	- латинский
<i>литер.</i>	- литературный
<i>науч.</i>	- научный
<i>н.-в.-нем.</i>	- нижневерхненемецкий
<i>нем.</i>	- немецкий
<i>полинезийск.</i>	- полинезийский
<i>прост.</i>	- просторечный
<i>русск.</i>	- русский
<i>скр.</i>	- санскритский
<i>совр.</i>	- современный
<i>спец.</i>	- специальный
<i>ст.</i>	- старо-
<i>ст.-слав.</i>	- старославянский
<i>франц.</i>	- французский

А.А. Кубенина. Корректоры Е.К. Штурм и Н.В. Вихорнова. Оператор Н.В. Вихорнова.
И Б № 7925
Изд. № РЯ-340. Сдано в набор 30.12.88. Подп. в печать 06.01.90.

Формат 84 x 108 1/32. Бум. кн.-журн. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Объем 20,16 усл.
печ. л. 20,16 усл. кр.-отг. 19,65 уч. изд. л. Тираж 25000 экз. Зак. №806. Цена 95 к.
Издательство "Высшая школа", 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., Д. 29/14.
Набрано на участке персональных компьютеров издательства "Высшая школа".
Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.
Рождественский Ю.В.